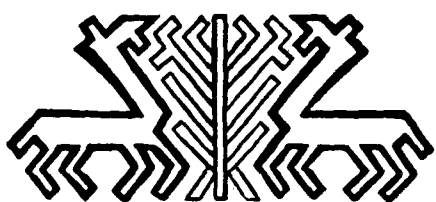

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Бум. л. 6 ¹ / ₂	Печ. л. 17,81+1 вкл.	Уч.-изд. л. 10
Т-07525	Подписано к печати 22/VI 1960 г.	Тираж 1915 экз.	Зак. 3

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СОЮЗНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИБАЛТИКИ

20 июля 1960 г. исполняется двадцать лет с тех пор как в Литве, Латвии и Эстонии была восстановлена Советская власть, и народы Прибалтики вошли в братскую семью народов Советского Союза.

Трудящиеся Прибалтики под руководством Коммунистической партии вместе с русским пролетариатом боролись в 1917 г. за победу Октябрьской социалистической революции. В октябре — ноябре 1917 г. Советская власть была установлена на всей территории Эстонии, в неоккупированной (северной) части Латвии, а также в Латгалии, входившей тогда в состав Витебской губернии. На основе «Декларации прав народов России», утвержденной 2 (15) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров, трудящиеся Прибалтики приступили к строительству национальных суверенных Советских государств.

В Прибалтике, как и во всей Советской стране, стали осуществлять коренные преобразования во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни. Был установлен восьмичасовой рабочий день, национализированы крупная промышленность, банки, железные дороги. Осуществлены национализация земли и конфискация помещичьих имений. Создан советский народный суд, началась организация вооруженных сил революции — Красной гвардии. Открылись широкие перспективы для развития культуры, искусства и науки. Делопроизводство и преподавание в школах впервые в истории Прибалтики стали вестись на родных языках.

Однако первый период деятельности Советской власти в Прибалтике не был продолжительным. В феврале 1918 г. германские империалисты, воспользовавшись предательством Троцкого, перешли в наступление против Советского государства. В результате вторжения немецких войск Советская власть в Прибалтике была свергнута, а ее территория полностью оккупирована.

Трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии, находясь под игом иностранных оккупантов, продолжали активную борьбу за восстановление Советской власти. Эта борьба за изгнание оккупантов, которой руководила Коммунистическая партия, приобрела особенно широкие размеры в конце 1918 г. В октябре этого года в Москве проходила первая конференция коммунистических организаций оккупированных областей. Конференция признала необходимым готовить под руководством местных партийных организаций вооруженное восстание. В обращении к рабочим Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и Белоруссии, принятом конференцией, коммунисты призывали трудящихся немедленно начать борьбу за освобождение оккупированных территорий от иностранных захватчиков.

Растущему революционному движению народных масс способствовала благоприятно изменившаяся международная политическая обстановка — победа революции в Германии в ноябре 1918 г. и последовавшее за этим аннулирование грабительского Брестского мирного договора. В связи с этим и Советская Россия смогла оказать помощь трудящим-

ся оккупированных областей в их борьбе против гнета империалистов. Все это опрокинуло планы германских оккупантов, англо-американских империалистов и местной прибалтийской националистической буржуазии удержать в своих руках власть в Прибалтике.

29 ноября 1918 г. в Нарве, после ее освобождения от немецких оккупантов и эстонских буржуазных националистов, была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстляндская Трудовая Коммуна). Вслед за Нарвой частями Красной Армии, в составе которой были и эстонские коммунистические полки, была освобождена значительная часть территории Эстонии.

8 декабря 1918 г. в Вильнюсе было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство, заявившее в своем манифесте о стремлении трудящихся Литвы идти рука об руку с Советской Россией и бороться самым решительным образом за осуществление социалистического строя.

В середине декабря была провозглашена Советская власть в Латвии и вновь вступили в силу все ее законы и постановления. Резиденцией Временного Советского правительства Латвии был вначале г. Валка. 3 января 1919 г., в результате вооруженного восстания, поднятого пролетариатом, была освобождена Рига. 13 января 1919 г. в Риге открылся I Вселатвийский съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, на котором было избрано правительство Советской Социалистической Республики Латвии, принята Конституция и выработана широкая программа социалистических преобразований.

Таким образом, Советская власть была восстановлена почти во всей Прибалтике. 23 декабря 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение о признании независимости Прибалтийских Советских республик.

За короткий срок в обстановке ожесточенной классовой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией Советские органы власти Литвы, Латвии и Эстонии провели огромную созидательную работу. Но в результате наступления на Советскую Россию объединенных сил международного империализма и активного участия местной буржуазии и меньшевиков в подавлении революции эта работа была вскоре прервана. Захват территории Прибалтики входил в общий план первого похода Антанты. Опираясь на штыки иностранных интервентов — американских, английских, французских, немецких и других империалистов, буржуазные националисты Латвии, Литвы и Эстонии подавили молодую Советскую власть в Прибалтике и создали марионеточные буржуазные государства. Советская Россия не могла в тот момент оказать народам Прибалтики существенную помощь, так как была окружена со всех сторон интервентами и белогвардейцами и направляла свои основные усилия на борьбу с Колчаком и Деникиным.

Из трех Советских Прибалтийских республик Советская власть дольше всего продержалась в Латвии, в ее восточной части — Латгалии. Но, не имея возможности под натиском многотысячной польской и белолатышской армий удержать Латгалию, Советское правительство Латвии 13 января 1920 г. объявило о своем самороспуске. В обращении «К трудовому народу Латвии» Советское правительство заявило, что принятому им год назад от съезда Советов Латвии власть оно передает Центральному Комитету Коммунистической партии Латвии до того времени, когда снова будет возможность созвать новый съезд Советов, и что Центральный Комитет в подполье будет организовывать трудящихся Латвии на борьбу за восстановление Советской власти¹.

Несмотря на кратковременное существование Советской власти, установление диктатуры пролетариата в Литве, Латвии и Эстонии

¹ «История Латвийской ССР», т. III, Рига, 1958, стр. 199.

имело громадное значение. Это была первая победа трудящихся Прибалтики над эксплуататорами, первый шаг на пути социалистических преобразований в хозяйстве и культуре. Революция всколыхнула народы Прибалтики, придала им уверенность в своих силах, подняла на высшую ступень пролетарское движение, открыла трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии перспективу восстановления Советской власти и упрочения дружбы с народами всей Советской страны.

Пришедшая к власти националистическая буржуазия зверски расправилась с коммунистами и многими представителями пролетариата и беднейшего крестьянства, активно защищавшими завоевания социалистической революции. Даже буржуазная печать отмечала, что города Прибалтики еще никогда ранее не переживали таких ужасов, какие имели место в те дни.

С утверждением диктатуры буржуазии Прибалтийские страны оказались насильственно политически и экономически изолированными от Советского Союза и были превращены в полуколониальные аграрные придатки империалистических государств Западной Европы. Будучи включены в систему мирового капиталистического хозяйства, они попали в тиски общего кризиса капитализма. Положение трудящихся Прибалтийских республик с первых дней господства буржуазии резко ухудшилось, с каждым годом усиливалась эксплуатация, понижались их заработки, росла дороговизна, систематически проводились массовые аресты граждан, подозреваемых в «антигосударственной деятельности». Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии были загнаны в подполье, рабочие организации подвергались преследованиям.

Несмотря на репрессии и террор, трудящиеся Прибалтийских республик, под руководством Коммунистических партий продолжали борьбу за Советскую власть. Из года в год в Литве, Латвии и Эстонии расширялось забастовочное движение, проводились многотысячные политические демонстрации, имели место вооруженные выступления рабочих (вооруженное восстание революционного пролетариата в Таллине 1 декабря 1924 г., явившееся попыткой свергнуть режим националистической буржуазии; восстание каунасского гарнизона 21—23 февраля 1920 г. и др.). Большой размах, особенно в Литве, имели крестьянские волнения. Местная буржуазия, пытаясь удержаться у власти, перешла от буржуазной демократии к открытой политической реакции и с помощью империалистических держав совершила фашистский переворот. Но и утверждение фашистской диктатуры не надолго упрочило власть буржуазии в Прибалтике — столь велико было могучее освободительное влияние Октябрьской социалистической революции на трудящихся и столь значительным был для них факт существования и успешного развития Советского государства.

В 1940 г., при бескорыстной поддержке Советского Союза, трудящиеся Прибалтики свергли власть ненавистной клики буржуазных националистов. Социалистическая революция в Прибалтике в июле 1940 г. победила мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны.

Восстановление Советской власти в республиках Прибалтики явилось исторически закономерным актом, подготовленным их предшествующим развитием и революционной борьбой трудящихся.

К своему двадцатилетнему юбилею Литовская, Латвийская и Эстонская ССР приходят со славными победами². Из отсталых аграрных стран, какими были Литва, Латвия и Эстония при господстве буржуазии, Прибалтийские Советские республики превратились в передовые,

² При оценке достижений Прибалтийских Советских республик с момента восстановления Советской власти необходимо учитывать, что немецко-фашистские оккупанты в годы Великой Отечественной войны не только отняли более трех лет времени, но и нанесли огромный ущерб народному хозяйству.

экономически высокоразвитые районы СССР. Достижения в области промышленности характеризуются быстрыми темпами развития производительных сил и огромным приростом производимой продукции.

Возьмем для примера Латвию. Объем промышленной продукции в годы господства буржуазии сократился в сравнении с 1913 г. почти на 40%, тогда как за 1945—1958 гг. валовая продукция промышленности возросла в 8,7 раза³. При этом особенно большой прирост продукции — 331,9% против 1940 г. — достигнут в таких наиболее важных отраслях промышленности, как машиностроительная и металлообрабатывающая⁴. Объем валовой продукции в Эстонской ССР возрос за период 1940—1959 гг. в 10,3 раза. Только прирост валовой продукции промышленности Эстонии, полученный в 1959 г., равен всему ее объему в 1940 г.⁵. Аналогичны показатели развития промышленности и в Литовской ССР.

Знаменательным событием в жизни трудящихся Прибалтийских Советских республик, как и всех народов Советского Союза, явился внеочередной XXI съезд КПСС, определивший грандиозную программу развернутого строительства коммунизма в СССР. Работники промышленности Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, воодушевленные задачами, поставленными XXI съездом, успешно выполняют социалистические обязательства по досрочному выполнению заданий семилетнего плана.

Итоги работы промышленности за 1959 год — первый год семилетки — свидетельствуют, что коллективы многих промышленных предприятий Прибалтийских республик уже значительно превысили первоначальные задания семилетнего плана. Больших успехов в социалистическом соревновании достигли, например, строители Каунасской ГЭС (Литва), обеспечившие в 1959 г. досрочный ввод в действие двух турбин. Гидростроителям было присвоено в 1959 г. переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС⁶. Успешно осуществляется строительство Прибалтийской ГРЭС (Эстония), которая позволит к концу семилетки не только полностью обеспечить электроэнергией Эстонскую ССР, но будет поставлять ее и в соседние Латвийский и Ленинградский экономические районы. По производству электроэнергии на душу населения Эстония обгонит все передовые капиталистические страны⁷. Производство отдельных видов продукции в Прибалтийских Советских республиках также идет с опережением сроков, установленных семилетним планом.

В Латвийской ССР, например, уровень производства строительных материалов (цемента, кирпича, стекла и др.), запланированный на конец семилетки, будет выполнен в 1962 г., а по некоторым видам промышленной продукции и еще раньше⁸.

На предприятиях Литвы, Латвии и Эстонии развернулась борьба за технический прогресс, в промышленности выросли новые люди, проявляющие кипучую творческую инициативу, растет и приобретает все больший размах общественное движение за звание ударников и коллективов коммунистического труда.

³ А. Пельше, Об интернациональном воспитании трудящихся, «Коммунист Советской Латвии», 1959, № 9, стр. 11.

⁴ Я. Калнберзин, Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Советской Прибалтики, «Изв. АН Латвийской ССР», 1957, № 11, стр. 14.

⁵ Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии, «Советская Эстония», 17 февраля 1960 г.

⁶ Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП Литвы А. Снечкуса XII съезду Коммунистической партии Литвы, «Советская Литва», 2 марта 1960 г.

⁷ Из доклада И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии.

⁸ Из доклада первого секретаря ЦК КП Латвии А. Я. Пельше XVII съезду Коммунистической партии Латвии, «Советская Латвия», 17 февраля 1960 г.

Республики Советской Прибалтики достигли значительных успехов в развитии социалистического сельского хозяйства. Самым большим достижением в сельском хозяйстве является переход от старого способа производства к новому, социалистическому, на основе кооперации крестьянских хозяйств и создания совхозов.

Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Советской Прибалтики протекали в условиях обостренной классовой борьбы, встречая упорное сопротивление кулачества и остатков других буржуазно-националистических элементов. Тем не менее коллективизация сельского хозяйства была осуществлена там в очень короткие сроки. Литва, Латвия и Эстония уже в 1950 г. стали республиками сплошной коллективизации. Такой успех социалистических преобразований в сельском хозяйстве молодых Прибалтийских Советских республик определялся рядом благоприятных причин, важнейшей из которых было то, что эти преобразования происходили в условиях победившего социализма в СССР. Это обеспечило использование богатого опыта других союзных республик и получение разносторонней помощи со стороны братских советских народов.

С победой колхозного строя перед сельским хозяйством Прибалтийских республик открылись большие перспективы. В первые годы коллективизации быстрый рост сельскохозяйственного производства тормозили еще некоторые серьезные помехи, для устранения которых требовались более длительные сроки. Нужно было освоить новые виды производства, овладеть техникой, подготовить способных и умелых руководителей — председателей колхозов, бригадиров, специалистов сельского хозяйства, нужно было преодолеть такие трудности, как хуторская система землепользования и расселения, запущенность и заболоченность земель, не говоря уже о возмещении того огромного ущерба, который был нанесен сельскому хозяйству Прибалтийских республик в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистской оккупацией. Наконец, нужно было воспитать новых людей — тружеников социалистических полей, которые на практике убедились бы в преимуществах колхозного строя, полюбили бы свои колхозы и стремились вложить свой труд и творческую инициативу в их ускоренное развитие.

Совокупность мер, принятых за последние годы Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством для укрепления сельского хозяйства нашей страны, обеспечила резкий перелом и в развитии сельского хозяйства Прибалтики. Сельскохозяйственное производство в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР находится на крутом подъеме. Особенно значительны успехи, достигнутые там за последние два года.

Колхозы и совхозы Литвы, Латвии и Эстонии оснащены первоклассной техникой, завершается их электрификация, возросла культура земледелия, проведены большие работы по мелиорации, обеспечившие значительное расширение новых земель, освоены новые кормовые культуры, среди которых главное место заняла кукуруза; колхозы и совхозы располагают квалифицированными кадрами специалистов сельского хозяйства, коллективный труд в условиях новых, социалистических форм собственности сплотил и вырастил в колхозах и совхозах Прибалтики большую армию передовых людей, активно борющихся за достижение высоких показателей в сельском хозяйстве. Прибалтийские Советские республики по уровню сельскохозяйственного производства относятся к числу передовых республик нашей страны. Включившись во всесоюзное социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана, труженики сельского хозяйства Советской Прибалтики уже достигли таких результатов, какие были немыслимы при буржуазном строе. Достаточно сказать, что республики Советской Прибалтики по производству молока и масла на душу населения уже в

1958 г. перегнали США, а по производству мяса рассчитывают осуществить это не позднее 1963 г. Наиболее передовые колхозы Литвы, Латвии и Эстонии по некоторым показателям сельскохозяйственного производства уже к концу 1959 г. превзошли уровень, намеченный для этих республик к концу семилетки.

За годы Советской власти неизмеримо возрос жизненный уровень трудящихся Советской Прибалтики. Из года в год растет национальный доход республик, увеличивается оборот розничной торговли, быстро растет объем народного потребления. Так, в Эстонской ССР за последние два года увеличилась продажа населению мяса на 59%, животного масла на 12%, молока — на 40%; хлопчатобумажных тканей продано на 50% больше, обуви — на 30%, мебели — на 36%. Каждому трудящемуся гарантированы постоянная работа, регулярный отпуск, материальное обеспечение в старости, бесплатная медицинская помощь. Из года в год растут реальная заработная плата рабочих и служащих и доходы колхозников, осуществляется переход на семичасовой рабочий день, увеличиваются ассигнования на жилищное строительство и благоустройство городов и сел. Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустанную заботу об охране здоровья народа, в ряде районов Прибалтийских республик построены или строятся новые больницы, поликлиники, детские учреждения. В Литовской ССР, например, число больничных коек возросло за годы Советской власти более чем в 2,5 раза⁹, в Эстонской ССР — почти в два раза¹⁰.

Политика партии, вся ее практическая деятельность направлены на то, чтобы советские люди из года в год жили все лучше и лучше, чтобы наиболее полно удовлетворялись их постоянно растущие материальные потребности и духовные запросы.

Литовцы, латыши, эстонцы — народы древней культуры, развивавшейся в тесном общении с русской и мировой культурой. Однако ее блага оставались долгое время недоступными для широких масс трудящихся.

В буржуазной Литве, по официальным данным, в 1928 г. вне школы оставалось 60% детей школьного возраста. В Эстонии свыше половины детей трудящихся не оканчивали начальную школу, около 80% учащихся из-за материальной необеспеченности не могли продолжать обучение в средней школе. В Латвии оканчивало начальную школу только около 35% детей, из них в среднюю школу поступало менее одной трети, а оканчивало ее лишь 20—25% поступивших. Часть детей, оканчивавших начальную школу, получала аттестаты II степени, которые не давали права поступления в среднюю школу; в последней также были введены аттестаты II степени, на основании которых нельзя было поступить в высшую школу¹¹.

С победой социализма в республиках Прибалтики произошла продолжительная культурная революция. Непрерывно растут государственные ассигнования на социально-культурные нужды. На эти расходы выделяется свыше половины республиканского бюджета. Кроме того, значительные суммы на содержание высших учебных заведений и ремесленных училищ выделяются из союзного бюджета. Ни в одной буржуазной стране средства на народное просвещение не занимают такого большого места в государственном бюджете. Во всех трех Советских Прибалтийских республиках успешно осуществляется обязательное семилетнее обучение. Начался переход к всеобщему обязательному

⁹ Из доклада первого секретаря ЦК КП Литвы А. Снечкуса XII съезду Коммунистической партии Литвы.

¹⁰ Из доклада первого секретаря ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии.

¹¹ «История Латвийской ССР», т. III, стр. 420; «История Литовской ССР», т. II, Вильнюс, 1958, стр. 211; «История Эстонской ССР. Сокращенный курс», Таллин, 1957, стр. 119.

восьмилетнему обучению. Значительно расширилась сеть школ, особенно средних.

В Латвии в 1940 г. работали 72 средние школы, в которых обучалось около 16 тыс. чел.; в 1959/60 г. в республике действовали 277 средних школ с 142,8 тыс. учащихся. В Советской Литве семилетних школ стало в 31 раз больше, чем было прогимназий в годы господства буржуазии. В Эстонии число учащихся старших классов средней школы к 1958 г. возросло по сравнению с 1940 г. более чем в семь раз. Свыше 80% молодежи, окончившей семилетнюю школу, продолжает учиться в средних учебных заведениях.

Большую роль в подготовке национальных квалифицированных кадров для основных отраслей народного хозяйства Прибалтийских республик и культурного строительства играет во много раз возросшая за годы Советской власти сеть средних профессиональных учебных заведений — техникумов, специальных училищ и школ. В Эстонии число техникумов увеличилось с 17 в 1939 г. до 33 в 1959/60 г., а число учащихся в них возросло более чем в пять раз. В Латвии в 59 техникумах и других учебных средних заведениях обучается 23,9 тыс. чел. (в буржуазной Латвии в подобного рода учебных заведениях было не более 6—7 тысяч учащихся). О колоссальной тяге народа к знанию, об огромной заботе Советской власти о культурном росте населения говорит тот факт, что в Латвии, например, во всевозможных учебных заведениях и на различных курсах в 1959/60 г. обучалось более 425 тыс. чел.¹²

Коренные изменения произошли в постановке высшего образования. В буржуазных Литве, Латвии и Эстонии высшее образование было привилегией небольшого числа наиболее обеспеченной молодежи. Очень многие специалисты с высшим образованием не могли найти применения полученным знаниям, работали не по специальности или пополняли ряды безработной интеллигенции. В Литовской, Латвийской и Эстонской ССР двери высших учебных заведений широко открыты для детей рабочих, крестьян и интеллигенции, и ни перед одним молодым специалистом не стоит угроза безработицы.

Потребность в специалистах с высшим образованием во всех областях народного хозяйства и культуры настолько велика, что все высшие учебные заведения, несмотря на значительное расширение их, не могут удовлетворить нужды республик. Много молодежи Литвы, Латвии и Эстонии учится в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Кроме того, в Прибалтийские республики, как и в другие республики Советского Союза, приезжают молодые специалисты, оканчивающие центральные высшие учебные заведения и направляемые на работу по запросам этих республик.

В буржуазной Латвии было всего четыре высших учебных заведения, в которых обучалось 7 тыс. студентов. В Советской Латвии функционируют восемь высших учебных заведений с 18,9 тыс. студентов. Если в буржуазной Латвии за 20 лет было выпущено из высшей школы всего 6772 специалиста, в том числе 169 богословов, то советские высшие учебные заведения Латвии только за десять послевоенных лет подготовили более 22 тыс. специалистов (данные 1960 г.). В Эстонии в 1939 г. было три высших учебных заведения, сейчас их шесть, а число студентов в них возросло почти в три раза. Численность специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве республики, возросла с 4,8 тыс. в 1940 до 22,5 тыс. в 1960 г. В Литовской ССР имеется двенадцать высших учебных заведений (не считая заочных). Если в годы

¹² Данные получены в министерствах просвещения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

буржуазной власти в Литве было 4 тысячи студентов, то теперь их более 25 тысяч¹³.

Крупнейшими высшими учебными заведениями в Эстонии являются Тартуский государственный университет, Таллинский политехнический институт, Эстонская сельскохозяйственная академия. Восстановленный и расширенный после войны Тартуский университет выпускает ежегодно сотни врачей, математиков, юристов, историков, языковедов, геологов, географов и других специалистов. В Латвии основной кузницей высококвалифицированных кадров является Латвийский государственный университет, основанный Советским правительством в 1919 г. на базе Рижского политехнического института. За послевоенные годы университет окончили около 8 тысяч студентов по 12 специальностям. В 1952 г. на базе медицинского факультета Латвийского университета был создан Медицинский институт, а в 1958 г. на базе механического и архитектурного факультетов — Политехнический институт. Одним из крупнейших высших учебных заведений Советского Союза является Латвийская сельскохозяйственная академия. Широкой известностью пользуются Латвийская академия художеств и консерватория. В Литве в числе наиболее крупных высших учебных заведений должны быть названы Вильнюсский государственный университет, Сельскохозяйственная и Ветеринарная академии, Политехнический и Медицинский институты.

Большие успехи достигнуты в области подготовки и переподготовки педагогических кадров. В буржуазной Латвии работало около 10 тыс. учителей, большинство из них не имело педагогического образования. Кадры учителей готовились в трех небольших учительских институтах. Высших педагогических учебных заведений не было. В шестилетних основных школах один учитель, как правило, преподавал все предметы, даже в старших классах не было специалистов по отдельным предметам. Ныне в республике работают два высших педагогических института с общим числом 2560 студентов и одно педагогическое училище, в котором обучается 300 чел. Преподавателей-специалистов готовят и другие вузы. Около $\frac{2}{3}$ общего числа учителей, работающих сейчас в школах, имеют высшее или незаконченное высшее образование; большинство их завершают образование в вечерней или заочной сети вузов.

Исключительно благоприятные условия созданы в Советских Прибалтийских республиках для расцвета науки. В Литовской ССР в 1941 г., а в Латвийской и Эстонской ССР в 1946 г. основаны академии наук. В Литве Академия наук объединяет одиннадцать научно-исследовательских институтов по всем важнейшим отраслям знаний; в Эстонии — одиннадцать институтов, три музея и пять научных обществ; в Латвии в составе Академии наук работают четырнадцать научно-исследовательских институтов, фундаментальная библиотека и Литературный музей им. Я. Райниса. Кроме институтов академий наук, существует еще ряд отраслевых научно-исследовательских институтов. Крупные научные исследования проводятся профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений республики, опытных сельскохозяйственных станций, геофизических обсерваторий, музеев. Ученые Прибалтийских Советских республик в содружестве с работниками Академией наук СССР и некоторых союзнореспубликанских академий, разрешают многие проблемы, имеющие значение для развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и здравоохранения. Большое внимание уделяется изучению природных богатств Прибалтийских республик и путей их рационального использования. В Эстонской ССР народнохозяйственное значение имеют исследования в об-

¹³ Данные получены в Государственных плановых комиссиях Советов Министров Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

ласти комплексного энерго-химического использования сланцев, производства из сланцевых отходов новых видов строительных вяжущих материалов, а также геологические изыскания; общесоюзное значение получили астрономические исследования в г. Тарту. Учеными Литвы выполнены значительные работы по проблемам освоения гидроресурсов, рационального использования торфа, мелиорации земель и облесения территории республики. В Латвии разработан ряд научных проблем, среди которых большое значение имеют исследования полезных ископаемых, проблемы развития техники, экономики, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, разведения и кормления скота, развития лесного хозяйства, разработки технологии производства некоторых медикаментов и др.¹⁴.

В институтах общественных наук проводятся работы по изучению истории эстонского, латышского и литовского народов, их литературы и языка. Значительные средства отпускаются на экспедиционные и изыскательные работы. Так, большой размах приобрели археологические исследования: открыты мезолитические поселения в Восточной Латвии и Северной Эстонии, ведутся раскопки ряда неолитических стоянок, широко развернулись исследования древних городищ и селений, давшие ценный материал для характеристики хозяйства, культуры и быта прибалтийско-финских, летто-литовских и славянских племен. Ведутся также раскопки древних городов Вильнюса и Трокая в Литве. Не менее важное значение имеют исследования лингвистов, в частности в области изучения диалектов прибалтийских языков.

Деятельность многих ученых Прибалтики получила признание всего советского народа. Широко известны труды вице-президента Академии наук Латвийской ССР Героя Социалистического Труда микробиолога А. Кирхенштейна, Заместителя Председателя Верховного Совета СССР члена-корреспондента АН СССР Я. Пейве, члена-корреспондента АН СССР языковеда Я. Эндзелиня, 80-летие которого недавно отмечала научная общественность Латвии, члена-корреспондента АН СССР Я. Зутиса — автора многих исследований по истории эпохи феодализма в Прибалтике, действительного члена Академии наук Эстонской ССР археолога Х. А. Моора, члена-корреспондента АН СССР Президента Академии наук Литовской ССР Ю. Ю. Матулиса, специалиста в области электрохимии, историка профессора К. Яблонскиса и др.

Под руководством ученых старшего поколения успешно работает молодежь. Основным руслом подготовки высококвалифицированных научных кадров является аспирантура, созданная при институтах республиканских академий наук и при университетах. Так, в системе Академии наук Литовской ССР в 1959 г. проходили аспирантскую подготовку свыше 100 человек. Значительное число молодых специалистов из Прибалтийских республик прикомандировано для прохождения аспирантуры к институтам Академии наук СССР. Так, за последние пять лет только по этнографической специальности подготовлено путем прикомандирования к Институту этнографии АН СССР из Латвии, Литвы и Эстонии десять аспирантов; семь из них уже защитили диссертации, и три представили свои диссертации к защите.

Отличительной чертой организации работы в советских научных учреждениях является регулярная взаимоинформация о проделанных исследованиях и координация научной деятельности близких по профилю институтов союзной и республиканских академий наук. Большое значение в этом отношении имеет созыв научных сессий и конференций, посвященных тем или иным проблемам. В частности, в области исторических наук за последние годы в Прибалтийских Союзных республиках было проведено несколько таких сессий: по вопросам периодиза-

¹⁴ Данные почерпнуты из годовых отчетов академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской республик.

ции истории Латвии, Литвы и Эстонии, по проблемам этногенеза и др. В них приняли участие ученые Прибалтийских республик, Белоруссии, Украины, Молдавии и академических учреждений Москвы и Ленинграда.

Новой формой работы научных учреждений Прибалтики является организация выездных сессий на крупных предприятиях или в сельских районах республики с целью более широкого ознакомления трудящихся с научными достижениями и привлечения специалистов, занятых на производстве, в сельском хозяйстве или в культурных учреждениях, к разработке или обсуждению выдвигаемых научных проблем. Такие выездные сессии регулярно проводятся Институтом истории Академии наук Латвийской ССР. В 1957 г., например, была организована выездная сессия в небольшом городке Лимбажи, где были доложены результаты работы комплексной этнографической экспедиции, обследовавшей культуру и быт сельского населения Лимбажского района. Район этот представляет интерес не только для латвийских, но и для эстонских историков, этнографов и лингвистов, так как в прошлом эту территорию населяли финно-угорские племена ливов; ливские элементы прослеживаются и сейчас в особенностях культуры и языка современного населения. В 1958 г. выездная сессия состоялась в г. Валке, в 1959 г. — в г. Мадоне.

Хранилищами ценнейших памятников народной культуры являются музеи Прибалтики. Только в одной из республик — Латвийской ССР имеется двадцать два музея, в том числе тринадцать вне Риги. К республиканским музеям исторического профиля относится Музей истории Латвийской ССР, расположенный в одном из старинных замков. Он располагает богатыми археологическими и этнографическими коллекциями. Особенно полно представлены коллекции народной одежды.

Латвийский этнографический музей расположен в 12 км от Риги. До недавнего времени это был единственный в СССР музей на открытом воздухе. В музее, представлявшем собой парк площадью в 70 га, экспонируются комплексы крестьянских строений в виде отдельных усадеб с обставленными мебелью жилыми домами и хозяйственными постройками. Каждый из комплексов отражает специфику народного зодчества той или иной этнографической области Латвии. Экспонаты музея характеризуют также резкое имущественное неравенство в среде крестьянства, имевшее место в капиталистической Латвии. За последние три-четыре года музеи на открытом воздухе основаны еще в трех районах Латвии (Вентспилском, Екабпилском и Лудзенском), предприняты шаги для создания такого музея и в Эстонской ССР (в окрестностях г. Таллина). Крупнейшим в Эстонии является Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР в г. Тарту. Этот музей, как и Музей истории Латвийской ССР, создан еще в начале XX в. В годы фашистской оккупации здание его было сожжено и значительная часть экспонатов погибла или была испорчена. В первые же послевоенные годы, несмотря на большие затруднения с размещением учреждений в пострадавшем от военных действий г. Тарту, для музея было выделено специальное здание. Следует, однако, сказать, что по своей площади оно не удовлетворяет музей и в будущем намечается строительство нового здания. В Литовской ССР археологические коллекции концентрируются в Художественном музее имени Чурлиониса в Каунасе; там же имеются и некоторые этнографические коллекции, преимущественно предметы народного изобразительного искусства. Основные этнографические коллекции представлены в Этнографическом музее Института истории Академии наук Литовской ССР, который, однако, все еще не получил специального здания и большую часть материалов вынужден пока хранить в свернутом состоянии.

Кроме прибалтийских музеев, богатые этнографические коллекции

по народам Прибалтики имеются в Государственном музее народов СССР в Ленинграде.

Развитие этнографии в Советских Прибалтийских республиках неразрывно связано с успехами социалистического строительства и началом перехода к коммунизму в годы семилетки в соответствии с историческими решениями XXI съезда КПСС. В настоящем номере журнала помещены специальные статьи, посвященные конкретной истории этнографии в Литве, Латвии и Эстонии в 1940—1960 гг.¹⁵ Здесь же целесообразно остановиться только на главных явлениях этой истории, общих для всех трех республик Советской Прибалтики, на организационных формах сотрудничества литовских, латвийских и эстонских этнографов между собою и с учеными других союзных республик, а также на важнейших комплексных проблемах историко-этнографического характера, разрабатываемых совместно всеми этими исследователями. Основное внимание должно быть сосредоточено, конечно, на тех проблемах, которые имеют наибольшее практическое и теоретическое значение для построения социализма и коммунизма, для развития советской науки в целом, для борьбы с буржуазной, в особенности националистической, идеологией, для правильного освещения с позиций марксизма-ленинизма прошлого, настоящего и будущего народов Советской Прибалтики.

В первые годы после изгнания фашистских оккупантов и восстановления Советской власти в Прибалтике важнейшие задачи в области этнографии в Литве, Латвии и Эстонии заключались в перестройке на основе марксистско-ленинской методологии всей этой науки,—сильно зараженной в период буржуазной диктатуры различными идеалистическими, а нередко и открыто реакционными «теориями»,—в использовании и перевоспитании старых и подготовке новых этнографических кадров, в восстановлении разрушенных во время войны музеев и исследовательских учреждений, наконец—в составлении плана этнографических работ в соответствии с требованиями развития экономики, культуры и науки Прибалтийских Советских республик. Приступая к решению этих ответственных задач, прибалтийские этнографы сразу же столкнулись с острой необходимостью выйти за рамки чисто республиканских интересов, согласовать свою деятельность с работой этнографических учреждений других союзных республик и прежде всего с работой Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В то же время и сам этот Институт, развертывая работы по этнографии Европейской части СССР, включил в план своей деятельности изучение культуры и быта литовцев, латышей и эстонцев.

В 1948—1949 гг. отдельные сотрудники Института этнографии выезжали в Прибалтийские республики для ознакомления с проводящейся там этнографической работой и установления связей со своими литовскими, латышскими и эстонскими коллегами. Результатом этих поездок было опубликование на страницах журнала «Советская этнография» первых информационных статей по этнографии прибалтийских народов¹⁶. Тогда же появилось и краткое сообщение латышского писателя и фольклориста Я. Я. Ниедре «Изучение народного творчества в Латвийской ССР»¹⁷. Статьи эти способствовали поднятию интереса к этнографии народов Прибалтики у советской научной общественности. Такое же значение имела и этнографическая экспедиция в Эстонию,

¹⁵ См. ниже статьи: А. И. Вишняускайте, Этнографические исследования в Литве 1940—1960 гг., стр. 134—138; М. К. Степерманис, Развитие этнографической науки в Советской Латвии, стр. 139—144; А. О. Вийрес, Эстонская советская этнография (1940—1960), стр. 145—151.

¹⁶ П. И. Кушнер, Государственный музей народного быта Латвийской ССР, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 164—168; Н. Н. Чебоксаров, Этнографическая работа в Советской Прибалтике, «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 180—188.

¹⁷ «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 189—194.

организованная Институтом этнографии Академии наук СССР летом 1949 г.¹⁸ Все это подготовило почву для созыва весной 1950 г. в Москве специального совещания по этнографии народов Советской Прибалтики, в котором приняли участие ученые Литвы, Латвии и Эстонии (всего более 50 человек). На совещании были подведены итоги этнографических исследований 1945—1949 гг. по прибалтийским народам, подвергнуты всестороннему критическому разбору положительные и отрицательные стороны этих исследований и намечены темы дальнейших согласованных работ, в первую очередь по изучению социалистического переустройства культуры и быта литовцев, латышей и эстонцев, их этногенеза и этнической истории, хозяйственно-культурных связей их между собою и с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами¹⁹.

К сожалению, по первой теме, самой важной для всей советской этнографической науки, работа в Прибалтике не получила тогда должного развития, хотя материалы по новым явлениям в хозяйстве, быту и культуре колхозного крестьянства (а несколько позднее — и рабочих) стали накапливаться по всем прибалтийским народам. Ценные данные были собраны, например, в 1950—1951 гг. в Литве по современной культуре колхозников б. Шяуляйской области. Литовские этнографы приступили во время полевых этнографических работ тех лет к систематическому изучению семейной жизни крестьянства разных районов Литовской ССР, обращая особое внимание на развитие новых, социалистических отношений между людьми²⁰. Исследование социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта латышских крестьян начала с 1949 г. в колхозах Латвийской ССР Л. Н. Терентьева²¹. В Эстонии попытки этнографического изучения современного быта и культуры колхозников предпринимались примерно в то же время Народным Музеем в Тарту (теперь Тартуский этнографический музей Академии наук Эстонской ССР).

Большое научное значение имели работы эстонских этнографов и фольклористов по изучению культурно-хозяйственных связей между эстонцами и русскими, особенно интенсивных на востоке Эстонской ССР, у берегов Чудского и Псковского озер. Вопросу этому было посвящено несколько докладов на совещании 1950 г.²²; позднее он остался в центре внимания эстонских исследователей и занял одно из главных мест в их совместной работе с русскими учеными. К десятилетию образования Эстонской ССР в Народном музее в Тарту была развернута специальная выставка, посвященная дружбе русского и эстонского народов по данным истории и этнографии. Содружество эстонских и русских ученых сказалось в самой организации этой выставки: в ее подготовке принял участие Ленинградский Государственный музей этнографии, выделивший для выставки из своих фондов ряд ценных

¹⁸ В. Н. Б е л и ц е р, Этнографическая работа в Эстонской ССР в 1949 году, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 118—129.

¹⁹ Доклады, зачитанные на этом совещании, были опубликованы в специальном (XII) выпуске «Кратких сообщений Ин-та этнографии» (М., 1950). См. также: Л. Н. Т е р е н т ь е в а, Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики, «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 189—193.

²⁰ А. И. В и ш н я у с к а я т е, Быт и культура колхозников Шяуляйской области Литовский ССР, «Сов. этнография», 1952, № 4, стр. 170—173; е е ж е, Литовская крестьянская семья в прошлом и настоящем, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954, стр. 66—77.

²¹ Л. Н. Т е р е н т ь е в а, На пути к зажиточной и культурной жизни, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 85—104; см. также более поздние ее работы, упомянутые ниже.

²² А. Х. М о о р а, Эстоно-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, стр. 45—54; Р. Я. В и й д а л е п, Отражение эстоно-русских отношений в эстонских народных сказках, там же, стр. 83—86; Х. Т а м п е р е, Русское влияние на развитие эстонской народно-песенной мелодии, там же, стр. 96—102.

экспонатов²³. Латвийские и литовские ученые также стали обращать в своих работах все большее и большее внимание на связи своих народов с русскими, совершенно игнорировавшиеся в период буржуазной диктатуры. Очень показательными в этом отношении были выступления на совещании 1950 г. латвийского историка культуры и литературоведа Р. А. Пельше и литовского фольклориста М. Вимерите²⁴. Тогда же участники совещания пришли к заключению, что вопрос о хозяйственно-культурных связях между народами Прибалтики и русскими, не потерявший своего теоретического и практического значения и в наши дни, является частью более широкой проблемы происхождения и дальнейшей этнической истории указанных народов.

Для разрешения этой большой исторической проблемы в 1952 г. начала свою работу Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция, организованная Институтом этнографии Академии наук СССР совместно с академическими и некоторыми другими научно-исследовательскими институтами и музеями всех трех Прибалтийских республик, ведущими этнографическую работу. В задачи экспедиции входило всестороннее этнографическое и антропологическое исследование народов Советской Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и культурных взаимоотношений с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами. Балтийская экспедиция явилась ярким выражением творческого сотрудничества этнографов и антропологов Литвы, Латвии и Эстонии с их московскими и ленинградскими товарищами; она стала, вместе с тем, основной формой координации всех этнографических и антропологических исследований в Прибалтийских республиках и соседних районах РСФСР и БССР. Полевые этнографические и антропологические исследования осуществлялись отрядами Балтийской экспедиции в Литве, Латвии и Эстонии ежегодно на протяжении 1952, 1953 и 1954 гг.; в отрядах этих бок-о-бок работали ученые всех трех Прибалтийских республик, Москвы и Ленинграда. Этнографические отряды провели систематическое обследование особенностей ряда элементов культуры — сельскохозяйственных орудий, поселений, жилища, хозяйственных построек, одежды и др. — у различных местных групп населения Прибалтийских республик, а также смежных с ними районов Российской Федерации и Белоруссии²⁵.

Антропологическими отрядами были обследованы 45 групп литовцев, латышей и эстонцев, а также куршей Литвы, ливов, ижорцев, русских и белорусов смежных с Прибалтикой районов. В результате этих работ Литва, Латвия и Эстония стали одними из наиболее полно изученных в антропологическом отношении Советских республик; впервые здесь были собраны материалы, методически сопоставимые с данными об антропологическом составе населения других частей нашей страны²⁶. Существенным дополнением к антропологическим материалам по современному населению явились развернутые в те же годы

²³ См. Л. Н. Терентьева, Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 174—178.

²⁴ Р. А. Пельше, Связи латышской и русской культуры; «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, стр. 38—44; М. Вимерите, Идеальная и тематическая общность литовских и славянских сказок о животных, там же, стр. 87—89.

²⁵ См.: Л. Н. Терентьева, О работе Комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году, «Сов. этнография», 1953, № 1, стр. 182—190; ее же, Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года, «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 106—111.

²⁶ Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 13—35; М. В. Витов, Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики, Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 561—578; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, Труды Прибалтийской экспедиции, т. II, М., 1959.

исследования по палеоантропологии Восточной Прибалтики²⁷. Результаты работ как антропологических, так и этнографических отрядов Балтийской экспедиции докладывались и оживленно обсуждались на конференциях и научных сессиях, посвященных итогам полевых исследований. В 1953 г. такие конференции были проведены в Вильнюсе, Риге, Тарту, а затем и в Москве специально по работам Балтийской экспедиции²⁸. В 1954 и 1955 гг. доклады об этнографических и антропологических исследованиях в Советской Прибалтике заслушивались на заседаниях экспедиционных сессий Отделения исторических наук и Института этнографии Академии наук СССР²⁹.

Работая над проблемами происхождения народов Прибалтики, их этнической истории и хозяйственно-культурных связей, советские этнографы всегда ощущали необходимость согласования своих исследований с работами археологов и языковедов, отчасти также историков и экономистов. Такая необходимость прямо вытекает из комплексности вопросов этногенеза, которые могут быть успешно разрешены только путем использования и сопоставления данных различных общественных наук. Для лучшей координации, углубления и расширения всех исследований в области этногенеза и этнической истории народов Советской Прибалтики Бюро отделения исторических наук Академии наук СССР в начале 1955 г. приняло решение об организации Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, в работах которой приняли участие Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии) Академии наук СССР, Институт истории Академии наук Литовской ССР, Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, Институт истории и Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР. Так как узловые проблемы этнической истории литовцев, латышей и эстонцев могут быть успешно разрешены только с учетом их хозяйственно-культурного взаимодействия с соседями, к участию в Прибалтийской объединенной экспедиции были привлечены также Институт истории Академии наук Белорусской ССР и Карельский филиал Академии наук СССР³⁰.

В связи с развертыванием работ Прибалтийской экспедиции в мае 1955 г. в Вильнюсе была проведена научная конференция по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. На конференции было заслушано 43 доклада по различным общим и частным вопросам этих наук, связанным с проблемами происхождения и этнической истории прибалтийских народов. Был также обсужден и утвержден перспективный план работы экспедиции на 1955—1959 гг. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Риги, Таллина, Тарту, Петрозаводска и других городов (всего свыше 50 человек). Для руководства работами Прибалтийской экспедиции был создан Совет экспедиции, в состав которого вошли представители всех участвующих в ней центральных и республиканских научных учреждений³¹. Вильнюсская конференция 1955 г. знаменовала, несомненно, начало нового этапа в развитии координированных исследований народов Со-

²⁷ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, М., 1956, стр. 170—228; В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, там же, стр. 245—272.

²⁸ «Конференция по итогам работы Комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год», «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 197—200.

²⁹ «Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г.», «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 82—97; «Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 г.», «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 147—162.

³⁰ См.: С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3—17.

³¹ Там же.

ветской Прибалтики учеными различных специальностей. К спаянному коллективу этнографов и антропологов, принимавших участие в Балтийской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, присоединились археологи, а частично также языковеды. Значительно расширились и географические границы работ экспедиции, охватывшие теперь северо-западные области РСФСР, Карелию и Белоруссию.

В области этнографии и антропологии работы Прибалтийской экспедиции, проводившиеся в 1955—1959 гг., представляли собой непосредственное продолжение исследований Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952—1954 гг. и опирались в значительной степени на накопленные за те годы и частично уже опубликованные материалы. Еще в 1954 г. вышли в свет «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», содержащие ряд статей по этнографии, этнической антропологии и археологии Литвы, Латвии и Эстонии³². Интересно отметить, что в этой книге уделялось внимание не только основным народам Советской Прибалтики, но и живущим там русским, оказавшим существенное влияние на культуру и быт своих прибалтийских соседей и в свою очередь многое перенявшим у них³³. В 1956 г. был опубликован «Балтийский этнографический сборник»³⁴, в который вошли монографии «Земледелие в Литве в эпоху феодализма» (П. В. Дундулене), «Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в.» (Н. В. Шлыгина), «Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы XIX — начала XX в.» (Г. И. Гозина), «Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX в.» (В. К. Милюс), «Палеоантропология Эстонской ССР» (К. Ю. Марк), «Антропологический тип ливов» (Р. Я. Денисова), «Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики» (В. П. Якимов). Значительно интенсифицировалась также публикация этнографических работ в самих Советских Прибалтийских республиках³⁵.

Полевые этнографические исследования после организации Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции продолжали расширяться и углубляться. Как и прежде, ежегодно работали этнографические отряды во всех трех Советских республиках Прибалтики. В состав этих отрядов входили работники Института этнографии Академии наук СССР и республиканских научных учреждений. Более активным, чем раньше, стало участие в работе экспедиции сотрудников музеев: Этнографического музея Академии наук Литовской ССР (Вильнюс), Музея истории Латвийской ССР (Рига), Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР (Тарту) и некоторых других. Работниками музеев производился сбор вещевых материалов для пополнения этнографических коллекций. С 1956 г. интенсифицировались этнографические

³² Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

³³ См. О. А. Ганцкая, Некоторые материалы по этнографии старожильческого русского населения Литовской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 78—88; К. И. Козлова, Русские западного побережья Чудского озера, там же, стр. 152—158; А. А. Вольма, Народная одежда смешанного русско-эстонского населения южной части Йыхвиского района, там же, стр. 159—164.

³⁴ Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, том XXXII, М., 1956.

³⁵ Подробно об этих публикациях сказано в статьях А. И. Вишняускайте, М. К. Степерманиса и А. О. Вейреса, упомянутых выше (прим. 15). Важнейшие из них: «Вопросы этнической истории эстонского народа», Сборник статей, под ред. Х. А. Моора, Таллин, 1956 (см. рецензию на эту книгу в настоящем номере журнала, стр. 180—182); «Eesti rahvarõivaid» (Альбом народной эстонской одежды), Таллин, 1957; «Archeoloģija un Etnografija», I, Rīga, 1957 (см. рецензию С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой на это издание в журн. «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 181—187); «Ļv Latvīu Kultūras īstorijs» (Из истории культуры литовского народа), Вильнюс, т. I, 1958; т. II, 1959 (третий том этого издания подготовлен к печати; см. Труды Академии наук Литовской ССР, серия А, 1960, стр. 239); «Etnograāfija muuseumi aastaraamat» (Ежегодник этнографического музея), XVI, Таллин, 1959 (см. рецензию в настоящем номере журнала, стр. 192—195).

работы в Карелии, осуществляемые Прибалтийской экспедицией совместно с Карельским филиалом АН СССР. Значительно расширилась тематика этнографических исследований: наряду с сельскохозяйственными орудиями, поселениями, жилищем, хозяйственными постройками, костром в большей мере по сравнению с предыдущими годами изучали рыболовство, ремесла и другие отрасли хозяйства, средства передвижения, пища и утварь, семейный быт, духовная культура. Продолжали также антропологические работы в Прибалтике и на смежных территориях. Р. Я. Денисова обследовала несколько групп восточных литовцев и восточных латышей³⁶. Под руководством М. В. Витова было осуществлено антропологическое изучение 50 местных групп современного населения Белоруссии и соседних районов Украины. К. Ю. Марк собрал новый материал по палеоантропологии Эстонии³⁷. В. П. Алексеев следовал в 1957—1959 гг. свыше 300 черепов из могильников XVI—XVIII вв. — латгальских (в окрестностях Лудзы), русских (в Себежском районе) и шведских (на о. Вормси). В 1956—1959 гг. в Институте этнографии в Москве ежегодно созывались специальные научные сессии, на которых по итогам полевых исследований, на которых заслушивались и оживленно обсуждались этнографические и антропологические работы по Прибалтике³⁸.

Подробный обзор археологических работ Прибалтийской экспедиции, также получивших в 1956—1959 гг. широкий размах, не входит задачу настоящей статьи. Отметим только, что работы эти велись во всех Прибалтийских республиках в тесном контакте с этнографами, дали результаты, чрезвычайно важные для разрешения проблем происхождения, этнической истории и хозяйственно-культурных связей всех народов Советской Прибалтики. В конце 1959 г. вышли из печати два тома «Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции под общей редакцией Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова. Первый том носит название «Вопросы этнической истории народов Прибалтики (по данным археологии, этнографии, антропологии)», в нем помещены статьи, посвященные некоторым результатам полевых исследований, проведенных участниками Прибалтийской экспедиции, а также доклады, прочитанные на Вильнюсской конференции³⁹. Второй том представляет собой коллективную монографию М. В. Витова, К. Ю. Марка и Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Восточной Прибалтики», состоящую из двух частей: 1) «Антропологический состав современного населения» и 2) «История антропологического состава народов Восточной Прибалтики»⁴⁰.

Материалы, собранные Прибалтийской экспедицией, вместе с другими прежними и новыми данными по археологии, антропологии, этнографии, истории и языкознанию литовцев, латышей и эстонцев, дают возможность уже в настоящее время осветить многие общенациональные проблемы, связанные с этими народами, в особенности вопросы первоначального заселения Прибалтики, формирования на ее территории этнических общностей различных периодов — от древних племен до современных наций, вопросы хозяйственно-культурного взаимодействия этих этнических образований с другими народами — восточными и западными.

³⁶ Р. Я. Денисова, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2.

³⁷ К. Ю. Марк, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике, «Изв. АН Эстонской ССР», т. V, Серия общественных наук, 1956, № 1.

³⁸ См.: «Работа Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1956 году», «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 156—163; «Сессии, посвященные итогам экспедиционных исследований 1957 года», «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 128—131; «Сессия, посвященная итогам и перспективам экспедиционных исследований археологов и этнографов», «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 156—161.

³⁹ Под редакцией С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой, изд. АН СССР, М., 1960.

⁴⁰ Под редакцией В. П. Алексеева и Н. Н. Чебоксарова, изд. АН СССР, М., 1960.

паднославянскими, финскими, германскими (в частности, скандинавскими), истории сложения антропологического состава населения Прибалтики, характерных для нее хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических районов (подобластей), наконец — развития многих сторон хозяйства, общественного строя и культуры: земледелия, животноводства, рыболовства, ремесла и связанных с ними орудий труда, средств передвижения, поселений, жилища и хозяйственных построек, пищи, утвари, костюма, социального состава сельского населения, семейных отношений, некоторых явлений народного творчества. Успехи, достигнутые в разработке перечисленных вопросов, частично отражены в вышедших томах Трудов Прибалтийской экспедиции, а также в других указанных выше работах. Многие из этих вопросов затронуты также в статьях Х. А. и А. Х. Моора и Н. Н. Чебоксарова, помещенных в настоящем номере журнала⁴¹.

Работы по изучению проблем происхождения и этнической истории литовцев, латышей, эстонцев и соседних с ними народов должны быть продолжены. Предстоят еще значительные археологические исследования как в самой Советской Прибалтике, так и на смежных с ней территориях. Особенно важна организация систематических разведок, а также и раскопок памятников периодов позднего палеолита и мезолита, бронзового и раннего железного веков. Следует уделить должное внимание поискам палеоантропологических материалов разных периодов (в первую очередь в Литве и Латвии). Этнографам предстоят еще отдельные маршрутные выезды для завершения «этнографической съемки» территории Советских Прибалтийских республик. Целесообразно также провести работы в архивах для выявления историко-этнографических материалов в письменных памятниках разных периодов. Необходимо дальнейшее углубление и расширение творческого сотрудничества этнографов, антропологов и археологов с фольклористами и языковедами (в частности — диалектологами).

План публикаций Прибалтийской экспедиции на 1959—1965 гг. предусматривает издание нескольких томов ее Трудов. Отдельные тома будут содержать монографии по этнической антропологии Белоруссии, по истории сельскохозяйственных орудий, жилища и одежды народов Советской Прибалтики, а также по их хозяйственно-культурным связям с соседями. Поставлен вопрос о создании Прибалтийского историко-этнографического атласа. Непрерывно расширяя и углубляя тематику своих исследований, совершенствуя конкретные формы их координации, ученые Литвы, Латвии и Эстонии вместе со своими русскими, белорусскими, карельскими и другими коллегами подойдут, несомненно, к разработке еще более сложных проблем этнической истории новейшего времени, — процессов национальной консолидации, формирования буржуазных наций и их преобразования в нации социалистические. Здесь вопросы этнической истории должны будут сойтись с проблемами социалистических преобразований, хозяйства, культуры и быта народов Советской Прибалтики. Именно в процессе таких преобразований складывается современная национальная специфика культуры каждого народа этой страны, вырабатываются новые характерные особенности его образа жизни в период развернутого строительства коммунизма.

В связи с этим следует с удовлетворением отметить, что в последнее время во всех Прибалтийских Советских Республиках значительно активизировалось этнографическое изучение современности. В Литве в ближайшем будущем выходит из печати монография И. П. Буткявичюса «Жилище литовских крестьян в XIX—XX вв.», в которой значительное

⁴¹ Х. А. и А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подбластих и районах Прибалтики, стр. 21—51; Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных типах народов Прибалтики, стр. 94—115.

место отведено современным, в том числе возводимым в наши дни к хозяйным постройкам⁴². В 1959 г. Этнографический отряд Института истории Академии наук Литовской ССР собрал ценный материал по современной культуре и быту крестьян и рыбаков Клайпедского района В Латвии всестороннее изучение хозяйства, культуры и быта колхозно-крестьянства велось на протяжении многих лет Л. Н. Терентьевой. В настоящее время в Трудах Института этнографии АН СССР печатается ее большая монография, посвященная этой теме. О возросшем интересе к этнографическому изучению современности в Латвии свидетельствуют также статьи А. Крастыни и Л. Ефремовой, помещаемые в настоящем номере журнала. В Эстонии современной культурой и бытом рыбаков занимаются В. Калитс и А. Лутс⁴⁵. Летом 1959 г. начато этнографическое изучение колхозов Раплаского района⁴⁶. В связи с организацией в 1959 г. Институтом этнографии Академии наук СССР комплексной экспедиции по изучению культуры и быта трудящихся нашей страны в период развернутого строительства коммунизма можно выразить уверенность, что в ближайшие годы координированные исследования по этой важнейшей теме будут в широких масштабах развернуты всех Советских республиках Прибалтики.

⁴² Труды Академии наук Литовской ССР, Серия А, 1960, № 1, стр. 237—240 (Хроника: «В Институте истории»).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Л. Н. Терентьева, К вопросу о переходе от хуторского расселения к хозяйным постройкам в Латвийской ССР, «Сов. этнография», 1954, № 1, стр. 63—64; ее же, Опыт изучения семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 52—71.

⁴⁵ V. Kalits, Kihnalaste kalastusest (Рыбный промысел кихновцев), «Etnograafiuuseumi aastaraamat», XVI, 1959, стр. 166—200 (резюме на русском языке, стр. 200—201); А. Лутс, Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках, «Сов. этнография», 1959, № 3, стр. 26—46; его же, Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения, см. ниже, стр. 159—162.

⁴⁶ Л. Феокистова (Живисаар), Н. Шлыгина, Работа Эстонского отряда Прибалтийской экспедиции, см. ниже, стр. 178—179.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Х. А. и А. Х. МООРА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПОДОБЛАСТЯХ И РАЙОНАХ ПРИБАЛТИКИ

При обосновании понятия историко-культурных или историко-этнографических областей М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров в качестве одного из характерных примеров выделили Прибалтику¹.

Основываясь на собранных за последние годы Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией и на накопленных ранее археологических, этнографических, антропологических и других материалах, с учетом особенностей местной географической среды, можно точнее наметить границы большой Прибалтийской историко-культурной области и ее подразделений, подобластей и районов, а одновременно также проследить, какие основные причины обусловили их образование.

Прибалтика является частью Восточноевропейской равнины, но на юге и юго-востоке этой области проходит возвышенность — так называемая Балтийская гряда, продолжение которой на северо-востоке образует Валдайская возвышенность. Для всей этой возвышенной полосы характерно обилие озер, многие из которых богаты рыбой. На севере к ней примыкает область больших озер — Чудского, Ильменского, Ладожского, Онежского и Белого, изрезанная также системами крупных рек — Великой, Ловати, Волхова и др. Благодаря всему этому территория, граничащая с востока и юго-востока с Прибалтикой, издревле отличалась весьма благоприятными условиями для развития рыбной ловли². В центральных частях Прибалтики имеются также возвышенности, которые представляют собой ее основные земледельческие районы. Приморская полоса, в особенности запад и север современной Эстонии, представляет собой низменность с малоплодородной почвой; это в значительной мере обусловлено тем, что данная местность в прошлом подверглась трансгрессиям либо приледниковых озер, либо Балтийского моря (рис. 1)³.

¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 3 сл. См. также: «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, М., 1957, стр. 41 сл.; С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3 сл.

² К. К. Орвику, Основные черты геологического развития территории Эстонской ССР в антропогеновом периоде, «Изв. АН Эст. ССР», 1955, стр. 233 сл.; Ю. Брик, Физико-географическое районирование Эстонской ССР, «Изв. АН Эст. ССР», Серия обществ. наук, 1959, стр. 124 сл.

³ При составлении данной карты авторам оказал помощь академик АН Эст. ССР К. К. Орвику.

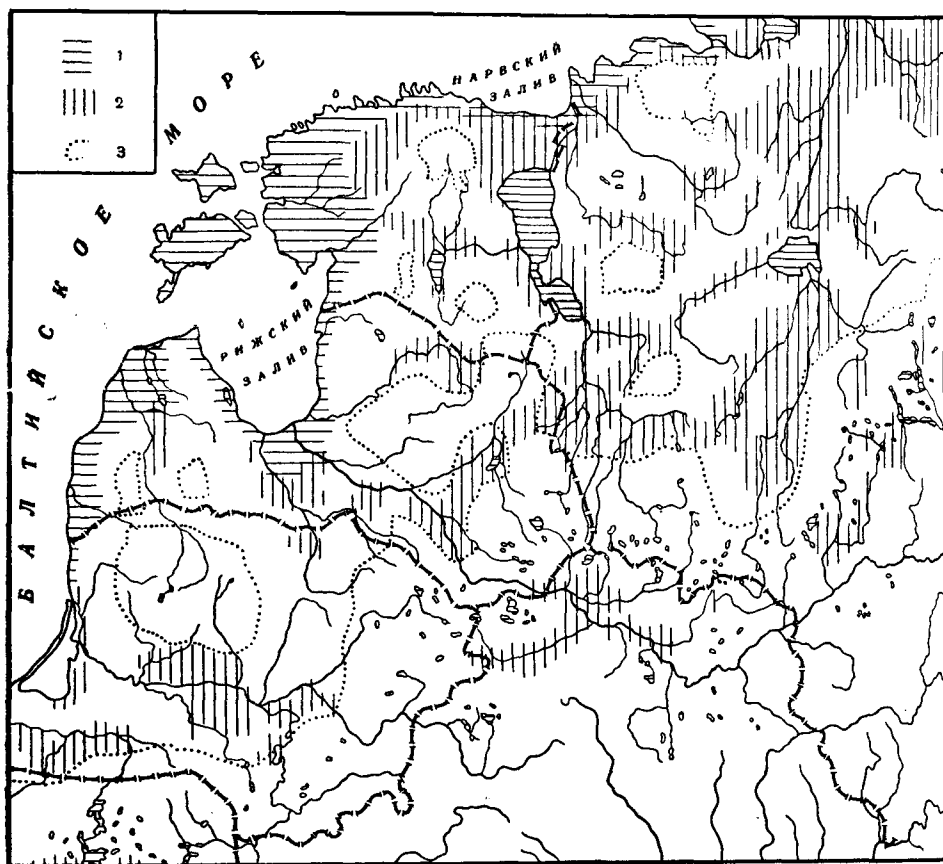

Рис. 1. Территории, подвергшиеся трансгрессиям Балтийского моря и приледниковых озер: 1 — трансгрессии Балтийского моря; 2 — приледниковые озера; 3 — высота 100 м и более над уровнем моря.

Известные различия мы можем отметить и в климате отдельных частей рассматриваемой области⁴. При сравнительно большой протяженности Прибалтики с юга на север естественно, что климат в северных частях ее холоднее, лето короче и зима длиннее, чем в южных. Безморозный период в Эстонии в среднем на три месяца короче, чем в Литве. В продолжительности вегетационного периода разница не столь велика, однако в центральной Эстонии, например, он на три недели короче, чем в центральной Литве. Все это означает, что условия для развития земледелия на севере Прибалтики были мало благоприятны. Как известно, Прибалтика расположена в переходной зоне от морского климата к континентальному, вследствие чего климат здесь становится более суровым при продвижении не только с юга на север, но и с запада на восток. Вегетационный период в восточных частях Эстонии, Латвии и Литвы на одну—две недели короче, чем в прибрежных районах.

Географическая среда, хотя и не может считаться определяющим фактором развития человеческого общества, является постоянным его условием. К особенностям географической среды человек должен бы-

⁴ А. Лиллема, Почвы Эстонской ССР (на эстонском яз.), Таллин, 1958, стр. 16 (климатические условия); Б. И. Стыро, Ч. А. Гарбуляускас и А. И. Буз, Некоторые динамические характеристики климата Литовской ССР, «Научные сообщения Ин-та геологии и географии АН Лит.ССР», т. VII, Вильнюс, 1957, стр. 19 сл.

приспосабливать, в соответствии с развитием производительных сил в тот или другой период, добывание средств к жизни, и эти особенности оказывали либо ускоряющее, либо задерживающее влияние на развитие общества.

На возникновение местных особенностей в хозяйстве, культуре и образе жизни человека влияли не только такие значительные и резкие различия в географической среде, как разница в условиях жизни в горных и долинных районах, в степной и лесной полосе, черноземной и нечерноземной области, но и наблюдающиеся внутри этих больших географических областей локальные особенности.

Обусловленные ими до известной степени отличия в материальной культуре и быте населения разных районов Прибалтики можно заметить уже со времени позднего неолита, т. е. начиная с рубежа III и II тысячелетий до н. э., когда человек добывал себе средства к жизни охотой, рыбной ловлей и собирательством. Как установил Л. Ю. Янитс, орудия труда и керамика до некоторой степени различны в поселениях прибрежной полосы, с одной стороны, и в поселениях на востоке материковой части Прибалтики, с другой. Состав костей животных, определенных К. Л. Паавером, в двух исследованных Янитсом поздненеолитических поселениях — Лоона на западе острова Сааремаа и Тамула на юго-востоке Эстонии, — позволяет сделать некоторые заключения⁵ (см. прилагаемую таблицу).

Животные	Тамула (юго-восточная Эстония)		Лоона (о. Сааремаа)	
	Кости %	Особи %	Кости %	Особи %
Дикие животные:				
Лось	1319 39	68 23	— —	— —
Бобр	1339 39	82 27	— —	— —
Гур	165 5	20 7	— —	— —
Загородный олень	31 1	11 4	— —	— —
Осуля	17 0,5	8 3	— —	— —
Кабан	227 8	24 8	270 21	24 22
Тюлень	— —	— —	935 72	54 49
Куница	120 4	27 9	13 1	8 7
Лисица	— —	— —	30 2	9 8
Заяц, медведь, выдра, барсук, рысь	103 3	35 11	— —	— —
Птицы	81 —	— —	56 —	— —
Рыбы	448 —	— —	2644 —	— —
Домашние животные:				
Свинья	2 0,1	1 0,3	30 2	9 8
Крупный рогатый скот	1 0,03	1 0,3	— —	— —
Собака	28 1	9 3	10 1	5 4

Как видим, в Тамула охотились преимущественно на лесного зверя, в первую очередь на лося, отчасти на тура, а также бобра; из других животных заслуживают упоминания кабан и куница. Не говоря о том, что в Лоона рыбных костей больше, чем в Тамула, и состав костей охотничьей добычи там иной. В поселении Лоона сильно преобладает тюлень, за ним следует кабан, но другие (характерные для материковых поселений) животные большей частью отсутствуют. Тот факт, что основную охотничью добычу на морском побережье составлял

⁵ Л. Ю. Я н и т с, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайы-пи (Эстонская ССР), Таллин, 1959, стр. 325 сл.

тюлень, а на материке — лесной зверь, означает существование в тот период на побережье и островах отличий в условиях охоты, ее сезонах, орудиях труда, одежде, способах освещения, короче говоря, во всем образе жизни.

В начале II тысячелетия до н. э. в Прибалтику проникли с юга и распространились до юго-западной Финляндии включительно племена культуры боевых топоров или шнуровой керамики — предполагаемые предки балтийских народов. Их хозяйство было основано в значительной степени на первобытном скотоводстве и земледелии, но и охота, и рыбная ловля продолжали у них играть существенную роль⁶. Их комплексное хозяйство, очевидно, выработалось где-то в южной части лесной полосы, где лесные охотники-рыболовы соприкасались со скотоводами степной зоны. Комплексный тип хозяйства дал им известные преимущества перед охотниками-рыболовами северной части лесной полосы и позволил далеко проникнуть в эту зону.

На севере они должны были приспособливать свое хозяйство и образ жизни к более суровым условиям и заимствовать от местного коренного населения некоторые необходимые навыки. В центральной и восточной частях материковой Прибалтики их хозяйство и быт приблизились к образу жизни охотников-рыболовов, а на побережье они переняли и промысел на тюленя. Последним, видимо, объясняется, в известной мере, обилие поселений культуры боевых топоров в зоне морского побережья Прибалтики. В типичном прибрежном поселении того периода — Ржучеве в приустье Вислы были найдены обломки гарпунов для охоты на тюленя. Материалы, обнаруженные в многочисленных поселениях ржучевского типа в Литве на Куршской косе, включают наряду с рыбьими костями и чешуей много костей тюленя, между тем как кости лесных животных представлены в меньшем количестве⁷. Очевидно, охота на тюленя занимала большое место также в экономике племен культуры боевых топоров в Финляндии, памятники которых в большом количестве встречаются вдоль побережья Финского и Ботнического заливов. Финский археолог К. Ф. Мейнандер наглядно показывает, как это население постепенно приближалось по своему хозяйству и образу жизни к коренным жителям, а позже и этнически слилось с последними⁸. То же явление можно проследить и в Эстонии. И только в южной части Прибалтики, где условия жизни были ближе к условиям исходной территории племен культуры боевых топоров и где, возможно, и позже продолжался отчасти приток этих племен с юга, они возобладали над местным населением и постепенно ассимилировали его.

В последнем тысячелетии до нашей эры в Прибалтике скотоводство и земледелие занимали уже большое место в хозяйстве, однако охота и рыбная ловля еще сохраняли свое значение. В костном материале, найденном в укрепленном поселении Асва, только пятая часть принадлежит лесным животным, а все остальное — домашним. Примерно такое же соотношение костей лесных и домашних животных характерно и для других памятников того же периода. Заметим, что в Асва среди

⁶ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, М., 1956, стр. 112. Племена шнуровой керамики занимались, наряду с первобытным скотоводством и земледелием, охотой и рыбной ловлей даже в среднем Приднепровье (см. «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957, стр. 88).

⁷ J. Żółtek, Osada z młodszej epoki kamiennej w Rżucowie, pow. wejherowski, i kultura żrucewska, «Fontes Archaeologici Posnaniensis», vol. IV (1953), Poznań, 1954, стр. 23 сл.; «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia», Hf. 19, Königsberg i. Pr. 1895, стр. 146 сл.; C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, I, Königsberg Pr., 1935, стр. 174.

⁸ C. F. Meinander, Die Kiukaikultur, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», 53, Helsinki, 1954, стр. 172 сл.

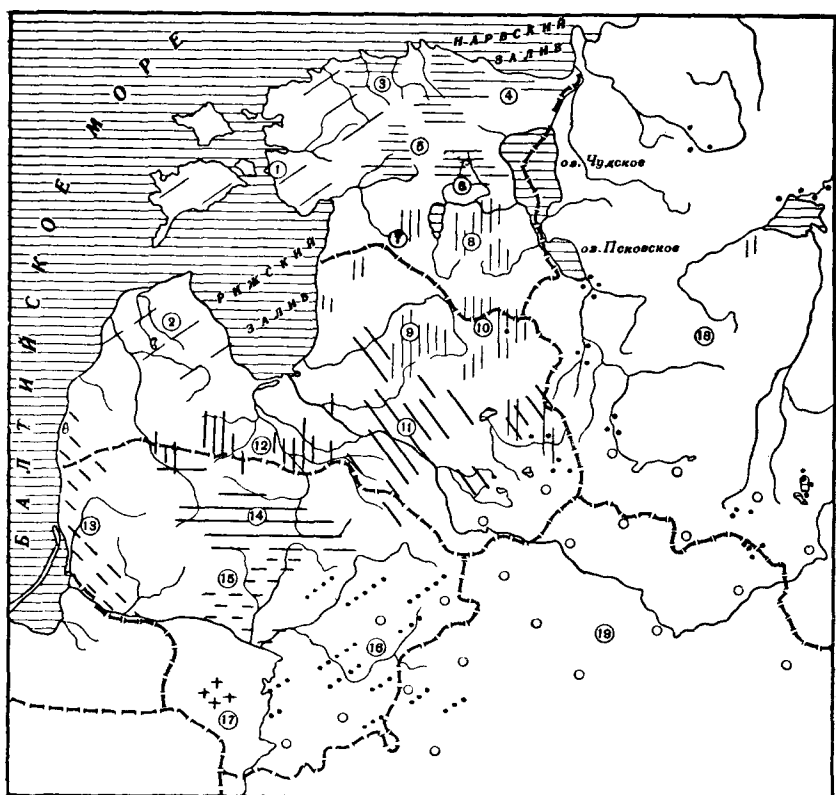

Рис. 2. Археологические культуры (культурные районы) Прибалтики в первой половине I тысячелетия н. э.

Культуры эсто-ливских племен: 1 — западноэстонская; 2 — курземско-ливская; 3 — таллинская; 4 — вирумаская; 5 — пайде-тюри-ская; 6 — среднеэстонская; 7 — сакалская; 8 — тартуская; 9 — койваская (гауяская); 10 — алулиная (алуксненская).

Культуры балтийских племен: 11 — латгальско-сельская; 12 — земгальская; 13 — куршская; 14 — северожемайская; 15 — южножемай-ская; 16 — аукштайтская; 17 — ятвяжско-судавская; 18 — восточные при-балтийско-финские; 19 — восточнобалтийские культуры

костей диких животных преобладает тюлень⁹; в городище Иру, расположенном рядом с Таллином, найдены такие же наконечники тюленьих гарпунов, как в Асва, и в костном материале тюлень также преобла-дает над другими дикими животными¹⁰. Следовательно, охотничьи ин-тересы и здесь были направлены в сторону моря.

С начала нашей эры у всех племен Прибалтики земледелие стало основой хозяйства. В центральных возвышенных частях Прибалтики заметно выросла численность населения (рис. 2). В прибрежной же полосе, отличающейся малоплодородными почвами и высоким уровнем почвенных вод, в северо-западной части материковой Эстонии, на эстонских островах и на Курземском побережье земледелие развива-лось медленнее¹¹. Есть основания полагать, что здесь, наряду с земле-

⁹ Костный материал, добытый при раскопках 1948—1949 гг., определил проф. В. И. Цалкин.

¹⁰ А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», I, Таллин, 1955, рис. 35, 1, 2 (Асва) и 3 (Иру). Костный материал из Иру определил зав. сектором Ин-та зоологии и бо-таники АН Эст.ССР К. Л. Паавер.

¹¹ А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, «Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей», Таллин, 1956, стр. 190 сл.

делием, большую роль, чем в центральных районах, играло скотоводство, и подсобными занятиями населения, очевидно, оставались морские промыслы.

Новое значение получило море для прибрежного населения в следующий период, в конце I и начале II тысячелетия н. э. К этому времени земледелие и в этой зоне заметно развилось. Озимая рожь, наряду с господствовавшим до того времени ячменем, стала основной зерновой культурой. Начался постепенный переход к системе земледелия с паровым полем. В прибрежной зоне, по сравнению с центральными районами Прибалтики, все же было меньше пригодной для обработки земли и ниже ее урожайность, поэтому здесь известную роль в экономике по-прежнему сохраняли и подсобные промыслы — рыбная ловля и охота на тюленя. С конца I тысячелетия для населения прибрежной зоны все большее значение начинают приобретать мореходство и заморская торговля. Скандинавские саги XI—XII вв. часто упоминают флотилии куршей и сааремаасцев. Широкое развитие мореходства в этот период накладывает особый отпечаток на быт прибрежного населения. Доходы, получаемые от мореходства и торговли, сосредоточивались в основном в руках знати, и ее богатства определялись здесь в значительной степени этими доходами, а не только размерами земельных владений, как в центральной части материка. Этим, очевидно, можно объяснить характерное для острова Сааремаа и в более позднее время наличие большого числа мелких эстонских вассалов, существование которых прослеживается по источникам вплоть до XVI в.¹²

Иноземные захватчики, проникшие в начале XIII в. в Прибалтику, постепенно почти полностью превратили мореплавание и торговлю в привилегию немецкого городского купечества. В дальнейшем население прибрежной зоны могло заниматься только мелкой торговлей, каботажным плаванием, рыболовством и охотой на тюленя. Особенно тяжело это отразилось на экономике жителей острова Сааремаа, на котором сравнительно немного пригодной для обработки земли.

Крайняя северо-западная прибрежная полоса территории Эстонии, очень поздно поднявшаяся над уровнем моря и отличающаяся каменистой или песчаной почвой, не притягивала эстонского населения, занимавшегося главным образом земледелием. В XIII—XIV вв. местные феодалы посадили на эту полосу шведских крестьян, переселенных с побережья Финляндии. В их хозяйстве большую роль играло молочное животноводство (как и в Финляндии), земледелие же отступало на задний план. Они также занимались рыболовным и тюленьим промыслами, причем в несколько больших масштабах, чем эстонское сельское население. Рыбная ловля и охота на тюленя не только удовлетворяли их собственные потребности, но и позволяли выполнять соответствующие феодальные повинности и давали иногда некоторый избыток для продажи.

Лишь начиная с середины XIX в., с развитием промышленности, ростом торговли и судоходства, с возникновением капиталистического сельского хозяйства, использующего наемную рабочую силу, для населения островов и побережья стали открываться более широкие, чем раньше, возможности найти подсобные заработки. Оно стало больше прежнего заниматься перевозкой в прибрежных водах грузов, уходить на работу на торговые суда или в города и мызы. Сааремаасцы пользовались особою известностью на мызах материковой части Прибалтики как искусные мастера прокладки мелиоративных канав. Отходничеством занимались не только мужчины, но нередко и девушки; в пастухи на материк Эстонии и в Латвию посылали каждой весной много

¹² H. Laakman, *Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit*, «Baltische Lande», I, Leipzig, 1939, стр. 238.

детей, хотя эта работа оплачивалась весьма скудно¹³. Все это придавало быту островного и прибрежного населения свои особенности. В связи с тем, что большинство мужчин на лето уходило, женщины на Сааремаа вынуждены были наряду со своей домашней работой исполнять большую часть полевых работ. Из-за малоплодородных почв урожай был очень низок; население много времени уделяло подсобным заработкам. На островах и северо-западе материка Эстонии сельскохозяйственная техника оставалась отсталой.

Как показывают материалы, собранные Прибалтийской экспедицией, явные различия имелись также в хозяйстве и быту населения центральных частей Прибалтики и ее окраинных восточных районов. Это наблюдение явилось, так сказать, ключом к пониманию и оценке всего комплекса рассматриваемых явлений.

С начала нашей эры в Прибалтике увеличивается количество археологических памятников, которые свидетельствуют о заметном росте заселенности центральных возвышенных, более благоприятных для земледелия, районов, в то время как низины, где концентрировалось население в более ранние периоды, становятся редкозаселенными или вовсе пустуют. Особенно ярко проявляется эта перемена именно в Эстонии, где в неолите, а также в эпоху раннего металла население размещалось главным образом в наиболее низменных районах.

Незаселенным или крайне редко заселенным оставалось также западное побережье Чудского озера, за исключением средней его части (район Кодавере и Алатскиви), которая в виде возвышенного мыса тянется до самого Чудского озера. Увеличение густоты заселения возвышенностей свидетельствует о том, что в центральных районах Прибалтики земледелие в первые века нашей эры, как и в более позднее время, было не только основным, но и абсолютно господствующим занятием населения. Конечно, и здесь занимались рыболовством и охотой, но по сравнению с земледелием и скотоводством эти промыслы отошли на задний план. Это объясняется тем обстоятельством, что в центральной части Прибалтики леса никогда не были особенно богаты зверем и в ней было относительно мало изобилующих рыбой водоемов. Здесь и поселений неолитических охотников-рыболовов было мало, по сравнению, например, с Валдайской возвышенностью, Приладожьем, Обонежьем или Финляндией.

В восточной полосе Прибалтики и на соседней (с востока) территории между разными отраслями хозяйства существовало до некоторой степени иное соотношение. Как показали исследования Я. В. Станкевич в верхнем течении Западной Двины, раскопки С. А. Таракановой на Псковщине и другие работы, там переход к земледелию не вызвал таких изменений в заселении, как в центральной Прибалтике. На карте археологических памятников в южной части Псковской области, составленной Я. В. Станкевич (рис. 3), видно, что там укрепленные городища земледельцев и скотоводов первых веков нашей эры расположены в тех же самых местах и на берегу тех же озер, где были стоянки неолитических охотников и рыболовов¹⁴. Так же на берегу озера вблизи стоянок каменного века расположено исследованное Э. Д. Шноре поселение III—IV вв. Кивты (восточная Латвия, близ г. Лудза), где были найдены зерна ячменя¹⁵. Это показывает, что рыбная ловля в

¹³ По данным, относящимся к началу текущего столетия, с о. Сааремаа на отхожие заработки ходило ежегодно около 5000 человек, т. е. примерно каждый шестой трудоспособный. См. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XL, СПб., 1904, стр. 185, 186.

¹⁴ Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», I, Таллин, 1955, рис. 28.

А. П. Расиньш, Материалы к истории культурных растений на территории Латвийской ССР до XIII века н. э., Сб. «Растительность Латвийской ССР», II, Рига, 1959, стр. 140.

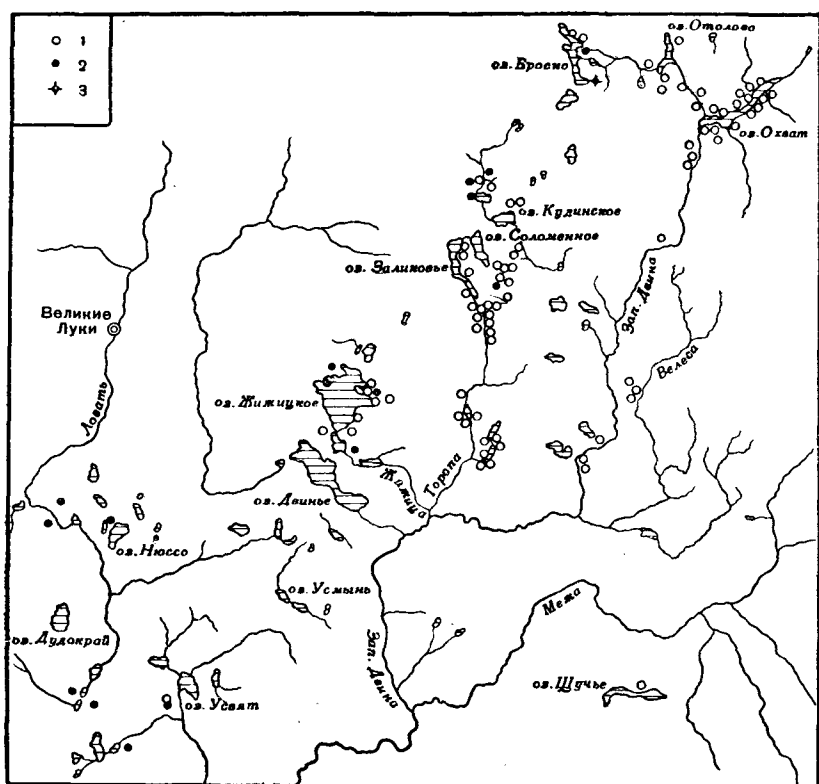

Рис. 3. Поселения позднего неолита, городища и селища эпохи раннего металла в верхнем течении Западной Двины: 1 — неолитические поселения (III—II тысячелетия до н. э.); 2 — городища второй половины I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э.; 3 — селища того же периода (по Я. В. Станкевич)

хозяйстве жителей этих поселений и в начале нашей эры далеко не утратила своего значения. Следует указать, что почвенные условия в этом районе и в Прибалтике сходны. Поэтому разница в расположении поселений не может быть объяснена различием почв. Исследованные Я. В. Станкевич памятники, так же как и поселение Кивты на востоке Латвии, находятся именно в пределах возвышенной и изобилующей озерами Балтийской гряды. Там рыбная ловля как в раннее время, так и позже составляла определенную часть хозяйственных занятий населения. То же самое можно предполагать о хозяйстве населения соседней с Эстонией восточной территории — Причудья, Приильменя и Приладожья. Во всех этих районах с появлением земледелия основная масса поселений оставалась там же, где она была уже в неолите, — главным образом по берегам водоемов¹⁶. Известно, что там и в более поздние времена наряду с земледелием и скотоводством существовало место в хозяйстве занимали рыболовство и охота. Несмотря на то, что на всей этой территории в первой половине I тысячелетия жило население, близко родственное племенам Прибалтики (по соседству с современной Эстонией обитали прибалтийско-финские, рядом с Латвией и Литвой — балтийские племена), между ним и прибалтийскими племенами, судя по разному характеру поселений и погребального обряда, существовали различия не только в экономике, но и в быту, и в веро-

¹⁶ Н. Н. Гуркина, Археологические исследования на северо-западе Европейской части СССР, «Краткие сообщения ИИМК», XLIX, 1953, стр. 65 сл.

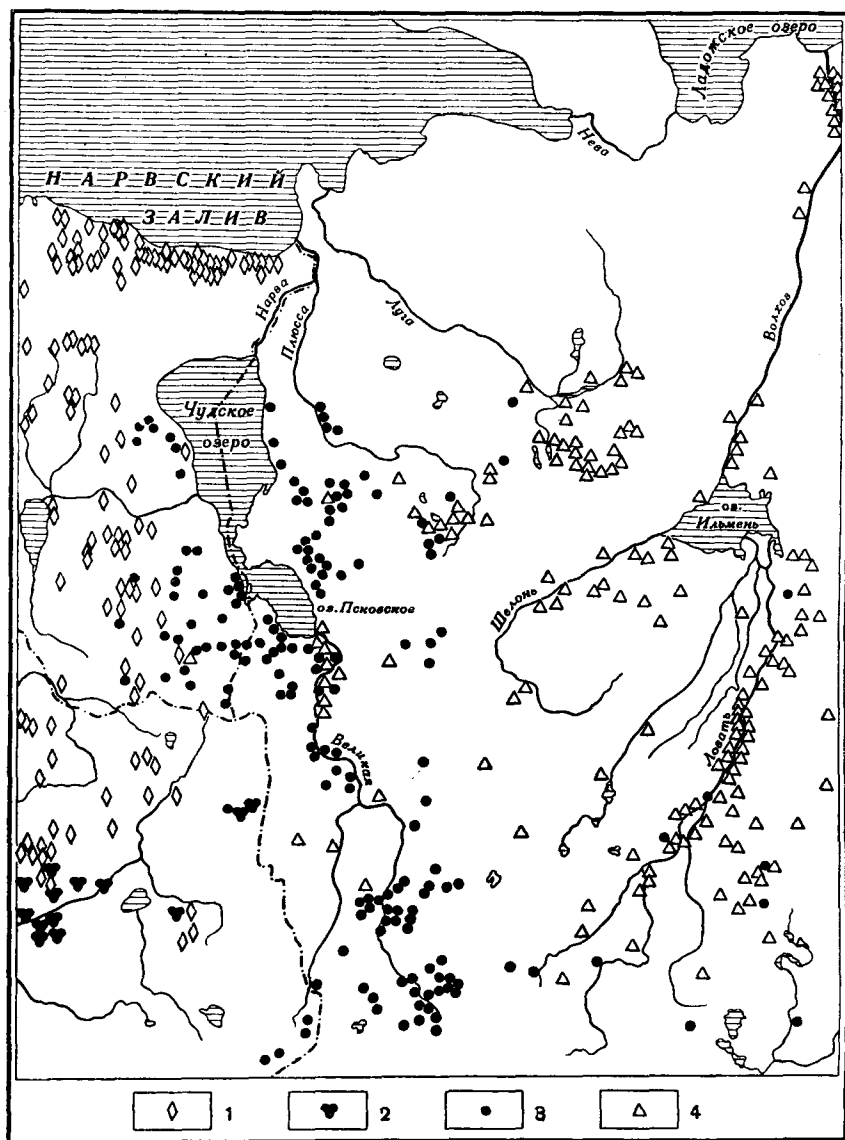

Рис. 4. Погребальные памятники восточнославянских, балтийских и прибалтийско-финских племен в середине и второй половине I тысячелетия в восточной полосе Прибалтики и на соседней восточной территории: 1 — каменные могильники эстонских племен; 2 — земляные курганы балтийских племен; 3 — длинные и круглые курганы кривичей (и некоторых соседних племен Прибалтики); 4 — «сопки» словенского типа (славянские памятники — по Н. Н. Чернягину с некоторыми дополнениями).

ваниях. Примечательно, что в западной и центральной частях Прибалтики этот период представлен большим количеством своеобразных могильных памятников (в Эстонии — каменные могильники, в Латвии и Литве — насыпные курганы и грунтовые погребения), а в крайней восточной полосе Прибалтики и на соседней с ней территории могильные памятники этого периода пока не известны.

В середине I тысячелетия н. э. в соседние с Прибалтикой восточные области проникают с бассейна Днепра восточнославянские племена. Из археологических памятников особенно характерны для славян их могильники — у кривичей круглые или длинные курганы, у ильменских

словен — так называемые сопки. Славяне расселились в первую очередь по речным системам — Неману, Западной Двине, Великой, Ловати и Волхову (рис. 4). Они успели дальше уйти в развитии хозяйства и общественного строя по сравнению со своими северными соседями, и это дало им возможность проникнуть в глубь лесной полосы и получить перевес над коренными племенами. Хозяйство их основывалось на развитом земледелии, как пашенном, так и подсечном. О том, что в развитии земледелия они опередили своих северных соседей, свидетельствует заимствование теми у них не только основного пахотного орудия — сохи, но и некоторых новых приемов возделывания земли¹⁷. На исходной территории восточных славян — в Приднепровье и Полесье — у них получили развитие также охота и рыболовство. Восприняв и добавок некоторые производственные навыки от коренных племен, они развили, таким образом, комплексное хозяйство, которое дало им возможность постепенно стать хозяевами всей лесной полосы.

Вслед за проникновением славян на соседнюю с Прибалтикой территорию и смешением их с местными племенами последовало сближение обоих этнических элементов, сначала в области экономики, а затем и в области культуры и быта. От славян местные племена, в их числе и водьские племена, жившие на восточном берегу Чудского озера, восприняли также обряд погребения в курганах. Оттуда этот тип погребальных памятников во второй половине I тысячелетия, очевидно, водьскими переселенцами был принесен и на западное побережье Чудского озера. Здесь курганы распространились на песчаных, покрытых лесами почвах по реке Кяапа и вблизи деревень Саваствере и Кооза (рис. 5, III). То, что пришельцы поселились на малоплодородных почвах, мало привлекавших эстонцев, живших преимущественно земледелием, свидетельствует, видимо, о том, что у новых поселенцев земледелие и скотоводство должны были в значительной мере сочетаться с охотой и другими подсобными промыслами.

В конце I — начале II тысячелетия у славян и у живших чересполосно с ними и по соседству местных племен, а также у племен Прибалтики, прослеживается заметное развитие производительных сил общественного строя и культуры. У всех этих народов зарождаются феодальные отношения. Стало развиваться пашенное земледелие, появились новые земледельческие орудия, получила распространение озимая рожь, в результате чего заметно возросли урожаи. Расширилось скотоводство. Развились ремесло и торговля. Возникли города — Новгород, Псков, Полоцк и другие, не говоря уже о многих меньших поселениях городского типа. Рост городских центров, снабжение их продовольствием и разного рода сырьем также оживляли развитие хозяйства в деревне. Однако в Новгородской земле, хотя там и было развито земледелие, деревня все же не могла дать столько хлеба, чтобы его полностью хватало городу. Новгород вынужден был ввозить значительную часть хлеба из соседних (с юго-востока) русских земель. Известно, что когда подвоз хлеба оттуда задерживался в результате конфликтов между Новгородом и поволжскими княжествами, позже — Московским княжеством, в городе начинался голод¹⁸. В отличие от Новгородской земли, Псковщина вывозила в некотором количестве хлеб, хотя

¹⁷ О земледелии у прильменских словен в VII—X вв. и его связях с земледельческой культурой более южных районов см. А. В. Кирьянов, История земледелия Новгородской земли X—XV вв., Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II МИА, № 65, 1959, стр. 312 сл. По мнению финского этнографа К. Вилкуна, восточные славяне развили новые приемы подсечного земледелия, воспринятые затем населением восточной Финляндии: см. «Nordisk kultur», XIII. Lantbruk och bebyggelse, Utgiven av Sigurd Erixon, Stockholm, Oslo, Köbenhavn, 1956, стр. 54 сл. (раздел De finska storsvederna av Kustaa Viikuna).

¹⁸ А. П. Пронштейн, Великий Новгород в XVI веке, Харьков, 1957, стр. 114.

главным продуктом вывоза для Псковщины уже в средневековье, как и позже, был лен¹⁹.

Как показал акад. Б. А. Рыбаков, в то время в связи с развитием ремесла приобрели большой размах не только крупная торговля, сосредоточенная в городах, но и деятельность мелких розничных торговцев, странствовавших из деревни в деревню и распространявших изготавливаемую в центрах массовую продукцию²⁰. Русские и водьско-ижорские разносчики заходили, по-видимому, далеко в глубь Прибалтики. Из предметов, распространяемых ими, назовем, например, бронзовые надетельные крестики и витые браслеты, которые изготавливали в Новгороде и, вероятно, местами — в Новгородской земле.

С развитием производительных сил усиливались рост населения и его проникновение в редкозаселенные до того времени окраинные районы. В этот период прослеживается новый приток переселенцев с востока также в северное и западное Причудье. Об этом свидетельствует появление здесь в XII—XV вв. курганов новгородско-водьского типа, прежде всего на северном и северо-западном побережье Чудского озера от Васкнарвы и Куремяэ до Лохусуу. Несколько позже появляются курганы и грунтовые захоронения под каменной кладкой западнее Чудского озера (см. рис. 5). Во всех этих могильниках обнаружены предметы новгородского и водьско-ижорского типов, а в самой северо-восточной части — и предметы, характерные для русского населения Новгородской земли, которые в остальной Эстонии почти не встречаются. Важно отметить, что все упомянутые могильники расположены среди лесов на песчаных почвах, которые эстонцами оставались незаселенными. Численно небольшие группы поселенцев, которые оставили эти могильники, не могли прожить здесь только за счет земледелия.

По источникам, дошедшим до нас от XVI—XVII вв., особенно по данным польских и шведских ревизий, видно, что большинство населения эстонского Причудья занималось рыболовством. Жившие на побережье малоземельные крестьяне уплачивали свои подати свежей и сушеной рыбой, по большей части — с невода, а также деньгами. В повинности крестьян, живших подальше от озера среди лесов, входила поставка помещикам дров и леса и перевозка этих и других материалов. Платили зерном и несли барщину преимущественно крестьяне, жившие на лучших землях в средней части западного побережья Чудского озера около Кодавере и Алатскиви.

В этот период начинают играть известную роль также и ремесла, особенно обработка дерева. К XVII в. относятся первые сведения об изготовлении деревянной утвари в Авинурме (северо-западное Причудье), которое позже славилось этим. Население лесистого Причудья занималось также заготовкой и вывозом лесных материалов, гонкой смолы и другими промыслами, связанными с лесом. Известно, что, начиная с 70-х годов XVII в., крестьяне Причудья и Полужья продавали и сплавливали или вывозили лес в Нарву. Наконец, следует упомянуть также мелкую торговлю, которая, очевидно, часто сочеталась с извозом. Из отдельных источников видно, что крестьяне из эстонского Причудья ходили, например, за солью в Таллин и затем продавали ее не только у себя на месте, но и по ту сторону Чудского озера²¹.

Хозяйство и быт причудских крестьян развивались, таким образом, до некоторой степени по иному направлению, чем сельского населения центральной Эстонии и вообще центральных районов Прибалтики. Пос-

¹⁹ A. Attman, *Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik, 1558—1595*, Lund, 1944, стр. 5 сл. и приложенная к работе карта основных льноводческих районов.

²⁰ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948, стр. 465—466.

²¹ A. Soom, *Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die ethnischen Städte in den Jahren 1636—1656*, Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXXII, Tartu, 1940, стр. 262; О. Лийв, *О русских поселениях в Алутагузе вплоть до первой четверти XVIII века* (на эст. яз.), Тарту, 1929, стр. 65, 66 и прим. 7 там же.

ле завоевания Прибалтики немецкими феодалами вывоз зерна и льна из Ливонии в Западную Европу непрерывно возрастал и особенно большого объема достиг в XV—XVI вв.²² В этих условиях в Ливонии как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве усилилось преобладание земледелия, которое, как мы видели, намечалось в центральной полосе Прибалтики уже в предшествующем тысячелетии. В то же время ремесло и торговля в Ливонии все больше превращались в привилегию горожан. У прибалтийских крестьян ремесленное производство сохраняло натуральный характер и было развито заметно слабее, чем в русской деревне.

Правда, различия в характере хозяйства прибалтийских и русских крестьян были невелики: как те, так и другие жили в основном сельским хозяйством. Но в Прибалтике все подсобные занятия носили временный или случайный характер и имели узко местное значение. В отличие от сельского населения Прибалтики русское крестьянство соседних областей, как известно, развивало наряду с сельским хозяйством различные промыслы и ремесла, а также мелкую торговлю. Этого на первый взгляд небольшого различия в характере хозяйства было достаточно, чтобы в быту как русских, так и прибалтийских крестьян выработались свои особенности и возникло некоторое общественное разделение труда между крестьянством обеих областей.

На фоне этого становятся понятными поездки русских рыбаков на побережье Прибалтики и ее озера. Странствующие русские ремесленники и розничные торговцы приносили в прибалтийскую деревню то, чего не доставало там, так как соответствующие отрасли местного производства отставали²³. Характерно, что заимствования, воспринятые коренным населением Прибалтики у русских, относятся в значительной части к разного рода промысловой деятельности, тогда как из Прибалтики на восток распространилась именно постройка, связанная с земледельческим хозяйством, — рига²⁴.

Эстонское Причудье, юго-восток Эстонии, Латгалия и восточная Литва занимали не только по географическому положению, но и по хозяйственному укладу крестьянства промежуточное положение между Прибалтикой и Россией.

В XVIII в. Прибалтика была присоединена к Российской империи и экономически включилась вследствие этого в обширный русский рынок, что весьма оживляюще повлияло на ее развитие.

Интересно проследить, какие различия в хозяйстве Прибалтики и соседних русских областей сохранялись и развивались при характерном для последующего периода росте производительных сил, углублении общественного разделения труда и развитии на основе этого капиталистических отношений как в городе, так и в деревне.

Остановимся прежде всего конкретно на интересующей нас русской территории. Северо-западные русские губернии были в особом положении вследствие того, что здесь находилась основанная в начале XVIII в. Петром I столица Российской империи. В Петербурге уже в 1725 г.

²² Х. М. Лиги, О развитии барщинного помещичьего хозяйства на территории Эстонии в середине XVI века (на эст. яз., резюме на русском), «Изв. АН Эст.ССР», Серия обществ. наук, 1958, стр. 93 сл.; V. Niitemaa, Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter, «Suomalaisen Tiedekatemia Toimituksia», sarja B, nide 76, 2, Helsinki, 1952, стр. 346 сл.

²³ А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 45 сл. (Краткая сводка содержания рукописной статьи того же названия, хранящейся в Этнографическом музее АН Эст.ССР в Тарту).

²⁴ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 300. На Псковщине рига упоминается уже в XVIII в. (см. М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I, Юрьев, 1895, стр. 30).

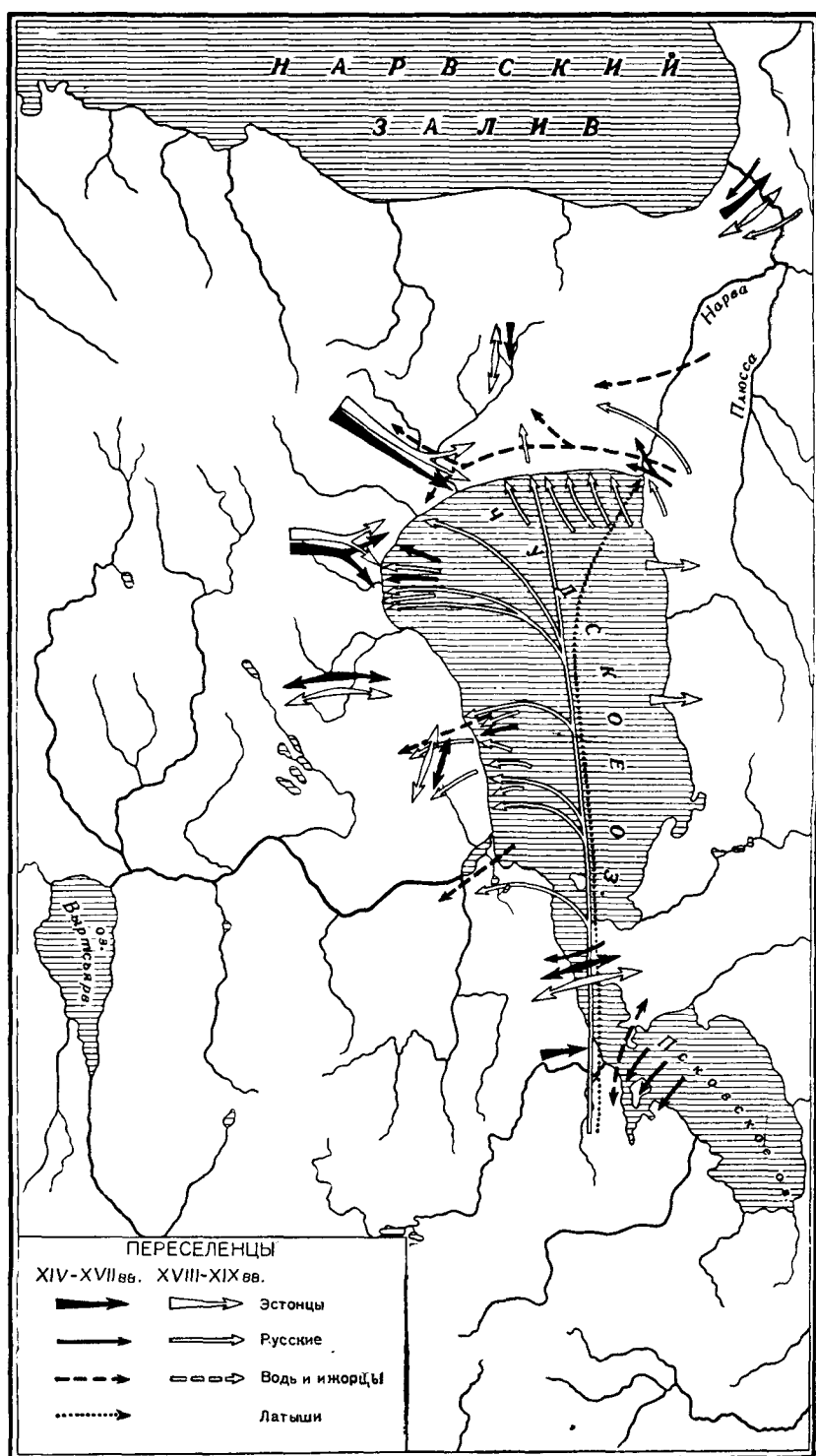

Рис. 6. Основные направления движения переселенцев в Причудье в XII—XIX вв.

насчитывалось 75 тыс. жителей, в 1825 г. их число возросло до 425 тыс. (уже значительно превышая население старой столицы — Москвы), а в 1897 г. — до 1 264 920, причем в период после 1861 г. население более чем удвоилось²⁵. Намного обогнав по своим размерам и скорости роста все старые города, Петербург втянул в сферу своего экономического влияния не только ближайшие, но и отдаленные районы вплоть до верхней Волги и Белоруссии. Не говоря о том, что окрестные земли снабжали столицу продовольствием, строительными и другими материалами, она привлекала огромную массу ищущего заработка сельского населения. По данным переписи 1897 г., среди жителей Петербурга насчитывалось 67,6% пришлого элемента, причем около 60% населения города составляли крестьяне²⁶. Кроме того, массы крестьян приходили в Петербург на сезонную работу. Такую же роль играли, конечно, и другие города, среди которых особенно следует отметить Ригу — один из наиболее быстро разраставшихся торговых и промышленных центров России.

Основной источник существования крестьян — сельское хозяйство в Петербургской, Псковской, Новгородской и других соседних с Прибалтикой губерниях во второй половине прошлого века в условиях развивающегося капитализма сделало некоторые успехи. К концу прошлого века — особенно в непосредственной близости к столице — трехполье стало уступать место многополью, появились новые сельскохозяйственные орудия. Однако уровень развития сельского хозяйства оставался все же низким, и только в части Псковской губернии оно давало некоторый избыток для продажи, в то время как в других частях той же губернии и в соседних Петербургской и Новгородской губерниях не доставало своего хлеба даже самим крестьянам, и его приходилось в большей или меньшей мере прикупать²⁷. Хлеб ввозили и в Псковскую губернию, имевшую относительно более плодородную почву, по той причине, что там товарное льноводство расширялось за счет посевов яровых хлебов²⁸. Петербург и его окрестности получали необходимое зерно в первую очередь из восточных черноземных районов²⁹. Вследствие недостаточной продуктивности сельского хозяйства крестьяне названных губерний должны были искать себе дополнительные средства существования.

Статистические данные показывают, что существенным подспорьем в этих лесистых районах были, как и в прежние времена, различные лесные промыслы, заготовка и вывоз лесных материалов, изготовление саней, телег и деревянной утвари, гонка смолы и дегтя, плетение корзин, заготовка лучины для корзин и ивовой коры для кожевенного дела и т. д. Во втором месте стоял доход от рыбной ловли, которая была главным средством существования для большей части населения, живущего на побережье озер и больших рек. Крупную рыбу продавали в Петербург и другие города, а мелкую оставляли для собственного потребления. Помимо того сельское население занималось также различными ремеслами: плотничьим, кузнечным, сапожным, портняжным, кожевенным и др., полный перечень которых был бы слишком длинным

²⁵ «Россия», Под ред. В. П. Семенова и В. И. Ламанского, т. III. Озерная область, СПб., 1900, стр. 248; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XXXVII, С.-Петербургская губерния. СПб., 1903, стр. 111.

²⁶ Учтены пришельцы только из России. Из пришлого населения 89 086 чел. были уроженцами разных уездов Петербургской губернии, 764 580 чел. — уроженцами других губерний. Жителей крестьянского сословия было 745 905, что составляло 58,97% всего населения столицы («Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XXXVII, стр. XII, 4, 5).

²⁷ «Россия», т. III, стр. 142 и карта 8.

²⁸ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 243.

²⁹ «Россия», т. III, стр. 230, 231.

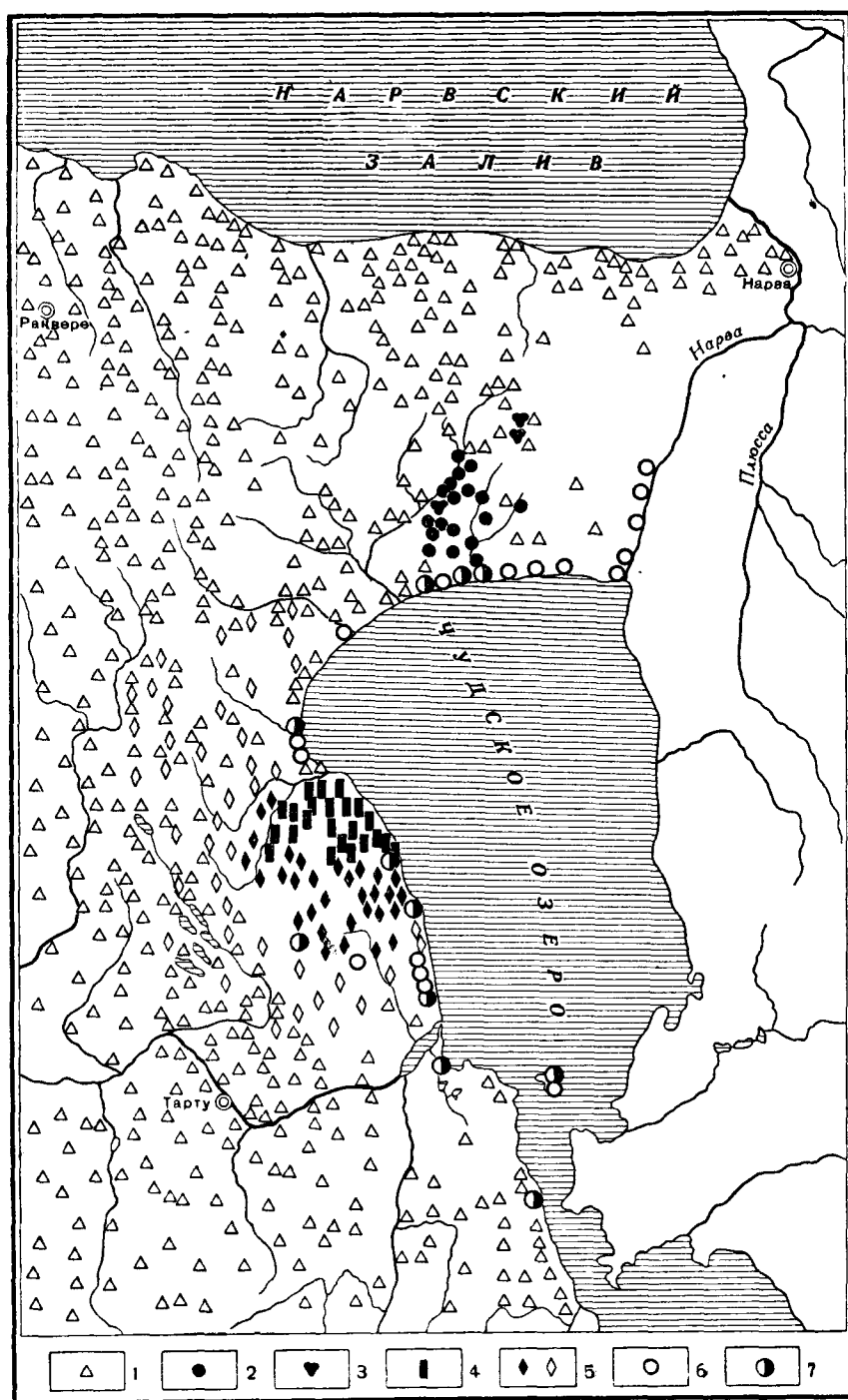

Рис. 7. Разные этнические группы населения эстонского Причудья во второй половине XIX в.: 1 — население, говорящее на разных диалектах эстонского языка; 2 — ийсацкие эстонцы (прежнее смешанное эстонско-водьско-ижорско-русское население); 3 — эстонское и ийсацко-эстонское население; 4 — население, говорящее на кодавереском диалекте эстонского языка; 5 — население, говорящее на эстонском языке, более или (соответственно) менее смешанном с кодавереским диалектом; 6 — русское население; 7 — смешанное русско-эстонское население (данные о кодавереском диалекте — по А. Я. Универе)

(их обзор, хотя и неполный, дает схематическая карта, рис. 8) ³⁰. Хотя промыслы в этих районах, по сравнению, например, с центральной Россией, были вообще мало развиты, нужно все же сказать, что в пределах рассматриваемых нами русских губерний уровень развития промыслов был в более восточных районах выше, чем в западных. Очень характерным для этих мест было распространение отхожих промыслов, игравших существенную роль уже в XVIII в. и даже раньше, но в прошлом веке в капиталистических условиях получивших особое распространение. Большая часть мужского населения регулярно была занята на сезонных работах в Петербурге и других городах, главным образом в качестве чернорабочих, а также мостовщиков, полотеров и пр. На заработки в город уходили и мальчики. Девушки обычно шли работать на пригородные огороды. С развитием капитализма в русской деревне все больше увеличивалось число странствующих прасолов и находившихся у них на службе гуртовщиков (которые, начиная с XVIII в., снабжали скупленным в Лифляндии и Финляндии скотом Петербург и другие города ³¹), скупщиков овощей и других товаров. Все больше развивалась мелочная торговля вразнос.

Насколько велико было экономическое значение разных промыслов и подсобных заработков, показывают некоторые статистические данные. По приблизительным подсчетам, в конце прошлого века средняя крестьянская семья в Петербургской губернии получала в год дохода от сельского хозяйства 130 руб., а от разных промыслов — до 150 руб. Хотя в соседних с Прибалтикой русских областях земледелие в деревне продолжало несомненно оставаться основной отраслью хозяйства, в некоторых районах (особенно Петербургской и Новгородской губерний) другие занятия и заработки, вместе взятые, уже оттесняют его на второй план. Это явствует и из других данных, которые свидетельствуют, что 94% сельского населения Петербургской губернии занималось промыслами, а земледелием — 90% ³². Тот факт, что земледелие уже не было больше фактически главным источником средств существования, надо считать, наряду с постепенно продолжающимся разорением большей части крестьян, одной из причин, почему развитие земледелия в русской деревне стало отставать от Прибалтики, почему техника его была более отсталой, инвентарь и скот — худшего качества.

В тот же период крестьянское хозяйство центральных, наиболее типичных районов Прибалтики, представляло до некоторой степени иную картину. Здесь сельское хозяйство, как и ранее, оставалось абсолютно преобладающим источником существования. Правда, в основных его отраслях со временем произошли некоторые изменения. Производство зерновых на рынок занимало по-прежнему важное место, однако зерно, выращиваемое на сравнительно малопродуктивных почвах Прибалтики, не могло ни по себестоимости, ни по качеству соревноваться на мировом рынке с зерном, идущим из центральных черноземных областей России или поступающим из заокеанских стран. Поэтому сельскому хозяйству Прибалтики нужно было искать новых путей и, в частности, пытаться переработать свое сырье в более ценный товар. Помещики стали гнать из зерна водку, все в большей мере заниматься откормом скота на мясо для продажи. Последним постепенно стали заниматься и крестьяне. Во второй половине прошлого века, в связи с высокими

³⁰ Немало материалов по хозяйству и быту населения окрестностей Петербурга содержат следующие издания: «Россия», т. III, стр. 112 сл., 144 сл.; «Западнофинский сборник», Л., 1930; «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXVIII А, СПб., 1900, стр. 203 (С.-Петербургская губ.).

³¹ Районы Прибалтики, в которых русские прасолы во второй половине XVIII в. скупали скот, показаны на карте в книге «История Эстонской ССР в трех томах» (на эст. яз.), т. I, Таллин, 1954, стр. 494 (условный знак 5).

³² «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXVIII А, стр. 203.

ценами на лен, в южной Эстонии, Латвии и Литве значительно расширились посевы этой культуры. В северной Эстонии в это же время увеличилось производство картофеля на продажу. К концу века, однако главным в сельском хозяйстве Прибалтики постепенно становится скотоводство. Таким образом, попытки расширять и развивать возможность получения средств к существованию делались в Прибалтике в пределах того же сельского хозяйства.

В прибалтийской деревне, где пахотная земля уже давно (в XI–XII вв.) перешла в подворное пользование, с того момента, как хозяева получили возможность выкупа своих участков, капитализм развивался очень быстро, что, как и везде, вело в Прибалтике к вытеснению большей части населения из сельского хозяйства. Этот процесс здесь протекал особенно остро, потому что прибалтийские помещики пытались расширить свои земли за счет крестьянских и для этого «очищали» последние от крестьян. Поскольку в Прибалтике, как в области, где в экономике издавна преобладало земледелие, вся пригодная земля была максимально использована, постольку крестьянам, вытесняемым из сельского хозяйства, ничего иного не оставалось, как отмечает В. И. Ленин, как эмигрировать либо в промышленные центры, либо в другие страны³³. Эстонские и латышские крестьяне шли в город в меньшем числе, чем этого можно было ожидать при сложившихся в местной деревне исключительно тяжелых условиях. В городах Прибалтики во второй половине прошлого века можно отметить сильный приток сельского населения, но все же и в конце столетия немцы, русские, поляки, шведы, евреи и представители других национальностей составляли в Таллине около 40%, а в Риге — даже больше половины (55%) всего населения³⁴. Помимо этого, в течение всей второй половины прошлого века в Таллин и особенно в Ригу каждую весну приходило на летний сезон много русских отходников. Значительная часть вытесненных из сельского хозяйства эстонских и латышских крестьян не шла в город, а пыталась найти землю, и с этой целью уходила в соседние русские и белорусские губернии (Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Витебскую, Минскую, Могилевскую и др.), а также в Поволжье, Сибирь и на другие окраины, где пригодная земля не была еще в той мере занята, как в Прибалтике, и где поэтому она была в несколько раз дешевле (при значительно большем плодородии). По данным, приведенным В. И. Лениным, в Прибалтике в период с 1863 по 1897 г. рост населения, в особенности сельского населения, был значительно меньше, чем в других областях России³⁵. Это, несомненно, объясняется большим развитием эмиграции. По приблизительным подсчетам, начиная с 60-х годов прошлого века и до начала XX века, в другие губернии эмигрировало не менее 11% эстонского сельского населения. Число эмигрировавших из Латвии крестьян было несколько меньше, но достигало все же примерно 10% сельского населения, т. е. соотносительно столько же, сколько из русских центрально-земледельческих губерний, которые В. И. Ленин выделяет как район, отличающийся особенно сильным развитием эмиграции³⁶.

³³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 493.

³⁴ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XLIX. Эстляндская губерния, СПб., 1905, стр. 2; тетрадь XXI. Лифляндская губерния, СПб., 1905, стр. 3.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 495.

³⁶ Там же, стр. 494–496. По данным переписи 1897 г., на территории современной Эстонской ССР насчитывалось эстонцев круглым числом 875 тыс. чел. К тому времени их удалось эмигрировать примерно 100 тысяч. К началу первой мировой войны число эстонцев, живших в России за пределами современной Эстонии, достигло 200 тыс. См. А. Ниголь, Эстонские поселения в России, Тарту, 1918 (на эст. яз.). Относительно переселенцев из Латвии см.: «История Латвийской ССР», т. II, Рига, 1954, стр. 26 сл., 128, 169.

Как показал В. И. Ленин, переселялись в первую очередь крестьяне-середняки, у которых было что взять с собой, в то время как обе крайние группы — самые бедные и самые богатые крестьяне — оставались в своих родных местах³⁷. Деревенская беднота, которая была уже оторвана от земли, если она все же эмигрировала, уходила преимущественно в город, а середняки пытались и на чужбине получить землю. О переселившихся из Прибалтики в другие губернии крестьянах известно, что они или покупали себе землю, или сначала арендовали ее и в течение нескольких лет выкупали и заводили на ней хозяйство того же типа, к которому привыкли дома.

Во второй половине прошлого века рыболовство на морском побережье в Прибалтике, особенно в Эстонии и Латвии, стало гораздо более интенсивным, чем прежде. Здесь сложилось местное профессиональное рыболовецкое население, для которого рыбная ловля была основным средством существования. Эти рыбаки начали использовать новые орудия и методы лова, и примерно на рубеже XIX и XX вв. вытеснили приходивших сюда сезонно русских рыбаков. Рыболовство теперь было основано на капиталистических отношениях; рыбаки зависели от предпринимателей и скупщиков. Правда, прибалтийские рыбаки имели по большей части и мелкие земельные участки, но так как они не могли прожить за счет плохо окупавшихся рыбной ловли и земледелия, многие из них в промежутки между промысловыми сезонами уходили на сельскохозяйственные работы в местные поместья или крупные хутора.

С развитием капитализма возрастало и число различных сельских ремесленников — плотников, кузнецов, сапожников. Они происходили из тех слоев крестьянства, которые, по выражению В. И. Ленина, капитализм «выталкивал» из сельского хозяйства. Они селились обычно в поселках, постепенно возникавших во второй половине прошлого века в Прибалтике у железнодорожных станций, на скрещении больших дорог и т. п. В этот период ремесло выделилось уже, таким образом, в значительной степени в самостоятельную отрасль занятий и обычно не было связано с сельским хозяйством, что было характерно для русских губерний. Как исключение можно упомянуть, например, в Латвии вецпиебалгских и смилтенских ткачей или в Эстонии хааньяских мастеров, изготавливавших шляпы и курительные трубки, и рапласких тележников; все они занимались ремеслом наряду с сельским хозяйством. Особо следует отметить, что отходничество, которое было так характерно для русских и которое существовало на острове Сааремаа и побережье Эстонии, в центральных районах Прибалтики и в этот период не развивалось. Лесные работы, извоз, перевозка товаров для городских купцов носили временный или случайный характер и деньги шли на выкуп земельного участка или пополнение сельскохозяйственного инвентаря. Сельское хозяйство оставалось для населения Прибалтики по-прежнему главным источником средств существования и накладывало отпечаток на весь уклад его жизни.

Благодаря развитию подсобных промыслов и распространению отхожих заработков, соседние русские губернии по плотности сельского населения превосходили Прибалтику. По данным переписи населения 1897 г., на 1 квадратную версту в Эстляндской губернии приходилось менее 19 чел., в материковой части Лифляндской — 22 чел., а в Псковской губернии, имеющей сходные с Лифляндией условия для сельского хозяйства, 27,6 чел. Благодаря тому же в русской деревне и деньги больше получили хождение, чем в прибалтийской. В 1958 г. один информатор из Гдовского района, который в начале настоящего столетия не раз побывал в Эстонии, сравнивая жизнь эстонских и русских крестьян того времени, сказал: «Серо жили эстонцы, они копили деньги и вкла-

³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 150.

дывали их все в свою землю, все в свою „талу“ (хутор), ничего не покупали, ходили в домотканном. А у нас всё покупали, носили покупное.

Эстонское Причудье занимало, как и раньше, по типу хозяйства и быту населения промежуточное положение между сельскохозяйственными районами Эстонии и соседними русскими областями. Население малоплодородных районов эстонского Причудья, так же как и сельское население соседней Петербургской губернии, получало дополнительные средства к существованию от заготовки и вывозки леса, обработки дерева, сбора ягод и грибов³⁸. Для прибрежного населения важное значение имела рыбная ловля. Особенностью Причудья, по сравнению с остальной материковой частью Эстонии, было распространение здесь различных промыслов (см. схематическую карту, рис. 8). Конечно, и в центральных районах Эстонии были деревенские кузнецы, плотники, ткачи, но, обычно, одиночки, выполнявшие наиболее простые работы и не производившие товаров для продажи.

Восточные районы Латвии и Литвы по типу крестьянского хозяйства представляли переходную зону между Прибалтикой и белорусскими областями. Эта переходная зона, однако, была шире, чем в Эстонии, и расширялась постепенно в южном направлении, захватывая в Латвии Латгалию (часть быв. Витебской губ.), а в Литве не только восточную, но отчасти и центральную часть. Особый тип крестьянского хозяйства Латгалии обуславливался уже тем, что земельные наделы крестьян были там значительно меньше, чем в остальной Латвии. Если в латышской части Лифляндии (Видземе) и в Курляндии (Курземе) средний крестьянский участок был около 40 десятин, то в Латгалии — только 8—9 десятин³⁹. Из этого следует, что большая часть крестьян должна была там иметь подсобные заработки. Действительно, по некоторым имеющимся в литературе данным, около половины латгальских крестьянских семей находили дополнительные средства к существованию в отходничестве, а многие занимались также кустарными промыслами, главным образом деревообделочными, изготовляя на продажу телеги и сани, деревянную посуду, корзины⁴⁰. Известный доход населению богатой озерами Латгалии давала также рыбная ловля. Таким образом, в восточной Латвии господствовал комплексный тип хозяйства, зачатки которого имелись там уже в далеком прошлом. По сравнению с остальной Латвией сельское хозяйство в Латгалии на мелких, чересполосных участках было отсталым.

Подобное положение существовало, в общем, и в восточной Литве. Там крестьянские наделы были меньших размеров, чем в западной Литве (Жемайтии), и также господствовал комплексный тип хозяйства, связанного с отходничеством, рыбной ловлей и другими подсобными занятиями⁴¹.

Собранные Прибалтийской экспедицией материалы позволяют проанализировать сложение этнического состава населения эстонского Причудья и направления его хозяйства. В начале XVIII в. Северная война нанесла населению Причудья, как и всей Эстонии, значительный

³⁸ А. Вийрес, Эстонское народное деревообделочное ремесло, Таллин, 1960 (в печати).

³⁹ «История Латвийской ССР», т. II, Рига, 1954, стр. 167. На востоке Курляндской губернии было, по-видимому, больше мелких хозяйств, чем в средних и западных ее частях. Для Эстляндской губернии мы подобными цифровыми данными пока не располагаем, но известно, что в причудской ее части (в районе Ийсаку) земельные участки были значительно меньше, чем в типичных земледельческих районах.

⁴⁰ «История Латвийской ССР», т. II, стр. 49; Л. Ефремова, Внутренний строй и взаимоотношения в семьях латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX века, «Изв. АН Латвийской ССР», 1959, № 8 (145), стр. 5 сл.

⁴¹ По вопросам литовской этнографии авторам оказывали помощь В. В. Милос (Вильнюс) и специально по литовским постройкам) К. К. Чербуленас (Каунас). Рыболовство на востоке Литвы описано в кн.: M. Znamierowska-Prüfferowa, Rybołówstwo jezior Trockich. Rys etnograficzny, Wilno, 1930.

урон. Поэтому после войны сюда влился поток новых поселенцев. Но так как возможности прожить в этой малоплодородной полосе оставались ограниченными, позже, в особенности с середины прошлого столетия, наблюдался и отлив населения отсюда в соседние районы. Как показывает карта движения переселенцев в Причудье (рис. 6), часть поселенцев пришла сюда из соседних районов Эстонии в поисках сколько-нибудь пригодных к обработке земель. Однако земледелие в тех условиях не могло здесь полностью обеспечить их существование, и они должны были заниматься рыболовством, промыслами или торговлей вразнос. Для эстонцев характерно, что они пытались, по возможности, расширить свой земельный участок, расчищая целину. Нередко эстонские семьи, поселившиеся на песчаном побережье Чудского озера, если позже имели возможность получить больший и лучший земельный участок, снова уходили с побережья.

Русское население западного побережья Чудского озера сформировалось на основе раннего коренного славянского населения и пришедших позднее русских переселенцев не только из ближайших восточных районов, но и из других мест Восточной Европы. Неоднородность происхождения русского населения проявляется уже в различии его говоров (даже в пределах одной деревни недавно еще можно было слышать разные говоры) и вероисповедания. Судя по этим признакам, а также по данным письменных источников и народных преданий, русское население северного побережья Чудского озера приходило главным образом из местностей, расположенных восточнее Чудского озера и реки Нарвы. Русские в этой части Причудья занимались, кроме рыбной ловли, немного сельским хозяйством и лесными промыслами. Молодежь уходила также на заработки в Петербург.

На западном побережье только в отдельных деревнях (например, дер. Нос) русское население ведет свое происхождение от пришельцев с востока, от Чудского озера. В большинстве деревень, в том числе в некоторых наиболее крупных (Варнья-Воронья, Калласте и др.), предки значительной части русского населения пришли из прежних польско-литовских владений, со среднего течения Западной Двины, т. е. с богатой озерами части Балтийской возвышенности. Это были в основном старообрядцы, которые после раздела Польши во второй половине XVIII в. ушли сначала по Двине (Даугаве) в Ригу, а оттуда расселились в разных направлениях, в том числе и в Причудье. Известно, что многие русские старообрядцы ушли в XVII в. из России, в частности из Новгородской земли, в Польшу, чтобы спастись от преследований правительства⁴². После присоединения этой территории к России часть старообрядцев ушла в Лифляндию, где они пользовались относительно большей свободой вероисповедания, чем в русских губерниях. Таким образом, очевидно, правильно распространенное мнение, что стремление уйти от религиозных преследований было одной из причин, которая привела в Причудье большую часть русских жителей. С другой стороны, несомненно также то, что предпосылкой, которая дала возможность русским поселиться именно на песчаном берегу Чудского озера, где почти отсутствовала пригодная для земледелия почва, были принесенные ими с собой трудовые навыки. Русские переселенцы были умелыми рыбаками, а также каменщиками и огородниками. Зимой они почти все ловили рыбу; летом уходили на строительные работы каменщиками в Тарту, Ригу, Петербург, Таллин, а также на прибалтийские мызы. Многие же добывали средства к существованию исключительно рыбной ловлей, причем не только на Чудском озере, но и на удаленных водоемах, включая Ладогу.

⁴² А. А. Заварина, Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века, Автореферат диссертации, М., 1955. Ср. также: «Россия», т. III, стр. 126.

Русские были настолько искусны во всех этих занятиях, что эстонцы — обитатели прибрежных деревень перенимали у них их производственные навыки и инвентарь. Часто эстонцы усваивали также русский тип построек и русский образ жизни, и в конце концов растворялись среди русских. В тех прибрежных деревнях, где было сколько-нибудь пахотной земли и где рыбная ловля сочеталась с земледелием (например, Омеду, эстонская Касепа), эстонцы чаще сохраняли свой язык и этнографические особенности.

С прежней территории Польши (по-видимому, из современной северо-восточной Литвы) некоторые крестьянские семьи пришли также в расположенные севернее Чудского озера лесистые и болотистые окрестности Ийсаку (например, дер. Порсково). Сюда проникали во второй половине прошлого века также и эстонцы. О многих поселившихся здесь эстонских семьях известно, что они пришли из соседних лесистых местностей (Авинурме, Туду и Симуна), т. е. и прежде жили в сходных географических условиях. О других семьях предания говорят (это подтверждается также некоторыми документальными данными), что их предки искали здесь, в больших лесах, убежища от рекрутчины и эксплуатации помещиков.

Причудье, как мы видели, отличается от центральных, преимущественно сельскохозяйственных, районов Эстонии. Ход заселения этой территории и формирования этнического состава ее населения показывает, что направление движения переселенцев в значительной степени определялось особенностями производственных навыков и опыта, выработавшихся у них в течение поколений на их исходной территории.

Как уже было отмечено, разное происхождение населения эстонского Причудья отразилось в пестроте говоров местного русского и эстонского языков, а также элементов материальной и духовной народной культуры. Изучение русских говоров Причудья только еще начато (основные особенности местного эстонского языка отображены на схематической карте, рис. 7). Смешанное население, жившее на север от Чудского озера в окрестностях Ийсаку, занимавшееся сельским хозяйством и наряду с этим лесными промыслами, в настоящее время эстонизировалось (особенно это сказалось в постройках и быту). Однако в отличие от основных эстонских сельскохозяйственных районов, здесь действовал обычай делить хозяйство среди наследников, вследствие чего земельные участки были невелики. В местном эстонском говоре, отдельных орудиях труда в одежде и обычаях сохранились заметные русские в водьско-ижорские элементы, свидетельствующие о разных этнических компонентах этого населения⁴³.

В центральной части западного побережья Чудского озера, в большей, северной, части Кодавереского кихельконда (прихода) население говорит на особом диалекте (так называемом кодавереском, или восточном) эстонского языка, который характеризуется значительным количеством водьских черт. Как мы видели выше, во второй половине I тысячелетия с восточного берега Чудского озера в лесную, западную, часть позднейшего Кодавереского кихельконда, особенно на берег р. Кяапа, проникли водьские элементы (в меньшем количестве они могли проникать сюда и позже). Эти древние водьские поселенцы, очевидно, придали водьскую окраску языку населения большей части названного кихельконда. В конце XVIII в. известный прибалтийский публицист А. В. Хупель отмечал в одежде и быту кодавереского населения ряд черт водьского происхождения.

⁴³ А. Х. Моора, Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII М., 1954, стр. 138 сл.

Обзор формирования хозяйства населения Прибалтики и его ближайших соседей в течение более двух тысячелетий показывает, что прослеживаемые в Прибалтике историко-культурные подобласти уже с древних времен имели некоторые особенности хозяйства. Конечно, образование этих историко-культурных подобластей и их подразделений обуславливали и иные причины — более или менее благоприятные условия сообщения, различные общественные и политические условия, старые традиции, заимствования у соседей и т. д.

Как явствует из предшествующего, мы склонны выделять культурно-исторические подобласти и районы Прибалтики, основываясь в первую очередь на особенностях хозяйственной жизни, от которых, по нашему мнению, зависят в той или иной степени особенности быта и всех элементов культуры. Исходя из этого, мы предлагаем выделить в качестве одной подобласти прибрежную полосу, которая охватывала эстонские острова, северо-западную часть эстонского материка (постепенно переходя в восточном направлении в другую, центральную подобласть) и побережье Курземе, особенно его северо-западную часть. Об особенностях быта населения этой прибрежной полосы мы говорили уже вначале. В другую, центральную, подобласть входили западная Литва, западная и центральная Латвия и большая часть материковой Эстонии. Это был, как мы пытались показать, по преимуществу сельскохозяйственный район с соответствующим бытом и культурой. Третья подобласть включала эстонское Причудье, юго-восточную Эстонию, в особенности Сетумаа, Латгалию и восточную Литву. Эта подобласть была по своему характеру промежуточной, или переходной, полосой между Прибалтикой и областями, примыкающими к ней с востока. Все три подобласти (которые вследствие их протяженности можно назвать и поясами) делились, в свою очередь, на более мелкие подразделения. Во всех трех названных подобластях Прибалтики земледелие в течение двух последних тысячелетий занимало важное место. Правда, в центральной подобласти, представлявшей, можно сказать, основное ядро Прибалтики, оно сильно преобладало над другими отраслями занятий. Эстония была в Восточной Европе, а может быть и во всем мире, самой северной аграрной страной.

Выдвижение на первый план сельского хозяйства было, очевидно, одним из условий того, что здесь сравнительно рано, уже в начале II тысячелетия, распалась сельская община — прекратились периодические переделы земли и установилось частное подворное землепользование. Также, видимо, преобладающее значение этой отрасли хозяйства было одной из причин, по которой землю обычно передавали одному наследнику и не дробили ее до бесконечности. Ввиду того что земля здесь была самым важным, преобладающим источником существования семьи, участок при сравнительно низкой плодородности почвы не мог быть меньше известного минимума, который давал возможность как-то прожить семье. Слишком маленький размер участка земли означал не только жалкие условия существования, но и неизбежную зависимость его владельца от более зажиточного соседа. Как известно, позже местные феодалы-помещики со своей стороны также препятствовали дроблению крестьянских земель, чтобы в своих интересах сохранить платежеспособность крестьянского хозяйства. Но традиция такого порядка наследования возникла явно ранее. В соседних русских областях, где различные подсобные заработки давали большую часть дохода, чем в Прибалтике, надел земли, которым пользовалось часто несколько семей, был в среднем значительно меньше. В эстонском Причудье, в Латгалии, в восточной Литве землю дробили между наследниками в общем так же, как и у соседних русских, однако отдельные участки в этой переходной зоне в среднем не были так малы, как в чисто русских областях.

В качестве примера того, как хозяйство, типичное для центральной полосы Прибалтики, вместе с другими причинами, влияло на материальную культуру, приведем характерный для Эстонии и северной Латвии тип крестьянского жилища, так называемую жилую ригу. Такой же тип жилища, по-видимому, встречался на Ижорском плато у води, занимавшейся в основном земледелием. При рассмотрении назначения этого своеобразного жилого и хозяйственного комплекса становится ясно, что возникновение его вызвали в первую очередь потребности сельского хозяйства, имеющего притом полеводческий уклон. Жилая рига сложилась, очевидно, в начале II тысячелетия, когда, с появлением озимой ржи, земледелие как в Прибалтике, так и в соседних областях переживало известный подъем. Видимо, тогда древнее однокамерное срубное жилище с простой печью-каменкой и открытым очагом перед ней осенью служило также снопосушильной; в связи с этим его крышу с одного конца удлинляли в виде навеса, под который убирали сжатый хлеб и где его после сушки молотили. Конструкция некоторых старых риг и жилых риг показывает, что навес первоначально опирался на столбы, затем его стали обносить стенами, и он превратился в отдельное помещение, которое получало и другое назначение, в частности — зимнего стойла для скота. К другому концу жилой риги несколько позже стали пристраивать камеру, которая не отапливалась и потому служила жильем преимущественно в теплое время года.

Соединение риги с жилищем в каждом хозяйстве относится, очевидно, к тому времени, когда пахотная земля перешла во владение отдельных хозяйств, вследствие чего каждая семья убирала и молотила хлеб самостоятельно. У русских Псковщины, где сохранялось общинное землепользование и где в результате дробления наделов количество обмолачиваемого хлеба было меньше, риги были общими на несколько семей.

Кроме того, надо учитывать местный климат, который характеризуется в Прибалтике (особенно — в Эстонии) тем, что период наибольших осадков обычно падает на позднее лето, т. е. на период уборки хлеба. Это ежегодно требует сушки зерна.

Далее необходимо обратить внимание на обстоятельство, о котором в наши дни многие уже не помнят, а именно на то, что до середины прошлого века как в Прибалтике, так и у соседних народов жизнь и занятия делились в году на два, резко отличающихся друг от друга сезона: теплый и холодный. На летнее время с незапамятных времен большая часть семьи переселялась из курного жилища в камору, клеть, на чердак; пищу готовили в летней кухне, а не в жилом доме, скот также выводили с гумна. Курное жилище в период молотбы хлеба было практически свободно, и не было существенных препятствий, чтобы использовать его как снопосушильную. Когда наступало холодное, зимнее время, хлеб был уже обмолочен и тогда семья — не только в Прибалтике, но и у соседей, у которых бытовало жилище другого типа, — переселялась снова в отапливаемое помещение.

Отдельная, специальная рига, которую для сушки использовали только короткое время, не была тогда необходима. В наших северных, суровых условиях человек должен был в борьбе за существование соблюдать экономию рабочей силы и материалов; поэтому соединение риги и жилища было естественным и практичным. Нет никаких оснований искать причину возникновения жилой риги в обеднении крестьян при крепостничестве, как полагали некоторые авторы⁴⁴. Прибалтийская

⁴⁴ I. Manninen, Die Sachkultur Estlands, II, Tartu, 1933, стр. 186; P. Kupi-zińš, Dzivojamā rija Latvijā, Rīgā, 1934, стр. 475 сл. Вопросы возникновения жилой риги, ее развития в прошлом веке и начале нынешнего рассматривает Н. В. Шлыгин в своей работе «Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в.», «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии, т. XXXII, М., 1956, стр. 48 сл.

жилая рига возникла уже до этого тяжелого времени; первое упоминание о ней в источниках относится к 1330-м годам.

Наконец, надо отметить еще одно условие образования этого сложного комплекса, а именно достаточное развитие строительной техники. При примитивной технике было проще ставить отдельные маленькие постройки разного назначения, чем возводить сложную постройку. Поэтому формирование жилой риги требовало длительного развития, в том числе и известного развития строительной техники⁴⁵.

Было бы полезно сравнить прибалтийскую жилую ригу с комплексом русского жилища в Прибалтике и выяснить причины, приведшие к его возникновению. Наш материал не позволяет, однако, сделать этого в полном объеме; поэтому ограничимся здесь только некоторыми отдельными замечаниями. Русское крестьянское жилище известно в восточной, пограничной, полосе Прибалтики и на соседней русской территории, как двухкамерное (изба+сени), так и трехкамерное (изба+сени+клеть или изба). К двухкамерному жилищу примыкает крытый одноярусный двор (однорядная связь). При трехкамерном жилище встречается как двухрядная, так и покоеобразная застройка усадьбы. На Псковщине и у юго-восточной группы эстонцев — сету в крупных хозяйствах встречалась трехрядная застройка. При всех этих формах связи ригу строили, как уже отмечалось, одну на несколько хозяйств, вынося ее на край деревни. На известном расстоянии от других построек, на более низком месте, у воды, ставили баню, также нередко одну на несколько дворов. В Петербургской и Псковской губерниях на усадьбах с однорядной и двухрядной связью амбар для хлеба помещали в огороде, позади двора.

Сравнивая русскую крестьянскую усадьбу (даже с двухрядной связью, не говоря об однорядной) с комплексом жилой риги и ее надворных построек, нетрудно заметить, что первая приспособлена к потребностям хозяйства, в котором как земли, так и скота было в среднем меньше, чем в прибалтийском крестьянском хозяйстве. Как мы уже отмечали, в русской усадьбе до второй половины прошлого века, а иногда и позже, размещалась большая семья, которую составляли родители вместе со взрослыми сыновьями или несколько братьев со своими семьями. С развитием капитализма большая семья начала быстро распадаться на малые. Вытеснение в новое время двурядной связи маленькими однорядным комплексом было обусловлено рядом причин: дроблением наделов, расслоением крестьянства, ростом отходничества и других подсобных заработков в русской деревне⁴⁶. Многие эстонские крестьяне на побережье Чудского озера, имевшие лишь маленький земельный участок и занимавшиеся рыбной ловлей и торговлей вразнос, переняли русский тип жилища, преимущественно с однорядной связью, объясняя это тем, что подобное расположение построек для них более удобно и практично: за скотом можно ухаживать не выходя на улицу, все в хозяйстве под рукой и укрыто. Как уже отмечалось, русский тип жилища

⁴⁵ Небезынтересно, кстати, сопоставить жилую ригу, возникшую в условиях хозяйства с сельскохозяйственным направлением, с фризским домом, связанным с хозяйством скотоводческого направления. Последний уже на рубеже нашей эры представлял собой постройку удлиненной формы, в одном конце которой располагались жилые помещения с очагом, тогда как другую, большую часть дома занимал хлев со многими, расположенными в два ряда стойлами. Несмотря на то, что к концу прошлого века, т. е. почти за два тысячелетия развития, этот комплекс стал более сложным, его основную часть по-прежнему составлял хлев с жилыми помещениями в одном конце. M. W. Haarnagel, Die Ergebniss der Grabung auf der Wurt Feddersen Wierde bei Bremerhaven in den J. von 1955—1957, Сб. «Neue Ausgrabungen in Deutschland», Berlin, 1958, стр. 215 сл. и рис. 2, 3; Н. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Поровская, К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», ХХІХ, 1958, стр. 104 и рис. 2.

⁴⁶ Е. Э. Блохмквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, стр. 166.

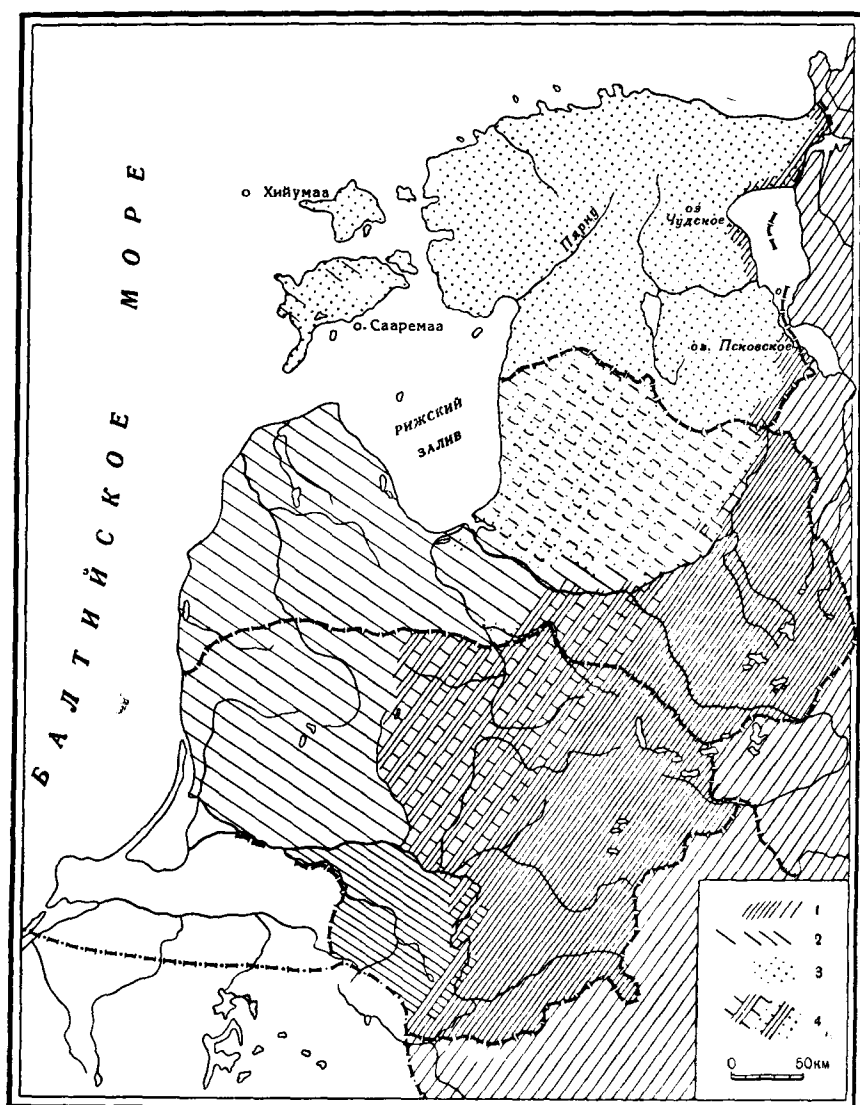

Рис. 9. Схематическая карта распространения основных типов крестьянского жилища в Прибалтике во второй половине XIX в.; 1 — изба с духовой печью русского типа; 2 — западнолитовский и западнолатвийский тип (намас, троба, истаба) и его занеманский вариант (стуба); 3 — жилая рига; 4 — смешанные типы (данные по Литве — по В. К. Милюсу, по Латвии — по А. К. Крастыня)

и усадьбы получил распространение также у юго-восточной группы эстонцев — сету, в Латгалии, в восточной и даже центральной Литве (рис. 9) ⁴⁷, потому что и там преобладали мелкое хозяйство, часто связанное с приработками, и соответственные семейные отношения.

В южной части центральной, сельскохозяйственной полосы Прибалтики, в западной Литве и юго-западной Латвии был распространен особый тип жилища. Нужно, однако, отметить, что в Литве, как и в соседних частях Латвии, социально-экономическое развитие населения уже в древности шло быстрее, чем на севере Прибалтики. Социальные и семейные отношения в литовской деревне были и позже своеобразны

⁴⁷ См.: Л. Н. Терентьева, Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики, Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 347 сл.

ми. Особенно в Жемайтии сохранилась на протяжении всей эпохи феодализма значительная прослойка лично свободных, относительно самостоятельных крестьян, которые в остальной Прибалтике представляли лишь исключение. В связи со всем этим и крестьянские постройки были более сложными. Основные черты истории литовского жилища, с учетом экономических и социальных условий его сложения, обрисовал К. К. Чербуленас; в некоторых деталях его выводы дополнили и другие исследователи⁴⁸. Можно выделить в Литве два различных типа жилища и комплекса хозяйственных построек — западный и восточный. В средневековье в западной Литве обычным крестьянским жилищем был так называемый намас, которому предшествовало простое однокамерное жилище с очагом. Намас возник примерно на рубеже I и II тысячелетий, т. е. в период известного подъема в развитии сельского хозяйства. Он представлял собой удлиненную в плане бревенчатую постройку, в одной половине которой помещалось жилище с очагом, а в другой — скот. Над очагом для защиты от искр был построен колпак. По одну сторону намаса был «чистый» двор, по другую — скотный двор. Ригу и другие хозяйственные постройки ставили на усадьбе отдельно. В бедняцких хозяйствах намас был меньше и использовался разнообразнее, так как надворных построек было мало. Намас встречался, очевидно, местами и в восточной Литве. Примерно одновременно с намасом на западе Литвы стал складываться и другой, более сложный, тип жилища, так называемая троба, характерная главным образом для зажиточных семей. Отличительной чертой тробы было наличие особого помещения с каменными стенами, сходящимися в свод, и широкий дымоход над открытым очагом для приготовления пищи. Жилые помещения располагались либо симметрично, либо асимметрично по обе стороны от этой камеры. В особенно богатых хозяйствах их было иногда больше десятка. В камеру с очагом выходили устьем все печи без дымохода, отапливающие жилые помещения, так что дым не попадал в последние. К XV—XVIII вв. троба в основном вытеснила намас как жилую постройку, и в богатых усадьбах его стали использовать только как хлев. В Занеманье (на запад от Немана) господствовал тип жилища, который можно считать вариантом тробы — стуба, но с некоторыми чертами, общими с восточнолитовскими и прусскими жилыми постройками.

На востоке Литвы и местами в центральной ее части преобладало жилище другого типа — пиркя, сходное с русским жилищем и развивавшееся в тесной связи с ним (см. рис. 9). Его развитие, по мнению К. К. Чербуленаса, шло от однокамерной срубной постройки с печью-каменкой. Эта постройка, которая в древности служила и жильем, и снопосушительней, и баней, на рубеже I и II тысячелетий стала только жильем, а ригу и баню начали возводить как отдельные постройки. Литовское жилище — с печью русского типа и сенями — приобрело в основном тот же план, что и русское двухкамерное жилище. В более крупных и зажиточных хозяйствах восточной Литвы жилой дом состоял (как и у русских) из двух изб, соединенных сенями.

Как правильно отмечает Чербуленас, возникновение всех этих типов жилища литовцев объясняется особенностями в экономических и социальных условиях жизни литовского крестьянства. В западной Литве — Жемайтии — и в соседних частях Латвии очень рано распалась сельская община и земля перешла в подворное владение. Земельные участки были здесь в среднем крупнее, чем на востоке. В восточной Литве, как

⁴⁸ К. К. Чербуленас, Развитие литовского народного жилища (с древнейших времен до конца XIX века), Автореферат диссертации, Вильнюс, 1958; его же, Намас («нумас») — первоначальный тип литовской жилой постройки, Сб. «*Įs Lietuvių Kultūros Istorijos*», I, Vilnius, 1958, стр. 104 сл. (на лит. яз. с резюме на русском); В. Жиленас, Сформирование литовского народного жилого дома, там же, стр. 146 сл.; И. Буткявичюс, Основные типы традиционного литовского крестьянского жилища, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 396 сл.

и в восточной Латвии и соседней Белоруссии, господствовало мелкое крестьянское хозяйство и там также одним участком нередко пользовалась большая семья.

Одним из условий сложения типа западнолитовского и юго-западного латышского жилища был очевидно также климат, в известной мере приближающийся к центральноевропейскому. В условиях более континентального климата с длинной и суровой зимой в восточной Литве жилой дом снабжали не открытым очагом, а печью-каменкой. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что курляндский тип жилища, в центре которого находилась камера с открытым очагом, в некоторой мере распространяется и в Эстонии, на острове Сааремаа.

Как мы видели, в северной части Латвии — Видземе довольно обычной была жилая рига⁴⁹. Надо отметить, что к тому времени, к которому можно отнести распространение здесь жилой риги (начало II тысячелетия), на всей этой территории, исключая узкую прибрежную полосу расселения ливов и некоторые северо-восточные районы, жили уже латыши. Поэтому ригу можно лишь условно рассматривать как чисто эстонский тип жилища. Ригу можно считать примером явления, которое существует у двух соседних народов, близких по хозяйственным и культурным особенностям, но резко различных по языку.

Наряду с жилой ригой в Видземе начиная с конца XVIII в. (а возможно, и ранее) появляется другое жилище (латышская истаба), характерное для западной Литвы и юго-западной Латвии — жилище с камерой (ровис), в которой находился очаг для приготовления пищи и куда выходили устьями печи жилых помещений. Распространение двух разных типов жилища характеризует северную Латвию как переходную зону между севером и югом центральной полосы Прибалтики.

Таким образом, жилище и относящиеся к нему надворные постройки представляли в сумме сложный комплекс, который образовывался под воздействием особенностей хозяйственной жизни, социальных отношений и географических условий. Влияние соседей в отношении жилища, как и других элементов материальной культуры, воспринималось только там и постольку, где и поскольку социально-экономические условия создавали для этого сходные предпосылки. Сложившиеся в течение веков традиции (в том числе и этнические традиции) также определялись в конечном счете этими условиями.

Исторически сложившиеся особенности структуры хозяйства, своеобразное переплетение его отдельных отраслей сыграли свою роль в образовании локальных отличий также и в других элементах культуры — одежде, орудиях труда, средствах транспорта, пище и т. д.

Развитие духовной культуры — фольклора, верований, обычаев — имеет свою специфику. Детальная разработка этого вопроса — задача фольклористов. Х. Т. Тампере показал, что особое развитие некоторых жанров фольклора, как и известных обычаев, наблюдается преимущественно в эстонских исконно сельскохозяйственных районах⁵⁰. На составленной им карте (рис. 10) видно, что развитые жнивные песни были сосредоточены в основном в центральной, сельскохозяйственной части Эстонии, а на островах и в западной Эстонии они сохранились в форме речитативов или примитивных запевов.

В северной и северо-западной Эстонии хозяйство имело главным образом зерновое направление; на юге Эстонии, как и в Латвии, селяли

⁴⁹ А. К. Крастыня, Крестьянские жилища в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма, Рига, 1959 (на латышском яз. с резюме на русском); ее же, Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в., Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 387 сл.

⁵⁰ Х. Т. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 298 сл.

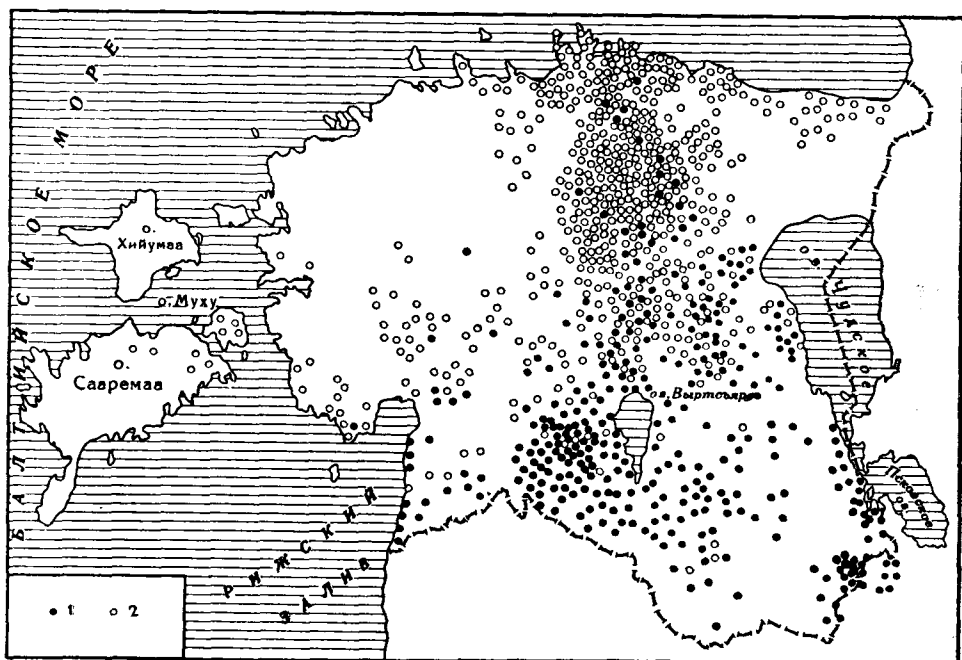

Рис. 10. Распространение эстонских жнивных песен: 1 — южноэстонские, 2 — североэстонские типы (по Х. Т. Тампере)

относительно больше льна, а в скотоводстве наблюдался некоторый уклон в сторону молочного хозяйства⁵¹. Возможно, что в связи с этим в обрядах празднования Иванова дня и в соответствующих песнях южной Эстонии больше проявлялось заботы о скоте, чем на севере. В североэстонских песнях Ивановой ночи мысли направлены больше на то, чтобы удавались хлеба:

Кто не идет к Иванову костру,
У того в ячмене чертополох,
Полевица в овсе.

В южной же Эстонии в первую очередь речь идет об успехах в животноводстве:

Зачем же ждут Иванова дня,
Варят Иваново пиво?

Чтобы волы не были бессильные,
Не был тощим молочный скот.

Некоторые черты быта, характерные для южных эстонцев, были общими с латышами. Так, в северной Латвии, отличающейся холмистым рельефом, так же как и на юге Эстонии господствовал, как известно, рабросанный тип поселения. В североэстонской деревне, где дворы были расположены близко друг к другу, для большого общего стада держали наемного старшего пастуха, а на юге Эстонии, как и в Латвии, скот с каждого двора выпасали отдельно и стерегли его обычно дети и подростки. В связи с этим Х. Т. Тампере ставит развитие на юге Эстонии и в Латвии своеобразных пастушеских песен, в словах и мелодиях которых он находит по обе стороны языковой эсто-латышской границы много общего⁵².

⁵¹ [A. H u e s c k], Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland, Leipzig, 1845, стр. 90, 91. На юге, в латышской части Лифляндии, уход за скотом был лучше, поэтому там и получали больше молока.

⁵² Доклад, прочитанный Х. Т. Тампере на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики в Вильнюсе (1955 г.). Оттуда же взяты приведенные выше образцы эстонских народных песен. См. также: Х. Т. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, рис. 90 (распространение пастушеских песен-перекличек).

Проследив на протяжении длительного времени процесс формирования историко-культурных подобластей и районов Прибалтики, мы приходим к заключению, что они складывались не только на основании таких элементов культуры, как одежда, жилище, пища и т. д., но и на основе обуславливающих характер этих элементов особенностей хозяйственной деятельности людей.

Отдельные отрасли хозяйства, или занятия, и элементы культуры имели обычно более широкое распространение, чем территория, охватываемая определенной культурной областью или подобластью. Поэтому нельзя признать правильными попытки определить историко-культурные области на основании наличия лишь отдельных элементов культуры и отраслей хозяйства, рассматриваемых отдельно, в отрыве от других⁵³. Образование известной культурной области было обусловлено не только наличием или отсутствием в ее пределах определенных элементов культуры и отраслей хозяйства или их простой суммой, но также в большой мере особым исторически сложившимся сочетанием всех этих явлений и соотношением между ними, своеобразным для каждой области и подобласти. Нельзя забывать и того, что историко-культурные области и их подразделения являются, как следует уже из текста, историческими категориями, и что, следовательно, для более полного понимания их специфики необходимо всегда прослеживать развитие этих особенностей в течение возможно более длительного периода времени.

Приведенные выше материалы показывают, что в пределах каждой территории, отличающейся своим особым характером экономики и культуры, особенно интенсивно шли процессы обмена трудовыми навыками и взаимное общение населения.

Ни в одной из трех историко-культурных подобластей Прибалтики насколько мы можем проследить их историю, население никогда не говорило на общем языке, другими словами, — ни одна из них не представляла этнической общности. Лишь более мелкие подразделения, или районы, в пределах которых господствовало более полное единство хозяйственной жизни, культуры и быта, были уже издавна одновременно территориями распространения особых языков или диалектов. Особенно ярко это было, видимо, выражено в первые века нашей эры, когда у народов Прибалтики еще господствовал первобытно-общинный строй и когда из разнородных обитавших здесь в предыдущие периоды этнических элементов успели консолидироваться известные нам по древнейшим письменным источникам эстско-ливские и литовско-латышские племена.

На рис. 2 схематически представлены археологические культуры, или культурные районы, отмечаемые в Прибалтике в первой половине I тысячелетия н. э.⁵⁴ Культура центральной полосы позволяет выделить уже для того времени особую, наиболее характерную для Прибалтики подобласть. Племена этой полосы занимались преимущественно земледелием.

⁵³ Поэтому и сделанную ранее одним из авторов настоящей статьи попытку определить на основании распространения немногих элементов границы историко-культурных областей Эстонии следует рассматривать в настоящее время лишь как подготовительную работу для выяснения данного вопроса (См.: А. Х. Моора, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 242 сл.).

⁵⁴ Подробнее см.: Р. Яблонские-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 6 сл.; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 107 сл.; М. Х. Шмидехельм, О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э., там же, стр. 172 сл.; А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, там же, стр. 187 сл.

нием и животноводством и были тесно связаны друг с другом. Большое количество общих типов украшений свидетельствует о наличии у этих племен более или менее сходного типа одежды. В то же время материальная культура этих племен, а отчасти и их духовная культура, имела многие особенности, совокупность которых позволяет выделить здесь ряд районов (см. рис. 2). На основании имеющихся в нашем распоряжении археологических и других материалов можно сделать заключение, что уже в рассматриваемый период в структуре экономики населения разных районов существовали некоторые местные особенности. Археологический материал не оставляет сомнения в том, что формирование культуры в этих районах было обусловлено и рядом других причин — культурными традициями, связями с соседями и пр. Центральная культурная подобласть Прибалтики делилась на две основные части — северную, которую населяли эстонские племена, и южную, в которой обитали балтийские племена; это было, видимо, обусловлено тем, что эти группы племен консолидировались уже в I тысячелетии до н. э. В возникновении на обеих упомянутых территориях подразделений, отличающихся особыми типами могильников и погребальными обрядами, следует усматривать в значительной мере влияние сложившихся по-разному традиций. Если мы находим у балтийских племен восточной и западной части данной подобласти до некоторой степени отличные орудия труда (например, на востоке — серпы и массивные проушные топоры, на западе же — косы, мотыги и втульчатые топоры), то в этом сказываются, очевидно, известные отличия в структуре хозяйства. Если, далее, у западных летто-литовских племен часто встречаем разные типы фибул для скрепления одежды, которые отсутствуют на востоке, то это может быть результатом более тесной связи летто-литовских племен с соседними прусскими племенами.

Указанные культурные районы весьма устойчиво сохранялись в дальнейшем. Правда, факторы, определявшие развитие хозяйственных и культурных общностей, не оставались на протяжении веков одинаковыми. Со временем границы многих культурных территорий перемещались или стирались, но в основном специфика районов, отмеченных для начала I тысячелетия н. э., прослеживается не только в начале II тысячелетия, но даже и в местных этнографических материалах, относящихся к XIX в. Из этого следует, что основой для выделения историко-культурных районов является культурная общность древних местных племен, восходящая к эпохе первобытно-общинного строя, так же как и диалекты народов Прибалтики.

Представление об образовании подразделений историко-культурной области Прибалтики, которое мы здесь попытались дать, является, конечно, лишь первоначальным и весьма общим.

В заключение следует подчеркнуть, что комплексная работа, которую ведут участники Прибалтийской экспедиции — археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, фольклористы и другие, — обещает дать результаты, представляющие не только местный, но и более широкий, общетеоретический интерес. Работа эта безусловно требует продолжения и дальнейшего развития.

А. К. КРАСТЫНЯ

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЫХ ДОМОВ КОЛХОЗНИКОВ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР

В Латвийской ССР, как и в других советских республиках Прибалтики, из года в год ширится строительство новых совхозных и колхозных поселков. В первые годы после создания коллективных хозяйств в Советской Латвии на территории будущих колхозных поселков возводили преимущественно постройки производственного назначения, так как хозяйственные помещения прежних единоличников не соответствовали нуждам общественного хозяйства. В последующие годы, с ростом доходов колхозов и повышением материального благосостояния колхозников, все большее внимание стали уделять строительству жилых домов в новых поселках.

В условиях социализма унаследованная от прошлого хуторская система расселения тормозит успешное развитие колхозного производства. Разбросанность жилищ колхозников по отдельным хуторам приводит к некоторой раздробленности колхозных полей, что создает неблагоприятные условия для полной механизации полевых работ. Кроме того, отдаленность хуторов от производственных центров колхоза затрудняет своевременный выход колхозников на работу, а также выбор ими трудовой деятельности по их склонностям и способностям — на животноводческих фермах, в механических мастерских, садоводстве и т. д. Хуторская система тормозит и развитие культурной и общественной жизни колхозников, так как мешает посещению занятий по повышению политических и специальных знаний, кружков самодеятельности, кино, концертов и т. д.

Многие жилые помещения, построенные до советского периода (особенно — использовавшиеся неимущей частью крестьянства) по планировке, внешнему и внутреннему оформлению не удовлетворяют возросших бытовых потребностей советских тружеников села. Для всестороннего становления и благоустройства этих зданий необходимы значительные средства, а потому с хозяйственной точки зрения бывает целесообразнее строить новые дома, нежели ремонтировать старые. Поэтому по мере того как из года в год крепнет экономика коллективных хозяйств и возрастает общественная активность трудящихся села, все интенсивнее развивается и строительство новых жилых домов.

Архитекторы, техники-строители и другие специалисты Советской Латвии обращают большое внимание на планировку новых поселков, на создание и популяризацию проектов прочных, удобных и красивых жилых домов для колхозного крестьянства. В столице и районах республики имеется много специалистов, работающих в области строительства и разрешающих связанные с ним вопросы. Ими разработан ряд типовых проектов жилищ, опубликовано несколько исследований, посвященных

этой теме¹. В журналах, газетах, в отдельных брошюрах и плакатах рассматриваются и пропагандируются рациональные проекты жилых домов, популяризируются новые, дешевые строительные материалы, а также передовые методы организации труда строителей².

В предлагаемой статье приводятся некоторые материалы о ходе строительства новых поселков в коллективных хозяйствах Латвийской ССР, а также данные о строительстве новых жилых домов, с краткой характеристикой их архитектуры и внутреннего устройства³.

* * *

В Латвии нет колхоза, в котором не был бы составлен проект нового поселка, не было бы уже возведено большее или меньшее число зданий (рис. 1 и 2). Первыми в Латвии в 1950 г. приступили к строительству колхозных поселков сельхозартели «Первое Мая» Резекненского района и «Накотне» Добельского района. В 1956 г. значительные работы по строительству нового поселка были начаты в колхозе «Саулес Старс» Мазграмдского сельсовета бывшего Приекульского района. Территория этого колхоза очень пострадала во время войны. Лишь в 10 из 60 крестьянских дворов, объединившихся в колхоз, сохранились постройки. В настоящее время здесь возведено уже значительное число новых жилых домов.

Быстрыми темпами идет строительство новых поселков и во многих других колхозах республики (в сельхозартели «Ритаусма» Добельского района, «Лачплесис» и «Зале земе» Огрского района, им. Жданова и «Кекава» Рижского района и др.).

Особенно активно ведется строительство новых поселков в рыбо-ловческих артелях Курземского и Видземского побережья. За годы Советской власти жизнь тружеников моря коренным образом изменилась. Высокие доходы рыболовецких артелей позволяют их членам не только широко развернуть жилищное строительство, но и создавать в своих поселках благоустроенные, отвечающие требованиям современного быта дома⁴. Красивые, по-современному комфортабельные жилые дома уже построены и продолжают строиться в рыболовецких артелях «Саркана бака» Вентспилсского района, «Звейниекс» и «9 Мая» Рижского района, «Звейниекциемс» Лимбажского района и др.

Чтобы способствовать быстрейшему созданию колхозных поселков и ускорить строительство в них жилых домов, иногда практикуется перевозка старых домов с бывших единоличных хуторов в колхозные

¹ См., например, О. О. Берзинь, Архитектура народного жилища Латвии и основные предпосылки к проектированию жилого дома колхозника Латвийской ССР, канд. диссерт., 1954; «Сборник материалов по планировке и застройке сельских населенных мест Латвийской ССР», Рига, 1955; О. Беринш, Latviešu zemnieku māju arhitektūra, Rīgā, 1958; «Latvijas PSR kolhozu arbūve un plānošana» (Сборник статей АН Латвийской ССР, II), Рига, 1958.

² Latvijas PSR Celtniecības ministrijas kolhozu celtniecības galvenās pārvaldes «Tehniskās informācijas biļetens kolhozu celtniekiem» I, Rīga, 1957; Latvijas PSR Ministru padomes kolhozu celtniecības galvenās pārvaldes «Tehniska informācija kolhozu celtniekiem», Rīgā, 1959; «Sienas no kūdras paneļiem», Latvijas PSR Ministru padomes kolhozu celtniecības pārvaldes «Jauns būvmateriāls», I, Rīgā, 1959; «Sienas no niedru paneļiem», Latvijas PSR Ministru padomes kolhozu celtniecības pārvaldes, «Jauns būvmateriāls», 2, Rīgā, 1959; «Cementa kīģeļu sienas», Latvijas PSR Ministru padomes kolhozu celtniecības, galvenās, pārvaldes, «Lets būvmateriāls», 3, Rīgā, 1959; Z. V a n a g s, Kūdras paneļu dzīvojamā ēku celtniecības pieredze kolхозos, Latvijas PSR Ministru padomes zinātniski tehniskās komitejas «Informatīvi tehniskā lapa», Rīgā, 1959.

³ В статье использованы главным образом полевые материалы автора, собранные в командировках и экспедициях сектора этнографии Института истории АН Латвийской ССР, и ряд материалов Главного управления колхозного строительства при Совете Министров Латвийской ССР.

⁴ См. ниже статью Л. Ефремовой.

Рис. 1. Поселок совхоза «Мадона» в Лаздоне, Мадонский р-н, 1959 г.

центры. Больше всего перевозится таких домов в Латгале, что объясняется наличием именно в этой части Латвии наибольшего числа удобных для перевозки срубных построек.

Создающиеся в Латвии колхозные поселки чрезвычайно разнообразны по своей планировке и характеру застройки. При строительстве колхозного поселка важными условиями являются размещение уже имеющихся на территории колхоза зданий, сеть дорог, величина земельной площади колхоза и расположение используемых в сельском хозяйстве земель. Обычно стараются разместить жилой сектор колхоза в его хозяйственном центре, в наиболее густо населенных пунктах. Нередко новые поселки строят на месте старых «местечек» (в поселке Матиши — центре сельхозартели им. Сталина Вальмиерского района).

Рис. 2. Поселок сельхозартели «Сталина цельш» Талсинского р-на, 1959 г.

Рис. 3. Поселок сельхозартели «Накотне» Добельского р-на, 1955 г.

поселке Кекава — центре сельхозартели «Кекава» Рижского района и др.).

В размещении построек новых колхозных поселков наглядно выявляются изменения, происшедшие в жизни тружеников села в годы Советской власти, сказываются новые интересы крестьянства. В бывших местечках центральное место всегда отводилось церкви, вокруг которой группировались добротные дома наиболее зажиточных и влиятельных людей, господствовавших в волости и направлявших всю ее общественную жизнь (пастора, купцов, корчмарей, аптекаря и т. д.). В центрах же колхозных поселков расположены здания правления колхоза, клуба, школы, детского сада и т. д. Таким образом, социалистическое преобразование сельского хозяйства в Латвии и все вызванные этим изменения в культурной и общественной жизни населения определяют специфику архитектуры новых колхозных поселков.

В планировке и застройке новых поселков доминирует линейная система, при которой дома расположены по обеим сторонам улицы (рис. 3). В некоторых местах, где в новых поселках еще не проложены дороги и улицы, вновь построенные дома создают впечатление свободной и смешанной планировки.

Созданию условий здоровой жизни в усадьбе каждого колхозника придается большое значение, так как здесь живет семья труженика села, здесь она отдыхает после работы в коллективном хозяйстве, набирается новых сил для плодотворного участия в общественном производстве. Поэтому при планировании будущих поселков особое внимание уделяется их благоустройству, созданию максимальных бытовых удобств: снабжению электроэнергией, колодцами, водопроводом, канализацией, зелеными насаждениями. Колхозники Латвийской ССР придают большое значение озеленению новых колхозных поселков, посадке новых садов. С первых же дней строительства новых жилых домов колхозники сажают на своих новых усадьбах плодовые деревья и ягодники, декоративные кусты и деревья, разбивают цветники (рис. 4).

С каждым годом число жилых домов, построенных в колхозных поселках Латвийской ССР, все увеличивается. По данным Главного управления колхозного строительства при Совете Министров Латвийской ССР,

Рис. 4. Жилой дом колхозника в сельхозартели «Накотне»

в 1956—1957 гг. в колхозных поселках возведено 3240 новых жилых домов и 350 домов перевезено с бывших хуторов. В 1956 г. число новых домов в колхозах Латвийской ССР возросло по сравнению с 1955 примерно в три раза. В последующие годы их число непрерывно возрастало (рис. 5). Наиболее активно строительство идет в Латгале в южной части Курземе, тогда как в Видземе новостроек меньше (см. карту, рис. 6). Наибольшее число новых домов приходится на долинные районы, в которых в результате разрушений, причиненных во время Великой Отечественной войны, уничтожена большая часть старых крестьянских жилищ (Добельский, Резекненский, Приекульский и другие районы).

Много новых домов построено колхозниками, которые до восстановления Советской власти не имели ни земли, ни построек. Это главным образом бывшие батраки и другие безземельные крестьяне, которых довольно много в Латгале и Земгале. В результате строительства новых

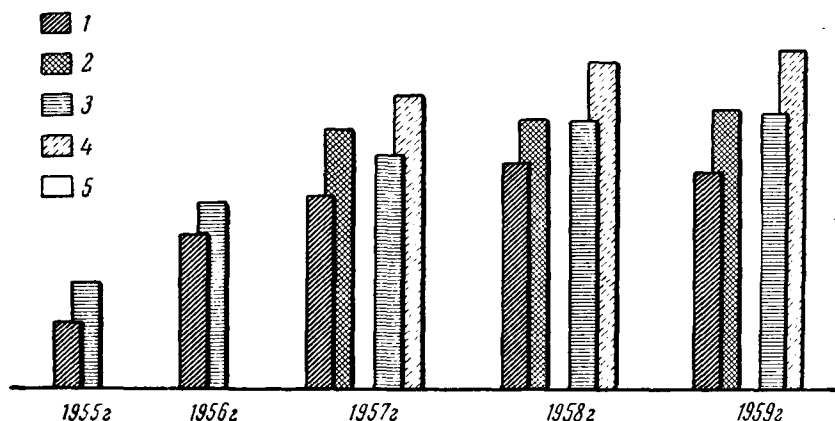

Рис. 5. Строительство жилых домов в колхозах Латвийской ССР (1955—1959 гг.): 1 — сдано в эксплуатацию жилых домов; 2 — в них квартир; 3 — строящиеся дома; 4 — в них квартир; 5 — 100 единиц

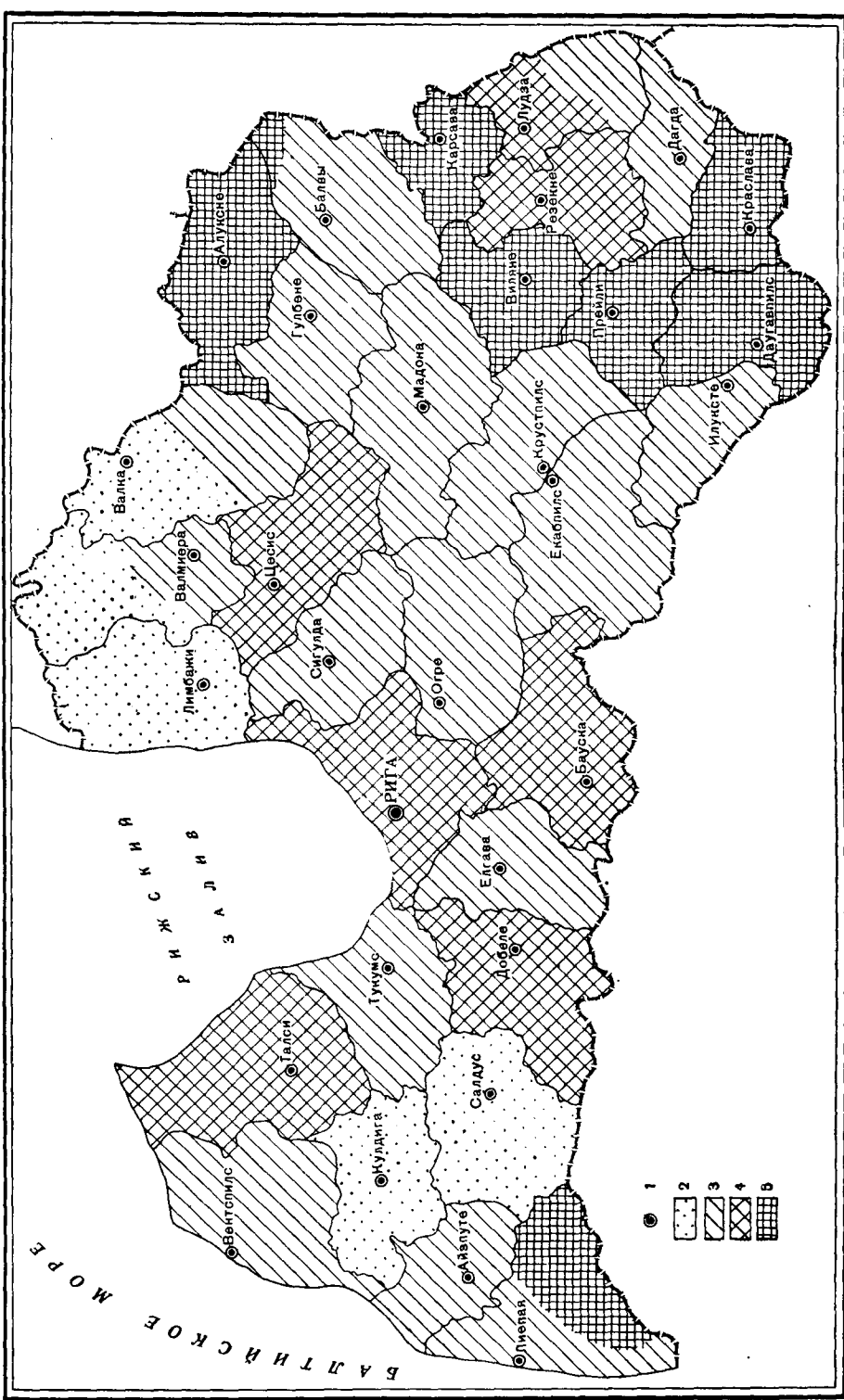

Рис. 6. Строительство жилых домов колхозников в районах Латвийской ССР (1955—1959 гг.): 1 — районные центры; число жилых домов, сданных в эксплуатацию с 1/1 1955 по 1/1 1960 г.: 2 — до 100; 3 — 100—200; 4 — 200—300; 5 — более 300

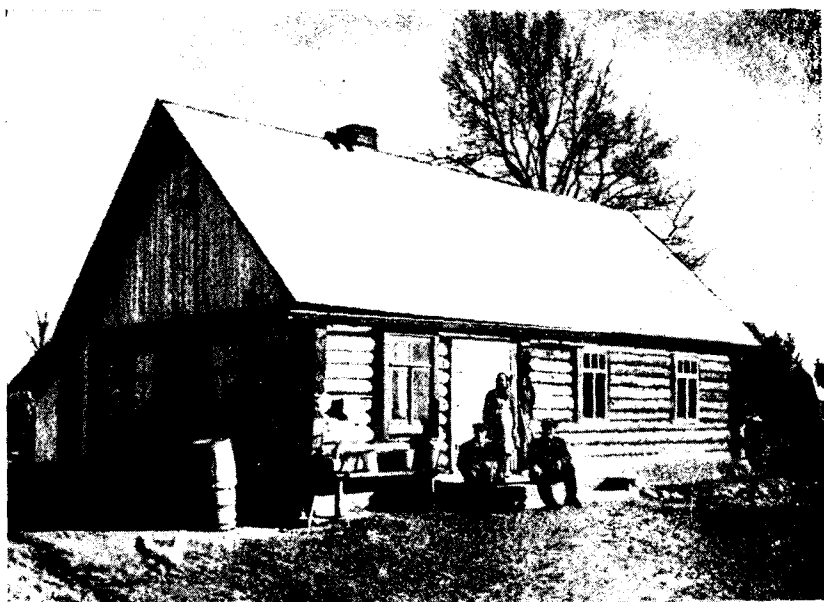

Рис. 7. Жилой дом колхозника — переселенца из Латгале в сельхозартели «Лачплесис» Огрского р-на

поселков Латвия постепенно покрывается сетью новых домов, медленно но верно вытесняющих старые крестьянские жилища.

Успешный ход коллективизации сельского хозяйства и строительство новых колхозных поселков развеял в прах старую буржуазную теорию, утверждавшую, что латыши по своему характеру — хуторяне-индивидуалисты, склонные к замкнутости и уединению.

Особенно грандиозные задачи встают перед жилищным строительством в текущем семилетии. Контрольные цифры развития народного хозяйства Советского Союза на 1959—1965 гг. показывают, что за эти годы на селе должно быть построено около 7 млн. новых жилых домов для колхозников и сельской интеллигенции. В Латвийской ССР запланировано построить за счет государственных капиталовложений средств населения, а также при помощи государственных кредитов значительное число жилых домов в поселках совхозов, колхозов и РТС. Для осуществления этой задачи следует максимально использовать местные строительные материалы, наиболее удачные типовые проекты, а также организовано, рациональными методами вести строительные работы. Наши специалисты, ученые и практики неустанно ищут новые методы, ведут исследования, стремясь наиболее экономично использовать запасы местных строительных материалов.

В латвийских колхозах сравнительно редко строят срубные дома, столь характерные для крестьянского строительства Латвии досоветского времени. Постройки этого типа возводят главным образом в восточной части Латвии — Латгале. Иногда, переходя из Латгале на жилищное строительство в другие этнографические области (Видземе, Земгале, Курземе), колхозники ставят и там соответствующие старым традициям родной области срубные дома. Это наблюдалось, например, в сельхозартелях Огрского района «Лачплесис», «Копдарбс» и др. (рис. 7). Довольно часто в наши дни строят каркасные дома, стены которых покрывают цементно-известковой штукатуркой, обшивают досками или обкладывают кирпичом.

Рис. 8. Улица в новом поселке сельхозартели «Лачплесис» Огрского р-на с построенными на ней домами из крупнопористого бетона

В последнее время дерево мало используется для возведения стен, его заменяют другими материалами. Одним из наиболее распространенных, а вместе с тем и наиболее дешевых материалов, используемых в новостройках Латвии для сооружения стен, является так называемый опилко-бетон. Строения из этого материала можно найти в каждом латвийском колхозе. Покрытые штукатуркой стены таких построек не только дешевы и практичны, но и красивы (см. рис. 2, 3, 4). Подобным же образом возводятся и шлако-бетонные постройки. В Латгале, где широко развито льноводство, можно встретить также постройки из бетона с кострой⁵. В районах, богатых известковым доломитом и крупнозернистым гравием, стены жилых домов возводят из крупнопористого бетона. Наибольшее число построек с подобными стенами имеется в сельхозартели «Лачплесис» Огрского района (рис. 8).

В Латвийской ССР имеется в большом количестве ценный, но до сих пор мало использовавшийся в строительстве материал — торф. Практика показывает, что из торфяных панелей можно легко и с небольшими затратами строить стены домов⁶. Латвийский государственный институт проектирования сельского строительства «Латгипросельстрой» разработал ряд проектов жилых домов со стенами и перекрытиями из торфопанелей.

В зданиях подобного типа снижается на 50% по сравнению с деревянными постройками расход деревянных строительных материалов.

⁵ Технологические процессы изготовления костро-бетона рассматривает инженер-строитель Главного управления по колхозному строительству при Совете Министров Латвийской ССР Ж. Ванг в статье «Костро-бетон» (Главное управление по колхозному строительству при Совете Министров Латвийской ССР, «Техническая информация для колхозных строителей», Рига, 1959, стр. 22—24).

⁶ Несколько лет назад в Сигулде и Риге построен ряд индивидуальных жилых домов, в которых торф использован для заполнения стен. Старший инженер-строитель Главного управления по колхозному строительству при Совете Министров Латвийской ССР Ж. Ванг дает детальное описание изготовления торфопанелей и сооружения домов из них в статье «Mājas no kūdras». «Padomju Latijas kolhoznieks», 1957, № 9. («Дома из торфа», «Колхозник Советской Латвии», 1957, № 9). См. также: «Опыт строительства жилых домов из торфопанелей в колхозах», «Информационно-технический листок Научно-технического комитета Совета Министров Латвийской ССР», Рига, 1959, стр. 8—9; «Individuālās dzīvojamās mājas ar antiseptizētas kūdras paneļu sienām, газ. «Cīņa», 29 сентября 1957 г.

Рис. 9. Четырехквартирные жилые дома в сельхозартели им. Ленина Талсинского р-на. Стены сооружены из торфопанелей, обшитых кирпичом

Кроме того, при этом методе строительства можно с успехом использовать горбыли и отходы пиломатериалов. Очень важно также, что торфопанели можно заготовить зимой,— это сокращает сроки строительства и в значительной мере освобождает рабочую силу в летние месяцы, когда рабочие руки нужны для полевых работ. Стены из торфопанелей обходятся значительно дешевле стен из других строительных материалов⁷. Подобные дома со стенами, обложенными кирпичом или оштукатуренными снаружи и внутри, довольно красивы (рис. 9).

В ряде колхозов уже построено много подобных зданий. Так, в сельхозартели «Саулес старс» бывшего Приекульского района в 1957—1958 гг. построено 15 жилых домов из торфопанелей, в сельхозартели им. Карла Маркса Добельского района — восемь домов, «Игриве» Алуksненского района — семь домов. Благодаря простоте и удобству изготовления торфопанелей число построек этого типа с каждым годом возрастает. В 1959 г. уже почти в каждом районе Латвийской ССР построены торфопанельные дома.

Подобно торфяным, изготавливаются также тростниковые панели. В Тукумском районе, где много тростника, построен уже ряд зданий этого типа. Так, в рыболовецкой артели «Падомью эвейниекс» в 1958 г. построено два, а в сельхозартели «Дзимтене» — три жилых дома со стенами из тростниковых панелей. В 1959 г. несколько построек с использованием этого материала возведено в Тукумском, Талсинском и других районах.

Колхозники приобретают также стандартные сборные семейные домики, изготовленные заводским способом по типовому проекту К-7 (рис. 10). При их монтаже колхозникам не следует производить значительных изменений. Практика показала, что иногда от внесения изменений в хорошо продуманные типовые проекты страдали как внешний вид зданий, так и их планировка.

Недостатком стандартных сборных домов является то, что в них не отражаются ни индивидуальный вкус хозяина дома, ни локальные особенности данной области. Поселок, состоящий преимущественно из

⁷ «Опыт строительства жилых домов из торфопанелей в колхозах», стр. 8—9.

Рис. 10. Сборные стандартные домики из панелей заводского производства в сельхозартели «Заля земе» Огрского р-на

таких домов, оставляет однообразное впечатление. Поэтому при строительстве новых поселков следует отдавать предпочтение не стандартным сборным домам, а постройкам, созданным по различным типовым проектам, но благодаря своим формам (крыше, фасаду, окнам и т. д.) составляющим общий ансамбль.

В жилищном строительстве колхозов все шире применяются типовые проекты, которые в различных вариантах разрабатывают республиканские государственные институты сельского и городского проектирования «Латгипросельстрой» и «Латгипрогорстрой».

В этих проектах находят отражение как лучшие народные традиции, так и новейшие достижения советской архитектуры.

Планируя новые жилые дома, архитекторы стремятся добиться наибольшего удешевления строительства, возможности использования стандартных блоков и панелей и в то же время стараются, чтобы планировка дома отвечала санитарным требованиям, а само здание было бы удобным и красивым. Как обязательное условие в план включается тамбур — прихожая, которой зачастую не бывало в старых жилых постройках, где дверь из кухни открывалась прямо на улицу. Устраняется и другой недостаток старых жилых домов, в которых в жилые помещения можно было попасть, лишь пройдя через кухню. В планы включаются хорошо проветриваемые вспомогательные помещения — кладовые, стенные шкафы, ванная комната и туалет, а по возможности, и обогреваемое проветриваемое помещение для сушки белья и сырой одежды. Чтобы сделать кухню более просторной, печь для хлеба помещают под плитой, а иногда и вовсе не включают ее в план, учитывая, что многие колхозники покупают хлеб в магазине, а для выпечки белого хлеба и разного рода печений пользуются духовкой.

В новых поселках в последнее время практикуется строительство двух- и трехэтажных домов, обычно — за счет капиталовложений колхозов. Квартиры в этих домах по большей части предоставляются колхозникам-одиночкам или семьям, переселившимся из других областей и еще не успевшим обзавестись собственным домом. По сравнению с индивидуальными многоквартирными домами строительство многоквартирных жилых домов выгоднее, так как при этом экономятся средства на сооружение водопровода, канализации, центрального отопления и т. д.

Рис. 11. Трехэтажные многоквартирные здания в новом поселке совхоза «Мадона» в Лаздоне

Кроме того, живя в таких домах, колхозники-одиночки имеют возможность значительно благоустроить свой быт, лучше использовать свободное от работы в коллективном хозяйстве время. По внешнему виду и внутреннему устройству эти дома напоминают городские.

Многоквартирные дома построены главным образом в совхозных поселках, например, в поселке «Трикате» Валкского района, в совхозе «Мадона» Мадонского района (рис. 11). Такие дома начинают сооружать и в колхозных поселках, например, в сельхозартели «Лачплесис» Огрского района, а больше всего в поселках рыболовецких артелей — «Саркана бака» Вентспилского района, «9 Мая» Рижского района и др.

В связи с широким развитием жилищного строительства в Латвийской ССР спрос на типовые проекты очень велик, и как только они появляются в продаже, их в несколько дней раскупают. Это свидетельствует о том, что проектов еще недостаточно, что их не хватает для всех желающих; их выпуск следует увеличить. В Латвии довольно

Рис. 12. Жилые дома в новом поселке совхоза «Мадона», построенные по проекту, разработанному в Белорусской ССР

часто используют типовые проекты, созданные в соседних республиках — Эстонии и Белоруссии, а также на Украине (см. рис. 12).

Практика показывает, что колхозники довольно часто вносят изменения в форму крыши и окон, а также во внутреннюю планировку строящихся по типовым проектам зданий. В результате страдают внутреннее устройство дома и его использование в повседневной жизни, а особенно — общий вид колхозного поселка. Дисгармоничное впечатление производит, например, застройка поселков в совхозе «Будескалны», в сельхозартели им. Жданова Рижского района и др., где, вытянувшись вдоль главной улицы, соседствуют дома и с крутыми двухскатными крышами, и с пологими четырехскатными, и с мансардными надстройками. Отсюда явствует, что быстро развивающееся на селе строительство новых поселков нельзя предоставить самотеку. Надо стремиться к тому, чтобы колхозники, строя жилые дома, согласовывали их внешний вид с принятым проектом всего поселка. Это — путь к тому, чтобы помочь труженикам села создать красивые усадьбы, соответствующие общему ансамблю нового колхозного поселка.

Строительство жилых домов по типовым проектам — большой шаг вперед по пути улучшения условий жизни трудящихся села. Если в прежнее время лишь у небольшой части зажиточных крестьян и крестьян-середняков были красивые, благоустроенные дома, то теперь такой дом может построить себе любой колхозник, честно участвующий в общем труде. По мере того, как из года в год экономически укрепляются колхозы, постепенно возрастают также доходы тружеников села, повышается уровень их жизни. Это особенно ярко отражается на внутреннем устройстве и убранстве жилых домов. Колхозники приобретают новую красивую мебель городского типа, различные декоративные предметы для украшения жилища. В квартирах колхозного крестьянства можно встретить хорошие картины или репродукции, художественную керамику, декоративные полочки, резьбу по дереву и т. п. В создании внутреннего уюта в жилище большую роль играют ткани, которые во множестве можно видеть в крестьянских домах. По большей части это — домотканые одеяла, покрывала, занавески, разостланные на полу дорожки, декоративные подушки и т. п. Колхозницы, не умеющие ткать или не имеющие соответствующих приспособлений, заказывают такие вещи мастерицам или покупают их в магазинах. В большом спросе так называемые народные ткани, которые изготавливает по старинным этнографическим мотивам или по композициям художников художественно-производственный комбинат «Максла». К сожалению, многие декоративные ткани еще в недостаточном количестве поступают в торговую сеть. Поэтому для украшения жилища часто используют обычные, продающиеся в магазинах одноцветные, а также клетчатые или полосатые материи. Ткани с разбросанными по фону цветами латышские колхозники для украшения жилища употребляют сравнительно редко. В каждом сельском доме можно видеть специальную и художественную литературу. У многих колхозников уже столько книг, что эти собрания вполне можно назвать домашними библиотечками. Все это придает сельскому жилищу культурный облик и уют.

Большая часть домов в колхозных поселках электрифицирована и радиофицирована. У многих колхозников имеются телевизоры. Если прежде хорошую мебель и уютно обставленное жилище имели лишь наиболее зажиточные крестьяне, то сейчас этим располагает любой рядовой колхозник, у которого достаточно желания и энергии, чтобы благоустроить свой дом.

* * *

*

Исследуя новые жилые дома тружеников села, их архитектурное оформление и внутреннее убранство, можно обнаружить, что старинные,

присущие этнографическим областям особенности в строительстве лиц и их устройстве теперь в значительной мере исчезают. Бол всего сохраняются этнографические особенности у латгальцев. В того, что в буржуазной Латвии Латгале была наиболее густо населенной частью территории республики, многие жители Латгале переселяются теперь в менее населенные области: Земгале, Видземе или Курземе. Переселяясь в другие области, жители Латгале приносят с собой свои этнографические особенности. Выше мы уже отмечали, что в некоторых колхозах переселенцы возводят срубные дома. Даже строя дома по типовым проектам, латгальцы любят украшать окна резными наличниками, а вдоль одной из стен под скатом крыши нередко сооружают пристройку — сени-кладовую, стремясь таким образом и в новых условиях сохранить строительные традиции своего родного края. Разумеется, пристройка подобного рода у современного опилко-бетонного или кирпичного дома имеет непривлекательный вид. Если резные наличники у окон и дверей до сих пор сохраняются и их нередко включают в типовые проекты, то от старых традиций при планировке жилищ домов стараются теперь освободиться.

Локальные особенности отдельных этнографических областей Латвии наиболее ярко отражаются во внутреннем убранстве жилья и в используемых для его украшения тканях и вышивках. Для жителей Видземы характерны поперечно-полосатые одеяла «шатиеру» (*šatiēru sega*), в которых цвета комбинируют самым различным образом, употребляя для этого нити, окрашенные в разные оттенки одного и того же цвета с переходами от светлых к темным тонам. Цветные полосы зачастую комбинируют с орнаментальными полосами с мелким узором. Такие одеяла постилают на кровать, на тахту или диван. Их употребляют и как настенные ковры или портьеры. Дорожки для пола ткут в такой же технике.

Для Курземы и Земгале характерны яркие, клетчатые или сплошь цветные тканые орнаменты одеяла и покрывала. В жилищах они находят то же применение, что и описанные выше видземские одеяла. Для Латгале характерны одеяла, затканые по темному, чаще всего черному фону узором довольно яркой расцветки (красным, зеленым, желтым, фиолетовым и т. д.). Следует заметить, что и в наши дни жительницы Латгале, как и женщины Курземы, ткнут довольно много ярких одеял, узорчатых полотенец и скатертей, что в значительной мере отражается на внутреннем облике их жилищ. Жители Латгале любят ставить в комнатах «канапку» — длинную скамью со спинкой. Чаще, чем у других, в комнатах латгальцев можно встретить старинный сундук для приданого — «скрейни». Свои особенности жители Латгале сохраняют и в оборудовании кухни. Здесь почти всегда можно видеть характерную для Латгале глиняную посуду — кружки и блюда, а также плоскдонные котлы; латгальцы любят варить и тушить еду в печи, чего не делают жители других областей Латвии. В домах жителей Латгале — католиков и особенно православных — обычно имеется «святой угол» с одной или несколькими иконами, нередко украшенными цветами, декоративными полотенцами и свечами.

Как уже говорилось, характерные для латгальцев черты быта переселенцы несут с собой в другие области Латвии. Наибольшим успехом заслуженно пользуются красивые латгальские ткани и керамика. Окрестные колхозники охотно перенимают их и используют для украшения своих жилищ. Другие отличительные черты латгальцев, особенно связанные с религиозными обрядами, постепенно исчезают, так как молодежь не признает и не соблюдает их.

По сравнению с прежним временем культура тружеников села значительно поднялась и продолжает из года в год возрастать.

Л. ЕФРЕМОВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛХОЗНИКОВ-РЫБАКОВ ВИДЗЕМЕ

Изучение культуры и быта колхозного крестьянства в годы построения в нашей стране социалистического общества и в период постепенного перехода к коммунизму имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Разработка этой темы особенно важна для молодой социалистической республики — Латвии.

Сектор этнографии Института истории Академии наук Латвийской ССР избрал объектом изучения три видземских рыболовецких колхоза: «Энкурс», «Бривайс вилнис» и «Брива кайя», расположенных на территории Лимбажского района. В 1957 г. там работали сотрудники Института. Основное внимание уделялось особенностям хозяйства в районе, а также культуре и быту рыбаков в прошлом и настоящем, так как, только проследив эти явления в историческом развитии, можно выявить те огромные изменения, которые произошли в жизни рыбаков при Советской власти.

Во второй половине XIX — начале XX в. основным занятием населения прибрежной полосы данного района было земледелие. Подавляющее большинство здесь составляли безземельные крестьяне и мелкие арендаторы. Крестьяне-усадьбовладельцы представляли наиболее зажиточную часть крестьянства, но число их было очень невелико. Побережье и полоса моря шириной в 3 км принадлежали барону, и крестьяне-арендаторы платили ему ренту не только за землю, но и за право рыбной ловли в море. За установку мережи (*murds*) плата составляла 10 рублей в год, за пользование неводом (*vads*) — 25 рублей¹.

При отсталой технике рыболовства преобладали мелкие снасти; наиболее крупным орудием лова накануне первой мировой войны был закидной невод. Крестьяне рыбачили обычно небольшими артелями в 8—10 человек, так называемой «неводной семьей» (*vadu saime*). Во главе такой артели стоял кто-нибудь из состоятельных крестьян-хозяев. Каждый из пайщиков давал кусок сети, который сшивали с остальными частями невода. Улов делили соразмерно величине сети, принесенной каждым из пайщиков. Рыбаки выходили в море на весельных лодках, работа на которых требовала больших физических усилий.

Большая часть улова салаки, основной промысловой рыбы на Видземском побережье, шла на продажу. Салаку продавали преимущественно крестьянам внутренних волостей, а также отвозили на рынок в ближайший город Лимбажи, который в шутку называли «столицей салаки». Салака входила и в ежедневный рацион питания самих рыбаков.

¹ Полевые записи 1959 г. сектора этнографии Института истории АН ЛССР (в дальнейшем цит. Полевые записи 1959 г.).

Крестьяне нанимались к помещикам на разработки и сплав леса, и это служило некоторым подспорьем в их бюджете. Было широко распространено также мореходство, принявшее особенно значительный размах с открытием в Айпахе во второй половине XIX в. первой в Латвии мореходной школы. Окончившие эту школу получали дипломы капитанов и штурманов дальнего плавания. В мореходной школе учились, как правило, сыновья состоятельных хозяев; крестьяне же из неимущих семей плавали матросами, обычно не порывая связи с земледелием; заработок их шел на расширение хозяйства, которые вели отец, брат или жена. Если удавалось на эти деньги приобрести немного земли, моряк нередко оставлял работу на судне и полностью переходил к сельскому хозяйству.

В период существования в Латвии буржуазной республики число крестьян, для которых рыболовство стало основным источником существования, в Видземе значительно возросло, главным образом за счет безземельных крестьян. По буржуазной аграрной реформе они получили небольшие земельные участки размером от 2 до 7 га (так называемые «рыбацкие участки»), но пахотная земля составляла в них не больше 1—0,5 га, и ее использовали под огород.

В этот период развитие рыболовства задерживалось низким уровнем техники, недостатком транспорта, узостью рынка сбыта и господством скупщиков-спекулянтов. Массовое приобретение рыбаками моторных лодок и крупных снастей — вентерей, мереж — началась лишь во второй половине 20—30-х годов. Рыболовные снасти и моторы стоили дорого, и рыбаки приобретали их в рассрочку, что ставило их в кабальную зависимость от торговцев. Моторы приобретали преимущественно небольшие, маломощные (в 5—7 лошадиных сил), но и они стоили около тысячи лат². Большинству безлошадных рыбаков трудно было сбывать рыбу. Местный рынок был незначительным, а для перевозки салаки в Лимбажи приходилось брать лошадь за деньги или отработку у состоятельных соседей. На рынке предложение часто превышало спрос; непроданная рыба портилась из-за отсутствия холодильников, и нередко почти весь улов приходилось выбрасывать или использовать на удобрение. В таких случаях семья рыбака оказывалась в особенно тяжелом положении. Ценную рыбу — угря, лосося, минюгу — продавали через посредников-спекулянтов в Ригу, и за доставку рыбы те брали большие проценты.

Чтобы избежать посредничества спекулянтов, видземские рыбаки в 1930-х годах объединились в кооператив, но в него вошли преимущественно состоятельные хозяева, обладавшие крупными снастями. Кооператив имел грузовую машину, что в значительной степени облегчало перевозку рыбы. Он оказывал своим членам помощь в приобретении снастей. Однако этот кооператив не мог заметно улучшить положение широких масс рыбаков. В буржуазной Латвии рыбаки составляли один из наименее обеспеченных слоев населения.

С установлением Советской власти в Латвии положение рыбаков коренным образом изменилось. В 1949 г. рыбаки, объединившись в колхозы, получили новейшую технику и мощный флот. Только с организацией колхозов впервые был освоен лов салаки тралами и ставными неводами (рис. 1), дающий теперь наибольшую часть ее улова. Механизация значительно облегчила труд рыбаков и во много раз повысила его производительность. Лишь в годы Советской власти рыбаки получили возможность не только широко использовать для лова прибрежные воды, но и снаряжать экспедиции в Атлантический океан.

За 10 лет существования колхозов значительно возросли их доходы: если в период организации доходы едва достигали 1 млн. руб., то в на-

² Полевые записи 1959 г.

Рис 1. Проверка ставного невода в колхозе «Энкурс»

стоящее время все три изучаемых нами колхоза — миллионеры. В 1958 г. доход колхоза «Энкурс» превышал 9 млн. руб., колхоза «Бривайс вилнис» — 7, а колхоза «Брива кайя» — 5 миллионов³.

Рыболовецкие бригады в колхозах состоят только из мужчин. При распределении обязанностей принимается во внимание возраст: пожилые рыбаки выполняют относительно легкую физическую, но наиболее ответственную работу в звеньях, выделенных для лова высокосортной рыбы (они даже получили название «звенья стариков»). Мужчины средних лет входят в звенья, где работают со ставным неводом, сетями (т. е. орудиями, требующими значительной физической силы); они же составляют команды траулеров. В экспедиционные рейсы в Атлантику отправляются в большинстве молодые (чаще всего неженатые) рыбаки.

Женщины работают преимущественно на фермах и в огородных бригадах. Сельское хозяйство в этих колхозах имеет подсобный характер, однако и оно ведется на высоком уровне. Об этом может свидетельствовать оплата трудодня: в 1958 г. члены полеводческой бригады колхоза «Энкурс» получили на трудодень по 15 руб., а в колхозе «Бривайс вилнис» — по 22 руб. 40 коп.⁴

Преобладающее большинство колхозников — латыши; лишь в районе Айнажи живут и эстонцы, говорящие на родном и на латышском языках. Кроме того, на территории данных колхозов живет небольшое число русских, поселившихся здесь после второй мировой войны, и поляков, прибывших сюда в поисках работы еще тогда, когда Латвия была буржуазной республикой. Все они, кроме родного языка, на котором говорят в семье, владеют латышским. В смешанных семьях говорят и дома по-латышски.

О незначительной подвижности населения свидетельствуют обширные родственные связи в большинстве рыбацких поселков: в Куйвижи, Светцеимс, Шкистерс, Витрупе около 70% жителей состоят между собой в родстве. В городах Салацгрива и Айнажи, где находятся отдельные бригады этих колхозов, население после Великой Отечественной войны сильно изменилось.

³ Цифры взяты из годовых отчетов этих колхозов за 1958 г.

⁴ Там же.

При строительстве поселков родственники стараются ставить свои дома поблизости один от другого, как это было и в прошлом. В поселке Куйвижи, например, по соседству выстроили свои дома три брата Тапаны, два брата и сестра Скуйи, братья Крумини и др.⁵ Родственники поддерживают дружеские отношения между собой и оказывают друг другу помощь в повседневной жизни.

Во всех трех колхозах преобладают небольшие семьи, состоящие преимущественно из четырех-пяти человек: родителей и несовершеннолетних детей. Нередко семья состоит только из супружеской пары: молодых людей или стариков — бездетных или живущих отдельно от взрослых детей. Сравнительно часто с женатыми сыновьями или замужними дочерьми живет один из престарелых родителей. Главой семьи и колхозного двора в большинстве семей является муж, за исключением тех случаев, когда он не член артели, а работает вне колхоза. В таких семьях официальной главой колхозного двора считается жена. В неполных семьях, состоящих из матери-вдовы и детей, главой семьи и двора является мать; однако в некоторых семьях главой признают взрослого сына. В незначительном числе семей при наличии взрослых трудоспособных членов семьи главой колхозного двора считается престарелая мать: это имеет место преимущественно в семьях, принадлежавших в прошлом к состоятельной части крестьян, где муж был приймаком. Престарелая теща, считающаяся хозяйкой дома, хотя она и не участвует фактически в экономической жизни семьи, нередко пытается диктовать свою волю остальным членам семьи, грозя завещать дом кому-нибудь из других родственников⁶.

Взаимоотношения в современной колхозной семье основаны на взаимном уважении. Если супруги — пожилого возраста, то иногда и теперь мнение мужа является решающим во всех вопросах, касающихся семьи. Однако в большинстве семей супруги советуются между собой о всех важнейших делах, и, только достигнув взаимного согласия, предпринимают тот или иной шаг. Если в семье имеются взрослые дети, то к их мнению так же прислушиваются, как к мнению стариков-родителей. Женщина в семьях рыбаков отличается большой самостоятельностью. Это имеет свои исторические традиции и связано с широким распространением здесь в прошлом мореходства, когда муж значительную часть года отсутствовал и все хозяйство лежало на плечах женщины.

Доходы от участия в общественном производстве составляют основную часть бюджета семьи колхозного рыбака. Особенно значительны заработки у членов атлантических экспедиций и команд рыболовецких траулеров. Средний годовой заработок рыбака при обычном улове составляет 12—15 тыс. руб., при высоком улове — 20—25 тыс. В таблице, помещаемой ниже, показан средний заработок рыбаков за 1958 г. в трех описываемых колхозах⁷:

Колхоз	Зарботок члена бригады прибрежного лова (в руб.)	Зарботок члена атлантической экспедиции (в руб.)
«Энкурс»	15 414	24 136
«Бривайс вилнис»	15 469	21 508
«Брива кайя»	11 018	21 790

⁵ Полевые записи 1959 г.

⁶ В этом отношении характерны взаимоотношения в семье К. в колхозе «Брива кайя». Будучи батраком, К. женился на единственной дочери хозяйки, против воли последней. Теща, которой теперь почти сто лет, до сих пор смотрит на зятя, как на человека, недостойного ее семьи. Она считается хозяйкой дома и своим наследником признает внука, а не зятя (Полевые записи 1959 г.).

⁷ Цифры взяты из годовых отчетов этих колхозов за 1958 г.

Кроме того, некоторое значение в бюджете семьи имеет приусадебное хозяйство, продукты которого (овощи, мясо, молоко) в основном потребляются семьей. Государству продается ежегодно почти из каждого колхозного двора годовалая телка, а иногда — излишек молока.

Несмотря на то, что основной заработок вносит в семью муж, распоряжаются им в большинстве семей оба супруга наравне. Во многих семьях деньги хранят в сберкассе, особенно, если предполагается какая-нибудь крупная покупка (приобретение коровы, мебели, мотоцикла) или постройка дома. Взрослые неженатые сыновья и незамужние дочери, имеющие самостоятельный заработок, но живущие совместно с родителями, некоторую часть заработка отдают родителям на общесемейные нужды. В связи с тем, что в большинстве семей женщины не участвуют в колхозной работе, они выполняют основные обязанности по ведению домашнего хозяйства: занимаются уходом за скотом, обработкой приусадебного участка, приготовлением пищи, уборкой помещений, стиркой белья и т. п. В семьях, где есть старуха-мать, она помогает дочери (или невестке) в более легких домашних работах, следит за маленькими детьми, нередко шьет им одежду.

Мужчины, занятые в основном рыболовством, в домашнем хозяйстве помогают при вспашке огорода, уборке урожая, на сенокосе. Если в семье имеются ульи, уход за пчелами — обязанность мужчин. Ремонт жилых и хозяйственных построек, починка инвентаря, заготовка топлива выполняются также мужчинами, преимущественно в осеннее и зимнее время, когда в море выходят реже.

В большинстве семей подростки участвуют в прополке огорода, сенокосе. В последние годы, в связи с установкой на трудовое воспитание учащихся, школьников стали чаще привлекать к работе в колхозных огородных бригадах.

К нетрудоспособным старикам-родителям в семьях относятся внимательно и заботливо. Они живут обычно в наиболее теплых помещениях, нередко для них готовится более легкая и питательная еда.

Престарелые колхозники получают пенсию: рыбаки — в размере 200 руб. в месяц, члены семьи — 150 руб.⁸ Кроме того, колхозы оказывают престарелым значительную помощь в виде различных подарков, что приурочивается к юбилейным датам в колхозах и государственным праздникам.

В Видземе, как и везде в Латвии, в условиях царской России и буржуазной республики браки заключались обычно между членами семей, равных в имущественном отношении и принадлежавших в основном к одной и той же группе крестьян (собственников, арендаторов, батраков и т. д.). Это приводило к тому, что в среде зажиточного крестьянства часто браки заключались между родственниками. Так, в Айнажи в брачный союз вступали из поколения в поколение члены двух семей местных богачей — Микельсонов и Вейде, бывших в близком родстве между собой; в Витрупе такие брачные связи издавна установились между семьями зажиточных крестьян Траутманнов, Грасов, Лиелкалнов⁹. Родственные отношения укрепляли имущественное положение и общественное влияние этой прослойки крестьянства.

Если браки заключались между людьми, принадлежавшими к разным социальным прослойкам, то при этом нередко наблюдалась значительная разница в возрасте супругов: например, хозяин-вдовец мог жениться на девушке из бедной семьи, а зажиточные крестьяне могли взять для засидевшейся дочери молодого мужа-приймака.

Ныне при заключении браков решающую роль играют личные склонности молодых людей, хотя старшее поколение, более приверженное к

⁸ Полевые записи 1959 г.

⁹ Там же.

прежним традициям, не всегда одобрительно относится к таким б^ылым союзам, когда родители одного из брачующихся были прежде ба^бками, а другого — хозяевами, и т. п. Однако молодые люди об^ырешают вопрос о своем браке самостоятельно, хотя и советуются с р^одителями. Если родители незнакомы с невестой, парень приводит деву^шку в дом для знакомства; так же поступает и девушка. Сыновья, живу^т в городе, иногда перед свадьбой привозят невест к родителям, ч^то познакомить их. К мнению родителей прислушиваются, но оно, как в^овило, не играет решающей роли.

Молодая пара первое время после свадьбы обычно живет у ро^дителей мужа или жены. Однако по мере возможности женатый сын замужняя дочь стараются поселиться отдельно (нередко молодые строят новый дом), особенно в тех случаях, когда в семье имеются взрослые неженатые сыновья или незамужние дочери.

Приданое почти потеряло экономическое значение, однако деву^шки особенно те, которые работают самостоятельно, стремятся запасти себя белья и одежды. При вступлении в брак сына или дочери ма^тери принадлежавшие в прошлом к состоятельным семьям, часто снаб^жают молодых некоторым количеством белья, нередко еще из своего прид^ано, распределяя его между всеми детьми в равных долях. Во мн^огих семьях сохранился обычай давать дочери при выходе замуж телку, или пару овец. Мебель в приданое дают редко; обычно молодожены заводятся мебелью самостоятельно, если не остаются жить в^одителей.

По существующей традиции, дочь после свадьбы переходит жи^ть в семью мужа, а сын, особенно младший, остается жить в отцовском д^оме. Однако строго это сейчас не соблюдается.

Если новобрачные живут и питаются совместно с родителями м^атери, что бывает сравнительно редко, то приготовлением пищи, как пра^вильно в первое время занимается свекровь. В тех семьях, где невестка н^е работает в общественном производстве, эта обязанность постепенно и^сходит к ней.

Дети, живущие отдельно от родителей, обычно поддерживают с^отесную связь. Они навещают родителей, чаще всего летом во врем^я отпуска, помогая по хозяйству, особенно на сенокосе. Во многих семе^йнах стариков целое лето гостят внуки.

Жизнь рыбацкой семьи тесно связана с колхозом. Так, для вспа^хивки огорода рыбаки берут из колхоза лошадь, для перевозки сена, д^о строительства материалов получают тот или иной вид транспорта. Б^ольшая часть материалов для постройки дома также приобретается при^дельности колхоза. В колхозах «Бривайс вилнис» и «Энкурс» на уст^ройство свадьбы из колхозных средств выдается безвозвратная с^умма в размере тысячи руб.¹⁰ Члены колхоза получают на приданое н^ерожденному 500 руб.; такая же сумма выдается колхозом на орган^изацию похорон¹¹. Многие рыбаки за счет колхоза лечатся на курорт^ах, проводят отпуск в домах отдыха в пределах республики и вне ее. И^х хозяйства оказывают существенную помощь школам, где учатся дети кол^отников; организуются бесплатные обеды и т. п.

В колхозах идет широкое жилищное строительство, особенно в^одних центрах, как Куйвижи, Салацгрива, Туя. Больше всего строят до^мы для семей бывших батраков, находившихся прежде в тяжелых жил^обных условиях. Только при колхозном строе бо^{ль}шую часть рыба^цких поселков электрифицировали, провели радио и телефонную сеть. П^осле в каждом доме имеется радиоприемник. Мебель приобретают пре^ждешественно городского типа (диваны, буфеты, шифоньеры, в отдель

¹⁰ Полевые записи 1959 г.

¹¹ Там же.

Рис. 2. Жилой дом рыбака в поселке Куйвижи. Колхоз «Энкурс»

случаях даже спальные и столовые гарнитуры). В некоторых домах у молодой пары — новая современная мебель, а в комнате их родителей — мебель 20—30-х годов, а нередко и более раннего времени. В комнатах много тканых и вязаных изделий работы самих хозяек. Скатерти, дорожки, гардины нередко выполнены в национальном стиле. Очень распространены декоративные керамические изделия, особенно вазы.

Почти в каждой рыбацкой семье имеется велосипед, а иногда и два. Многие приобрели мотоциклы, особенно те, кто живет далеко от центра колхоза. Некоторые колхозники приобрели легковые машины.

Население всех трех колхозов почти сплошь грамотно (за исключением двух-трех глубоких старух, не умеющих писать). Все дети школьного возраста охвачены обучением. Подростков особенно привлекает морское училище. В рыбацких поселках появилось много специальностей, не известных здесь раньше: колхозники стали механиками, мотористами, штурманами, тралмейстерами и пр. У многих рыбаков сыновья — капитаны дальнего плавания, у некоторых — инженеры, агрономы, врачи, учителя. Нередко после окончания школы молодые люди остаются работать в колхозе. Девушки работают преимущественно в различных промышленных предприятиях, в частности в рыбообрабатывающих.

В семейных торжествах и народных праздниках ярко проявляется национальная специфика. Но еще нередко в семейных празднествах, наряду с вновь складывающимися в условиях социализма формами, сильно сказываются пережитки прошлого: так, значительную роль в этих празднествах продолжают играть церковные церемонии.

Если свадьба обходится без венчания, то регистрация брака в сельсовете и свадебное торжество совершаются в один день, причем регистрация происходит в более торжественной обстановке: брачующихся сопровождает много родных и знакомых, устраивают угощение, в котором зачастую участвуют и работники сельсовета. В тех же случаях, когда происходит венчание, брак регистрируется несколькими днями раньше, а свадьбу справляют после венчания, обычно в течение одного-двух дней, в субботу и воскресенье, и, как правило, только в том доме, где молодожены предполагают поселиться (а не у родителей невесты и

жениха, как было раньше). На свадьбу, как и на похороны и крестины, по традиции приходят только приглашенные. До сих пор сохранился обычай приходить на свадьбу двум-трем ряженым («куйниекам», «цыганам»), которые разыгрывают комические сценки, а хозяева угощают их. И в наши дни еще выполняют на свадьбах некоторые традиционные шуточные обряды: свадебному поезду перегораживают путь, устраивая так называемые «ворота почета» (*goda varti*), через которые новобрачных пропускают только после того, как получают угощение; организуют церемонию ввода новобрачной в круг замужних женщин. Раньше эта церемония совершалась следующим образом: в полночь свекровь снимала с невесты венок и надевала на нее «мицу» — чепчик замужней женщины; теперь подружки невесты также в полночь повязывают на нее платок, а она оказывает шуточное сопротивление; после этого подается «сладкий стол» — вина и торты.

В Видземе сохранился традиционный обычай, согласно которому новобрачная одаривает родителей мужа. Обычно она дарит свекрови покрывало на кровать, платье или кофту с юбкой, а свекру — рубаху, носки, джемпер.

Рождение ребенка в семье отмечается как большое торжество, причем еще бытуют некоторые старинные традиции. Таков обычай приходить на «родины» (*gaudzības*) в течение почти всего первого года жизни ребенка. Гости могут приходить в любое время, и родители должны быть всегда готовы их принять. К девочке гости идут с вином и тортом, а к мальчику — с вином и кренделем; кроме того, дарят игрушки, белье.

В среде рыбаков довольно широко распространен обычай давать ребенку имя в честь кого-либо из старших родственников. До сих пор детей иногда еще крестят, обычно — по настоянию стариков. Однако и здесь произошли некоторые изменения: крестины устраивают значительно позже, чем это делалось прежде, часто в возрасте около года, нередко и позднее. Крестные отец и мать играют значительную роль в жизни ребенка. Часто ими бывают его дядя и тетка. В день крестин приходят приглашенные гости, которые приносят подарки для ребенка. На крестинах в шуточной форме выполняется иногда обряд «*prādes didišana*»: каждый из гостей высоко поднимает ребенка, иногда танцует, держа его на руках, один круг и передает другому, с пожеланием ребенку вырасти высоким, сильным, рано встать на ноги. Крестины, как и свадьбы, стараются приурочить к какому-нибудь большому празднику — Лиго, Новому году и др.

Похороны, особенно пожилых людей, часто сопровождаются церковной обрядностью. Участие в приготовлении угощения и уборке помещения на похоронах принимают родственники и соседи. Погребают покойника летом через три дня после смерти, зимой — обычно через неделю. На похороны приглашают много родных и знакомых. Дом, где находится покойник, украшают ветками ели, ими же убирают стол и дорогу, по которой идет процессия. Хоронят покойника в праздничной одежде, пожилых людей — преимущественно в темной. Вместе с покойником кладут иногда какую-нибудь вещь, например трубку с табаком.

Первое угощение устраивают обычно перед выносом («холодный стол», состоящий из кофе и закусок). На кладбище берут угощение для тех, кто не возвратится на поминки. Перед погребением кто-либо из присутствующих, обычно наиболее авторитетное лицо, произносит речь о жизненном пути умершего. После прощания родственников и знакомых с умершим гроб опускают в могилу, а на могильный холм возлагают цветы и венки.

Основная трапеза — поминки — совершается после погребения. Поминки сопровождаются печальными песнями, преимущественно народными. Более веселый характер имеют поминки на похоронах глубоких стариков, так как считается, что они достаточно прожили и не стоит их

Рис. 3. Торжественное шествие в Салацгриве во время праздника совершеннолетия

«беспокоить» слезами. На таких поминках иногда даже танцуют.

Приведенный материал о семейных торжествах рыбаков свидетельствует о сохранении некоторого влияния религии на эту сторону быта. Это и понятно, так как всякий процесс, связанный с изменением идеологии, совершается медленно, в результате упорной борьбы со старым.

Однако в условиях колхозного строя рождаются новые традиции в проведении семейных торжеств. В 1959 г. в колхозе «Бривас вилини» впервые был организован «Праздник детства» (прошедший под названием «Vārdu došana» — наречение имени). В нем участвовало девять детей в возрасте от одного до трех лет. Центральным актом этого торжества было общественное утверждение для каждого ребенка двух кумовьев, которые должны вместе с родителями нести ответственность за его воспитание. Кумовья выбирались родителями из числа наиболее авторитетных людей колхоза. Их фамилии вместе с фамилией ребенка были торжественно внесены в специально заведенную для этого книгу и в «детский паспорт», выданный родителям ребенка. Затем дети получили от колхоза ценные подарки. Праздничество закончилось концертом художественной самодеятельности и коллективным угощением. «Праздник детства» вызвал живой интерес у всего населения Салацгривы, и было решено проводить его ежегодно.

С большим успехом, при активной поддержке широкой общественности, во всех трех колхозах уже два года отмечается «Праздник совершеннолетия» (Pilngadības svētki), долженствующий заменить собой церковный обряд конфирмации. В нем ежегодно участвуют по 10–15 человек из каждого колхоза. Центральным актом этого торжества является вручение юношам и девушкам свидетельства о совершеннолети. Оно происходит в торжественной обстановке — в Доме культуры при большом стечении родных и знакомых. При вручении свидетельства о совершеннолети представители общественных организаций, родные и знакомые высказывают каждому юноше или девушке много добрых напутствий и пожелания успехов на трудовом пути и передают ценный подарок — часы, фотоаппарат и т. п. Официальная часть праздника заканчивается торжественным шествием молодежи в парк (в Салацгриве — к живописному холму, представляющему собой остаток древнего городища), где до поздней ночи продолжается народное гулянье (рис. 3). Праздник совершеннолетия способствует значительному сокращению числа юношей и девушек, участвующих в церковном акте конфирмации.

Широко отмечаются в обследованных нами районах все советские праздники. В годы колхозного строя сложилась традиция отмечать «Праздник моря» (Jūras svētki) в конце июля несколькими колхозами вместе. На этом празднике подводят итоги работы колхозов, награждают передовые бригады, звенья и отдельных рыбаков. Праздник заканчивается различными видами соревнования. Рыбаки демонстрируют свое искусство в гребле, вязании, починке сетей, установке мереж и т. д.

Почно вошла в быт рыбаков традиция коллективно проводить на родной праздник «Лиго» по бригадам, а нередко и всем колхозом.

Торжественно отмечаются юбилейные даты колхозов; так, в июне 1959 г. все три колхоза широко отметили свое десятилетие.

В наше время идут пока лишь поиски форм организации и проведения новых торжеств. Однако уже сейчас видно большое значение этого в деле ликвидации вредных пережитков прошлого в сознании и быту трудящихся. Однако, несомненно, нельзя ограничиваться этой заменой, необходимо вести планомерную разъяснительную научно-атеистическую пропаганду, чтобы успешно бороться с религиозными пережитками в сознании видземских рыбаков, все еще мешающими им в строительстве новой, социалистической жизни.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. МАРЕТИН

ОТМИРАНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ МАТЕРИНСКОГО РОДА В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МИНАНГКАБАУ

(Первая половина XX века)

Минангкабау — одна из крупных народностей Индонезии, населяющая западную и центральную Суматру, а также ряд других районов в Индонезии и за ее пределами. Основная область расселения минангкабау — высокое Падагское нагорье, расположенное у западного побережья центральной Суматры. Главное занятие их — земледелие. Техника возделывания искусственно орошаемых полей для посадок риса была известна минангкабау еще в первых веках нашей эры. Помимо риса, они выращивают кокосовую пальму, мускатный и земляной орех, ряд огородных культур. С начала XX в. большое место в сельском хозяйстве минангкабау заняли культуры кофе, каучука и масличной пальмы. Важную роль в хозяйстве играет животноводство, главным образом разведение буйволов и быков. Высокого развития достигли у минангкабау ремесла — обработка золота, серебра и меди, выделка парчи и хлопчатобумажных тканей, обработка дерева. Изделия мастеров-минангкабау, особенно оружие, парча, резное дерево, известны по всей Индонезии.

Минангкабау представляют особый интерес для этнографа ввиду того, что до начала нашего столетия эта народность сохраняла сильнейшие остатки материнско-родовой организации: большие материнские семьи, насчитывавшие до ста и более человек и ведущие происхождение от одной реальной прародительницы; матрилинейность в наследовании имени и имущества; главенство старшего брата старейшей женщины большой материнской семьи в решении дел этой семьи; высокое общественное положение женщины; браки, при которых ни один из супругов не прерывал связи с материнской семьей; расселение по родовому признаку; родовая экзогамия и т. д. Эти остатки материнского рода стойко сохранялись в условиях высокого развития производительных сил и материальной культуры (более высокого, например, чем у северных соседей минангкабау — батаков, сохранявших пережитки отцовского рода с ярко выраженной патрилинейностью) и даже в условиях классового общества — княжества Минангкабау (приблизительно с XIII в. н. э.)¹.

Неудивительно, что материал по минангкабау очень часто привлекается в работах, посвященных общим проблемам первобытно-общинного строя. Полностью признавая значение этого материала для изучения ранних форм социальной организации, следует отметить, что он уже не отражает современного состояния общества минангкабау. Между тем в лите-

¹ По вопросу о возможных причинах сохранения остатков материнского рода в высокоразвитых обществах, в том числе и у минангкабау, см. С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329, прим. 1.

ратуре — и прежде всего в специальной этнографической литературе — минангкабау часто говорится как о народе, едва ли не до настоящего времени сохраняющем некий идиллический матриархат. Это характерно не только для работ, изданных в конце прошлого или начале нашего века, но и для трудов, опубликованных в 1920—1940-х годах, в том числе и для тех из них, которые специально посвящены минангкабау². Так, Форан в 1936 г. писал «Древнейший институт матриархата обнаруживается сегодня в наиболее чистой форме у малайцев минангкабау, и они очень горды этим... Семейное право у минангкабау и с к л ю ч и т е л ь н о м а т е р и н с к о е...»³. Если сравнить это высказывание с материалами Марсдена, первое издание книги которого вышло в последней четверти XVIII в.⁴, то может показаться, что за 150 лет общество минангкабау нисколько не изменилось, хотя в действительности этот период был знаменателен значительными событиями, вызвавшими крупные изменения в социальной структуре этого народа. Архаизация общества минангкабау в XX в. в значительной мере связана с тем, что большинство иностранных (не голландских) ученых пользовалось главным образом материалами XIX в. Наиболее авторитетными источниками сведений о жизни и быте минангкабау для многих более поздних авторов были статьи Феркерка Писториуса, опубликованные в 1869—1871 гг. и использованные Бахофеном в его «Антикварных письмах»⁵, а затем работы известного голландского этнографа Вилкена, писавшего в 70 — начале 90-х годов прошлого века⁶. В основном именно материалы Феркерка Писториуса и Вилкена, пройдя через вторые и третьи руки, послужили отправным пунктом для работ других авторов, посвященных минангкабау, а также вошли в труды по общей этнографии. Характерно это и для работ Эдвина Лёба о минангкабау⁷.

Положение, сложившееся в изучении минангкабау, объясняется несколькими причинами. Это, во-первых, недостаток новых материалов и трудность ознакомления с теми публикациями, которые время от времени появлялись. Новые работы выходили на нераспространенном в научных кругах голландском языке, крайне незначительными тиражами и в малодоступных изданиях. К числу работ, освещающих изменения, происшедшие в обществе минангкабау в течение первой половины XX в., принадлежат: монография Яустра «Минангкабау»⁸; очень ценная, насы-

² O. J. A. Collet, *Terres et peuples de Sumatra*, Amsterdam, 1925; I. Lublinski, *Minangkabau*, «Zeitschrift für Ethnologie», 1927, 59. Jahrgang, Heft 1/2; G. A. de S. de Moubray, *Matriarchy in the Malay Peninsula and Neighbouring Countries*, London, 1931; W. R. Foran, *La vie en Malaisie*, Paris, 1936; F.-C. Cole, *The Peoples of Malaysia*, 2-е изд., New York, 1945; Известная архаизация общества минангкабау и преувеличенная оценка роли женщин в нем имеются и у некоторых советских авторов. См., например: М. О. Косвен, *Очерки истории первобытной культуры*, М., 1957, стр. 125; его же, *Матриархат, «Революция права»*, 1929, № 6, стр. 73—76.

³ W. R. Foran, *Указ. раб.*, стр. 191—192. Разрядка моя.— Ю. М. Сп. L. C. Westenek, *De Minangkabausche nagari, Weltevreden*, 1918, стр. 37.

⁴ W. Marsden, *The History of Sumatra*, 3-е изд., London, 1811.

⁵ A. W. P. Verkerk Pistorius, *Studien over de inlandsche huishouding in de Padangsche Bovenlanden*, «Tijdschrift van Nederl. Indië...», Serie 3, Jaargang 3, Sept. 1869 (отдельно вышло в 1871 г.). J. J. Bachofen, *Antiquarische Briefe*, 2 Bände, Strasburg, 1880—1886.

⁶ См. его работы: «Over de verwantschap en huwelijks en erfrecht bij de volken van het Maleische ras»; «De verbreiding van het matriarchaat op Sumatra» и др. в издании: G. A. Wilken, *Verspreide geschriften*, тт. I—IV, Semarang (и др.), 1912.

⁷ E. M. Loeb, *Patrilineal and Matrilineal Organisation in Sumatra*, II. *The Minangkabau*, «*American Anthropologist*», XXXVI, 1934, № 1; его же, *Sumatra, Its History and People*, Wien, 1935.

⁸ M. Jousstra, *Minangkabau*, 2-е изд. s'Gravenhage, 1923. Приводя много интересных сведений о новых явлениях в экономической жизни на Западном побережье Суматры, автор почти не затрагивает вопросов социальной перестройки общества минангкабау. В еще большей мере это относится к другой работе Яустра — «*De Minangkabausche Maleiers*», опубликованной в книге: «*De volken van Nederlandsch Indië*». Onder leiding van Prof. J. C. van Eerde, т. I. Amsterdam 1920.

щенная обширным новым материалом работа Схрике «Распространение коммунизма на Западном побережье Суматры»⁹, опубликованная в 1928 г. в материалах специальной правительственной комиссии по исследованию положения на Западном побережье Суматры¹⁰, диссертация Гейта «Заклад земли у минангкабау»¹¹; исследование Баумана «Некоторые комментарии к развитию индонезийского национализма на Западном побережье Суматры»¹² и диссертация проф. де Йосселина де Йонга «Минангкабау и Негри-Сембилан»¹³.

Вторая причина — то обстоятельство, что голландские авторы, имевшие непосредственную возможность изучать экономику и быт минангкабау в XX в., будучи, как правило, правительственными чиновниками, были заинтересованы в сохранении у минангкабау традиционной системы¹⁴. На практике голландские администраторы предвосхитили установки английской функциональной школы. Они кодифицировали местные адаты в целях приспособления их к нуждам колониального управления. Эта тенденциозность отражалась и на освещении положения отдельных обществ.

Наконец, в-третьих, это то, что некоторые авторы подходили к изучению минангкабау, имея уже предвзятое мнение об их социальном строе. Большевесемейный дом и матрилинейность заслонили от наблюдателей те процессы, которые происходили в обществе минангкабау в последние 100 лет, причем особенно бурно в первые десятилетия нашего века. Внимание авторов, занимавшихся минангкабау, было обращено на описание такой семьи, где господствуют женщины и где мужчины имеют лишь право на ночные визиты к своим супругам. Именно поэтому факты, которые мы встречаем уже в работах XIX в. (например, у Вилкена), свидетельствующие о разложении материнскоправовых институтов минангкабау прежде всего в окраинных районах, а затем и на самом Падангском нагорье, не привлекли должного внимания ученых.

В тех немногих работах европейских и индонезийских авторов, в которых в той или иной степени затрагивается проблема разложения традиционного обычного права или, если взять термин, употребляемый минангкабау, — адата, основная роль в формировании нового социального уклада у этой народности приписывается явлениям идеологического порядка. Разложение материнскоправовых институтов, согласно подобной трактовке, — это результат главным образом борьбы сторонников исламского права за последовательное введение исламских норм. В этом плане

⁹ B. J. O. Schrieke, *Het communisme ter Sumatra's Westkust, Weltevreden*, 1928. Эта работа была переведена на английский язык и вошла в издание: R. J. O. Schrieke, *Indonesian Sociological Studies*, The Hague, 1955, стр. 83—116 (в дальнейшем цит. по этому изданию).

¹⁰ Комиссия начала свою работу в 1927 г., вскоре после восстания минангкабау, вызванного колониальными и классовым гнетом, — восстания, являющегося одним из самых крупных выступлений народов Индонезии в новейшее время. Материалы комиссии опубликованы в издании: «Rapport van de Commissie van onderzoek ingesteld bij het Gouvernementsbesluit van 13 Februari 1927», № 1a, Weltevreden, s'Gravenhage 1928, d. I—IV.

¹¹ H. Guyt, *Grondverpanding in Minangkabau* (Diss.), Bandoeng, 1936.

¹² H. Bouman, *Eenige beschouwingen over de ontwikkeling van het indonesisch nationalisme op Sumatra's Westkust*, Groningen — Batavia, 1949.

¹³ P. E. de Josselin de Jong, *Minangkabau and Negri-Sembilan* (Diss.). Leiden, 1951. Основное внимание в работе уделено теоретическим проблемам, связанным с социальной структурой минангкабау; изменения в этой структуре затронуты лишь вскользь. Приношу проф. де Йосселину де Йонгу глубокую благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с его диссертацией. Пользуюсь также случаем, чтобы выразить свою особую признательность профессору Амстердамского университета В. Вертхайму за любезное содействие в получении необходимых материалов.

¹⁴ G. D. Willinck, *Het rechtsleven bij de Minangkabausche Maleiërs*, Leiden, 1909; L. C. Westenenk, Указ. раб.; C. van Voilenhoven, *Het adatrecht in Nederl. Indië*. 2-е изд., т. I, Leiden, 1931, стр. 246—272.

написаны работы Б. тер Хаара¹⁵, уже упомянутого Баумана, Принса¹⁶ и других. Вот что говорил, например, известный голландский востоковед Снаук Хюргронье в статье, написанной еще в 1893 г., в которой он предсказывал неизбежную гибель материнского права у минангкабау: «То, что население Западного побережья Суматры и его старейшины искренне исповедуют ислам, непоколебимо, и этим определяется будущее развитие малайской семьи»¹⁷. Однако не ислам нанес решительный удар этой системе, а в первую очередь экономическое развитие общества. Ислам в течение столетий не мог подорвать матрилинейный характер социальной организации у минангкабау; изменившиеся экономические условия сделали это в несколько десятилетий.

Цель настоящей статьи показать изменение семейно-брачных отношений минангкабау, происходившее начиная с конца XIX в. под воздействием внутренних причин, прежде всего экономического характера, а также в результате внешних влияний. Основное внимание уделяется собственно области Минангкабау, т. е. Падангскому нагорью и близлежащим районам; для сравнения привлекается материал, рисующий положение в более отдаленных районах, заселенных минангкабау.

* * *

Социальная структура минангкабау Падангского нагорья и некоторые близлежащих районов к началу XX в., т. е. ко времени резкого изменения традиционного уклада жизни, представляется в следующем виде. Все население принадлежало к одному из четырех суку («четверть»; «части» «часть племени») — разросшемуся первоначальному роду. Каждый суку имел свое название: Боди, Чаниаго, Кото, Пилианг. Суку объединялись в две группы — ларас («полнота», «согласие», «союз»), которые можно назвать фратриями. Эти ларас именовались Боди-Чаниаго и Кото-Пилианг и отличались рядом особенностей своего адата. Территориально суку в настоящее время сильно перемешаны, так что представители одного суку рассеяны по всей области и за ее пределами; точно так же трудно установить точные границы расселения двух ларас. Но в каждом поселении (кото) члены одного суку занимали особый квартал, называемый кумпунлан румах («группа домов»). Прежде суку были строго экзогамны, что единодушно подчеркивается всеми авторами.

Одно или несколько поселений (кото) с относящимися к ним выселками, с земельными и лесными угодьями образовывали нагари (иногда негэри, или негари — автономную деревенскую общину, во главе которой стоял совет старейшин, состоящий из старейшин всех суку и подразделений суку, представленных в данной нагари. Община — нагари являлась верховным собственником земли, которая распределялась между суку, а затем внутри суку между его подразделениями. Практически права суку и кампуэнга на землю имели мало значения, и основным владельцем земли была большая семья.

Рост населения заставлял суку делиться на новые экзогамные подразделения, именуемые кампунг. Кампунг минангкабау — это генеалогическая, а не территориальная единица, хотя иногда этот термин встречается в качестве названия деревни (малайское кампунг). Члены многих (далеко не всех) кампунгов хранили в памяти имя своей прама матери, тогда как члены суку уже утратили всякое воспоминание о своей реальной родоначальнице. Число кампунгов, по данным различных источни-

¹⁵ B. ter Haar. *Adat Law in Indonesia* (Transl. from Dutch), New York, 1948.

¹⁶ J. Prins, *Adat en islamietische plichtenleer in Indonesie*, 3-de uitgave, s'Gravenhage — Bandung, 1954.

¹⁷ «Advies van dr. G. Snouck Hurgronje aan den directeur van justitie», в сб. «Adatrechtbundel» (в дальнейшем цит. ARB), т. 1, 1911, стр. 31.

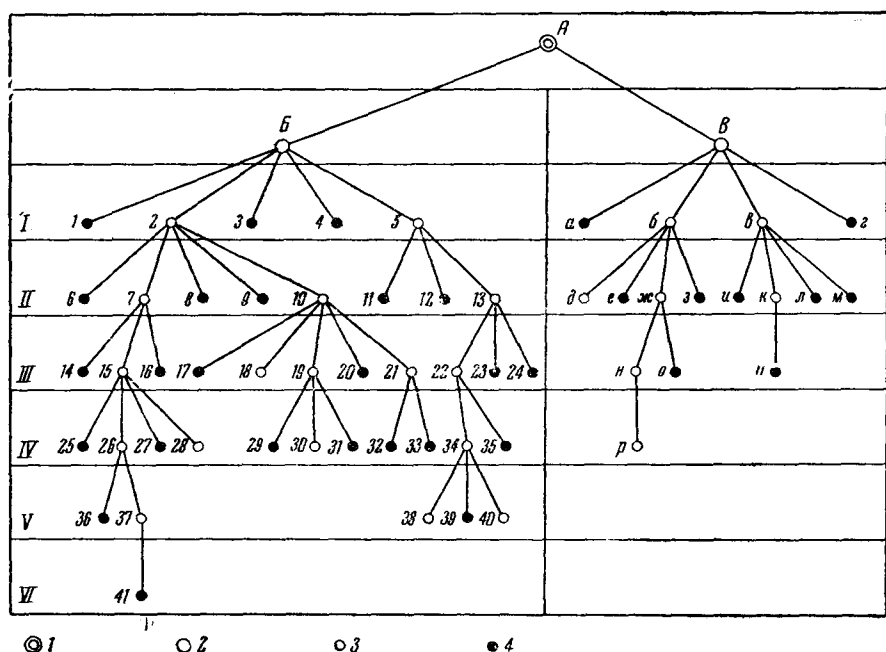

Схема сабуах паруй: 1 — родоначальница всей сабуах паруй (обычно — умершая задолго до рассматриваемого периода); 2 — родоначальницы обеих ветвей (джурай) сабуах паруй; 3 — женщины; 4 — мужчины; I — VI — поколения обеих родоначальниц (Б, В); 1 — 40 — члены одной джурай; а — р — члены другой джурай; 26, 36, 37 — самандай

ков, было неодинаково. Вестененк считает, что в начале нашего века минангкабау делились на 96 кампуэнгов¹⁸.

Дальнейшим подразделением кампуэнга являлась сабуах паруй, или просто паруй (малайское перут), т. е. «происходящие из одного чрева». Это группа, насчитывавшая пять поколений родственников, происходивших от одной реальной прародительницы. Члены паруй жили по соседству, занимая несколько, иногда один дом. Паруй была основной хозяйственной и правовой единицей общества минангкабау, ее можно назвать домовою общиной. В дальнейшем мы ее будем именовать большой материнской семьей. Паруй распадалась на несколько джурай («связка», «группа»), каждая из которых включала два-четыре поколения. Если джурай занимала более одного дома, то группу родственников, живущих в одном доме, называли румах («дом»). Наконец, последняя группа — это самандай («одной матери»), т. е. мать со своими детьми¹⁹.

Земля, принадлежавшая большой материнской семье, не могла быть отчуждена ни при каких условиях, передел же ее был возможен лишь в случае дробления сабуах паруй. Продажа земли категорически запрещалась, допускался лишь заклад ее или сдача в аренду, но при наличии чрезвычайных обстоятельств (похороны члена семьи, свадьба первой дочери, вступление в должность пенгхулу — старейшины и некоторые другие). Во всех тех случаях, когда семья оказывалась в долгу,

¹⁸ L. C. Westenenk, *Het soekoe-wezen* (рукопись). Цит. по кн.: P. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 67. Различие в оценке числа кампуэнгов объясняется тем, что в ряде районов кампуэнги настолько разрослись, что носят уже названия суку и имеют внутри себя свои кампуэнги.

¹⁹ Следует помнить, что эти подразделения нельзя рассматривать в статике, ибо джурай, увеличившись на одно-два поколения, становится паруй и т. д. Кроме того, терминология в различных районах области не всегда совпадает, что вносит немалую путаницу и значительно затрудняет исследование.

этот долг должен был оплачиваться прежде всего за счет продажи собственности, приобретенной личным трудом, и лишь затем разрешалось прибегать к закладу семейной собственности. При этом всегда подразумевалась свобода обратного выкупа.

Минангкабау имели довольно сложную иерархию. Каждое подразделение имело своих глав: во главе сабуах паруи и джураи находились *мамаки*, во главе суку и кампуэнга — *пенгхулу*. Мамаком обычно являлся старший брат старейшей женщины данной джураи; мамак старшей джураи был одновременно мамаком паруи; мамак старшей паруи являлся *пенгхулу* кампуэнга и т. д. Старейшины были представителями своей семьи при решении самых разнообразных вопросов как внешних, так и внутренних. Решения принимались обычно после обсуждения на семейном совете, в котором женщины играли весьма активную роль, особенно старейшая женщина семьи — *индуга* («мать»).

* *

*

Несомненная приверженность минангкабау к нормам своего обычного права объяснялась прежде всего изолированностью области, замедленным темпом экономического развития и политикой консервирования традиционных форм общественной жизни, которую проводили голландские власти. Как только изолированность была нарушена и область оказалась втянутой в интенсивные товарные отношения, а это произошло в начале нашего столетия, заколебались самые, казалось бы, незыблемые устои обычного права минангкабау, в том числе и нормы семейно-брачного права.

На экономическое развитие области Минангкабау большое влияние оказало начавшееся в последней четверти XIX в. проникновение голландского капитала: правительство и частные фирмы приступили здесь к разработке полезных ископаемых, возникли частные плантации и первые промышленные предприятия²⁰. В связи с развитием плантационного хозяйства и началом интенсивной эксплуатации полезных ископаемых, прежде всего угля, остро встал вопрос о строительстве дорог и о ликвидации вековой изолированности области Минангкабау. Было построено несколько железнодорожных веток. Началось также строительство автомобильных дорог. Установились связи с соседними областями, стала исчезать былая разобщенность, созданная, кстати, в значительной мере теми же голландцами. Продукция Падангского нагорья получила выход в те районы, куда ранее не имела доступа. Одновременно область Минангкабау оказалась открытой для ввоза иностранной продукции. Поток дешевых иностранных товаров тяжело отразился на местном ремесле, вызвав резкий упадок одних его отраслей и полное исчезновение других. Связанное главным образом только с внутренним рынком и поэтому не приспособленное к производству больших количеств дешевой продукции местное ремесло не могло выстоять перед иностранной конкуренцией²¹. Чрезвычайно большое влияние на социальную организацию минангкабау оказал переход населения к производству экспортных культур, среди которых особое место заняли каучуконосы. Даже такие культуры, как рис, земляной орех и некоторые другие, ранее бывшие предметом только внутреннего потребления, стали производить на продажу.

²⁰ Подробно об этом см.: А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, М.—Л., 1932, стр. 189, 194—198; M. Joustra, *Minangkabau*, стр. 190—199; J. A. Fowler, *Netherlands East Indies and British Malaya*, Washington, 1923, стр. 204.

²¹ См.: M. Joustra, *Minangkabau*, стр. 188—189; H. J. Boeke, *The Evolution of the Netherlands Indian Economy*, New York, 1946, стр. 123—125.

Неизмеримо возросла начиная с первого десятилетия XX в. роль денег в жизни минангкабау. Они постепенно стали проникать во все отрасли хозяйства. Прежде деньги были нужны в немногих случаях (например, почитка обветшало́го семейного дома, выдача замуж дочери, похороны члена семьи, праздник по случаю утверждения в должности пенгхулу). Теперь деньги стали необходимы для уплаты многочисленных прямых и косвенных налогов и сборов, число которых с каждым годом возрастало²², для откупа от принудительного труда, оплаты займов и процентов по ссудам, покупки многих предметов первой необходимости, раньше изготовлявшихся на месте (одежда, обувь и т. д.), для покупки продовольствия, производство которого, вследствие перехода к разведению экспортных культур, сократилось. В 1927 г. денежная часть бюджета крестьянина-минангкабау составляла от 66 до 85% всего его бюджета, а у жителей городов Па́данг, Пари́аман и других — почти 100%²³.

С проникновением иностранного капитала внутренние процессы, подрывавшие натуральное хозяйство минангкабау, значительно усилились. Участились случаи заклада семейных земель, резко ускорилось расслоение общины. Общинники, оказавшиеся без земли, шли на плантации в качестве сельскохозяйственных рабочих, вливались в ряды рабочих, занятых на железных дорогах или угольных разработках.

Наемный труд в сельском хозяйстве применялся уже не только на плантациях иностранцев или местной верхушки. К наемному труду прибегали теперь многие разбогатевшие крестьяне-общинники, при этом не только при выращивании экспортных культур, но и при обработке рисовых полей. Традиционная система взаимопомощи (то́лонг-менбонг) все более уступала место простому найму за фиксированную оплату.

К 1920-м годам у минангкабау появились первые представители собственной буржуазии — сначала торговой, а затем сельской и даже мелкой промышленной, связанной с небольшими предприятиями обрабатывающей промышленности. Вместе с формированием местной буржуазии начинается становление собственного пролетариата, в подавляющем своем большинстве — сельскохозяйственного. Процессы эти в первую очередь охватили окраинные районы области. Например, в округе Коринчи (южная часть области Минангкабау) в 1927 г. почти 20% взрослого мужского населения составляли сельскохозяйственные рабочие²⁴.

Таким образом, переход от полунатурального хозяйства к товарному, усиленное втягивание местного сельского хозяйства в орбиту мирового рынка, связанное с интенсивным внедрением экспортных культур, — все это вызвало глубокие изменения в социальной жизни минангкабау. Дальнейшее развитие их экономики поставило на повестку дня вопрос о распаде территориальной общины.

Оставляя вопросы, связанные с разложением общины и с начавшимся становлением капиталистического хозяйства для особой статьи, остановимся на изменениях в сфере семейно-брачных отношений.

* * *

Изменения устоев семейно-брачной жизни коснулись прежде всего родовой экзогамии — основного правила, управлявшего брачными отношениями минангкабау. С развитием товарно-денежных отношений и разложением большой семьи экзогамия более крупных генеалогических

²² К 1930 г. население Западного побережья Суматры платило более 20 различных видов налогов и сборов.

²³ См.: «Rapport van de Commissie...», т. 2, стр. 18.

²⁴ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 104—105.

единиц стала быстро исчезать. Из сферы действия брачных запретов исключалось все большее число лиц. Естественно, что исчезновение экзогамии суку и кампуэнга предопределялось также значительным увеличением населения. Так, по переписи 1920 г. на Западном побережье Суматры проживало более 1400 тыс. минангкабау²⁵, а по переписи 1930 г. — 1800 тыс.²⁶.

Уже к концу прошлого столетия браки внутри кампуэнга, а тем более суку (но между разными паруй) стали обычным явлением²⁷. Можно было часто наблюдать, что в одном и том же районе члены одной кампуэнга соблюдают законы экзогамии, а члены другого — нет. Например, в Пангкаланкóтабáру кампуэнги Пилйанг, Дóмо, Чаниáго экзогамны, тогда как Патáпанг, Малайю, Манделинг ограничиваются типичной экзогамией паруй²⁸. Обычно сначала один кампуэнг, выделившийся из суку, переставал быть экзогамным по отношению к своему суку, потом другой, пока, наконец, экзогамия данного суку не исчезала полностью, перейдя на кампуэнги, чтобы в дальнейшем ограничиться паруй. В центральных районах процесс отмирания экзогамии суку шел медленно: здесь еще в первой четверти нашего века нередки были случаи наказания за ее нарушение. Виллинк рассказывает об одном высокопоставленном шейхе из Манинджау, который должен был отказаться от своей жены, так как она принадлежала к одному с ним суку; не помогали и ссылки на то, что шариат — мусульманское право — нарушен не был²⁹. Этот эпизод имел место в начале нашего века. В настоящее время экзогамия суку почти полностью исчезла и в этих районах. Следовательно ее можно встретить, например, в Сулики, где браки между членами кампуэнгов Джáмба и Патáпанг, Гúчи и Пилиáнг запрещены, так как один суку включает, среди прочих, первые два кампуэнга, а второй — суку — также среди прочих — два другие³⁰. Но на большей части Падангского нагорья основной экзогамной единицей является паруй. Браки внутри джураи, а тем более внутри фумахи, запрещен. За нарушение экзогамии паруй виновные наказываются. Например, в 1918 г. суку нагари Тándжунгбарúлак (район Батíпу) наложил на старейшину, женившегося на своей дальней племяннице, крупный штраф, лишил ее звания старейшины и расторг брак³¹. В 1922 г. в Батíпубáру адатный суд объявил вне закона (прежде это было равносильно приговору к смерти) старейшину и его жену, нарушивших экзогамию джураи, а также же мать и бабушку этой женщины, которые оказали ей содействие при вступлении в незаконный брак³². Аналогичные судебные разбирательства имели место в 1930-е и 1940-е годы, на что будет указано ниже³³.

Наиболее сильным изменениям подверглись экономически развитые окраинные районы, где к тому же значительная часть населения была пришлой из центральных районов области Минангкабау³⁴. Значительные изменения произошли и в тех районах центра области, где товарно-денежные отношения развивались наиболее быстро. Здесь брачные запреты, связанные с экзогамией суку или кампуэнга, исчезли к на-

²⁵ «Indisch Verslag», 1933, стр. 34.

²⁶ «Indisch Verslag», 1937, стр. 15.

²⁷ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 60. См. также G. A. Wilken, De verbreiding van het matriarchaat op Sumatra, т. 2, стр. 182, прим. 68.

²⁸ G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 431.

²⁹ Там же, стр. 434.

³⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 60.

³¹ «Dorpsrechtspraak in familie-en erfrechtzaken (1918—1926)», ARB, XXXIII, 1927, стр. 148—149.

³² Там же, стр. 149—153.

³³ В силу ряда причин публикации, относящиеся к 1940—1950-м годам, к сожалению, крайне скудны.

³⁴ G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 429—430.

стоящему времени полностью или почти полностью: экзогамны здесь лишь пары, но и то далеко не во всех случаях. Что касается городов и деревень прибрежной полосы (районы Пайнан, Паданг, Париаман), то там брачные запреты касаются только ближайших родственников, хотя население продолжает хранить память о принадлежности к тому или иному суку.

Большие изменения претерпели имущественные отношения в паре и сама структура этой большой материнской семьи. Уже так называемое «Адатное собрание», созданное в центре области городе Форт-де-Кок (ныне Букиттингги) в 1910 г., отметило ослабление неприкосновенности семейной собственности и традиционных для пары правил землевладения, начавшееся опустение больших домов, выделение малой семьи и изменение законов наследования³⁵. После 1910 г. интенсивное экономическое развитие области чрезвычайно ускорило эти процессы. Интересно, что даже работы, опубликованные консервативно настроенными авторами-минангкабау и призванные показать стойкость и сохранность адата, свидетельствуют о распаде большой материнской семьи и родовых отношений³⁶.

Остановимся на некоторых специфических особенностях, сопровождавших распад большой материнской семьи и формирование малой семьи. Распаду сабуах пары предшествовало ослабление кровнородственных связей между членами одного и того же суку. Во многих районах эти связи практически перестали иметь какое-нибудь значение. Ослабление и исчезновение родовых связей наблюдалось прежде всего в прибрежных и окраинных районах Западного побережья Суматры, таких, как Паданг, Париаман, Коринчи и др. Разумеется, значительная часть городского населения уже утратила связь со своим суку, поскольку никакой практической надобности в этих связях не было.

Ослабление кровнородственных связей захватило и пары. Большую роль в распаде пары сыграли отходничество и эмиграция. «Едва ли можно найти хотя бы один народ на архипелаге,— писал Яустра о минангкабау,— из среды которого столь много мужчин уходило бы на чужбину»³⁷. Первоначально основными причинами эмиграции служили недостаток земель в центральных районах области при непрерывном росте населения и консерватизм семейной системы, не дававшей простора личной инициативе. Это сочеталось с голландской системой принудительных культур и принудительного труда, крайне обременительной для населения. С начала XX в., в связи с ростом расслоения крестьянства, его обезземеливанием и обнищанием, вызванными проникновением капиталистических отношений, отходничество резко усилилось. К 1925 г. уход мужчин по некоторым округам достиг четверти всего проживавшего там мужского населения³⁸. Многие из ушедших, которых называли манчари («ищущие»), постепенно теряли связь со своей родиной и оседали на новых местах, где обзаводились семьей. Хотя за пределами родины минангкабау предпочитали селиться небольшими колониями, все же неизбежно происходило смешение с местным населением, в ходе которого минангкабау утрачивали специфические черты своего обычного права. Яустра даже считает, что у минангкабау, живущих за пределами своей родины, не остается ничего, кроме памяти

³⁵ «Verslag van een vergadering over herziening van het adatrecht te Fort de Kock», ARB, VI, 1913, стр. 207—220.

³⁶ I. Gelar Datoek Sangguno Diradjo, Kitab Tjoera Paparan «Adat Lembaga» Alam Minangkabau, Fort de Kock, 1919; его же, Kitab Peratoeran Hoekoem Adat Alam Minangkabau, Fort de Kock, 1924; его же, Mustiko Adat Alam Minangkabau, Djakarta, 1955 (две первые работы знакомы нам по ссылкам); A. S. Ramontjak, Pertemuan, Batavia, 1927 (знакома по ссылкам), и др.

³⁷ M. Jousstra, De Minangkabausche Maleiers, стр. 158.

³⁸ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 101.

о своем происхождении³⁹. Это вполне справедливо, хотя и не для тех, где минангкабау живут крупными компактными массивами. В таких местах (например, в Негри-Сембилане на Малакке) традиции минангкабау сохраняются значительно прочнее.

Но были другие, гораздо более глубокие, чем отходничество, причины, которые вели к ослаблению связей, объединяющих большую материнскую семью. Постепенно изменялся взгляд на неразрывность, связывающих воедино всех членов данной пары вне зависимости от того, где они проживают. Право ушедших членов пары (например, манчари) на семейное имущество уже не всегда принималось во внимание. Появился новый критерий в оценке права того или иного члена пары на семейное имущество — критерий труда. На продукты, полученные с семейного поля, мог рассчитывать только тот, кто там работал. Любой, даже самый близкий кровный родственник мог быть лишь доли в урожае, если он не принимал участия в посеве, уходе за урожаем и сборе его. В этом ярко видна тенденция к ограничению круга лиц, имевших право пользования продуктами семейной земли, которые теперь стали товаром, рыночной ценностью.

Примечательной чертой было почти полное исчезновение обычая кровной мести. И дело тут не столько в голландском законодательстве, запрещавшем кровную месть, сколько в том, что за проступки одного из своих членов пары уже больше не несла ответственности. Другой характерной чертой было падение роли *рапе' каум* — совета большой семьи. Раньше ни одно дело, затрагивавшее интересы большой семьи, не могло быть решено без семейного совета, состоявшего из всех взрослых членов пары или джурай, мнение которых выражал *мама*, причем для принятия решения требовалось единство всех членов пары (возражение хотя бы одного из них делало принятие решения невозможным). Теперь это требование почти не соблюдалось⁴⁰. С ослаблением связей внутри пары, с выделением отдельных семей, с обогащением отдельных *мамаков* роль *рапе' каум* все уменьшалась. Для решения того или иного вопроса теперь достаточно было простого большинства голосов. Очень часто решение принимал только *мамак*, став затем всю семью перед совершившимся фактом. Впрочем, нередко *мамак*, особенно разбогатевший (например, за счет разведения экспортных культур), единовластно вершил дела пары (или джурай), даже не ставя никого в известность о принятых им решениях.

Проникновение товарно-денежных отношений способствовало дальнейшему разрушению традиций, согласно которым осуществлялось управление большой материнской семьей. Раньше женщины в роли *мамаков* встречались лишь как исключение. Многие авторы, имевшие возможность ознакомиться с социальной структурой минангкабау, отмечают, что *мамаком* мог быть только мужчина и женщина в качестве такового встречалась лишь там, где все мужчины, имевшие право на этот пост, находились в отсутствии или таковых вообще не было⁴¹. В новых условиях ввиду того, что значительная часть мужчин оказалась вовлеченной в ту или иную деятельность, связанную с длительным отсутствием (причем часто это были именно *мамаки* или те мужчины, которые имели право быть *мамаками*), встречались женщины, игравшие роль *мамаков*. Процесс этот нашел отражение в переписи 1930 г.⁴²

Процесс распада семейного имущества, называвшегося *харту пусай* («неотчуждаемое наследственное имущество»), коснулся всех его

³⁹ M. Jousstra, Minangkabau, стр. 208.

⁴⁰ Там же, стр. 127. Это особенно характерно для приморских районов (там же стр. 132).

⁴¹ См. V. E. Korn, De vrouwelijke mama' in de Minangkabausche familie, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde...», т. 100, 1941, стр. 305—306.

⁴² «Volkstelling», т. IV, 1930, стр. 64 и сл.

дов, включая семейные земли. Рост потребности в деньгах заставлял прибегать к закладу основной собственности большой материнской семьи — ее земли. Прежде заклад земли совершался мамаком с согласия всех взрослых членов данной семьи после оживленного обсуждения, в котором немаловажную роль играли женщины. Теперь мамы очень часто совершали заклад земли, не уведомляя об этом остальных членов семьи. С другой стороны, рядовые общинники, нуждавшиеся в деньгах, также закладывали находившуюся в их пользовании часть семейной земли. Поскольку все большее число общинников оказывалось в затруднительном положении, размеры семейных земель неуклонно сокращались. Постепенно заклад земли вошел в жизнь населения, приводя к обезземеливанию одной части общинников и к концентрации земли в руках старейшин, глав семей, отдельных зажиточных общинников. Пока это еще не было полным отчуждением, так как вплоть до настоящего времени в центральных районах области земля рассматривается как собственность пары. Но практически заклад земли часто означал передачу ее в бессрочное пользование. Земли же, не полученные по наследству, а приобретенные иным образом, уже в 1930-е годы можно было продавать. Раздробление семейного имущества все чаще имел место, а права лиц, получавших эту собственность, становились шире, пока, наконец, отдельное лицо не превращалось из совладельца (сопользователя) в полного собственника. Особенно быстро и заметно процессы ослабления семейных связей происходили в районах, экономически наиболее развитых, где заклад семейных земель стал обычным явлением и где встречались случаи продажи таких земель⁴³.

Интересно отметить, что в закладе земель теперь иногда принимали участие и женщины — эти ревностные хранительницы имущества большой материнской семьи, которых пословица минангкабау называла «прочным замком имущества пусако»⁴⁴. В материалах сельских судов (ландраадов) за 1930-е годы (за последующие годы публикации отсутствуют) имеется достаточное число примеров заклада земли женщинами, разумеется, при участии мамака⁴⁵. Но это отнюдь не означало, что положение женщин стало более независимым, что они получили большую самостоятельность и т. д. Наоборот, женщины лишились того высокого положения, которое они имели в паре, являясь хранительницами семейного имущества. В формирующихся малых семьях их права были значительно меньше, так как эти семьи строились по законам ислама с его резко выраженным отцовским правом.

Изменения в отношениях между членами пары не ограничивались лишь стремлением части их к захвату семейного имущества. Старейшины всех рангов пытались не только закрепить за собой земли общинников, но и закабалить их самих⁴⁶. Одним из основных путей к этому было ростовничество. Схрике отмечал в 1928 г.: «Там, где пенгхулу все еще самостоятельны благодаря тому, что они владеют большой семейной собственностью, они часто пытаются усилить свой собственный престиж и привязать деревенских жителей к себе, держа их постоянно в долгу»⁴⁷.

⁴³ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 125. Подробно об этом см. упомянутую диссертацию Гейта «Заклад земли у минангкабау».

⁴⁴ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 121. По адату, женщины были полностью лишены права делать займы, давать поручительство, а тем более отдавать землю в заклад, хотя они принимали живое участие в обсуждении вопросов, связанных с подобными мероприятиями (См.: G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 392, 403, 601 и др.).

⁴⁵ V. E. Kopp, Указ. раб., стр. 320.

⁴⁶ Процессы феодализации, захватившие районы, лежащие на восток и северо-восток от Падангского нагорья, описывает Г. Кунов (см. его книгу «Всеобщая история хозяйства», т. I, М.—Л., 1929, стр. 413—418).

⁴⁷ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 140.

Прежде в большинстве районов области Минангкабау считалось обязательным выделение определенной части урожая в семейный бар — лумбунг. В Солоке, например, две трети урожая распределялись среди членов семьи, а одна треть передавалась в семейный амбунг. В условиях перехода к возделыванию экспортных культур и с нашим распадом семейных земель этот обычай постепенно перестал быть обязательным⁴⁸. Однако распад имущества пары не был единственным актом. Даже в развитых районах нередко были случаи, когда например, «мелкие торговцы, получавшие свой оборотный капитал из семейных фондов, должны были давать детальный отчет о своих доходах раз в год во время возвращения домой на месяц поста»⁴⁹.

Чрезвычайно характерной чертой для описываемого периода было постепенное запустение больших, или адатных, домов, так называемых *румах-гаданг*. Старые адатные дома, в которых жили часто до 100 человек, т. е. ветвь большой материнской семьи — джураи, постепенно заменялись небольшими домами для одной семьи. В конце 19-го годов строительство новых адатных домов стало редкостью. Они уже соответствовали новым формам хозяйственной деятельности. Более того, существующие адатные дома пустели. Впрочем, традиция была достаточно сильна, о чем можно судить по тому факту, что и в наши дни некоторые из адатных домов обитаемы. В статье, помещенной в журнале «Индонезия» за 1955 г., говорится: «Вне городов население все еще не считает уничтоженными свои адатные дома. Адатные дома сохраняют свое значение и, конечно, сохраняют его до тех пор, пока селение не откажется от своего адата»⁵⁰. Несколькими такими особыми крупными адатными домами сохранилось в Сүлитайр (Солок); самый большой из них насчитывает 20 помещений⁵¹. В центральных районах области Минангкабау их можно встретить в каждой нагари. Даже опустевшие адатные дома еще содержатся в порядке, за ними следят и стараются своевременно ремонтировать. Этим занимаются члены семьи некогда жившие в данном доме, а теперь имеющие свои дома по соседности. Адатный дом служит напоминанием об их генеалогическом единстве, будучи своеобразным семейным музеем. Однако, как правило, в сохранившихся адатных домах живет уже не вся пара, а ее остатки. Обычным типом жилища к концу 1920-х годов стал односемейный дом или дом для нескольких семей, но не для большой материнской семьи.

Традиционные нормы заключения брака также претерпели большие изменения. Раньше предложение о заключении брака исходило из семьи девушки, причем выдача ее замуж всегда была делом ее материнской семьи, что являлось одним из основных брачных законов. Теперь же отец стал более решительно вмешиваться в вопросы замужества. Нередки случаи столкновения между мамаком — представителем группы матери и *вали*⁵² — представителем группы отца⁵³.

Брак все менее считался делом, в котором были замешаны интересы всей пары. Стало правилом (особенно в окраинных районах), что мужчина сам выбирал себе жену. Часто он даже не спрашивал разрешения на брак у главы пары или джураи. Со своей стороны,

⁴⁸ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 125.

⁴⁹ Там же, стр. 141.

⁵⁰ «Indonesia», v. I, № 4, 1955, стр. 45.

⁵¹ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 117. Любопытно, что голландские власти пытались сохранить адатные дома. Например, в округе Форт ван-дер-Каппеллен был установлен специальный контролер всеми мерами поощрял строительство новых и восстановление старых адатных домов, прибегая при этом даже к мерам принудительного характера (там же, стр. 114).

⁵² Вали — либо отец девушки, либо отец ее отца, либо кто-нибудь из мужских родственников ее отца. Об их роли см.: G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 489—490.

⁵³ J. Prins, Указ. раб., стр. 42.

мак уже не всегда решался напоминать об этом; точно так же мамыки все реже требовали причитающийся им, по обычаю, от брачной пары подарок. До этого наблюдалось уменьшение размеров такого подарка: в Сулики, например, он стал символическим, снизившись до половины цента.

Молодое поколение стремилось выйти за рамки предпочтительного брака на дочери брата матери⁵⁴, старалось преодолеть жесткие правила экзогамии суку, кампуэнга и даже паруй⁵⁵.

Конечно, все это происходило не без борьбы, которая далеко не окончена и по сей час. Тема о влюбленных, брак которых был расстроен родителями, имеющими в виду иную партию для своих детей, или о несчастных браках, заключенных без любви, — богато представлена в литературе минангкабау 1920—1930-х годов⁵⁶. В центральных районах области Минангкабау, например вокруг озера Сингкар, инициатива в браке по-прежнему сохраняется, как правило, за семьей невесты, хотя и здесь встречаются случаи, когда эта инициатива исходит от семьи жениха. Сам жених или невеста имеют здесь еще очень малую свободу выбора. Писатель-минангкабау Раджаб рассказывает: «Кто его невеста, ему (т. е. жениху. — Ю. М.) по большей части не известно, или же он с нею не знаком; обычно это не та девушка, о которой он подумывал, как о будущей жене»⁵⁷.

По законам адата минангкабау, нагари была эндогамной единицей: браки заключались между жителями одной нагари. Особенно строго это правило соблюдалось по отношению к женщинам. Девушка, вышедшая замуж в другую нагари, теряла все право на имущество — пусако и исключалась из семьи. За это правило держались все главы семей (мамаки джурай и паруй), а также старейшины кампуэнга или суку, ибо нарушение его повело бы к разрушению традиционной системы владения имуществом и передачи его по наследству внутри данной генеалогической общности, что было бы невыгодно мамаку или пенгхулу. На брак женщины с чужеземцем (каковым был всякий мужчина, не принадлежавший к данной нагари) смотрели как на серьезное нарушение обычая. Например, на суде, состоявшемся в нагари Котогаданг 23 апреля 1920 г. «Совет нагари» изгнал из общины и лишил всех прав женщину за то, что она вышла замуж за яванца⁵⁸. Интересно подчеркнуть, что эта женщина уже не жила в своей нагари, а служила, как и ее муж, на почте в Медане (Северная Суматра). В начале 1930-х годов другая женщина той же нагари вышла замуж за чиновника, служившего в Палембанге. Ее семья порвала с ней всякую связь⁵⁹. О конфликте, возникшем из-за того, что молодой минангкабау, ушедший искать счастья на Западную Яву, вернулся с женой-сунданкой, рассказывает опубликованный в 1932 г. роман Искандара «Карена ментуа»⁶⁰.

Естественно, что вопрос об отмене эндогамии нагари стал предметом горячих споров. Против эндогамии выступили сами женщины. В 1924 г. после приведенного выше случая в нагари Котогаданг женщины этой нагари обратились в Карапатан адат (Совет адата) с заявлением о том, что правило о браках только внутри данной нагари не распространяет-

⁵⁴ См.: P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ G. W. E. Drewes, Oud en nieuw in de hedendagsche Indonesische Letterkunde, «De Gids», 1932, № 9 (особо стр. 331); G. Spat, Moderne Maleische Litteratuur, «Koloniaal Tijdschrift», № 3 (особо стр. 123); J. Gonda Maleische Romans, «Koloniaal Tijdschrift», 1934, № 1 (особо стр. 280); M. Radjab, Semasa ketjil di kampung (1913—1928). Autobiografi seorang anak Minangkabau, Djakarta, 1950 (особо стр. 263).

⁵⁷ M. Radjab, Указ. раб., стр. 263.

⁵⁸ ARB, XX, 1922, стр. 143—146.

⁵⁹ J. Prins, Указ. раб., стр. 45.

⁶⁰ N. S. Iskandar, Karena mentua, Batavia, 1932, Цит. по кн.: P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117.

ся на мужчин и, следовательно, является односторонним, ущемляющим права женщин⁶¹. Женщины просили разрешения выходить замуж за своей нагари, а также права на браки внутри своего суку. В своем обращении женщины указывали, что брак, вызвавший столь суровое решение Совета нагари, был совершен по всем законам мусульманских прав. Однако лишь в 1935 г. старейшины Котогаданга приняли решение об отмене запрета на брак с мужчинами другой нагари. Впрочем, принятие такого решения не означало еще, что женщина получила полную свободу в выборе мужа⁶².

Приведенные примеры показывают, какой сложной и длительной была борьба за уничтожение отживших норм материнского права в семейно-брачных отношениях минангкабау. Однако стремление к освобождению как мужчин, так и женщин от власти большой материнской семьи становилось общей тенденцией. При этом освобождение женщин понималось в самом широком смысле. Так, в одном из номеров газеты «Молодая Суматра» за 1919 г. появилась статья, где говорилось, что «глубокое горе, которое женщина носит в себе», может быть уничтожено, «когда мужчина будет видеть в женщине нечто большее, чем то, что он видел в ней до сих пор, когда он будет смотреть на нее, как на спутницу жизни, равную ему»⁶³.

Новым в нормах брачной жизни был переход к патрилокальному, тесно связанной с образованием малой семьи. Для окраинных районов области Минангкабау переход жены в дом мужа был отмечен еще в конце XIX в. Голландский чиновник Коореман в 1892 г. писал, что в Индрапуре (район к югу от Падангского нагорья) мужчина должен брать жену в свой дом⁶⁴. Эти процессы широко захватили и районы Индрагири (к востоку от Падангского нагорья вплоть до побережья Малаккского пролива)⁶⁵. В конце XIX в. новый порядок можно было наблюдать также в районе Паданга и в некоторых других местах. В 1930-е годы индонезийский чиновник, советник при резиденте провинции Западное побережье Суматры, отмечал, что в прибрежных районах, а также во вновь освоенных районах большая материнско-правовая семья совсем не встречается⁶⁶. Это же происходило в Пайнани, где уже пары не жили вместе, и в других окраинных районах.

В центре области, на Падангском нагорье, в тех районах, где происходило развитие капиталистических отношений, расслоение крестьянства и связанное с этим разложение пары зашли наиболее далеко, там же резко ускорился процесс образования малых семей. Всякий более или менее зажиточный крестьянин брал жену к себе в дом. Если он не мог сделать этого сразу, он делал это после нескольких лет супружеской жизни, когда был в состоянии построить для своей семьи отдельный дом.

Несомненно, что ислам с его отцовским правом был хотя и не основной, но достаточно серьезной разрушительной силой для материнско-правовых устоев семейной жизни минангкабау. Духовенство минангкабау, а также хаджи (люди, совершившие хадж в Мекку) жили по нормам отцовского права. Личный пример духовенства и хаджей, усиленная неустанная пропаганда законов ислама о семье, имуществе и браке оказывал свое действие на окружающее население.

Большую роль в переходе к малой семье играли эмигранты. Не только они возвращались на родину с новой семьей, причем очень част

⁶¹ Н. В. Буман, Указ. раб., стр. 49.

⁶² Там же, стр. 29—30.

⁶³ Там же.

⁶⁴ P. I. Kooreman, Aanteekeningen van den toenmaligen assistent-resident ARB, XI, 1913, стр. 147.

⁶⁵ A. F. Graafland, De verbreiding van het matriarchaat in het landschap Indragiri, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde...», т. XXXIX, № 1, стр. 44.

⁶⁶ ARB XLI, стр. 392 и сл. Цит. по J. Prins, Указ. раб.

другую нагари, стремясь избавиться от «адат каманакан» — «права племянников», согласно которому имущество отца наследовали не его дети, а дети его сестер. Естественно, что эти семьи жили уже не по нормам адата минангкабау, а по нормам отцовского права. «В настоящее время,— писал Яустра в 1923 г.,— имеются минангкабау, и среди них пользующиеся известностью и уважением в туземном мире, которые либо вернулись на родину с женой, взятой на чужбине, либо родились там от такого брака. Для учреждений материнского права,— добавляет автор,— такие семьи и лица потеряны»⁶⁷.

Те минангкабау, которые вернулись без жены, равным образом стремились избавиться от «права племянников». Если вернувшийся был богат, он выбирал жену и увозил ее, делая при этом богатые подарки семье своей жены, что очень напоминает обычай выкупа за невесту⁶⁸.

Если в экономически развитых районах переход к патрилокальности стал общим правилом (хотя и с многочисленными исключениями), то в районах, находившихся в изоляции, старые правила уходили из жизни с большим трудом. Случается, что, например, в Котоанану, в Солоке и во многих других местах в Лимапулукото женщине оказывает материальную поддержку не муж ее, а брат. Для первого в данном случае достаточно делать каждый год несколько подарков и давать немного денег...»⁶⁹. Здесь в значительно большей степени, чем в других местах, сохранялось «право племянников».

Сохранение здесь большой материнской семьи с ее характерными признаками в значительной степени объясняется тем, что низкое экономическое развитие выталкивало мужское население из нагари. Естественно, что хранительницами всего семейного имущества оставались женщины. Но ушедшие при первой возможности обзаводились собственным хозяйством, причем если им не удавалось сделать это в своей нагари, придерживавшийся старого адата, то они заводили себе семью в другой нагари, где адатные установления соблюдались менее строго и где они имели право поселиться, так как их родственники по суку жили почти в каждой нагари.

Изменения коснулись и свадебной обрядности. По адату, обряд заключения брака происходил в доме невесты, теперь же этот обряд стал совершаться в мечети. Многочисленные запреты в отношениях между мужем и родителями жены либо изменились, либо совсем исчезли.

Одной из ступеней к образованию малой семьи явился переход опекунов над мальчиком от мамака к отцу. Постепенно развилось представление о том, что в обязанности отца входит дать образование сыну. Вошло в обычай, что не родственники со стороны матери, а отец платил за обучение сына в школе⁷⁰.

Распад пары, а затем и джурай, и образование малых семей означали, что традиционные связи между кампуэнгами и суку нарушались, переставали быть регулярными и, наконец, прекращались совсем. Прежде эти связи находили свое выражение в наличии четырех экзогамных родов, связанных предпочтительным браком на дочери брата матери и довольно распространенным обычаем сорората, а также в существовании трех правовых групп: материнскоправовой группы (т. е. группы, к которой принадлежу «я», моя мать и все мои родственники с материнской стороны), группы моего отца, называемой йнду бако, и группы пасумандан, к которой принадлежат жены мужчин данной большой материнской семьи. Теперь место обязательных браков стали занимать браки между представителями самых различных родов и их подразделений. Росло число браков, заключенных по склонности. Социальная

⁶⁷ M. Joustra, Minangkabau, стр. 95.

⁶⁸ M. Radjab, Указ. раб., стр. 261.

⁶⁹ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 117.

⁷⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 116.

организация минангкабау утрачивала свойственные ей черты одностороннего (кольцевого) брака. Генеалогические факторы в браке теряли свое значение. Естественно, что все это подрывало авторитет глав больших материнских семей и родовых старейшин, которые всячески сопротивлялись новым течениям⁷¹.

Накопление собственности в руках отдельных лиц привело к большим изменениям в области наследования. Выше говорилось о закладе наследственного семейного имущества (харто пусако), частью переходившего к дальним родственникам или лицам, вообще не принадлежавшим к данной материнской генеалогической группе. Но особенно большие изменения претерпели законы, управлявшие наследованием лично приобретенной собственности — харто панчариан. Прежде, согласно «праву племянников», право детей на имущество, приобретенное отцом, было крайне ограниченным. Основная часть этого имущества передавалась детям сестер отца, в конечном счете — племянницам (в силу той же матрилинейности), но уже начиная со второй трети XIX в. ряд авторов отмечал, что имущество панчариан или часть его под тем или иным предлогом передается собственным детям. Во второй половине XIX в. этот процесс усилился, а с начала XX в. появились новые правила, регламентировавшие распоряжение лично приобретенным имуществом, в частности и таким, которое было оставлено без завещания.

Первыми нарушителями адата в сфере наследственного права были представители имущих слоев населения: торговцы и, как это ни парадоксально звучит, сами старейшины. Именно в среде имущей верхушки передача имущества панчариан собственным детям стала правилом. Еще в 1895 г. один из голландских авторов писал, что «дарение имеет место главным образом среди малайских торговцев, хаджей и старейшин... короче говоря, среди тех, кто соприкасался с денежной экономикой»⁷².

По мере расслоения общины и пары, по мере выделения зажиточной верхушки все большее число общинников уклонялось от соблюдения старых адатов при передаче лично приобретенного имущества. В окранных районах этот процесс шел интенсивно уже в конце XIX. Коореман в 1892 г. отмечал, что «здесь семья (паруи. — Ю. М.) не является последним подразделением племени, но вследствие браков с членами других племен распадается на семьи, состоящие из мужа, жены и детей харто панчариан становится собственностью семьи и наследуется детьми»⁷³. В 1920-х годах имущество, заработанное отцом, передавалось его собственным детям уже во многих районах Падангского нагорья. Это оформлялось посредством дара (хибах) или выражения последней воли (умане') завещателя, высказанной на ложе смерти⁷⁴.

Говоря о переходе права наследования от племянников к детям, необходимо сделать небольшое отступление. Следует иметь в виду, что представление о существовавшем прежде у минангкабау всеобъемлющем и исключительном «праве племянников»⁷⁵, при котором дети оставались в полном пренебрежении со стороны своего отца, не совсем правильно. Голландский исследователь Корн пишет по этому поводу: «Мнение о том, что когда-то по адату интересы детей умершего полностью оставались без внимания и что завещание имущества детей (в форме хибах или умане') является отклонением от наследственного права минангкабау, постепенно возникшим под воздействием внеш-

⁷¹ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117—118; B. Schrieke, Указ. раб. passim; Абдул Муис, Неправильное воспитание (пер. с индонез.), М., 1960.

⁷² B. Schrieke, Указ. раб., стр. 117.

⁷³ Цит. по B. Schrieke, Указ. раб., стр. 119.

⁷⁴ P. Kooreman, Указ. раб., стр. 147.

⁷⁵ M. Joustra, Minangkabau, стр. 114.

⁷⁶ См. соответствующие ссылки: J. Prins, Указ. раб., 44 сл., 114.

них влияний (ислам, развитие малой семьи западного типа), — это мнение оспаривается минангкабау»⁷⁷.

Распределение имущества умершего отца подчинялось определенным правилам. Если дети имели достаточное обеспечение в семье своей матери, они ничего не получали от отца; если же семья матери была бедна, то дети получали большую или меньшую долю имущества отца, иногда все. В последнем случае племянники довольствовались получением какого-нибудь тандо (знак), например, комплекта одежды дяди, что являлось символическим признанием их «права племянников»⁷⁸. Поскольку прежде официально хихах сопровождался сложным церемониалом, то отцы предпочитали делать подарки без особой огласки. Поэтому факты наследования детьми имущества отца оставались почти не известными⁷⁹.

В рассматриваемый нами период законы наследования изменились, причем зажиточность семьи матери детей уже не принималась во внимание: отцы в любом случае стремились передать свое имущество детям. Широкое распространение по всей Индонезии получил обычай умане'⁸⁰, заключавшийся в том, что завещатель на смертном одре по пунктам перечислял свою собственность и оповещал о своей воле. Он подробно знакомил собравшихся с характером передаваемого имущества (унаследованное, приобретенное своим трудом до брака или в браке и т. д.), и производил его распределение среди наследников, стараясь предотвратить несогласие. Имущество, переданное путем умане' или дара, уже не возвращалось в семью матери завещателя, что, естественно, ослабляло паруй и способствовало ее распаду⁸¹.

На Падангском нагорье переход к новым формам наследования сопровождался острой борьбой⁸². Даже там, где в настоящее время дети, как правило, являются наследниками отца, они должны делиться с детьми сестер отца, иногда отдавая им половину наследства. В противном случае племянники могут оспорить дар или последнюю волю умершего. Юридическим основанием для этого служит либо заявление, что на собственность, о которой идет речь, должно распространяться старое адатное право — «право племянников», либо заявление, что данная собственность является частью семейной собственности пусако или была приобретена при помощи этой последней. За каждую долю наследства, которая переходила от племянников к детям, между ними происходила упорная борьба. Схрике сообщает: «...во многих районах стало правилом, что дети сестры не должны помышлять об оспаривании права детей на небольшое (как видим, речь идет пока лишь о небольшом имуществе.— Ю. М.) наследство из собственности, заработанной отцом своим трудом и оставленной детям в качестве дара, кроме трех случаев: первое — в случае открытой вражды, второе — когда

⁷⁷ V. E. Kopp, Указ. раб., стр. 314—315.

⁷⁸ V. E. Kopp, Указ. раб., стр. 315. Напомним в этой связи сообщение Вилкена о том, что имущество панчариан отца наследуется в первую очередь его сыновьями и лишь при отсутствии сыновей — дочерьми. В последнем случае дети сестер также получают часть имущества. Вилкен объясняет это тем, что дочери, при сохранении законов матрилинейного наследования, обеспечены за счет имущества пусако (G. A. Wilken, *Verspreide geschriften*, т. II, Semarang, 1912, стр. 184). С ним соглашается де Йосселин де Йонг (Указ. раб., стр. 57). Оба они не отмечают главного: того, что передача имущества панчариан от отца к сыновьям отражает развитие отцовского права. Фан Фолленхофен в связи с этим высказал следующую мысль: можно, говорил он, «видеть в вышеописанной щедрости со стороны отца и в ...завещании самим отцом (имущества.— Ю. М.) принцип отцовской системы счета происхождения, который издавна скрещивается с матрилинейной системой» (цит. по кн.: V. E. Kopp, Указ. раб., стр. 314, прим. 3).

⁷⁹ A. Verkerk Pistorius, Указ. раб., стр. 45.

⁸⁰ Малайское уманат, яванское векас (или веллинг) и т. д.

⁸¹ G. de Moubray, Указ. раб., стр. 202.

⁸² B. Schrieke, Указ. раб., стр. 156.

наследство очень велико, третье — когда в дело вмешан неопытный юрист»⁸³.

Желая избежать недовольства сородичей, мужчина иногда строил дом для своего сына, который, в силу законов материнского рода, принадлежал к семье матери, но женил его отец на дочери своей сестры. В этой тенденции заключения браков с дочерью сестры отца отчетливо видна растущая роль отцовской пары, т. е. переходной ступени при замене матрилинейности патрилинейностью.

Интересно, что старые законы наследования иногда можно было встретить в развитых районах. Это показывает, насколько сильны были традиционные связи и правила.

Многие зажиточные минангкабау уходили из своей нагари и поселялись в другой, где никто не стал бы претендовать на долю в их имуществе. По этой же причине минангкабау, разбогатевшие в других краях, предпочитали не возвращаться на родину, ограничиваясь высылкой денег своим сородичам, так как они знали, что в родной нагари их окружит толпа родственников, с которыми им придется делиться; если же они не будут щедры, они оскорбят адат и родственные чувства своих близких. Многие из таких новоявленных богачей приезжали на короткий срок продемонстрировать свое богатство, устраивали один или несколько праздников для родственников и уезжали обратно. Очень красочно описаны такие визиты в автобиографической книге Мухаммада Раджаба⁸⁴.

Наступивший в 1929 г. экономический кризис и последовавшие затем годы депрессии, а также деятельность голландцев, которые вернулись к своей политике консервации социально-экономических отношений у народов Индонезии, на время затормозили окончательное исчезновение пережитков материнского рода и замедлили разложение общины. В своей политике консервации пережиточных форм социальной организации голландские власти опирались прежде всего на старейшин, заинтересованных в сохранении больших материнских семей. Борьба против отживших адатов приняла характер политической борьбы. 20-й конгресс партии Сарекат ислам, состоявшийся в мае 1934 г., внес предложение, направленное на постепенную отмену адатного права минангкабау. В предложении говорилось, что адат признает лишь родство по женской линии и поэтому муж и жена не могут иметь семьи (муж лишь посещает жену); что главой семьи является не муж, а мамак — брат матери; что мужчина не имеет возможности осуществлять свои права мужа и отца и что дети не являются его наследниками (они могут лишь получать подарки). Далее в предложении говорилось, что подобные законы находятся в полном противоречии с законами ислам согласно которым муж и жена должны составлять одну семью, муж — являться ее главой, а дети — принадлежать обоим супругам. В заключение предлагалось всячески поощрять переход к новым формам семейной организации⁸⁵.

«Союз адата страны Минангкабау» (Сарекат адат алам Минангкабау), объединявший в основном старейшин области, организовал многочисленные собрания протеста, на которых члены союза превозносили старые законы, регулировавшие семейно-брачные отношения, указывая, что с падением адата исчезнет высокое положение женщины, что разрушатся традиционные связи, объединявшие паруй, в результате чего ухудшится материальное положение всего населения. Они доказывали, что процессы выделения малой семьи разрушат общество минангкабау⁸⁶. Один из видных представителей «Союза адата». Дату

⁸³ R. Schrieke, Указ. раб., стр. 118.

⁸⁴ M. Radjab, Указ. раб., стр. 261.

⁸⁵ J. Prins, Указ. раб., стр. 46—47.

⁸⁶ Там же, стр. 47.

Туменггунг заявил в Народном совете, что именно в материнскоправовой семье минангкабау находят свое благосостояние⁸⁷.

Все это, разумеется, не могло остановить процесс распада больших материнских семей и не нарушало общей тенденции к образованию малых семей, в которых действовало отцовское право с патрилинейным счетом родства и с передачей имущества от отца к детям. Связь между отцом и детьми крепла, связь с родственниками по материнской линии слабела. «...Любое усилие искусственно принудить... общество (минангкабау.— Ю. М.) идти по старым путям обречено на неудачу с самого начала»,— писал в 1928 г. Схрике⁸⁸.

В 1940—1950-е годы процессы развития семейно-брачного права минангкабау неуклонно шли по тому же пути,— более замедленно в период японской оккупации, быстрее в последовавшие затем годы национально-освободительной борьбы против голландской агрессии. Поэтому неправ Й. Принс, когда он пишет, что за 25 лет—с 1928 по 1953 г.—«...общины в коренных районах минангкабау не обнаруживают никаких значительных изменений в правовой жизни и правосознании своих членов»⁸⁹. Даже в коренных районах наследование по крайней мере половины имущества отца его детьми к 1950-м годам, согласно данным, приводимым де Йосселином де Йонгом, стало твердым правилом⁹⁰. Индонезийский источник 1952 г. отмечает, что связь между отцом и детьми неуклонно растет и становится правилом семейной жизни⁹¹.

Подводя итог рассмотрению развития семейно-брачных отношений у минангкабау Падангского нагорья и окрестных районов, можно сделать следующие выводы.

1. Большая материнская семья (паруи) перестает быть основной социально-экономической единицей общества минангкабау и распадается на малые отцовские семьи.

2. Имущество паруи (харто пусако) в результате закладов и продаж переходит в собственность отдельных лиц, что подрывает экономическую основу существования паруи.

3. Старейшины из управителей и хранителей имущества паруи становятся его единоличными распорядителями, присваивая значительную часть этого имущества.

4. Традиционные нормы экзогамии отмирают, охватывая в настоящее время лишь ближайших родственников, объединенных в паруи, с тенденцией к дальнейшему сокращению круга лиц, связанных правилом экзогамии.

5. Основным типом жилища становится дом для одной малой семьи; адатные дома пустеют и приходят в упадок.

6. Наследниками отца становятся его дети, доля детей сестры в наследовании имущества дяди все более сокращается.

7. Нагари перестает быть эндогамной; женщины получают право покидать свою деревню.

⁸⁷ J. Prins, Указ. раб., стр. 48. См. также «Handelingen v. d. Volksraad», 1936—1937, стр. 168; «Persoverzicht», 1939, XV, стр. 279—280.

⁸⁸ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 142.

⁸⁹ J. Prins, Указ. раб., стр. 41.

⁹⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 57.

⁹¹ «Hukum», 1952, т. I, стр. 26—30; т. IV, стр. 16—20.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

О ДРЕВНИХ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

1

Изучение хозяйственно-культурных связей прибалтийских народов на разных этапах социально-экономического развития занимает видное место в новейших работах советских археологов, этнографов и лингвистов, особенно в специальных исследованиях, посвященных этногенезу этнической истории литовцев, латышей и эстонцев. Очень большое значение для разработки этих проблем имеют статьи Х. А. Моора, основанные главным образом на археологических данных, но отличающиеся вместе с тем широким привлечением лингвистических и этнографических материалов¹. Из других археологических работ последних лет на большего внимания заслуживают в данном отношении некоторые исследования А. К. Вассара, Н. Н. Гуриной, П. З. Куликаускаса, А. З. Тартавичюса, М. Х. Шмидехельм, Э. Д. Шноре, Я. Яблонските-Римантен, Л. Ю. Янитса².

¹ См. Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 29—37; ег же, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1958, стр. 49—141; ег же, О древней территории расселения балтийских племен, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 9—33; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, Настоящий номер журнала, стр. 21—51.

² А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 187—211; Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 31—45; ег же, Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», I, М., 1955, стр. 76—110; ег же, Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 125—136; П. З. Куликаускас, Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и начале II тысячелетия н. э. по данным археологии, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии, серия, т. XXIII, М., 1954, стр. 36—46; P. Kulikauskas, Seniausieji Kurši Neringos gyventojai (Древнейшие обитатели на Куршской косе; резюме на русск. яз. «Iš Lietuvių kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959, стр. 72—85; А. З. Тартавичюс, Восточнолитовские курганы, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 128—153; Э. Д. Шноре, Городища древних латгалов, там же, стр. 222—231; М. Х. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии, там же, стр. 154—185; ег же, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-восток Эстонии, Таллин, 1955; ег же, О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э., Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 172—186; Я. Яблонските-Римантен, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография»

Косвенную, но часто существенную роль в изучении хозяйственно-культурных связей могут играть также данные антропологии, поскольку распространение антропологических типов на какой-либо территории и смешение между ними не может происходить без расселения народов и взаимодействия их друг с другом. По этнической антропологии современного населения Советской Прибалтики работали в последнее время главным образом М. В. Витов и автор настоящей статьи, а по палеоантропологии — К. Ю. Марк и В. П. Якимов³. Большой интерес для проблем этнической истории народов Советской Прибалтики, а следовательно и для вопросов взаимодействия между ними, представляют антропологические материалы по соседним территориям. К таким материалам относятся, например, данные Е. В. Жирова и В. П. Якимова о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова на Онежском озере или В. В. Седова о черепах из курганов XI—XIII вв. Верхнего Поднепровья и северо-западных волостей древней Новгородской земли⁴.

Этнографические работы, содержащие конкретные данные о древних и более поздних хозяйственно-культурных связях народов Советской Прибалтики, очень многочисленны и перечислить даже важнейшие из них здесь нет никакой возможности. Значительный интерес представляют исследования литовских, латышских и эстонских ученых, а также сотрудников Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, опубликованные в «Материалах Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)»⁵, в «Балтийском этнографическом сборнике»⁶, в сборнике «Вопросы этнической истории эстонского народа»⁷, в двух книгах «Из истории культуры литовского народа», изданных на литовском языке (с резюме на русском) в Вильнюсе⁸, в первом томе Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции⁹. Наиболее многочисленны в этих сборниках данные по материальной культуре народов Советской Прибалтики, в первую очередь по сельскохозяйственным орудиям (П. В. Дундулене, И. А. Лейнасаре,

1955; № 3, стр. 3—19; ее же. Стоянки каменного века Эйгулай, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 11—31; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 142—171; его же, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайыги, Таллин, 1959; L. Jaanits, Neolitisel ajalul Eesti NSV territooriumil (Неолитические поселения на территории Эстонской ССР: резюме на русск. яз.), Сб. «Muistsed asulad ja linnused» (Древние поселения и городища.) Таллин, 1955, стр. 176—201.

³ М. В. Витов, Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 561—578; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 219—242; Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen in Ostbaltikum, Helsinki, 1958; Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 15—28; его же, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 13—35; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской экспедиции», II, М., 1959; В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXII, М., 1956, стр. 268—297.

⁴ Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 53—55 (в дальнейшем цит. КСИИМК); В. П. Якимов, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, 1960, стр. 221—359; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XV, 1952, стр. 72—79; его же, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 12—18.

⁵ Труды Института этнографии, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

⁶ Труды Института этнографии, нов. серия, т. XXXII, М., 1956.

⁷ Академия наук Эстонской ССР, Институт истории, Таллин, 1956.

⁸ «Iš Lietuvių kultūros istorijos», Vilnius, I, 1958; II, 1959

⁹ М., 1959.

Л. Х. Кивисаар-Феоктистова), по жилищу и другим постройкам (И. Букявичюс, В. С. Жиленас, А. К. Крастыня, Л. Н. Терентьева, Т. М. Хабихт-Паэвере, К. К. Чербуленас, Н. В. Шлыгина), по одежде (А. А. Вольмаа, А. Э. Зариня, М. К. Слава, Л. Б. Треес), по пище и утвари (В. Милюс). Особо следует отметить исследования А. Х. Моора, специально посвященные эстоно-русским культурно-хозяйственным связям¹⁰. Заслуживают упоминания, наконец, статьи Х. Т. Тампере, в которых вопросы культурных связей между народами Прибалтики рассматриваются в свете фольклорных материалов¹¹.

Среди многочисленных работ, посвященных изучению языков народов Советской Прибалтики, только очень немногие представляют существенный интерес для вопроса о хозяйственно-культурных связях этих народов. В первую очередь здесь должны быть названы, конечно, исследования П. А. Аристэ по истории прибалтийско-финских языков. Главные результаты этих исследований, основанные на широком и смелом сопоставлении лингвистических данных с археологическими, историко-этнографическими и даже антропологическими материалами сведены в статье 1956 г. «Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их истории»¹². Большой интерес представляют также работы А. Х. Каска и М. Муст по истории эстонских диалектов¹³.

Обширные археологические и антропологические, отчасти также историко-этнографические и лингвистические материалы, содержащиеся в перечисленных работах, — особенно при сопоставлении их с фактическими данными прежних исследователей, — дают возможность наметить главные направления хозяйственно-культурных связей народов Восточной Прибалтики в ранние периоды их этнической истории (до XIII в. н. э.), а также высказать некоторые соображения о характере этих связей. Такова задача, которую ставит перед собой — конечно, только «в первом приближении» — автор настоящей статьи.

2

Древнейшие хозяйственно-культурные связи населения прослеживаются в пределах современной Советской Прибалтики (как, впрочем, и везде) главным образом на основании археологических данных. Новейшие работы советских археологов позволяют предполагать, что первоначальное заселение этой части Восточной Европы происходило в период мезолита (VIII—V тысячелетия до н. э.), прежде всего с юга — с территории нынешней северной Польши и, возможно, Белоруссии. В начале указанного периода значительная часть Литвы вместе с соседними районами теперешней Калининградской области уже входила в состав особой хозяйственно-культурной общности, которая характеризуется памятниками так называемого свидерского типа, сосредоточенными в

¹⁰ А. Х. Моора, Эстоно-русские отношения в XVIII—XIX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 45—54; ее же. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 138—161; ее же, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 243—292. См. также упомянутую в прим. 1 совместную статью Х. А. и А. Х. Моора (настоящий номер журнала, стр. 21—51).

¹¹ Х. Т. Тампере, Русские влияния на развитие эстонской народно-песенной мелодии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 96—102; ее же, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 293—318.

¹² Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 5—27. См. также рецензию на этот сборник в настоящем номере журнала, стр. 180—182.

¹³ А. Х. Каск, К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 28—48; М. Муст, Отражение русско-эстонских отношений в лексике южноэстонских диалектов (автореферат диссертации), Таллин, 1954.

массе на территории Польши. В Литве изделия этого типа — скребки и другие орудия из ножевидных пластин правильных геометрических форм — встречаются главным образом в юго-восточных районах, а также около Каунаса и на Куршской косе¹⁴. Орудия, очень сходные со свидерскими, обнаружены и на недавно открытых мезолитических стоянках в Гродненской и Витебской областях Белорусской ССР, на берегах оз. Свитезь и Западной Двины¹⁵.

Стоянки эти, как и все другие памятники свидерской культуры, принадлежали немногочисленным группам кочевых или полукочевых охотников и рыболовов. Об их этнической принадлежности, конечно, ничего не известно, можно только предполагать, что по своему происхождению они были связаны с позднепалеолитическим населением западных областей Восточной Европы, говорившим, возможно, на исчезнувших позднее языках, которые иногда называют условно «палеоевропейскими»¹⁶. Антропологические данные о населении периода мезолита на территории Литвы и Белоруссии крайне скудны. Относящиеся к этому времени черепа из Кирсны на юге и из Кебеля на западе Литовской ССР принадлежат к длинноголовому европеоидному типу¹⁷. Это подкрепляет гипотезу о первоначальном заселении Восточной Прибалтики с юга и о связи ее древнейших охотничье-рыболовческих коллективов с такими же в хозяйственно-культурном отношении коллективами соседних районов Польши и Белоруссии.

Кроме свидерских памятников, сосредоточенных в пределах Восточной Прибалтики только на крайнем юге, здесь во многих местах встречаются другие — по-видимому, несколько более поздние — мезолитические памятники, характеризующиеся преимущественно костяным и роговым инвентарем, а также орудиями крупных размеров из кристаллических каменных пород. Памятники эти лучше всего изучены в Эстонии, где к ним относится, прежде всего, известная торфяниковая стоянка Кунда; обнаружены они, однако, и в Латвии, Литве и Калининградской области¹⁸. Очень сходны с ними также мезолитические местонахождения типа Суомусъярви в южной и западной Финляндии¹⁹. Ареалы свидерской и кундаской культур, таким образом, непосредственно соприкасаются, а частично и перекрывают друг друга. Это дало основание некоторым исследователям высказать мысль о развитии второй из названных культур на базе первой, и, следовательно, о южном происхождении племен, оставивших памятник типа Кунда — Суомусъярви²⁰.

По вопросу о происхождении культуры Кунда существуют, однако, и другие взгляды. Так, А. Я. Брюсов, основываясь на большом сходстве инвентаря этой культуры с изделиями, найденными в Шигирском торфянике на Урале, выдвинул гипотезу о заселении с востока в период мезолита всей лесной полосы северо-восточной Европы вплоть до Балтийского моря на западе²¹. Косвенным подтверждением этой точки зре-

¹⁴ П. З. Куликаускас, Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы..., стр. 37; его же, Древнейшие обитатели на Куршской косе..., стр. 345; Р. Яблонские-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, стр. 3—4; ее же, Стоянки каменного века Эйгуляй, стр. 18—19.

¹⁵ Н. Н. Гурина, Новые мезолитические памятники..., стр. 126 сл.

¹⁶ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 154—155.

¹⁷ Там же, стр. 146.

¹⁸ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 57—58; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 143—144.

¹⁹ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 142—143; А. Ayläpä, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland, «Acta Archaeologica», XXI, 1950, стр. 1—43.

²⁰ С.м., например: В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, стр. 268 сл.

²¹ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 25 сл.

ния, по мнению К. Ю. Марк и автора настоящей статьи, может служить наличие монголоидных особенностей у некоторых черепов из юго-западной Прибалтики, датированных мезолитическим временем (Плау в Мекленбурге, Притцерберское озеро в Бранденбурге)²². Еще яснее монголоидные черты выражены на отдельных раннеолитических черепках в самой Восточной Прибалтике, например на черепе из Валма в Эстонии²³. Очевидно, что монголоидные элементы могли проникнуть к берегам Балтики только с востока, скорее всего из Приуралья или Зауралья, где они констатируются, например, среди черепов, связанных с Шигирской культурой²⁴.

Гипотеза А. Я. Брюсова, по мнению многих советских археологов, нуждается в известных уточнениях. Л. Ю. Янитс, например, прямо указывает, что в том виде, как она была первоначально выдвинута, гипотеза эта не имеет под собой достаточных оснований, так как пока не доказано, что находки шигирского типа на Урале более раннего происхождения, чем древнейшие археологические памятники Восточной Прибалтики. В то же время Л. Ю. Янитс — на наш взгляд вполне справедливо — подчеркивает, что «общие черты, наблюдаемые в мезолитических материалах западной части лесной полосы и Урала, прежде всего указывают, по-видимому, на то, что общение между древнейшими обитателями отдельных частей лесной полосы началось очень рано»²⁵. Вполне возможно, что уже в период мезолита на севере Восточной Европы происходили передвижения отдельных кочевых коллективов охотников и рыболовов в различных направлениях — как с востока на запад, так и с запада на восток. В процессе этих передвижений, сопровождавшихся несомненно, взаимодействием групп различного происхождения, складывался смешанный европеоидно-монголоидный состав населения лесной полосы, так ясно выступающий здесь в палеоантропологических материалах более позднего (неолитического) периода²⁶.

На территории современной Советской Прибалтики в рассматриваемое время жили, по-видимому, две группы племен — «свидерская», существовавшая уже в VIII тысячелетии до н. э. и связанная по происхождению с населением более южных районов Восточной Европы, «кундаская», сложившаяся, вероятно, несколько позднее (в VII—VI тысячелетиях) в процессе продвижения тех же «свидерцев» на север и в результате взаимодействия с отдельными группами охотников и рыболовов, проникшими к берегам Балтийского моря с востока. Южные хозяйственно-культурные связи населения Прибалтики уже тогда переплетались со связями восточными. «Свидерские» племена в Прибалтике всегда оставались периферийными, тяготевшими к южным рубежам края; «кундаские», напротив, распространились по всей его территории от нынешней Калининградской области до Эстонии. Из северной Эстонии через Финский залив или в обход его с востока они заселили, вероятно, и Финляндию.

²² М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 1. Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941.

²³ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 1. Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen..., стр. 7—22.

²⁴ Г. Ф. Дебеч, К палеоантропологии Урала, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XVIII, 1953. Некоторые антропологи, в особенности В. П. Якимов, отрицают наличие монголоидных элементов в составе древнейшего населения Прибалтики. Новые палеоантропологические материалы по Эстонии позволяют, однако, К. Ю. Марку и автору настоящей статьи отстаивать свою первоначальную точку зрения на этот вопрос (см. указ. раб. М. В. Витова, К. Ю. Марка и Н. Н. Чебоксарова, стр. 145, 150, 166—170).

²⁵ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 145—146.

²⁶ См., например, К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 222—228, карта на стр. 225; Karin Mark, Zur Entstehung..., стр. 17—20, карта на стр. 18.

дию. К южным и восточным связям прибалтийского населения прибавились, таким образом, связи северные. Только о западных связях (через Балтику со Скандинавией) мы для периода мезолита не имеем никаких данных. Даже неглубокое и сравнительно неширокое море могло быть в то время существенным препятствием для этих связей.

О языках «кундаских» племен мы так же ничего не знаем, как и о языках племен «свидерских». В последнее время некоторые финляндские ученые, в частности А. Яюряпя и К. Вилкуна, высказывали гипотезу о прямой преемственности между «кундасцами» и позднейшими прибалтийско-финскими народами²⁷. Однако Х. А. Моора по поводу этой гипотезы справедливо замечает, что хотя племена культуры Кунда и участвовали, вероятно, в формировании этнического состава населения Прибалтики, все же нет оснований предполагать, что они говорили на финно-угорских языках²⁸. Действительно, трудно допустить, что языки эти (или даже исходный для всех них язык-основа) могли существовать уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. на западной периферии Восточной Европы. Правдоподобнее считать, что группы восточного происхождения, вошедшие в состав культуры Кунда, говорили на каких-то не дошедших до нас «палеоазиатских» языках, возможно — родственных языкам древнейшего населения Сибири²⁹. С этой точки зрения очень интересно предположение П. А. Аристэ о том, что в прибалтийско-финских языках прослеживаются черты весьма древнего чуждого субстрата, элементы какого-то не определенного пока языка³⁰.

3

Гораздо более полными и ясными данными о хозяйственно-культурных связях населения Восточной Прибалтики и соседних территорий мы располагаем для периода неолита (III и первая половина II тысячелетия до н. э.). Новейшие археологические материалы показывают, что древнейшая неолитическая керамика Прибалтики и соседних территорий неоднородна. Так, остродонные сосуды со скудным орнаментом, найденные у деревни Серово в Калининградской области, напоминают примитивную раннеолитическую керамику Западной Прибалтики — северной Германии и Дании. В то же время посуда типа Сперрингс (по названию поселения около Хельсинки) из Финляндии, Карельской АССР и северных районов Ленинградской области, датируемая началом III тысячелетия до н. э., оказывается столь похожей на керамику того же периода из Приуралья и Западной Сибири, что Л. Ю. Янитс считает возможным прямо связывать ее распространение с переселениями каких-то древних племен — скорее всего финно-угорских — из северо-западной Азии к берегам Балтийского моря³¹. Гипотеза эта хорошо согласуется с представлениями большинства современных лингвистов финно-угроведов, считающих, что образование финно-угорской языковой общности происходило в период позднего мезолита (V—IV тысячелетия до н. э.) на территории, охватывающей Урал с востока, юга и запада³².

²⁷ А. Аугрää, Указ. раб., стр. 41; K. Vilkuна, När kommo österjöfönnarna till Baltikum? «Folk-Liv», XII—XIII, Stockholm, 1948—1949, стр. 35.

²⁸ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 59—60.

²⁹ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 154—155.

³⁰ P. Ariste, Mõningaid märkmeid, «Eesti NSV ajaloo», I, Kõite Kohta, «Edasi», 13 января 1956 (цит. по статье Х. А. Моора «Вопросы сложения эстонского народа...», стр. 59).

³¹ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 151.

³² Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 56. Ср. также: А. Я. Брюсов, Указ. раб., стр. 25 сл.; Э. Мольтар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, «Studia Historica», 13, Budapest, 1955, стр. 14 сл.; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы, «Сов. этнография», 1952, № 1, стр. 49.

В Прибалтику с этой территории на заре неолита пришли, скорее всего, племена, говорившие на различных диалектах прибалтийско-финского языка-основы, который уже существовал в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.³³

Несколько более поздней по сравнению с посудой типа Сперрингс является, по-видимому, древняя ямочно-гребенчатая керамика «нарвского типа» из северо-восточной Эстонии, датируемая серединой III тысячелетия до н. э. Керамика эта, обнаруженная в нижнем течении Нарвы и в поселении Акали в районе устья Эмайыги, имеет некоторое сходство, с одной стороны, с посудой из Серова, а с другой, — с керамикой Приуралья и типа Сперрингс. «Мы имеем здесь, вероятно, — пишет Л. Ю. Янитс, — не случайное совпадение, а результат продолжительного соприкосновения между населением разных районов лесной полосы, возможно, появление на побережье Балтийского моря какой-то новой группы населения с востока»³⁴. Этой новой группой и были, скорее всего, наиболее продвинувшиеся к западу, так сказать «передовые», представители древних прибалтийско-финских племен, проникшие на территорию современной Эстонии с северо-востока — из Прионежья и Приладожья, где найдено много стоянок с керамикой типа Сперрингс. Путь этих пришельцев лежал, вероятно, вдоль южного берега Финского залива к Чудскому озеру.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. почти во всей Восточной Прибалтике — от Эстонии до нынешней Калининградской области и северной Польши, — а также в Финляндии распространилась «типичная ямочно-гребенчатая керамика, принесенная, по-видимому, из западного Приладожья новыми волнами прибалтийско-финских племен, быстро поглотившими редкое местное население — потомков мезолитических «кундасцев». На всей обширной территории своего бытования керамика эта была первоначально сравнительно однородной. Однородными оказываются и связанные с ней каменные орудия и другие предметы; повсеместно здесь встречаются, например, изделия из валдайского кремня и олонцкого сланца, а также вещи из янтаря, происходящего с юго-восточного балтийского побережья»³⁵. Это прямо указывает на тесные хозяйственно-культурные связи прибалтийских племен того времени как между собой, так и с соседними группами населения, особенно, — с жившими к востоку и югу от Эстонии, Латвии и Литвы — в современной Карелии, на Валдайской возвышенности, в бассейне Вислы.

Палеоантропологические данные также указывают на связи неолитического населения Восточной Прибалтики с его южными и восточными соседями. В настоящее время можно считать твердо установленным, что население это было расово неоднородным: оно включало европеоидные, монголоидные и переходные, смешанные типы³⁶. Первые по своему происхождению связаны, несомненно, с южной половиной Восточной Европы, вторые — с Северной Азией (через лесную полосу восточноевропейского севера). Смешение тех и других началось, как мы видели, еще в период мезолита на всем обширном пространстве таежной зоны между Уралом и Балтикой³⁷. На территорию Восточной Прибалтики с прибал-

³³ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 25.

³⁴ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 152.

³⁵ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 60—65; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 153 сл.; е го же, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР, «Muistsed asulad ja linnused», Tallinn, 1955, стр. 198—201.

³⁶ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 156—174; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, стр. 222—228; Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassenverp..., стр. 7—20.

³⁷ См. выше, стр. 97—98.

тийско-финскими племенами распространились, по-видимому, как уже смешанные антропологические типы, так и более «чистые» монголоиды. Могли входить в состав этих племен и европеоидные компоненты; большая часть их, однако, до начала II тысячелетия до н. э. была связана в Восточной Прибалтике, вероятно, с потомками мезолитических «кундасцев» и особенно «свидерцев».

Об этническом составе населения Восточной Прибалтики в III тысячелетии до н. э. можно судить только по косвенным данным, которые, как мы уже видели, позволяют предполагать, что население это говорило на древнейших прибалтийско-финских языках финно-угорской семьи. Не исключена возможность, что в формировании этих языков некоторую роль в качестве субстрата сыграли языки мезолитических «кундасцев» и «свидерцев» — палеоазиатские или палеоевропейские, или и те и другие вместе. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. единая прежде прибалтийская культура «типичной» ямочно-гребенчатой керамики стала подразделяться на несколько местных хозяйственно-культурных вариантов, соответствующих, по-видимому, формировавшимся тогда племенным группам прибалтийских финнов. Наиболее отчетливо выступают различия между двумя группами поселений этого времени на территории Латвии и Эстонии: западной, охватывающей памятники Курземе, и восточной, включающей поселения юго-восточной Эстонии и северо-восточной Латвии. Особняком стоят некоторые памятники прибрежной полосы северной Эстонии (район Таллина) и острова Сааремаа³⁸. Естественно возникает вопрос: не началось ли уже тогда образование основных районов (подобластей) прибалтийской историко-этнографической области: юго-западного, юго-восточного и северного³⁹?

Большую роль в формировании этих районов уже в неолитическом периоде играли, несомненно, местные особенности хозяйства. На острове Сааремаа, например, основу хозяйства составляли рыболовство и охота на тюленя; на юго-востоке Эстонии — далеко от моря — преобладающую экономическую роль играла охота на лесных зверей: лося, тура, бобра, кабана, куницу и др.⁴⁰. Существенное значение для выработки местных особенностей культуры имело, вместе с тем, и взаимодействие неолитических племен Восточной Прибалтики с населением соседних территорий. Наибольшую роль здесь играли связи с восточными соседями, прежде всего с древнефинскими племенами волго-окской группы, часть которых именно в рассматриваемый период продвинулась далеко на север и северо-запад в пределы теперешних Архангельской и Вологодской областей, а также Карельской АССР⁴¹. С этим передвижением связано, вероятно, появление ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа — с преимущественно ямочным орнаментом — в неолитических поселениях на восточных рубежах Прибалтики (Обонежье, Приладожье, отчасти восточные районы Эстонии и Латвии). Не исключена возможность, что длительный контакт с волго-окскими племенами сыграл определенную роль в обособлении карельских и вепских диалектов от других прибалтийско-финских языков⁴². Общность культуры ямочно-гребенчатой керамики к югу и к северу от Финского залива указывает также на активное взаимодействие в III тысячелетии до н. э. племен севера Эстонии и Финляндии⁴³.

³⁸ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 161—162, рис. 24.

³⁹ См. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 13—14.

⁴⁰ Х. А. и А. Х. Моора, Указ. раб.

⁴¹ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», 29, 1952, стр. 153 сл.

⁴² Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 163; П. А. Аристе, Указ. раб., стр. 25—26.

⁴³ А. Аугарай, Указ. раб., стр. 212 сл.

Есть некоторые, пока еще очень слабые, основания предполагать, что в то же, примерно, время возникли первые связи населения Восточной Прибалтики с его западными соседями — племенами Скандинавии. Невозможность таких связей указывают, например, некоторые особенности керамики из неолитических памятников северной Эстонии и острова Сааремаа, характерные также для глиняной посуды с острова Готланд и прилегающих районов материковой Швеции⁴⁴. Не вполне ясен вопрос о взаимодействии древних прибалтийско-финских племен с их южными соседями. Малочисленность памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в Литве и северной Польше, а также сравнительно кратковременное, по видимому, использование их древним населением, позволяют выдвинуть гипотезу о постепенном растворении наиболее южной группы прибалтийско-финнов среди местного населения бассейнов Немана и Вислы, скорее всего среди обитавших здесь тогда предков славян и летто-литовцев (балтийцев)⁴⁵. Заслуживает внимания в связи с этим вопросом предположение Т. Лер-Сплавинского о наличии в славянских и балтийских языках очень древних финских заимствований, отсутствующих во всех других языках индоевропейской семьи⁴⁶.

4

В начале II тысячелетия до н. э. в этническом составе населения Восточной Прибалтики произошли большие изменения, сыгравшие первостепенную роль во всей дальнейшей истории его хозяйственно-культурных связей. Изменения эти, многократно описанные в новейшей советской археологической и антропологической литературе⁴⁷, были вызваны расселением на территории теперешней Калининградской области, Литвы, Латвии и Эстонии (а также юго-западной Финляндии) древнебалтийских (летто-литовских) скотоводческо-земледельческих племен, проникших к берегам Балтийского моря с юга и принесших с собой в высшей степени характерный хозяйственный и бытовой инвентарь. В его составе видное место занимали шлифованные и сверленные «боевые» каменные топоры, часто имеющие ладьевидную форму, а также глиняные сосуды, украшенные отпечатком шнура (кубки, шаровидные амфоры и др.)⁴⁸. Антропологически эти новые насельники Прибалтики принадлежали большей частью к европеоидному массивному, относительно длинноголовому и широколицему типу⁴⁹. Своих покойников они хоронили обычно в скорченном положении под насыпь или в грунте⁵⁰.

Новейшие археологические материалы позволяют выделить в Восточной Прибалтике по крайней мере две поздненеолитические местные культуры «боевых» топоров — южную, висло-неманскую, и северную, эстонскую, — датируемые XVIII—XIV вв. до н. э. На соседних территориях Восточной Европы существовало еще несколько более или менее син-

⁴⁴ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 161.

⁴⁵ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, 2-е изд., М., 1953, стр. 35 сл.

⁴⁶ Т. Лер-Сплавинский, Новая попытка освещения проблемы происхождения славян, «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 155.

⁴⁷ См. в особенности: Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 64—75; его же, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 9—33; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 163—171; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 174—184.

⁴⁸ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12—13.

⁴⁹ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 174—184; ср. также: К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии..., стр. 229—232; Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen..., стр. 7—22.

⁵⁰ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12—13.

хронных культур того же типа: днепровско-деснинская, фатьяновская (в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье), финляндская. Первая из них, занимающая центральное место среди восточноевропейских культур «боевых» топоров, не вполне однородна: в ее составе выделяются, в частности, более северная, деснинско-верхнеднепровская (или просто деснинская) группа в Белоруссии и более южная, среднеднепровская группа на Украине с центром в районе Киева⁵¹. Очень важно подчеркнуть, что все восточноевропейские культуры «боевых» топоров, кроме среднеднепровской, являются пришлыми на территории их распространения, где до них существовали различные культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. В Западной Европе в рассматриваемое время также шло распространение аналогичных культур скотоводов и земледельцев, искавших новые пастбища, с юга на север (например, из Германии в Данию, Южную Швецию и соседние районы Норвегии)⁵².

Многие исследователи — как советские, так и зарубежные — связывают культуры «боевых» топоров с отдельными группами древних индоевропейских племен⁵³.

Восточноевропейские варианты этих культур обычно считают принадлежавшими наиболее ранним группам славян и балтийцев. Одни авторы — преимущественно языковеды — допускают, что речь должна идти здесь о еще неразделившихся славяно-балтийцах⁵⁴; другие же ученые, главным образом археологи, предпочитают говорить о славянских и балтийских племенах отдельно. Х. А. Моора, например, пишет: «Несмотря на то, что вопрос происхождения культур боевых топоров и их населения окончательно еще не решен, мы имеем основание полагать, что носителями этих культур в низовьях Вислы, в Прибалтике, в Белоруссии и в Волго-Окском междуречье были ранние балтийские племена, или прабалты»⁵⁵. В пределы Восточной Прибалтики племена эти проникли, по-видимому, двумя путями — юго-восточным (с верховьев Днепра) и юго-западным (с низовьев Вислы). Висло-неманская культура обнаруживает связи как со среднеевропейскими, так и с восточноевропейскими культурами «боевых» топоров. Между висло-неманской и днепровско-деснинской культурами не было четкой территориальной границы: через северо-западную Белоруссию между ними существовали тесные хозяйственно-культурные связи⁵⁶. Эстонская культура была в свою очередь связана как с висло-неманской, так и с днепровско-деснинской — со второй, возможно, даже теснее, чем с первой⁵⁷.

Эстония не была крайним северным пределом расселения древнебалтийских племен; через Финский залив они проникли на юго-запад Финляндии, где широко распространены поздненеолитические памятники

⁵¹ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 14—18; ср. также: Т. С. Пассек, К вопросу о среднеднепровской культуре, КСИИМК XVI, 1947, стр. 34 сл.; A. J. Brj usov, Die Wanderung der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie (Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur), «Acta Archaeologica», XX, 1954, стр. 320 сл.; A. Eur o p a e u s (Äyräpää), Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland, «Acta Archaeologica», I, 1930, стр. 190 сл.

⁵² Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12, рис. 2.

⁵³ См., например: Б. В. Горнунг, Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г.», М.—Л., 1956, стр. 36 сл.; Г. Ч ай л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 245.

⁵⁴ Т. Л е р - С п л а в и н с к и й, Указ. раб., стр. 154.

⁵⁵ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 19.

⁵⁶ Там же, стр. 16; ср. также: L. Kilian, Haffküstenkultur und Ursprung der Balten, Bonn, 1955, стр. 108 сл.

⁵⁷ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 17.

местной культуры «боевых» топоров⁵⁸. Отсюда через Аландские острова также богатые памятниками этого типа, носители рассматриваемой культуры достигали, по-видимому, берегов средней Швеции. Не исключена возможность непосредственных связей со Швецией из прибрежной полосы Латвии через Готланд⁵⁹. Таким образом, Восточная Прибалтика в первой половине II тысячелетия до н. э. была широкой полосой интенсивных передвижений с юга на север, а отчасти и с востока на запад, древнебалтийских племен, которые принесли с собой в область распространения охотничье-рыболовческих культур с ямочно-гребенчатой керамикой новые виды хозяйства — пастушеское скотоводство и земледелие. Племена эти, продвигнувшись на север, сохраняли непосредственные хозяйственные и культурные связи с населением районов своего первоначального обитания; наиболее интенсивными такие связи были, естественно, в южной половине Восточной Прибалтики — к югу от Даугавы⁶⁰.

В самой Восточной Прибалтике древнебалтийские пастушеско-земледельческие племена вступили в самое тесное хозяйственно-культурное взаимодействие с финноязычным охотничье-рыболовческим населением. Мозаичное распространение поздненеолитических памятников с «боевыми» топорами и ямочно-гребенчатой керамикой в Эстонии и Латвии прямо указывает на чересполосное расселение здесь обеих групп племен⁶¹. Наличие в памятниках той и другой культуры как европеоидные так и промежуточные европеоидно-монголоидные черепов говорит о биологическом смешении этих групп, — т. е. о перекрестных браках между ними⁶². Данные сравнительного языкознания позволяют проследить в прибалтийско-финских и балтийских (летто-литовских) языках взаимные древние заимствования, восходящие, скорее всего, именно к периоду позднего неолита⁶³. Очевидно, что на первых порах (примерно до середины II тысячелетия до н. э.) прибалтийско-финские и балтийские племена жили на одной и той же территории бок о бок друг с другом, постоянно обмениваясь своими хозяйственными и культурно-бытовыми нововведениями. Финны, в частности, воспринимали от балтийцев приемы примитивного (мотыжного) земледелия, а возможно и скотоводства. Балтийцы могли заимствовать у финнов многие приемы охоты и рыболовства (например, тюлений промысел или некоторые типы плетеных рыболовных снастей), а также отдельные элементы материальной культуры, частично сохранившиеся в виде пережитков почти до наших дней (например, конический шалаш, использовавшийся в Эстонии и в северной Латвии в качестве летней кухни еще в конце XIX — начале XX в.).

Через прибалтийско-финские племена, жившие в конце неолита на территории Эстонии, Латвии, а возможно и Литвы, балтийские хозяйственно-культурные и языковые заимствования могли проникнуть и к тюрко-прибалтийско-финским группам, которые обитали в более восточных северо-восточных районах, т. е. к предкам современных вепсов и карел. Вполне возможно, однако, что восточные группы древних прибалто-финнов имели с древними балтийцами и непосредственные связи: ареалы распространения культур «боевых» топоров доходили вплоть до Приильмья и бассейна Волхова, а еще восточнее — почти до Белоозера⁶⁴. Балтийские языковые заимствования, как известно, прослеживаются не только в прибалтийско-финских, но и в поволжско-финских языках; область р

⁵⁸ А. Еигораеус (Äugärä), Указ. раб., стр. 190.

⁵⁹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 90, прим. 64.

⁶⁰ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 169, прим. 54.

⁶¹ Там же, стр. 165, рис. 54.

⁶² М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 177, рис. 39.

⁶³ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 12—14.

⁶⁴ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 75.

⁶⁵ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 12.

пространения последних в период позднего неолита все еще непосредственно примыкала, вероятно, к области распространения первых⁶⁶. Балтийские влияния на финнов шли, надо думать, со стороны всех северных культур «боевых» топоров Восточной Европы: висло-неманской, эстонской, финляндской, верхнеднепровско-деснинской и даже фатьяновской.

5

Жившие в Восточной Прибалтике чересполосно прибалто-финские и балтийские племена должны были в конце концов слиться. Это действительно и произошло во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. — в раннем бронзовом веке. Однако процесс слияния шел по-разному в районах распространения различных культур «боевых» топоров. В области висло-неманской культуры, где естественно-географические условия были наиболее благоприятны для пастушеского скотоводства и земледелия, численность финнов, по сравнению с балтийцами, была, вероятно, невелика, а связи последних с их южными соплеменниками поддерживались наиболее интенсивно, — возобладали в конечном счете балтийская речь и сложилось компактное балтоязычное население — прямые предки позднейших пруссов, литовцев и латышей. Здесь развилась особая «западнобалтийская» культура бронзового века, распространившаяся на севере до низовьев Даугавы и даже несколько к северу от нее⁶⁷.

К иным конечным результатам привело длительное взаимодействие финских и балтийских племен в районах распространения эстонской и финляндской культур «боевых» топоров, где более суровые природные условия благоприятствовали сохранению значительной роли охоты и рыболовства в хозяйстве и, напротив, тормозили развитие скотоводства и особенно земледелия. В этих районах более многочисленные прибалто-финские племена в конце концов поглотили продвинувшиеся сюда отдельные балтийские группы, оторвавшиеся от своих соплеменников, обитавших в более южных районах⁶⁸. Аналогичной была, по-видимому, и судьба верхневолжских и волго-окских «фатьяновских» племен, также развошедшихся в более многочисленном финно-угорском населении. Постепенно древнебалтийские племена лесной полосы Восточной Европы исчезли почти повсеместно за исключением отдельных долго сохранявшихся островков и области западнобалтийской культуры с примыкающими к ней районами между низовьями Вислы и Даугавы; ассимилировавшие балтийцев финно-угры местами (особенно в Поволжье) несколько продвинулись, по-видимому, на юг и вступили в непосредственный контакт с продвигавшимися навстречу им древнеславянскими племенами.

Значительный интерес для изучения хозяйственно-культурных связей населения Восточной Прибалтики в бронзовом веке представляют бытовавшие в то время формы керамики. Наличие в прибалтийских поселениях рассматриваемого периода глиняных сосудов с ямочно-ребенчатым и шнуровым орнаментом свидетельствует о долгом сохранении здесь как «прибалтийско-финских», так и «балтийских» культурно-бытовых традиций. Появление же в этих поселениях «текстильной» (сетчатой) керамики объясняется, по-видимому, взаимодействием населения Восточной Прибалтики с древнефинскими племенами Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, для которых керамика этого типа была в то время наиболее характерна. Х. А. Моора считает возможным даже прямо говорить о продвижении из указанных районов каких-то групп

⁶⁶ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 11—12, рис. 1—2.

⁶⁷ Там же, стр. 22—23; L. Kilian, Указ. раб., карты 12 и 13.

⁶⁸ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 72—73; ср. также: С. F. Meinander, Die Kiukaiskultur, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», Helsinki, 1954, стр. 172 сл.

населения на запад, по направлению к берегам Балтийского моря⁶⁹. Одельные фрагменты «текстильной» керамики встречаются даже около Серова в Калининградской области, но все же в этих местах, а также на западе Литвы и юго-западе Латвии они сравнительно редки, концентрируясь в наибольшем количестве в восточных районах Латвии, на востоке и юго-востоке Эстонии, т. е. в тех частях Восточной Прибалтики, где культура «боевых» топоров представлена сравнительно слабо и связана по своему происхождению скорее с юго-востоком (Верхним Поднепровьем), чем с юго-западом (Висло-Неманским междуречьем)⁷⁰.

Возникшие в III—II тысячелетиях до н. э. хозяйственно-культурные связи племен Восточной Прибалтики с их восточными (финно-угорскими) и южными (индоевропейскими) соседями продолжали развиваться и укрепляться на протяжении всего I тысячелетия до н. э., когда на интересующей нас территории закончился бронзовый век и началось постепенное распространение железа. На базе общего подъема производительных сил в это время патриархально-родовой строй достиг у прибалтийских племен, по-видимому, последнего этапа своего развития. С изменением социально-экономических отношений было связано, несомненно, появление новых типов поселений (укрепленных городищ) и погребальных памятников (курганов и монументальных каменных надгробий). Усложнилась также племенная организация, в связи с развитием обмена более прочными стали межплеменные связи, отчетливо выделились отдельные группы племен, возможно уже объединявшиеся в более или менее устойчивые союзы. Существенные сдвиги, вызванные процессами этнической консолидации, передвижениями и смешениями различных племенных групп, произошли в конце бронзового и начале железного века также в этническом составе населения Восточной Прибалтики и в этнических границах — как в ее пределах, так и на соседних территориях⁷¹.

В Эстонии и на севере Латвии (Видземе и некоторые районы Курземы) в то время жили прибалтийско-финские племена — непосредственные предки эстонцев и ливов, хоронившие своих покойников в курганных могильниках с каменными ящиками. Южная Латвия и вся Литва были населены балтийскими (летто-литовскими) племенами, погребения которых — земляные курганы или грунтовые захоронения — резко отличались от прибалто-финских каменных могильников. Среди балтийцев уже ясно выступали различия между отдельными племенными группами, особенно — между западными и восточными. Для юго-запада Латвии и прибрежной полосы Литвы наиболее характерными были курганы с погребениями в урнах типа Курмайчай, отсутствовавшие в более восточных районах. В то же, примерно, время на востоке Литвы и Латвии (а также в смежных районах Белоруссии) были распространены укрепленные городища со штрихованной керамикой. На карте культур раннего железного века, составленной Х. А. Моора, находки штрихованной керамики отмечены также в Эстонии, особенно в ее восточной части — у берегов Чудского озера⁷².

⁶⁹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 76—79.

⁷⁰ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 77.

⁷¹ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 184—185; З. Куликаускас, Курмайчские археологические памятники и данные их исследования, Автореферат диссертации, Вильнюс, 1949; его же, Некоторые данные о первоначальном заселении..., стр. 41—42; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 79—107; его же, О древней территории расселения прибалтийских племен..., стр. 23—26; М. Х. Шмидехельм, О племенах северо-восточной Эстонии..., стр. 172—175.

⁷² Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 4; рис. 4. Общий обзор типов поселений и могильников Восточной Прибалтики в I тысячелетии до н. э., составлен главным образом на основании работ, перечисленных в прим. 71. См., кроме того, Н. Моора, Muistsete linnuste uurimistulemustest Eesti NSV-s, Сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955, стр. 45—9.

Таким образом, совершенно ясно, что в I тысячелетии до н. э. не только сложилась восточнобалтийская историко-этнографическая область, но и отчетливо наметились ее основные подобласти — юго-восточная (аукштайтско-латгальская), юго-западная (жемайтско-куршская) и северная (эстонско-ливская). Характерными памятниками первой были в рассматриваемое время городища со штрихованной керамикой и отчасти курганные могильники с трупосожжением, второй — курганы с трупоположением и особенно групповые захоронения (в том числе погребения в урнах), третьей — погребальные сооружения с каменными ящиками. Очень вероятно, что к тому же периоду восходит возникновение различий между восточными и западными диалектами балтийских (летто-литовских) племен, сложившихся, по-видимому, гораздо раньше формирования отдельных диалектов литовского и латышского языков⁷³. Ареалы этих групп диалектов в основном соответствовали юго-восточной и юго-западной историко-этнографическим подобластям Восточной Прибалтики. На севере же этой области тогда уже, несомненно, выделялись ливские, североэстонские и южноэстонские племенные диалекты⁷⁴. Последние сосредоточивались преимущественно на юго-востоке Эстонии; их носители находились в тесном взаимодействии с соседними северо-восточными группами балтийских племен.

В хозяйственно-культурных связях населения трех описанных историко-этнографических подобластей Восточной Прибалтики также наблюдались, с одной стороны, общие явления, с другой же — специфические местные черты. Продолжали существовать на протяжении всего I тысячелетия до н. э. связи населения многих восточноприбалтийских районов с финно-угорскими племенами обширной области распространения «дьяковских» городищ с «текстильной» керамикой. Посуда этого типа найдена в большом количестве на городищах и современных им открытых поселениях восточной Латвии и юго-восточной Эстонии; встречается она, хотя и не столь часто, также в более западных районах обеих республик вплоть до Видземе и о. Сааремаа. На юго-западе Латвии и в большей части Литвы керамика эта, однако, не обнаружена. Учитывая наличие в Эстонии и северной Латвии укрепленных городищ, очень сходных с дьяковскими, некоторые исследователи считают даже возможным говорить о местном прибалтийском варианте дьяковской культуры. Вполне возможно, что в рассматриваемое время из Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья продолжался некоторый приток населения в Восточную Прибалтику, начавшийся, как мы видели, еще в бронзовом веке — в конце II и начале I тысячелетия до н. э.⁷⁵ Ясно, во всяком случае, что очень долго (по крайней мере до первых веков н. э.) сохранялся непосредственный контакт прибалто-финских, а отчасти и балтийских племен с их восточными соседями — финно-уграми бассейна Верхней Волги.

Чрезвычайно интенсивными были также в это время хозяйственно-культурные связи населения Восточной Прибалтики с племенами более южных районов, жившими в бассейнах Днепра и Вислы. Археологические материалы ясно показывают, что южные влияния ощущались тогда на всей территории Литвы, Латвии и Эстонии, доходя до южной Финляндии. Очень важно подчеркнуть, что речь идет здесь не только о взаи-

⁷³ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 30—33; особенно рис. 8 — карта диалектов балтийских языков, составленная по данным языковедов Латвийской и Литовской ССР — И. Круопаса, М. Рудзите, М. Семеновой и др.

⁷⁴ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 15—17; А. Х. Каск, К вопросу о формировании и группировке эстонских диалектов, стр. 30—32.

⁷⁵ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 81 (рис. 5) и 84; его же, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 23—24 (рис. 4); П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена..., стр. 94 сл.; его же, К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э., «Сов. археология», 1957, № 2, стр. 75.

модействии с балтийскими племенами, расселенными к югу от Литвы в Верхнем Поднепровье и Повисленье, но и о вполне реальных связях южными соседями самих этих племен — различными группами древних славян. Связи со славянами осуществлялись двумя путями: юго-восточным (из днепровского бассейна в восточные районы Литвы и Латвии) и юго-западным (с берегов нижней Вислы в их западные районы). По первому направлению разворачивалось взаимодействие восточнобалтийских племен, оставивших городища со штрихованной керамикой, обитавшими южнее их восточными славянами, центр расселения которых во второй половине I тысячелетия до н. э. был расположен к югу от Припяти — на Киевщине и Волини. Различные местные группы городищ с более или менее гладкостенной керамикой на Верхнем Днепре, Десне и Соже часть советских археологов считает принадлежавшими южнорусским восточным балтийцам⁷⁶. Впрочем, границы между восточнославянскими и балтийскими племенами в Поднепровье по данным археологии провести очень трудно, настолько памятники обеих этнических групп тесно связаны между собой постепенными переходами. О некоторых из этих памятников, например о «милоградских» городищах Среднего Поднепровья (к северу от устья Припяти), до сих пор ведутся споры — были ли они восточнославянскими или балтийскими⁷⁷. Однако до крайнего запада Восточной Прибалтики, заселенного прибалто-финскими племенами, восточнославянские влияния в I тысячелетии до н. э. из-за дальности расстояния, по-видимому, почти не доходили.

Очень активными были в раннем железном веке хозяйственно-культурные связи населения Восточной Прибалтики с западнославянскими племенами лужицкой культуры, непосредственно соседившими с балтийцами в низовьях Вислы, а возможно, и проникавшими вдоль берегов Балтийского моря и в более северные районы летто-литовской и даже ливо-эстонской этнической территории⁷⁸. Вполне возможно, таким образом, что западные славяне уже тогда вступили в непосредственный контакт с прибалтийскими финнами. Керамика лужицкого типа встречается в Эстонии почти повсеместно (вплоть до городища Асва на о. Сааремаа), ее находят также в Финляндии и даже в средней Швеции. От лужицких племен предки ливов и эстонцев восприняли, по мнению Х. А. Моора, многие формы бронзовых орудий, некоторые способы бронзового литья, плуг и шенное земледелие и связанные с ним древнейшие типы рала и ярма, приемы обработки льна⁷⁹. К тому же периоду относятся, вероятно, многочисленные западнославянские заимствования как в летто-литовских, так и в прибалтийско-финских языках⁸⁰.

Более прочными и устойчивыми, чем в неолите и раннем бронзовом веке, стали в I тысячелетии до н. э. также связи племен Восточной Прибалтики с их северными (финляндскими) и западными (скандинавскими) соседями. Тесное взаимодействие в это время населения, жившего на обоих берегах Финского залива, хорошо доказывается сходством погребальных сооружений — курганов с каменными ящиками — и большо-

⁷⁶ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен, стр. 24—25; ср. также: П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе, стр. 86 сл.; В. П. Левенко, Городища юхновской культуры, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 7, Киев, 1957, стр. 48 сл.; О. Н. Мельниковская, Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья, там же, стр. 46 сл.

⁷⁷ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 2 сл.; ср. также: П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе..., стр. 86 сл.; О. Н. Мельниковская, Указ. раб., стр. 47.

⁷⁸ Об этих гипотетических передвижениях западных славян («венедов» античных источников, «вендов» позднейших немецких авторов) см., например, в статье М. В. Витова «Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, 1959, стр. 575—576).

⁷⁹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 95.

⁸⁰ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 23—24.

близостью хозяйственного и бытового инвентаря⁸¹. Вполне возможно, что погребения в каменных ящиках распространились в Эстонию из Финляндии, куда они в свою очередь попали из Швеции, где аналогичные памятники существовали уже в конце II тысячелетия до н. э. Юго-западная Финляндия вообще служила в рассматриваемую эпоху промежуточным этапом в сношениях Восточной Прибалтики со Скандинавией. Не следует, однако, думать, что в железном веке с западного берега Балтики на восточный переселялись какие-нибудь значительные человеческие группы. Ладьевидные каменные могильники собственно скандинавского типа, правда, встречаются на Аландских островах, на северном берегу Финского залива и даже в Курземе, но нигде они не многочисленны и не заходят далеко от моря⁸². Очевидно, что численность скандинавских переселенцев в Финляндии и Восточной Прибалтике была сравнительно невелика, а продолжительность их обитания там незначительна⁸³. Все же можно предполагать, что ранние германские заимствования в прибалтийско-финских языках относятся именно к этому периоду и связываются преимущественно со взаимодействием между прибалто-финнами и скандинавами, особенно племенами средней Швеции⁸⁴.

6

С первых веков н. э. начался новый этап в этническом развитии населения Восточной Прибалтики и в истории его внутренних и внешних хозяйственно-культурных связей. Подсечно-мотыжное, а частично и пашенно-плужное земледелие стало в это время основным занятием как балтийских, так и прибалто-финских племен. Значительную экономическую роль играло и животноводство. Повсеместно распространилось, в частности, использование волов в качестве тягловой силы⁸⁵. Поселения, тяготевшие раньше к низменным районам, стали равномернее распределяться по территории; было освоено большинство земель, пригодных для земледелия. Прочно вошли в быт металлы — железо и бронза. В соответствии с развитием экономики и значительным ростом населения изменился и общественный строй; основной социальной ячейкой, по-видимому, стала большесемейная (а не родовая, как раньше) патриархальная община. Вместе с тем еще более окрепла племенная организация: именно на памятниках материальной культуры I—V вв. н. э. можно с наибольшей ясностью проследить племенные границы на востоке Прибалтики. Очень ясно выступает граница между областью расселения балтийских (летто-литовских) племен в Литве и на юге Латвии и прибалто-финских (ливо-эстонских) на севере Курземе и Видземе, а также в Эстонии. Для первых были в рассматриваемое время характерны различные типы земляных курганов и грунтовых погребений, для вторых — каменные могильники с оградками⁸⁶.

Внутри каждой из этих основных областей отчетливо выделяются этнические территории отдельных племенных общностей. В Литве намечается по крайней мере пять местных групп погребальных памятников. На западе, у берегов Балтийского моря были распространены грунтовые могильники, обложенные каменными венцами, оставленные, возможно, племенами скальвов. В средней части Литвы преобладали грунтовые погребения с укладкой камней в погребальную яму, принадлежавшие племенам жемайтов (жемайчяй) — «жителей низменно-

⁸¹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 87—95.

⁸² Там же (особенно рис. 7 на стр. 89).

⁸³ C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland..., «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», Helsinki, 1954, стр. 201.

⁸⁴ П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 18—20.

⁸⁵ K. Vilkuņa, Die Verwendung von Zugochsen in Finnland, «Studia Fennica», II, Helsinki, 1936.

⁸⁶ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 108, рис. 10.

сти». К северу, у современных границ с Латвией, лежала территория невысоких курганов с основаниями, обложенными венцами крупной камней. Погребения этого типа по многим особенностям сходны с грунтовыми захоронениями средней Литвы. Р. Яблонските-Римантене предполагают, что они принадлежали какой-то местной группе жемайт, вероятно очень близкой к соседним земгалам (жемгаляй) Латвии. На востоке Литвы преобладающей формой погребений были земляные курганы с захоронениями в ямах под насыпью, а не в самой насыпи, как в более западных районах. С IV—V вв. н. э. здесь повсеместно распространяется трупосожжение, вытеснившее более раннее трупоположение⁸⁷. Курганы восточной Литвы принадлежали, несомненно, собственно литовским, или аукштайтским, племенам (аукштайтчай). В многих отношениях отличавшимся от своих западных жемайтских соседей. Наконец, на крайнем юге Литвы намечается еще одна группа погребальных памятников первых веков н. э. — могильники, покрытые камнями, с трупоположением или трупосожжением. Возможно, что это были захоронения ятвягов или судабов (судувай)⁸⁸.

На территории Латвии также немало археологических памятников первых веков н. э., которые можно связать с отдельными группами балтийских племен. На западе выделяются грунтовые могильники поселения куршей со своеобразным инвентарем. В центральных районах встречаются курганы, близкие к северолитовским, оставленные земгалами, с которыми могут быть связаны и многие городища⁸⁹. На востоке и юго-востоке Латвии хорошо изучены группы памятников, связанные с латгалами и этнически близкими к ним селами. Особенно характерны латгальские городища, которых известно более 200; нижние слои некоторых из них относятся к первым векам н. э.⁹⁰ Северная Латвийской ССР в рассматриваемое время был заселен, как уже упоминалось, прибалто-финскими племенами, обитавшими также в Эстонии. Здесь тоже выделяются по археологическим данным по крайней мере три группы племен: северная, южная (точнее юго-восточная) и западная (на о. Сааремаа и в соседних прибрежных материковых районах)⁹¹. Все перечисленные этнические группировки летто-литовские и ливо-эстонцев прослеживаются и в последующие исторические периоды вплоть до конца I и начала II тысячелетия н. э., хотя характерны для них памятники, а также территориальные границы между ними довольно заметно изменяются⁹². Данные археологии позволяют проследить также взаимодействие между всеми указанными племенными общностями, их местные передвижения и образование в некоторых случаях смешанных групп населения. Одной из таких групп, включавшей земгальские, латгальские и ливские компоненты, принадлежало, по видимому, крупное и долго населенное городище Кентескалнс, датированное V—IX вв. н. э.⁹³

Огромные изменения в I тысячелетии н. э. произошли и в культурно-хозяйственных связях народов Восточной Прибалтики с их соседями. В первых веках этого тысячелетия для западнобалтийских (жемайских)

⁸⁷ Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 6—14.

⁸⁸ А. З. Таутавичюс, Восточнолитовские курганы, стр. 128—153.

⁸⁹ Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 18—19.

⁹⁰ Э. П. Бриквалне, Городище Тервеге и его историческое значение, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 254—272.

⁹¹ Э. Д. Шноре, Городища древних латгалов, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 222—232.

⁹² Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 110, рис. 11.

⁹³ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 123 сл.; его же, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 26—28; Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 6—19, рис. 2, 5, 8.

⁹⁴ А. Я. Стубавс, Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг., Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 186—221.

куршских) племен наибольшее значение имело общение с соседними западными славянами Повисленья, а для восточнобалтийских (аукштайтско-латгальских) — с восточными славянами Поднепровья и соседних районов, уже тогда начавшими, по мнению некоторых археологов, постепенное продвижение к северу⁹⁵. Прибалто-финские племена — ливские, южноэстонские и североэстонские — также испытывали, как и в I тысячелетии до н. э., влияния со стороны западных славян и продолжали хозяйственно-культурное взаимодействие со скандинавами. М. Х. Шмидехельм установила наличие в археологических памятниках Эстонии первых веков н. э. вещей, происходящих частично из Повисленья, частично же из Швеции⁹⁶. Однако по сравнению с предыдущим периодом связи прибалто-финнов с германскими племенами Скандинавии заметно ослабли. Зато все большее значение стали приобретать связи с восточными славянами, от которых (возможно через посредство восточнобалтийских племен) эстонцы уже в первых веках н. э. получали некоторые виды украшений⁹⁷.

С середины I тысячелетия н. э. связи эти стали быстро усиливаться; скоро они приобрели решающее значение для всей хозяйственно-культурной и этнической истории народов Восточной Прибалтики. Такое быстрое развитие восточнославянско-балтийских и восточнославянско-прибалто-финских связей было обусловлено в первую очередь начавшимся в то время интенсивным расселением восточных славян по всей Восточной Европе в связи с ростом у них производительных сил, увеличением численности населения, разложением первобытно-общинного строя и возникновением классового общества. Х. А. Моора, ссылаясь на финского этнографа К. Вилкуна, подчеркивает, что «восточные славяне развили такие способы подсечно-огневого земледелия, которые позволили им расчищать под посевы участки, поросшие даже самым девственным лесом, и получать с них большие урожаи»⁹⁸. «Продвижение славян,— пишет автор в той же работе,— происходило в обстановке такого же глубокого социально-экономического перелома, каким был когда-то период расселения племен культуры боевых топоров»⁹⁹. Внедряясь в среду родственных им летто-литовцев, а затем и финно-угров и частично поглощая, большей частью мирным путем, и тех и других, восточные славяне заселили во второй половине I тысячелетия н. э. почти все смежные с Восточной Прибалтикой территории в верховьях Немана и Западной Двины, в бассейне р. Великой и на восточных берегах Чудского озера¹⁰⁰.

Главную роль во взаимодействии восточных славян с балтийцами и прибалто-финнами играли со славянской стороны кривичи, в меньшей мере родственные им новгородские (ильменские) словене. Характерные для кривичей погребальные памятники — длинные курганы — в большом количестве встречаются во всех смежных с Восточной Прибалтикой районах Белоруссии и РСФСР. Древнейшие памятники этого типа, датируемые серединой I тысячелетия н. э., обнаружены в низовьях р. Великой и у берегов Псковского озера, а также в верховьях Западной Двины. В обоих этих районах, и, кроме того, еще в верховьях

⁹⁵ Я. В. Станкевич, Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг., КСИИМК, 52, 1953, стр. 62 сл.

⁹⁶ М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя..., стр. 211 сл.

⁹⁷ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 117.

⁹⁸ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 28. Статья К. Вилкуна, на которую ссылается Х. А. Моора, посвящена первобытным способам земледелия в Финляндии; она опубликована в серии «Nordisk kultur», Under redaktion av J. Bröndum-Nielsen, 13 Landbruk och lebygghelse, 1956.

⁹⁹ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 28.

¹⁰⁰ Там же, стр. 28 сл.; В. В. Седов, Кривичи, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 46—62.

р. Великой, найдены кривичские городища и селища того же времени¹⁰¹. Поскольку в более южных районах, в частности в Верхнем Поднепровье, вплоть до VII—VIII вв. н. э. преобладало, по-видимому, неславянское население, В. В. Седов выдвинул недавно интересную гипотезу о переселении кривичей к берегам Западной Двины и р. Велкой из более западных районов — скорее всего с верховьев Немана, а может быть и Западного Буга¹⁰². Во всяком случае несомненно, что кривичи, продвигаясь на север, селились на новых местах бок о бок с восточнобалтийскими и прибалто-финскими племенами, биологически смешивались с ними, вступали в самое тесное хозяйственное и культурное взаимодействие, обменивались трудовыми и бытовыми навыками.

Зона формирования смешанного славяно-балтийского и славяно-финского населения во второй половине I тысячелетия н. э. частично охватывала и восточные районы теперешних Прибалтийских республик. В Латвии кривичские длинные курганы встречаются, например, у берегов Даугавы в районе Краславы; в Эстонии они располагаются большой группой чересполосно с эстонскими каменными могильниками на древней земле Уганди на юго-востоке республики; здесь же встречаются и единичные курганы типа сопок, обычно связываемые с ильменскими словенами¹⁰³. О смешении между восточными славянами, балтийцами и прибалто-финнами на востоке Прибалтики и соседних территориях в конце I и начале II тысячелетия н. э. свидетельствуют и антропологические данные. Весьма вероятно, что с расселением восточных славян связано распространение здесь узколицых европеоидных типов, имеющих в этих местах, по-видимому, южное (среднеднепровское, а может быть и неманско-бужское) происхождение¹⁰⁴. Следы подобных типов — относительно длинноголового (ильменско-днепровского) и более короткоголового (валдайского) — и в настоящее время проявляются в составе некоторых групп населения Аукштайтии и Латгалии, а также в составе селу юго-восточной Эстонии и Псковской области¹⁰⁵.

Если биологическое смешение литовцев, латышей и эстонцев с восточными славянами происходило преимущественно на востоке современной Советской Прибалтики, то мощное восточнославянское влияние во всех областях экономики, культуры и быта имело место на всей ее территории вплоть до крайне западных районов. Об этом согласны свидетельствуют археологические, историко-этнографические и лингвистические данные. Различные вещи, привезенные из восточнославянских земель или сделанные на месте по восточнославянским образцам находят во многих археологических памятниках Литвы, Латвии и Эстонии конца I и особенно начала II тысячелетия н. э. Так, например, некоторые типы женских украшений — в частности шейных гривн — оказываются очень сходными у древних литовцев и кривичей. Из Поднепровья в Литву шли, по-видимому, и куски серебра для изготовления

¹⁰¹ Ф. Д. Гуревич, Археологические памятники Великолукской области КСИИМК, 62, 1956, стр. 95—107; Я. В. Станкевич, Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины, КСИИМК, 1958, стр. 52 сл.; С. А. Тараканова, Псковские курганы с трупосожжением КСИИМК, 36, 1951, стр. 142—147; ее же, Псковские городища, КСИИМК, стр. 37—38.

¹⁰² В. В. Седов, Кривичи, стр. 53—58.

¹⁰³ Там же, стр. 55, рис. 2; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа, стр. 123—132, рис. 126.

¹⁰⁴ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 29, 30; ср. также: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 187 сл., рис. 47; В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 12 сл.; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 91 сл.; ее же, Краниологические данные к этногенезу западных славян, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 39 сл.

¹⁰⁵ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 89—100, рис. 34.

ния этих украшений, и готовые вещи¹⁰⁶. На территории Латвии восточнославянское влияние в IX—XII вв. н. э. сказывалось на керамике с линейным или волнистым орнаментом, изготовленной на гончарном круге, на многих формах оружия и украшений¹⁰⁷. На земгальском городище Тервете найдены, в частности, привезенные из Древней Руси бронзовые крестики с эмалью и сердцевидные оковки поясов¹⁰⁸. В Эстонии вещи восточнославянского типа — глиняные сосуды, разные предметы утвари, украшения и др. — обнаружены на многих поздних городищах, в частности в Колывани (Таллине) — хозяйственном и культурном центре древнеэстонских племен X—XII вв.¹⁰⁹

Нет также сомнения, что к концу I — началу II тысячелетия н. э. в процессе длительного и тесного хозяйственно-культурного взаимодействия летто-литовцев и ливо-эстонцев с их восточнославянскими соседями возникла та поразительная близость многих элементов материальной культуры всех этих народов, которая прослеживается по этнографическим данным гораздо более позднего времени. Яркими примерами таких общих элементов, известных всем или почти всем балтийским, прибалто-финским и восточнославянским народам по крайней мере с IX—XII вв. н. э. (а частично и еще раньше), являются двузубые пахотные орудия — сохи, специфические для населения северной половины Восточной Европы, некоторые виды борон (суковатка, плетенка с деревянными зубьями), серпы с зубчатым лезвием, полукосы-горбуши с изогнутой рукоятью, била (кичиги) и составные цепи для молотбы, срубные постройки из круглых бревен, крыши на самцах, печи-каменки, а вероятно, и сменившие их глинобитные «духовые» печи, паровые бани, хлеб из кислого ржаного теста, многие приемы и орудия ткачества, туникообразные рубахи с длинными рукавами, некоторые формы несшитой женской поясной одежды, холщевые длинные штаны с узким шагом, плетеные из лыка лапти, женские головные полотенца типа намитки и мн. др.¹¹⁰ Конечно, далеко не все перечисленные элементы культуры специфичны для балтийских, прибалто-финских и восточнославянских народов. Одни из них известны на очень широкой территории, другие имеют гораздо более ограниченные ареалы бытования; одни представляют собой общие совместные достижения всех указанных народов, другие распространились среди них главным образом путем заимствования. Но устойчивое сочетание столь большого количества важных хозяйственных и культурно-бытовых особенностей не может быть случайностью: оно должно быть обусловлено длительным и глубоким взаимодействием балтийцев, прибалто-финнов и восточных славян, общностью их исторических судеб на протяжении длительного времени.

К концу I тысячелетия н. э. к востоку и югу от территории современной Советской Прибалтики складывается в процессе этнической консолидации восточнославянских племенных групп и развития у них феодальных отношений древнерусская народность, образовавшая мо-

¹⁰⁶ R. Volkaitė-Kulikauskene, *Senovės lietuvių moterų galvas dangai ir jos papuošalai*, «Iš lietuvių kultūros istorijos», II, 1959, стр. 30—53; L. Nakaitė, *Senovės lietuvių sidabriniai papuošalai*, там же, стр. 54—71.

¹⁰⁷ «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 61—63.

¹⁰⁸ Э. П. Бривкальне, Указ. раб., стр. 272.

¹⁰⁹ С. А. Тараканова и О. В. Саадре, Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине, «Muistsed asulad ja linnused», Таллин, 1955, стр. 31—44.

¹¹⁰ Фактические данные о перечисленных здесь элементах материальной культуры см. в работах, упомянутых в начале статьи (прим. 5—10 на стр. 97—98). Ср. также: Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», М., 1954, стр. 3—12; С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3—17.

густественное Киевское государство, которое оказало огромное хозяйственно-культурное влияние на все народы Восточной Европы, в том числе и на формировавшиеся тогда прибалтийские народности — литовцев, латышей, ливов и эстонцев. Возникновение у этих народностей феодализма, подготовленное всем предыдущим ходом их социально-экономического развития, было, несомненно, ускорено тесным контактом с самым передовым для того времени восточноевропейским государством — Киевской Русью. Влияние ее — как и раньше влияние восточных славян — ощущалось в IX—XII вв. н. э. во всей Восточной Прибалтике, но наиболее интенсивным оно было, конечно, в ее восточных районах — у берегов Чудского и Псковского озер в Эстонии, в Латгалии и Аукштайтии (с Дзукией). Многие этнические группы, обитавшие на этой территории — «чудь-торма» древнерусских летописей (восточные эстонцы), «летигола» (латгалы), часть «литвы» (аукштайтов) — не только находились в тесном хозяйственно-культурном взаимодействии с древнерусской народностью, но и входили политически в состав северо-западных «земель» Киевского государства — Новгородско-Псковской и Полоцкой. Менее интенсивными — преимущественно торговыми, частично данническими — были связи Древней Руси с более отдаленными этническими группами населения Восточной Прибалтики — северными («чудь-ерева» в районе Колывани, отчасти «либь», т. е. ливы) и юго-западными («зимигола» — земгалы, «корсь» — курши, «жмудь» — жемайты) ¹¹¹.

Именно в связи с различными степенями и формами взаимодействия с древнерусской народностью в рассматриваемое время получили закрепление и дальнейшее развитие те три историко-этнографические подобласти Восточной Прибалтики, основы которых были заложены, как мы видели, гораздо раньше. При наличии во всех этих подобластях сильного древнерусского влияния для юго-восточной подобласти (Аукштайтия, Латгалия, частично эстонской «мааконд» Уганди) были характерны максимальные его степени, сопровождавшиеся нередко биологическим смешением с русским населением Полоцкой и Псковской земель (кривичским по происхождению) и процессам этнической ассимиляции различных направлений (поглощение русских групп народами Прибалтики и наоборот). В юго-западной подобласти (Жемайттия, Курземе, Земгале) русское влияние было главным образом «опосредованным» (через население предыдущей подобласти), но зато сохранялись живые связи с пруссами и поляками, а через них отчасти и с северо-восточными немцами. Последующие события — образование Литовского государства и немецкая агрессия в Прибалтике — усилили эти связи юго-западного и западного направлений. Для северной подобласти (большая часть Эстонии и север Видземе) было, наконец, типично как прямое, так и косвенное взаимодействие со смешанным славяно-финским населением обширной Новгородской земли, сочетавшееся с определенными связями с Финляндией, а частично и Скандинавией. Появление на севере Восточной Прибалтики датчан, а позднее и шведов, конечно, временно активизировало эти связи, хотя и не привело к прекращению мирных отношений с русскими.

Очень многие культурно-бытовые особенности населения трех указанных подобластей сложились в своей окончательной форме, зафиксированной данными этнографии, гораздо позднее IX—XII вв., уже после немецко-скандинавской агрессии в период развитого феодализма. Однако совершенно прав Х. А. Моора, когда он пишет: «Следы тех же основных племенных группировок и тех же культурных взаимосвязей сохранились также в этнографическом материале и фольклоре балтийских народов. Большинство элементов этнографического мате-

¹¹¹ А. Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 69—116, 145—158, карты на стр. 80—81, 96—97 152—153.

риала имеет сравнительно поздний возраст. Тем не менее области распространения основных типов этнографического материала совпадают с территориями древних племен, а также диалектов. Это свидетельствует об исключительной устойчивости культурных традиций, переживших в некоторых случаях даже полное изменение этнического состава населения»¹¹². И действительно, историко-этнографические подразделения Восточной Прибалтики, дожившие почти до наших дней, начали складываться в глубокой древности, когда не было еще ни одного современного народа — ни славянского, ни балтийского, ни прибалто-финского.

Положения эти полностью подтверждаются историко-этнографическим изучением у народов Советской Прибалтики характерных особенностей их сельскохозяйственных орудий, жилища, хозяйственных построек, пищи, утвари, одежды, обуви, головных уборов, украшений и других элементов материальной, а отчасти и духовной культуры, местные варианты которых в общих чертах распределяются по тем же трем древним подобластям — юго-восточной, юго-западной и северной, — свидетельствуя вместе с тем на материалах XVIII—XX вв. о тесном взаимодействии литовцев, латышей и эстонцев на всем протяжении их истории с восточнославянскими народами — русскими и белорусами — при наличии, конечно, известных связей и с другими соседями — финнами, скандинавами (преимущественно шведами), поляками и немцами. После вхождения в XVIII в. всей Восточной Прибалтики в состав России связи с восточнославянскими народами, никогда полностью не прекращавшиеся, стали снова расширяться и углубляться, играя все большую роль в социально-экономической и культурной истории литовцев, латышей и эстонцев¹¹³. В советский период связи эти, получившие новое содержание, продолжают прогрессивно развиваться, являясь могучим стимулом социалистического строительства в Прибалтийских республиках.

¹¹² Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 32.

¹¹³ Конкретные материалы об историко-этнографических подобластях Советской Прибалтики и хозяйственно-культурных связях ее народов в свете данных этнографии приведены в работах, упомянутых выше в прим. 1, 5—11, 39, 110. Кроме того, см.: тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики: 1) пленарные заседания, 2) секция этнографии и антропологии», М., 1955; Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории народов Советской Прибалтики в свете новых этнографических и антропологических данных, Изв. АН Эст. ССР», 1953, № 4, стр. 494—504; см. также передовую статью в настоящем номере журнала, стр. 3—20.

М. Г. ЛЕВИН, Д. А. СЕРГЕЕВ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЖЕЛЕЗА В АРКТИКУ

*(Первая находка железного орудия в памятнике
древнеберингоморской культуры)*

Археологические исследования на Крайнем Севере Америки и Гренландии, интенсивно проводимые зарубежными учеными на протяжении последних трех десятилетий, новейшие работы советских исследователей на северо-востоке нашей страны открыли многочисленные памятники разного времени и позволили осветить многие вопросы, связанные с историей древнего заселения побережий арктических морей и континентальных районов тундры. Наибольшее количество публикаций посвящено проблеме происхождения эскимосов и историко-хронологического соотношения древнеэскимосских культур. В этой сложной проблеме, неразрывно связанной с вопросами этногенеза и других родов арктической области, их культурных связей с населением более южных территорий, одним из существеннейших является вопрос о времени и путях проникновения железа к древним племенам Арктики.

Еще четверть века назад господствовало убеждение, что железо проникло в арктические, наиболее отдаленные от центров мировой цивилизации, районы очень недавно. В 1930-х годах Коллинзом при раскопках на о. Св. Лаврентия были найдены в памятниках с инвентаря пунукской стадии гравировальные инструменты, оснащенные железным резцом, и рукоятки ножей со следами железных лезвий. «Железо, писал Коллинз, — в малых количествах проникало, по-видимому, в область Берингова моря и на о. Св. Лаврентия более чем тысячу лет тому назад»¹. В дальнейшем накапливались факты, свидетельствующие о более раннем появлении железа в этой области. Ф. Рейни, описывая материалы из Оквикской стоянки, еще в 1941 г. высказал мнение, что уже на стадии культуры Оквик древние эскимосы знали употребление железа. Никаких железных предметов в Оквикской стоянке, правда, не было найдено, но Рейни в своем предположении исходил из устройства рукояток ножей, форма прорези которых свидетельствует об использовании очень тонкого лезвия, каковым могло быть только железное.

¹ H. B. Collins, Archeology of St. Lawrence Island, Alaska, «Smithsonian Coll.», т. 96, № 1, стр. 305.

² F. G. Rainey, Eskimo prehistory: the Okvik site on the Penuk Islands, «Anthropological Papers American Museum National History», т. 37, ч. 4.

Мысль о наличии у древнего населения Берингова моря металла уже на уэлено-оквикской и древнеберингоморской стадиях отстаивал С. И. Руденко. «Никаких признаков металла на этих двух древнейших стадиях культуры Берингова моря пока нет, хотя мы не можем себе представить, — писал он, — как без металлического орудия могли быть сделаны прорезы для пояса гнезда в наконечниках гарпунов этого времени»³.

Замечательное открытие было сделано Х. Ларсеном и Ф. Рейни в исследованном ими Ипиутакском могильнике на мысе Хоп: здесь был найден гравировальный инструмент с остатком железного лезвия⁴. Микрохимический и спектральный анализы показали, что железо здесь не метеоритного происхождения⁵. Находка в Ипиутакском могильнике — убедительное подтверждение взгляда о раннем проникновении железа на Крайний Север, и, как справедливо писали Ларсен и Рейни, косвенное доказательство возможности наличия железа и на стадии древнеберингоморской культуры. Сейчас мы располагаем и прямым доказательством этого.

В 1959 г. при раскопках на Уэленском могильнике одним из авторов настоящего сообщения — Д. А. Сергеевым — был найден гравировальный инструмент, оснащенный железным лезвием (рис. 1). Погребение № 6, в котором был обнаружен инструмент, отличается богатством и разнообразием инвентаря. Здесь были найдены многочисленные костяные наконечники стрел и острог, мотыги, каменные наконечники стрел и дротиков, женские сланцевые ножи (два из них с круглыми просверленными отверстиями) и другие предметы. Наибольший интерес представляют наконечники поворотных гарпунов, головки древков гарпунов и «крылатый предмет».

Как известно, на типологии наконечников гарпунов преимущественно основана принятая в настоящее время классификация древнеэскимосских культур. Как нам уже приходилось писать, в погребениях Уэленского могильника найдены наконечники, характерные для разных стадий (для древнеберингоморской культуры, для культур Оквик, Бирнирк, Пулук)⁶. В рассматриваемом нами погребении № 6 было обнаружено восемь наконечников (целых и сломанных) (рис. 2). Пять из них №№ 2, 3, 6, 7, 8) относятся к типу, характерному для древнеберингоморской культуры; отличительные признаки этого «классического» древнеберингоморского типа: широкое открытое гнездо, два круглых отверстия для линя, тройная шпора с длинным центральным и короткими боковыми выступами, два прореза для пояса гнезда, боковые каменные вкладыши. Наконечники №№ 2 и 3 имеют желобки для боковых вкладышей; можно предполагать, что такое же устройство имели наконечники №№ 6, 7, 8 (от которых сохранились лишь нижние части).

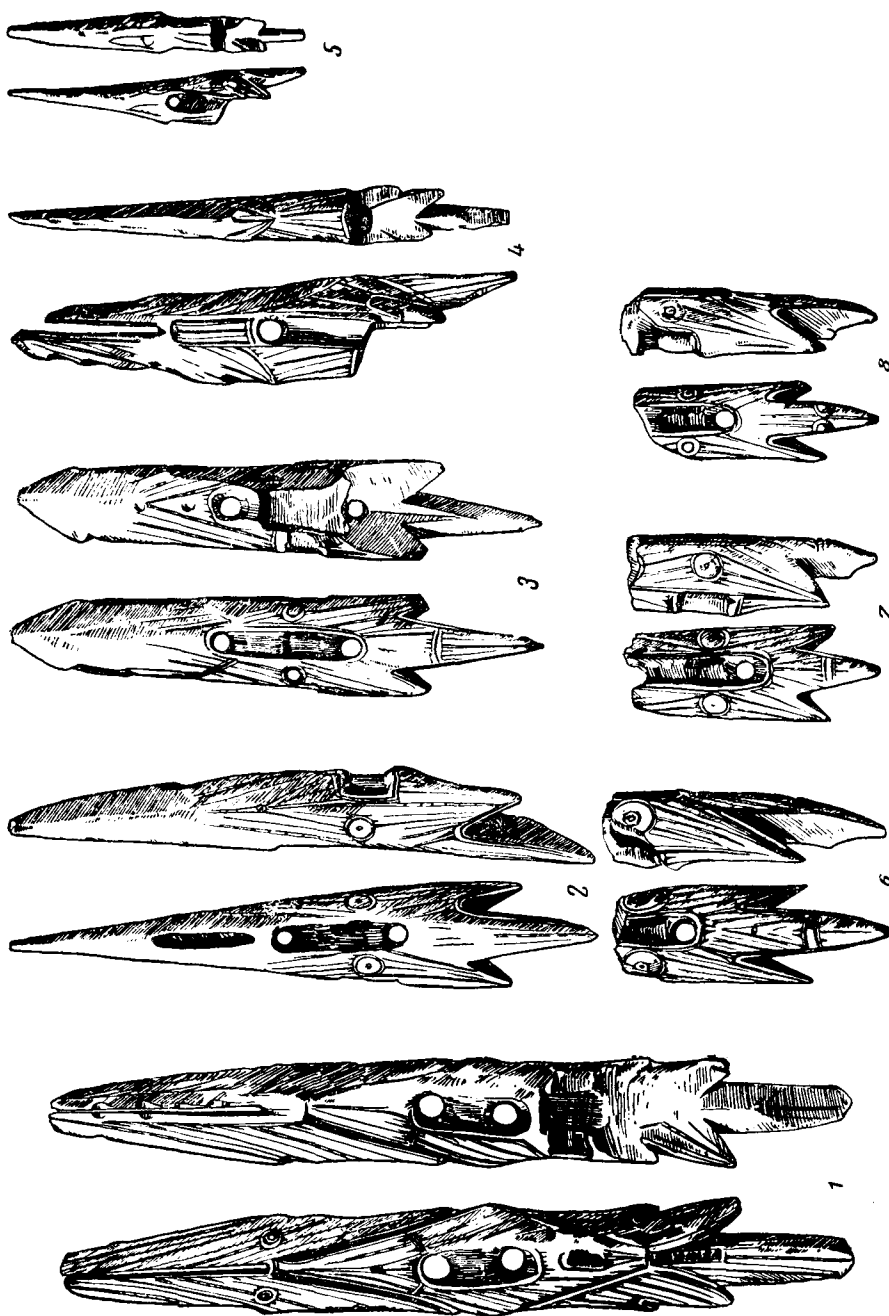
Рис. 1. Гравировальный инструмент с железным лезвием (1/5 nat. вел.).

³ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947, стр. 112.

⁴ H. Larsen and F. Rainey, Ipiutak and the Arctic Whale Hunting culture, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, т. 42, New York, 1948, стр. 83.

⁵ Там же, стр. 254.

⁶ См. М. Г. Левин, Уэленский могильник, «Сов. этнография», 1960, № 1.

Форма крупного наконечника гарпуна № 1 своеобразна, но и он должен быть отнесен к древнеберингоморскому типу⁷. Найденные в погребении № 6 наконечники с закрытым гнездом (№№ 4 и 5) также укладываются в группу тех форм, которые относят к древнеберингоморской культуре. Найденные в погребении головки гарпунов (рис. 3) и «крылатый предмет» (рис. 4), хотя и не могут считаться (если отвлечься от орнаментации) датирующими, но все же наиболее распространены именно в памятниках древнеберингоморской стадии.

В пользу древнеберингоморского возраста свидетельствует и орнамент на наконечниках гарпунов и на «крылатом предмете» из погребения № 6. Не входя в рассмотрение сложного вопроса о различных стилях орнаментации, характерных для отдельных этапов древнеэскимосских культур области Берингоморья⁸, отметим, что орнамент на указанных предметах соответствует в общем развитому древнеберингоморскому стилю.

Орнаментация на головках гарпунов — грубые, ломаные линии — выпадает из этого стиля и свидетельствует, видимо, о несколько более позднем времени. В целом же инвентарь погребения № 6, в котором найден гравировальный инструмент с железным лезвием, позволяет отнести его к древнеберингоморской стадии.

Единичная находка железного лезвия на Уэленском могильнике, где вскрыто уже свыше 100 погребений, свидетельствует о том, что металл проникал в эту область в весьма ограниченном количестве и что не только на древнеберингоморской стадии, но и в более позднее время железо как по применению,

так и по ценности было своеобразным «алмазом севера». Оно использовалось в основном для оснащения дрелей и гравировальных инструментов (резцов), а иногда и для изготовления лезвий ножей.

Хронологическое соотношение отдельных древнеэскимосских культур и еще в большей степени абсолютная датировка их остаются до настоящего времени недостаточно выясненными. По этим вопросам между исследователями древних культур Арктики существуют значительные разногласия. Это относится и к древнеэскимосским памятникам интересующей нас в первую очередь области — Северной Аляски и района Берингова пролива.

Рис. 3. Головки гарпунов
($\frac{3}{5}$ нат. вел.)

⁷ Наконечники этой формы найдены и в других погребениях Уэленского могильника с типичным древнеберингоморским инвентарем.

⁸ Этот вопрос подробно рассмотрен в указанной выше работе Г. Коллинза.

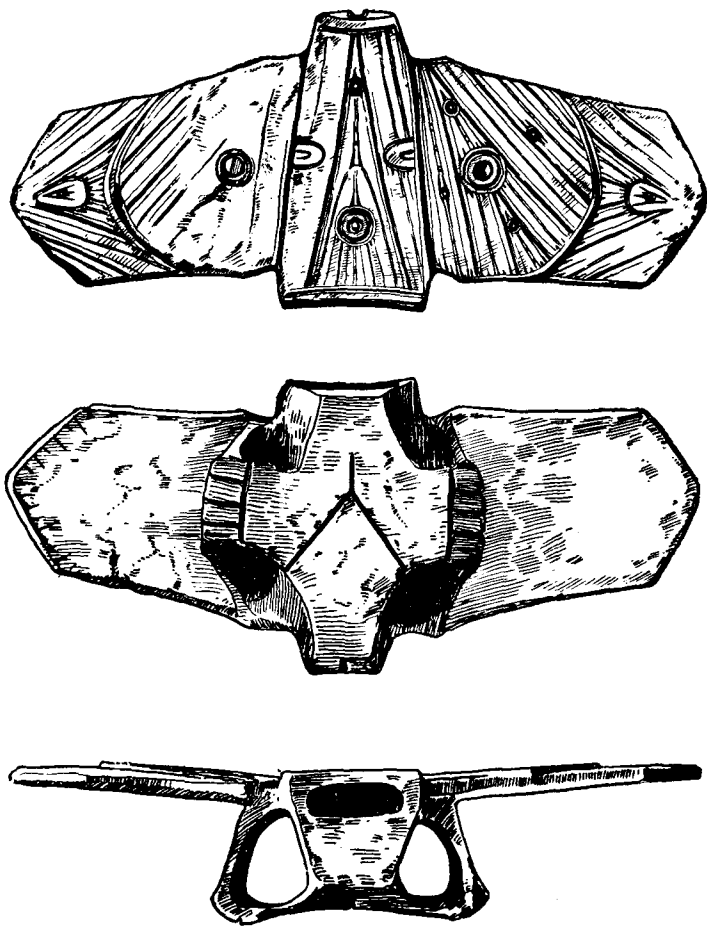

Рис. 4. «Крылатый предмет» ($\frac{3}{5}$ nat. вел.)

В уже упоминавшейся выше монографии Ларсена и Рейни приведена следующая схема⁹:

Дата	Юго-восток Аляски	Берингов пролив	Северная Аляска
1900 н. э.	Соврем. культуры	Соврем. культуры	Соврем. культуры
1500 н. э.	Зал. Качемак III	Соврем. и пренсторич. культуры	Тигара
1000 н. э.		Пунук	Зап. Туле
500 н. э.	Зал. Качемак II	Ранний Пунук	Бирнирк
		Древнеберингом.	
1 н. э.	Зал. Качемак I	Оквнк	Ближн. Ипиутак Ипиутак

⁹ Н. Larsen and F. Rainey, Указ. раб., стр. 155.

В новейшей сводке Гиддинга¹⁰, посвященной проблемам археологии Берингова моря, хронологическое соотношение древних культур и их абсолютная датировка рисуются в следующем виде:

Дата	Азия	Америка	
		Берингово море	Чукотское море
1900	Соврем. и поздн. преисто- рич. культуры	Современ. культура	Современ. культура
1700		Нуклиит III	
1500	Туле—Пунук	Нуклиит II	Тигара
1300		Нуклиит I	Зап. Туле
1100	Пунук	?	
900	Ранний Пунук		Бирнирк
700	Бирнирк	Нортон	Ипиутак и Ближн. Ипиутак
500	Древнеберинг. III		
300	Древнеберинг. II	Кремн. комплекс Денби	
100 н. э.	Оквик II—Древнеберинг. I		
100 до н. э.			
300			
500			
700			
900			
1100			
1300			
1500			
1700			
1900			
2100			
2300			
2500			
2700			
2900			

В недавние годы появились работы, основанные на физико-химических методах определения возраста древних памятников (радиоуглеродный анализ). В опубликованной в 1959 г. статье Ф. Рейни и Ел. Ралф¹¹ приводятся следующие даты для отдельных культурных комплексов (периодов):

Пунук	—1000 н. э.	Дорсет	—200—700 до н. э.
Бирнирк	— 800 н. э.		
Зал. Качемак III	— 600 н. э.	Зал. Качемак I	— 700 до н. э.
Оквик	— 500 н. э.	Хорис	— 700 до н. э.
Древнеберингом.	— 300 н. э.	Ферст Ривер (ранняя	
Ипиутак	— 300 н. э.	нагорная фаза)	— 1300 до н. э.
Нортон	— 300 до н. э.	Саркак	—400—2000 до н. э.
		Кремневый комплекс	
		Денби	—ранее 2000 до н. э.

Как ни соблазнительно при решении вопросов арктической археологии исходить из данных точных наук, следует иметь в виду возможные серьезные расхождения в результатах радиоуглеродного анализа, обусловленные в первую очередь состоянием образцов из разных памятников. Приведенные выше цифры сильно генерализованы.

¹⁰ J. L. Giddings, The Archeology of Bering strait, «Current Anthropology», т. I, № 2, 1960, стр. 123.

¹¹ F. Rainey and El. Ralph, Radiocarbon Dating in the Arctic, «American Antiquity», т. 24, № 4, 1959, стр. 373.

Для отдельных образцов из памятников с инвентарем древнеберингоморской культуры получены следующие даты: 1630 ± 230 (327 н. э.); 1700 ± 150 (257 н. э.); 1380 ± 118 (577 н. э.); 1398 ± 116 (559 н. э.); 1296 ± 108 (661 н. э.); 1002 ± 107 (955 н. э.)¹². Рейни и Ралф считают первые две цифры более достоверными.

Если учесть приведенные данные и проявить необходимую при современном состоянии наших знаний осторожность в датировке древнеэскимосских культур, то рассмотренное выше погребение № 6 следует отнести к середине I тысячелетия н. э. Откуда и какими путями могло проникать в эту эпоху железо в область Берингова моря? Здесь возможны, как справедливо указал в свое время А. П. Окладников, два предположения: железо древние жители Берингоморского побережья могли получать с юго-запада, от племен Нижней Лены, и с юго-востока, с Амура¹³. В обоих названных районах (в Якутии вплоть до Булуна и Чокуровки в низовьях Лены)¹⁴ в середине I тысячелетия н. э. железо было уже распространено. Для обоснования возможности второго пути — с Амура — значительный интерес представляет находка, сделанная еще в 1931 г. при раскопках на о. Ольском (в Охотском море, против бухты Ногаева)¹⁵. Здесь на «верхней стоянке» в раковинном слое вместе с каменными орудиями был найден гравировальный инструмент, оснащенный железным резцом¹⁶. Указанная стоянка на о. Ольском имеет, несомненно, древний возраст; никаких остатков керамики там найдено не было, каменные орудия — неолитического облика.

Наличие исторических связей древнего населения крайнего северо-востока Сибири с более южными областями Восточной Азии уже на ранних этапах древнеэскимосской культуры отмечалось многими авторами. Вполне вероятно, что путь этих связей пролегал по Охотскому побережью.

Конечно, указанная единичная находка гравировального инструмента с железным резцом на о. Ольском, к тому же находка, не имеющая пока точной датировки, не может служить достаточным аргументом в пользу того, что железо проникло к древним племенам Берингоморья обязательно по этому пути. Мы отмечали выше и другую возможность — проникновение железа в область Берингова пролива из северных районов Якутии. Для окончательного решения рассматриваемого вопроса имеющихся материалов недостаточно.

¹² F. Rainey and El. Ralph, Указ. раб., стр. 369.

¹³ См. в книге «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956, стр. 101.

¹⁴ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М., 1955, стр. 199.

¹⁵ Об археологических материалах, добытых на о. Ольском В. И. Левиным и М. Г. Левиным, см. в книге: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 225, прим. 26.

¹⁶ Материалы не опубликованы, хранятся в Музее антропологии Московского университета, коллекция № 311, предмет № 105.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. Б. ДАВИДСОН

ДИСКРИМИНАЦИЯ АФРИКАНЦЕВ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ

Нарушение самых элементарных прав человека в Южно-Африканском Союзе вызывает гневные протесты во всех странах мира. В истории Организации Объединенных Наций не было сессии, на которой не обсуждался бы вопрос о расизме в ЮАС. Однако в течение всех послевоенных лет правительство ЮАС, игнорируя волю человечества и решения ООН, не только продолжало практиковать расизм, но и усиливало дискриминационные меры. Дискриминации в ЮАС подвергается все неевропейское население, составляющее 80% жителей страны в первую очередь — десять миллионов африканцев¹.

Партия националистов, стоящая у власти в ЮАС с 1948 г., проводит дискриминационную политику под лозунгом апартхейда. Слово «апартхейд» означает на языке африкаанс (язык африканеров) — «обособление», «обособленное раздельное существование и развитие». Политический смысл это слово приобрело лишь в 1947 г., когда группа ведущих националистов, тогда преподавателей Стелленбошского университета, а ныне руководителей правительства, стала употреблять его для обозначения пропагандировавшейся ею теории расового обособления. Создатели «теории» апартхейда, исходя в основном из расистской интерпретации библейских догматов, заявляют, будто каждой расе предначертаны свыше особый образ жизни и путь развития. Европейский образ жизни, якобы, не подходит для африканца и, наоборот, африканский — не подходит для европейца; каждая раса может достичь расцвета лишь в том случае, если она идет указанным ей путем. Таким образом, апартхейд якобы дает единственно верное решение расовой проблемы. Любая же ассимиляция, любая утрата «чистоты крови» — это гибель, особенно для «высшей» расы².

Не обладая никаким научным содержанием, «теория» апартхейда имеет в то же время совершенно определенный политический смысл. Ведь если у каждой расы свой специфический, присущий только ей путь

¹ По оценке на 1959 г. население ЮАС составляло 14 673 тыс. чел. в том числе 9751 тыс. африканцев, 3067 тыс. европейцев, 1405 тыс. «цветных» (метисов) и 450 тыс. выходцев из Азии (главным образом индийцев). См. «Union of South Africa. Monthly bulletin of statistics», Pretoria, сентябрь, 1959 г., стр. 2. Африканское население страны принадлежит к народам банту — зулусам, коса, басуто, бечуана, бапеди и другим. Местное европейское население состоит, главным образом, из африканеров (буров) и англичан.

² Основные заявления националистической партии и ее лидеров в период выработки основных положений апартхейда см. в кн.: «Report of the United Nations Commission on the racial situation in the Union of South Africa», New York, 1953, Appendix V.

развития, то плодами европейской цивилизации должны пользоваться исключительно европейцы, а африканцы могут жить лишь своим «традиционным» родоплеменным строем. Современная культура, всестороннее образование, таким образом, — привилегия европейцев, а африканцу все это может лишь принести вред, поскольку отводит его в сторону от начертанного свыше пути. Получается, следовательно, так, что правительство и власти сделают лишь доброе по отношению к африканцу дело, если будут держать его в состоянии отсталости, вековой нищеты, использовать лишь на самых примитивных работах, предоставлять ему лишь самые примитивные условия существования. А это в свою очередь дает возможность самой циничной эксплуатации, что и является основной целью расистов ЮАС.

В лозунге апартхейда националисты видят обоснование разжиганию расовой розни. Ведь если ничего общего между различными расами нет и быть не может, то вражда между ними — явление естественное. Апартхейд дает «обоснование» и делению страны на зоны обособленного поселения рас. Но если столкновение между расами — явление естественное, то единственный способ установить мир — это поселить их на разных территориях.

В «теории» апартхейда расисты видят возможность запугивать местных европейцев «черной опасностью». Ведь если вражда между расами является закономерностью, а европейское население в стране составляет лишь 20%, то оно должно быть все время настороже, жестоко подавлять любую попытку сопротивления своей воле. Оно должно строго следить за монолитностью своих рядов и сурово наказывать тех, кто не соблюдает «чистоту крови», так как, если этого не делать, расовая самобытность будет постепенно утрачена, а тогда... в этом месте пропагандисты апартхейда рисуют устрашающие картины неизбежной деградации европейского населения и чудовищных бед, которые на него должны обрушиться.

Апартхейд нельзя считать в ЮАС совершенно новым по существу понятием. В этой стране английскими колонизаторами издавна проводилась политика сегрегации. «Апартхейд» — точный перевод английского слова «сегрегация». И как политический курс апартхейд буквально по всем направлениям явился продолжением политики сегрегации. В то же время необходимо отметить, что апартхейд связан с более обширным кругом расистских мероприятий, чем политика, проводившаяся до его введения.

Экономическая эксплуатация неевропейского населения является, как сказано выше, главной целью политики южноафриканских расистов. Коренные жители страны уже давно лишены своего природного богатства — земли. Почти 90% территории страны официально закреплено за европейцами. Для африканского населения оставлено лишь около 12% площади ЮАС. Только в пределах «зарегистрированных туземных районов», т. е. резерватов, африканец имеет право вести самостоятельное хозяйство. Резерваты нередко расположены в районах, которые по своим почвенным и климатическим условиям наименее пригодны для сельского хозяйства. Этот фактор в сочетании с резкой перенаселенностью резерватов (здесь живет более 3,5 млн. чел.) приводит к быстрой деградации хозяйства африканцев. Так, в целом по стране на долю африканского сельского населения приходится менее 40% крупного рогатого скота и около 10% овец³.

Статут африканцев в сельском хозяйстве страны определен законом о землях туземцев⁴, принятым еще в 1913 г. Согласно этому закону

³ «Official year-book of the Union of South Africa, 1956—1957», Pretoria, 1958.

⁴ Native land act, № 27, 1913. Подробный анализ этого закона см. в кн.: И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIX, М., 1955, стр. 127.

африканцам запрещена покупка, приобретение, а также денежная издольная аренда земель, расположенных вне резерватов. Африканцу разрешено пользоваться землей европейского фермера только на условиях отработки. По закону 1913 г. отработки были установлены в размере 90 дней в год; в 1936 г., на основании закона о туземном фонде и туземных землях⁵, они были доведены до 122 дней, а вскоре увеличены до 180 дней. Таким образом, в ЮАС законодательно установлена барщина причем африканец, поселившийся на ферме европейца, обязан работать на последнего через день на протяжении всего года.

Согласно закону о рабочих контрактах туземцев⁶, который назван африканцами «хартией рабства», на фермера обязаны работать не только глава семьи, но даже дети, начиная с десятилетнего возраста. Закон официально оформил закрепощение тем, что запретил африканцам уходить на новое место без письменного разрешения прежнего хозяина. Фермер же имеет право выгнать африканца в любое время. Закон разрешает фермеру заключать трудовые контракты с девочками и мальчиками старше десяти лет и отправлять их на работу в любую часть страны.

Даже перечисления этих немногих законов, регламентирующих положение африканца в сельскохозяйственных районах, достаточно, чтобы представить себе, насколько сильно стремление африканца вырваться в город, уйти на работу в промышленность. Но здесь его ждут не менее жесткие дискриминационные ограничения. О дискриминации в области заработной платы можно судить по ставкам в золотодобывающей промышленности, где работает самый многочисленный отряд африканских рабочих. Негритянский ученый Соединенных Штатов У. Э. Хантон составил таблицу динамики изменения зарплаты рабочих золотых рудников за сорок с лишним лет (с 1911 по 1953 г.)⁷. Из нее явствует, что если в 1911 г. средняя зарплата рабочего-африканца составляла 10,3% зарплаты рабочего-европейца, то в 1953 г. она составила лишь 5,8%. Пропасть между доходами рабочего-европейца и африканца не только не сокращается, а наоборот, становится все шире.

Но дискриминация африканцев в промышленности выражается не только в ставках заработной платы. Многочисленные меры правительства направлены на то, чтобы не дать африканцам возможности заниматься квалифицированным и даже полуквалифицированным трудом. Еще в 1924 г. был издан циркуляр о «цивилизованном» труде, который обязал государственные учреждения и рекомендовал всем частным компаниям отстранить африканцев от квалифицированных работ, заменив их европейцами. Правительство даже предоставило льготы компаниям, наиболее исправно выполнявшим этот циркуляр. Закон 1926 г., принятый во изменение закона 1911 г. «о горной и фабрично-заводской промышленности»⁸, шел в этом направлении еще дальше. Он запретил выдачу африканцам удостоверений на право быть машинистами паровозов, техниками горного дела, работать в геологической разведке и в других отраслях труда, требующих специальной подготовки.

Укреплению «цветного барьера» в промышленности посвящена серия законов «о примирении в промышленности». Закон 1937 г.⁹ запретил регистрацию профсоюзов европейских рабочих, которые соглашались принимать африканцев. Этот закон квалифицировал африканцев, работающих в промышленности, не как рабочих, а как прислугу: там говорилось, что в категорию «наемных рабочих и служащих» не входят лица,

⁵ Native trust and land act, № 18, 1936.

⁶ Native service contract act, № 24, 1932.

⁷ W. A. H u n t o n, Decision in Africa, New York, 1957, стр. 44.

⁸ Mines and works act, № 12, 1911; Amendment act, № 26, 1926.

⁹ Industrial conciliation act, № 36, 1937.

трудовые соглашения которых регулируются законами о «туземном труде».

Закон «о примирении в промышленности»¹⁰, принятый в 1956 г., кроме содержащегося в нем ряда других дискриминационных мер, предоставил министру труда право «резервировать» любые виды работ в любой отрасли промышленности за представителями одной расы. На практике это означает легальную возможность полного отстранения африканцев или даже всех неевропейцев от квалифицированного труда.

Закон о туземных строительных рабочих¹¹ содержит прямое запрещение европейцам нанимать африканцев для квалифицированных строительных работ.

В 1949 г. правительство приняло решение заменить европейцами всех африканцев, находившихся на государственной службе. До этого африканцам разрешалось быть дворниками, полотерами, уборщиками и выполнять аналогичные работы. После правительственного циркуляра им закрывался путь даже к таким «государственным» работам. В сентябре того же года неевропейцам было запрещено служить в строевых частях кадровых войск. Они могут быть там лишь поварами и выполнять вспомогательную работу. Кроме того, их одежда не должна быть похожа на военную форму. Правительство распустило также корпус метисов Капской провинции, являвшийся составной частью регулярной армии страны.

Дискриминация в политической области выражена прежде всего в отсутствии у африканцев избирательного права. В Трансваале и Оранжевой республике на протяжении всей их истории это право за африканцами не признавалось. В провинции Наталь по закону 1865 г. африканец мог участвовать в выборах, если он удовлетворял имущественному цензу — владел земельным участком, оценивавшимся в 50 ф. ст., или платил ренту не менее 10 ф. ст. в год. Но в 1882 г. власти Наталья, сочтя такое ограничение недостаточным, провели закон о лишении всех африканцев права голоса.

Единственной провинцией ЮАС, где на протяжении нескольких десятилетий за африканцами, при условии высокого имущественного ценза, признавалось право участия во всеобщих выборах, была Капская провинция. Однако в 1936 г.¹² африканцы здесь были исключены из общих избирательных списков и выделены в отдельную «туземную курию», от которой они могут избирать трех депутатов нижней палаты парламента — палаты собрания. Все три депутата обязательно должны быть европейцами.

Таким образом, и в области политических прав южноафриканские власти на протяжении всего колониального периода не только не ослабляли дискриминационные меры, а, наоборот, все более их усиливали. Не случайно представитель Республики Судан на Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки заявил о конституции ЮАС, что она «сделала расовую дискриминацию основой существования страны»¹³.

Расовая сегрегация, возведенная в принцип государственной политики, ставит перед африканцем в ЮАС на каждом шагу предостережение — «Только для белых». Африканец не имеет права любить европейскую женщину. Серия законов «о запрещении смешанных браков» накладывает запрет на такие браки, а законы «о безнравственности» — на внебрачные связи между африканским и европейским населением.

¹⁰ Industrial conciliation act, 1956.

¹¹ Natives building workers act, № 27, 1951.

¹² Representation of natives act, № 12, 1936.

¹³ Доклад М. А. Махгуба о расовой дискриминации, «Конференция солидарности народов Азии и Африки, Каир, 26 декабря 1957 г. — 1 января 1958 г.», М., 1958, стр. 106.

Последний закон «о безнравственности», принятый в 1957 г.¹⁴, увеличил наказание «виновных» до семи лет тюремного заключения.

Введена тщательная слежка за «нарушителями морали». Полицейские агенты заглядывают в окна домов, в легковые машины и такси. Журнал «Африка саус» в передовой статье, носящей странное для советского читателя, но вполне понятное южноафриканцу заглавие — «Пол и подрывная деятельность», с горечью отмечал, что если бы все эти усилия полиции были направлены на борьбу с настоящими уголовниками, то преступность в стране могла бы значительно сократиться¹⁵. Однако все подобные меры помогают слабо — статистика показывает, что с каждым годом все большее число европейцев не соблюдает «чистоты расы» и нарушает законы «о безнравственности». В связи с этим профессор университета Претории Х. Вентер и президент реакционной Женской федерации Я. М. Раат предложили недавно в качестве средства расправы с «виновными»... кастрацию или стерилизацию. Другая группа расистов ратует за смертную казнь как самое верное средство для наказания тех, кто не соблюдает «чистоту белой расы»¹⁶.

Африканцы и европейцы не могут учиться совместно, будь то начальная школа или высшее учебное заведение.

В 1958 г. окончательно вступил в силу принятый несколькими годами ранее закон об образовании для банту¹⁷. Обучение в школах сведено к трем часам в день, причем подавляющую часть уроков составляет привитие навыков самого примитивного физического труда. Нынешний премьер-министр Фервурд объяснил это с предельной прямотой: «Какая польза учить ребенка-банту математике, если он не сможет применить ее на практике?... Образование людям нужно давать сообразно их возможностям в жизни». О том, какие же возможности предоставлены банту в Южно-Африканском Союзе, Фервурд дал исчерпывающее объяснение в июне 1954 г., уже после принятия закона: «Для банту в европейском обществе нет места выше уровня определенных форм труда... Поэтому для них бесполезно получать образование, которое имеет целью включение в состав европейского общества»¹⁸.

С 1 января 1960 г. вступил в силу закон о раздельном обучении в университетах¹⁹. Там говорится, что представители различных расовых групп должны учиться в разных университетах. При этом все ныне существующие университеты объявлены «европейскими», а об университетах для неевропейцев сказано, что они должны быть созданы в будущем. В той своей части, которая касается ныне существующих университетов, закон уже применен на практике: немногие учившиеся там африканцы изгнаны. Что же касается специальных высших учебных заведений для неевропейцев, то в стране существует лишь один университетский колледж для африканцев в Форт-Хейр, рассчитанный на 200—300 студентов.

Запрет — «Только для белых» регламентирует всю жизнь африканцев. Он встает перед африканцами ежечасно в их повседневной деятельности. Для покупки железнодорожного билета, въезда в город, поисков работы, нахождения на улицах города в позднее время, для того, чтобы пустить к себе переночевать родственника, — нужно специальное разрешение властей. Когда Лесли Рубин, один из оппозиционных членов парламента ЮАС, собрал и опубликовал в своей брошюре лишь неболь-

¹⁴ Immorality amendment act, 1957.

¹⁵ «Sex and sedition», «Africa South» (Cape Town), т. 2, № 1, октябрь — декабрь 1957 г.

¹⁶ H. Millen, The immoral act, «Fighting talk» (Johannesburg), т. 13, № 9, декабрь 1959 г., стр. 5.

¹⁷ Bantu education act, № 47, 1953.

¹⁸ «New age», 16 апреля 1959 г.

¹⁹ Separate university education act.

шую часть запретов, это произвело за пределами его страны ошеломляющее впечатление.

Вот некоторые из приведенных им положений:

— Африканец, хотя бы он родился в городе и прожил в нем пятьдесят лет, но затем переехал в другое место (пусть даже на две недели), лишается права возвратиться в город, где он родился, и находится там более 72 часов. В случае нарушения этого закона и отсутствия у него специального пропуска он считается виновным в уголовном преступлении и подлежит штрафу в размере до десяти фунтов или тюремному заключению сроком до двух месяцев.

— Африканец, хотя бы он прожил в городе двадцать лет и проживает там ныне, если он нанялся на работу за чертой города, не имеет права оставаться в этом городе более 72 часов.

— Ни один африканец, имеющий разрешение на проживание в городе, юридически не имеет права держать при себе жену и детей.

— Если железнодорожная станция имеет только один зал для ожидания, начальник станции имеет право зарезервировать этот зал исключительно для белых, и всякий цветной, который умышленно войдет в зал, совершает уголовное преступление и подлежит штрафу до 50 фунтов или тюремному заключению сроком до трех месяцев²⁰.

Разработанный с изощренной скрупулезностью на протяжении многих десятилетий режим пропусков и разрешений стал одной из неотъемлемых составных частей расовой дискриминации в ЮАС. К 1952 г. количество разрешений и пропусков, которые должен был иметь при себе африканец в пределах городской черты, достигло шестидесяти. Правительство решило упростить для полиции контроль за африканцами и ввело единую контрольную книжку, на 96 страницах которой содержатся подробнейшие сведения о ее владельце, начиная от его фотографии и кончая перечислением всех мест, где ему приходилось работать. Характерно для правительства ЮАС, что, вводя эту новую дискриминационную меру, оно назвало ее официально законом «об упорядочении пропусков»...²¹

Система пропусков и разрешений стала в руках южноафриканских властей орудием, при помощи которого терроризируется африканское население. В ЮАС не проходит дня, чтобы полиция под предлогом проверки пропусков не совершала ночные налеты на африканские поселки.

Вот описание методов такой проверки, проведенной в связи с распространением системы пропусков на женщин-африканок в округе Зее-руст. Одна из жительниц округа, Рьямпи Моколи, рассказала: «16 мая 1957 г. я услышала шум возле моего дома. Я выглянула посмотреть, что случилось, и увидела девушку, которая с рыданиями бежала к моему дому, преследуемая полицией. Когда она вбежала в дом, полиция ворвалась вслед за ней. Это были три европейца и один африканец. Двое европейцев ударили меня плетью по голове. Полицейский-африканец потребовал мои документы. Я полезла под кровать, чтобы достать чемодан, в котором они находились. В этот момент констебль-европеец ударил меня ногой в область левой почки. Я показала документы и спросила, почему меня били, но никто не ответил. К доктору я не пошла, так как у меня нет денег»²².

С течением времени налеты полиции под предлогом проверки документов все шире использовались для того, чтобы запугивать коренное население, демонстрировать ему, что оно находится под неусыпным строгим контролем. С конца 1959 г. в таких налетах принимает участие нередко по несколько сот полицейских под охраной бронемашин «Сарацин». Такие «проверки» редко обходятся без человеческих жертв.

²⁰ L. Rubin, This is apartheid, London, 1959, стр. 7, 15, 14.

²¹ Natives (Abolition of passes and coordination of documents) act, № 67, 1952.

²² «Fighting talk», февраль, 1958 г., стр. 4.

Именно против системы пропусков и подобных «проверок» протестовали 21 марта 1960 г. многотысячные демонстрации Шарпевиля и Ланги, с которыми южноафриканское правительство расправилось при помощи реактивных самолетов «Сейбр» и бронемашин. Сотни жертв, усеявшие мостовые этих пригородов Йоханнесбурга и Кейптауна, ярко доказали, что расисты не намерены добровольно отказаться от установленного ими режима для коренных жителей.

Территориальная сегрегация в масштабах всей страны узаконена актом «о расселении по группам», принятым в 1950 и дополненным в 1952 г.²³ Ссылаясь на него, правительство считает себя вправе объявлять любую часть территории страны зоной поселения какой-либо одной этнической группы. Лица, не принадлежащие к этой группе, обязаны покинуть район, причем законом не предусмотрена никакая компенсация за недвижимое имущество и связанные с изгнанием убытки. Хотя буква закона о расселении по группам не предусматривает, что он должен применяться именно в ущерб неевропейскому населению, на практике это так.

Первой же крупной мерой, принятой в его осуществление, стал закон о западных пригородах Йоханнесбурга²⁴. Четыре пригорода — Софиатаун, Ньюклер, Пейджвью и Мартиндейл, основное население которых составляли африканцы, были объявлены «европейскими районами». 58 тысяч африканцев и большое число других неевропейцев были из города выселены. Вскоре в Йоханнесбурге был учрежден комитет «по расселению туземцев», задача которого — постепенно изгнать африканцев за пределы этого города, имеющего в настоящее время самое большое в мире африканское население (из миллиона его жителей более половины — африканцы).

Закон о расселении туземцев²⁵, на основании которого был создан комитет, касается не только Йоханнесбурга. Им санкционирована возможность изгнания неевропейцев из любых городских районов на всей территории страны. Вслед за Йоханнесбургом, крупнейшим населенным центром ЮАС, началось постепенное выселение африканцев из Претории, Кейптауна, Дурбана и других городов.

Законы 1950-х годов — продолжение давнишней политики расистов ЮАС, направленной на то, чтобы жизнь в городах была привилегией европейцев, а теснота африканцев была вынесена как можно дальше за пределы городской черты. Полностью осуществить это желание никогда не удавалось, так как без африканских рабочих рук «белые» города существовать не могли, но к достижению его всегда стремились. В 1948 г. полковник Сталлард, бывший министр горнорудной промышленности ЮАС, заявил в парламенте: «число туземцев, которых мы можем пустить в наши города, должно определяться потребностями промышленности и белого населения... Я считаю, что пребывание жен (африканцев.— А. Д.) в городе совершенно излишне. Может быть, они и необходимы на фермах, но я считаю, что нам нужна система сезонных рабочих; к слову, это фактически та же политика, которая проводится в настоящее время на рудниках»²⁶.

В течение последних лет, как и прежде, политика властей по отношению к выселяемым из городов африканцам определялась степенью заинтересованности в их труде. О тех, кто в силу возраста или каких-либо других причин уже не нужен городской промышленности, никакой заботы не проявлялось. Это вызвало волну самоубийств: пожилые люди, вынужденные покидать места, где они провели всю жизнь, и не видя средств к дальнейшему существованию, нередко кончают с собой.

²³ Group areas act, № 41, 1950; Group areas (amendment) act, № 65, 1952.

²⁴ Western areas removal act, 1952.

²⁵ Natives resettlement act, № 19, 1954.

²⁶ W. A. H u n t o n, Указ. раб., стр. 51.

Что же касается тех африканцев, в которых промышленность заинтересована, то для них обычно на расстоянии нескольких миль от гор строятся стандартные поселки. Корреспондент южноафриканского журнала «Контакт», побывав в Дэйвстоне, одном из таких селений близ крупного промышленного центра Бенони, озаглавил свою статью «Жизнь в стандартных поселках — это ад». Поселок состоит из абсолютно похожих друг на друга маленьких домиков. Корреспондент называет их «спичечными коробками». Такой домик нельзя купить, можно лишь арендовать его за высокую плату. «В поездах, в автобусах, на улицах повсюду у африканцев Дэйвстона хмурые и печальные лица. Сейчас стало здесь такой чуждой роскошью, что у них никогда не появлялись выражения радости», констатировал корреспондент. Жители с горечью говорили ему: «А ведь когда нас выдворяли из Эпекса (прежнего местожительства. — А. Д.), нам описывали в прекрасных выражениях, что Ханаан, страна, где текут молочные и медовые реки...»²⁷.

В 1959 г. правительство ЮАС предприняло новую попытку осуществить территориальную сегрегацию африканцев в масштабе всей страны. В январе в парламент был внесен билль под парадоксальным, ЮАС названием «Законопроект о предоставлении банту самоуправления»²⁸; в обиходе он назван «Биллем о Бантустане» или «Бантустан». Он гласит о предоставлении самоуправления нескольким основным африканским народам группы банту, живущим на территории ЮАС: зулу, коса, бечуана, свази, венда, тсонга, северным и южным сото. В законопроекте говорилось, что под «Бантустаны» должны быть отведены лишь территории нынешних резерватов. Выделение дополнительных земель не предусмотрено. Во главе каждого «Бантустана» должны стоять вожди и старшины, назначаемые правительством ЮАС и получающие от него жалованье. Контролировать действия вождей населения «Бантустана» не может. В их выборности правительство отказало африканцам под тем предлогом, что банту, якобы, никогда не избирали вождей «не в их традициях»²⁹. Правительство имеет право в любой момент сместить любого вождя. Кроме того, в каждый «Бантустан» назначается правительственный комиссар, в задачи которого входит давать вождям «руководство и совет».

В законопроекте разъяснялось, что, поскольку африканцы получают самоуправление на территориях «Бантустанов» и эти территории становятся их «национальными отечествами», то какое-либо представительство африканцев в парламенте ЮАС теряет смысл и те места в парламенте, которые занимают европейцы, «представляющие интересы туземцев», — должны быть ликвидированы³⁰.

Один из апологетов апартхеида Э. Блиндендооф разъяснил политическое создание подобного «самоуправления» африканцев довольно образно: «У каждого вола свой загон, и мы считаем, что банту имеет столько же прав на свой загон, сколько и любой другой человек; мы считаем, что банту получит его и полюбит его и обоснуется в нем так же, как обосновались в своем загоне и полюбили его. Мы хотим, чтобы банту имел то же, что и мы сами. Мы против расовой дискриминации. Мы

²⁷ «Contact» (Cape Town), 20 сентября 1958 г., стр. 8.

²⁸ Promotion of Bantu self-government bill.

²⁹ Генеральный президент Африканского национального конгресса А. Лутули, который сам был зулусским вождем до 1952 г., когда правительство сняло его с этого поста за участие в кампании протеста против несправедливых законов, заявил летом 1959 г.: «Я оспариваю положение, будто африканские вожди были самодержцами. Все эти разговоры о том, что африканские вожди прежде были диктаторами, как утверждает департамент по делам туземцев с целью сделать нынешних вождей диктаторами, — противоречат нашим традициям» (A. Lutuli, Freedom is the apex, Johannesburg, 1959, стр. 7).

³⁰ «Bantustan bluff», Publication of the South African Congress of Democrats, Johannesburg, 1959.

тим только апартхейда»³¹. Блиндендооф забыл указать, что трем миллионам европейцев предоставляется 87,5% площади страны, а на остальные 12,5% хотят «загнать» десять миллионов африканцев.

Как известно не только в ЮАС, но и далеко за его пределами, резерваты — территории, которым уготовано превратиться в «Бантустаны», — не могут прокормить даже 3,5 млн. жителей, находящихся там в настоящее время. Это признала даже правительственная комиссия, в течение ряда лет обследовавшая состояние экономики резерватов. Комиссия пришла к выводу, что затормозить эрозию почв и прекратить деградацию сельского хозяйства в резерватах можно лишь путем очень крупных капиталовложений³².

У правительства ЮАС, очевидно, нет серьезного намерения переселить всех африканцев в резерваты, и не потому, что они не смогут там существовать (это мало беспокоит правительство Фервурда), а потому, что европейской промышленности и фермерскому хозяйству нужна рабочая сила. В ходе обсуждения законопроекта о «Бантустанах» это довольно точно сформулировал Вилльерс де Граафф, лидер Объединенной партии, являющейся официальной парламентской оппозицией и расходящейся с правительством в основном лишь по вопросу о методах расовой дискриминации. Он заявил: «Суть дела заключается в том, что сейчас более, чем когда бы то ни было, несмотря на все заявления правительства, мы находимся в зависимости от туземной рабочей силы».

Но закон о «Бантустанах» дает правительству широкие возможности для борьбы против демократических сил, и в первую очередь против рабочего класса. Африканец, в сущности, объявлен чужеземцем в собственной стране. Если его поведение чем-то не устраивает властей или хозяина, его нет необходимости отдавать под суд и собирать против него улики: он в любой момент может быть отправлен «домой» — в резерват. Это относится даже к тем, кто родился в городе и никогда за всю свою жизнь в резерватах не был.

Особенно важный смысл имеет положение нового закона о том, что африканские рабочие вне резерватов ставятся под контроль вождей своих племен. Превратившиеся в платных чиновников правительства, вожди племен зачастую заинтересованы в сохранении существующих в стране порядков. Верховный вождь зулусов Киприан, например, открыто заявляет о своей поддержке политики апартхейда³³. И создающийся в соответствии с новым законоположением аппарат уполномоченных от племенной верхушки на всех крупных предприятиях должен служить делу борьбы против наиболее прогрессивной, сознательной части пролетариата.

Дискриминации в ЮАС подвергаются не только африканцы. Почти в такой же мере распространяется она и на все остальное неевропейское население.

Расизм не может не калечить души самих европейцев, в интересах которых якобы осуществляется вся эта изощренная расистская система. Слова Ф. Энгельса: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации»³⁴, — с полным правом могут быть отнесены к рядовым европейцам ЮАС.

Сегодняшняя действительность в ЮАС ярко показывает, что расизм всегда идет рука об руку с антидемократизмом. Европейец здесь не может чувствовать себя спокойно, если он придерживается сколько-нибудь прогрессивных взглядов или просто проявляет симпатии к африканцам. Он подвергается повседневной слежке, его письма — строгой цензуре,

³¹ «Contact», 15 ноября 1958 г., стр. 5.

³² «Summary of the report of the Commission for the socio-economic development of the Bantu areas within the Union of South Africa», Pretoria, 1956.

³³ «New age», 12 декабря 1957 г.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 372.

он лишается паспорта для поездки за границу и в конечном счете может оказаться на скамье подсудимых по обвинению в коммунизме, как это случилось со священником Д. Томпсоном, членом парламента Ли-Уорденом и рядом других европейцев³⁵, единственной «виной» которых было недовольство политикой расизма.

Правительство ЮАС все чаще принимает решения об ограничении и запрещении политической деятельности прогрессивно настроенных европейцев. В 1959 г. южноафриканские власти запретили на пятилетний срок участие в каких-либо собраниях и митингах издателя журнала «Африка саус» Рональду Сигэлу, одному из лидеров Конгресса демократов (прогрессивной организации европейского населения) Виктору Голдбергу и ряду других европейцев.

Наряду с открытым преследованием демократических сил, правительство ЮАС дает полную возможность действовать фашистским элементам. Весной 1959 г. в ЮАС появились ку-клукс-клановцы, причем первые же их угрозы были направлены в адрес не только лидеров Африканского национального конгресса, но и тех европейских политических и общественных деятелей, которые активно выступают против расизма³⁶. В начале 1960 г., одновременно с разгулом неонацистов в Западной Германии, стены домов в разных городах Южной Африки были испещрены свастикой³⁷. Чрезвычайно активизировались в ЮАС агенты Освальда Мосли, создавшего недавно новую организацию «Друзья Южной Африки»³⁸. Известный нацист Эрих Холм, которого называют «южноафриканским лордом хау-хау», занимает сейчас видный пост в национальном бюро педагогических и общественных наук в Претории. Приговоренный к десяти годам тюрьмы за измену родине, он был освобожден через полтора года. В 1960 г. он издал новую книгу, в которой открыто восхищается порядками, существовавшими в гитлеровской Германии³⁹. Лидеры националистической партии и правительства ЮАС приспособившись к нынешней международной обстановке, не повторяют сейчас тех высказываний в пользу гитлеризма, с которыми они выступали публично перед второй мировой войной. Но их действия дали руководителю делегации Африканского национального конгресса на конференции народов Африки в Аккре Э. Мфалеле полное основание назвать с трибуны этой конференции Фервурда «выучеником нацистов»⁴⁰.

Все это создает в среде европейского населения атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Именно этим объясняется значительная эмиграция европейцев из ЮАС. Характерно, что в конце марта 1960 г., после расстрела демонстраций в Шарпевиле и Ланге, эта эмиграция резко усилилась. Представительства ряда государств в ЮАС начали получать в десять раз больше заявлений с просьбой о разрешении на переезд в их страны.

Передовые круги европейского населения действуют в полном единстве с Африканским национальным конгрессом против политики дискриминации. Африканский национальный конгресс, Конгресс демократов Южноафриканский индийский конгресс и Организация цветного населения — прогрессивные организации всех расовых групп страны — добились полного единства действий. По их инициативе в июне 1955 г. было созвано самое представительное в истории страны собрание — Конференция народов. Участвовавшие в заседаниях конгресса делегаты от шахт, за-

³⁵ Л. Формэн и С. Сакс, Процесс о государственной измене в Южно-Африканском Союзе, М., 1959.

³⁶ «New age», 30 апреля 1959 г.

³⁷ «New age», 14 января 1960 г.

³⁸ «Contact», 15 ноября 1958 г., стр. 3.

³⁹ «New age», 21 января 1960 г.

⁴⁰ «New age», 1 января 1959 г.

водов, локаций приняли Хартию свободы, в которой записаны требования трудящихся Южной Африки. Основным из них является полное прекращение расовой дискриминации.

Для достижения целей, провозглашенных в Хартии свободы, эти организации используют самые разнообразные средства, от забастовок и массового сжигания пропусков до бойкота товаров националистических фирм.

Залогом успеха борьбы народов ЮАС против расизма является не только их собственная решимость, но и солидарность с ними всех народов Африки, всего прогрессивного человечества. Конференция народов Африки в декабре 1958 г. рекомендовала всем независимым африканским государствам не заключать дипломатических отношений с ЮАС, не снабжать промышленность этой страны рабочей силой, бойкотировать ее товары. Решение о борьбе против расизма в ЮАС приняла и Вторая конференция народов Африки, состоявшаяся в г. Тунисе в конце января 1960 г. Бойкот товаров ЮАС охватил сейчас большинство стран африканского континента. Он получил поддержку и далеко за пределами этого материка. К нему призвали Коммунистическая партия Великобритании, лейбористская и либеральная партии, Генсовет Британских тред-юнионов и профсоюзы ряда стран Европы, Азии, Америки. Март 1960 г. прошел в Англии под знаком национального бойкота товаров ЮАС, и целый ряд организаций высказался за продление этой кампании.

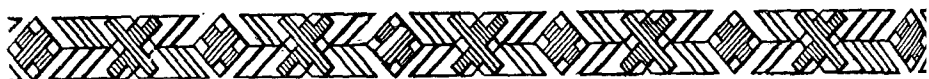
Новое злодеяние южноафриканских расистов — расстрел мирных демонстраций в Шарпевиле и Ланге — вызвало взрыв негодования во всем мире. В заявлении ТАСС, опубликованном 25 марта, содержится требование незамедлительно принять «меры к прекращению и недопущению впредь подобных актов насилия в отношении африканского населения и предоставлению ему всех прав в соответствии с требованием Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека»⁴¹.

29 стран Азии и Африки потребовали созыва Совета Безопасности для обсуждения обстановки, сложившейся в ЮАС. Собравшись в конце марта, Совет Безопасности принял резолюцию, осуждающую апарtheid. Однако правительство Фервурда отказалось подчиниться этому решению. Оно запретило деятельность Африканского национального конгресса, заключило в тюрьмы несколько тысяч африканцев и продолжает проводить массовые аресты.

Вторая конференция народов Азии и Африки, состоявшаяся в середине апреля в г. Конакри (Гвинея), приняла решение о необходимости борьбы против расизма в Южной Африке. Внутри самого Британского содружества наций расистский режим в ЮАС стал одной из центральных проблем, и на последней конференции премьер-министров стран Содружества в начале мая явился предметом наиболее острых споров и разногласий.

Вместе с народами Африки и Азии честные люди всего мира требуют, чтобы очаг расизма на юге африканского континента был, наконец, ликвидирован.

⁴¹ «Правда», 25 марта 1960 г.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. И. ВИШНЯУСКАИТЕ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИТВЕ В 1940—1960 ГОДАХ

В 1960 г., отмечая славную годовщину двадцатилетия восстановления Советской власти в Литве, нельзя пройти мимо тех достижений, которых за это время добились в области этнографии литовские ученые. В предлагаемой статье дается краткий обзор состояния этнографии в буржуазной Литве, характеризуются основные этапы развития этой науки при Советской власти, выявляются главнейшие задачи литовских этнографов и результаты их работы — в неразрывной связи с выполнением общих задач строительства социализма и перехода к коммунизму в Литовской Советской Социалистической Республике.

Этнографическая работа развернулась в Литве главным образом после восстановления Советской власти. Более чем за двадцать лет буржуазной власти в Литве (1919—1940 гг.) в данной области науки было сделано очень мало: не было подготовленных специалистов, не велось систематической полевой работы, не уделялось должного внимания исследованию материальной культуры и быта литовского народа. Немногочисленные музеи — Шяуляйский этнографический музей «Аушра», Каунасский художественный музей им. М. К. Чюрлиониса и др. — в первую очередь были заняты сборным фольклора и предметов народного искусства — тканых изделий, скульптуры, резьбы и т. п. Орудиям производства, предметам домашнего обихода тогда не уделялось внимания, так как они обычно не были орнаментированы. В лучшем положении находилось изучение народной архитектуры, которой по традиции уделяли внимание не только архитекторы и искусствоведы, но и этнографы. Собирали материал по не только архитекторы и искусствоведы, но и этнографы. Собирали материал по не только архитекторы и искусствоведы, но и этнографы. Собирали материал по не

В 1940 г., после восстановления в Литве Советской власти, этнография впервые в истории литовского народа получила права самостоятельной науки. Только тогда приступили к преподавательской и научно-исследовательской работе в данной области. Был создан научный центр республики — Академия наук, а в ее системе — Институт этнографии, хотя из-за отсутствия необходимых кадров работа там на первых порах велась лишь по линии фольклористики. С целью подготовки квалифицированных кадров в Вильнюсском государственном университете была основана кафедра этнографии. Однако только что начатая этнографическая работа была внезапно прервана вторжением гитлеровских войск и последующей немецкой оккупацией Литвы.

После окончания Великой Отечественной войны этнографическая работа в Литовской ССР возобновилась на более широкой основе и из года в год все больше развивается. С самого начала наметились три направления этой деятельности: создание этнографических учреждений и подготовка высококвалифицированных кадров; систематическое обследование всей территории Литовской ССР и прилегающих к ней районов с целью накопления вещевого, иллюстративного, описательного материала, необходимого для решения ряда научных проблем; развертывание научно-исследовательской работы.

Первая послевоенная пятилетка для литовской этнографии, как и для всей республики, была периодом, когда постепенно были заживлены все раны, нанесенные литовскому народу гитлеровскими оккупантами. Возобновил свою деятельность Вильнюсский государственный университет с кафедрой археологии-этнографии, которая, начиная с осени 1944 г. до 1960 г., выпустила 50 специалистов-этнографов. Большинство их стали работать в области этнографии в научных учреждениях и краеведческих музеях республики. Возобновили свою деятельность Академия наук и в ее системе Институт истории, в котором сосредоточилась этнографическая работа в Литве, а также крупные научные и культурные учреждения — Каунасский и Вильнюсский художественные музеи. Было открыто много районных краеведческих музеев.

Самыми острыми проблемами в то время были быстрейшая подготовка кадров этнографов и преодоление вредных буржуазных концепций в области этнографических исследований. Большую помощь в этом оказал литовским научным работникам этнографический центр СССР — Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Сотрудники Института — П. И. Кушнер, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Белицер, Л. Н. Терентьева и другие — долгое время непосредственно помогали росту молодых этнографических кадров Литовской ССР, руководили подготовкой их кандидатских диссертаций, консультировали по разным вопросам научно-методического характера, принимали участие в республиканских этнографических конференциях, выступая с рядом советов и указаний при обсуждении работ местных этнографов, проводили совместные полевые исследования и руководили ими. Тесная связь с Институтом этнографии АН СССР, как и с другими научными этнографическими учреждениями нашей страны, поддерживалась также путем проведения совместных научных конференций, тематических обсуждений, подготовки статей для издания, что в конечном счете оказало немалое положительное влияние на быстрый рост молодых литовских ученых.

Одновременно были начаты полевые исследования, необходимые не только для того, чтобы собрать дополнительные материалы для исследовательской работы, но и для того, чтобы приобрести для музеев ставшие уже редкостью предметы старого быта. Последнее было особенно важно потому, что за годы Советской власти под влиянием развития социалистического производства, экономики и культуры весь прежний образ жизни литовского крестьянства стал быстрыми темпами меняться.

Однако первые этнографические экспедиции (1948—1949 гг.), которые велись по инициативе Историко-этнографического музея Академии наук Литовской ССР совместно с кафедрой археологии-этнографии Вильнюсского университета и фольклористами Института истории АН ЛитССР, не имели еще разработанной методики полевой работы. Главной целью их был сбор музейных экспонатов и произведений народного устного поэтического творчества. Основное внимание было сосредоточено на отыскании и фиксировании пережиточных явлений в материальной и духовной культуре крестьян северо-восточных районов республики, граничащих с Белорусской ССР. Хотя собранные данные относительно неполны, все же эти экспедиции послужили отправным пунктом для дальнейших, более систематических исследований. Так, уже в 1949 г. было обследовано 14 деревень уличной планировки, зафиксированы наиболее характерные жилые и хозяйственные постройки, приобретено около 600 музейных экспонатов (традиционная женская одежда, ткани, орудия труда и пр.), сфотографировано 670 этнографических объектов, составлено более 2000 листов описаний. Результаты экспедиции были обобщены в краткой статье В. Жиленаса «Этнографическая экспедиция 1949 г. в Литовской ССР» («Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XII, 1950).

Более интенсивный период полевых исследований начался с 1950 г., после первого совещания этнографов Советской Прибалтики в Москве, на котором обсуждалась тематика и методика этнографических исследований. Основное внимание этнографов было привлечено к изучению современности. Задачи изучения социалистического быта еще более подчеркивались на первом Всесоюзном совещании этнографов в Москве в 1951 г. Наряду с изучением явлений прошлых социально-экономических формаций было начато изучение формирования новых, социалистических черт быта и культуры литовского колхозного крестьянства.

Коренной поворот в работе наших этнографов был совершенно необходим и своевременно. К 1950 г. литовская деревня окончательно встала на социалистический путь развития. В быту и сознании крестьян наблюдались большие изменения. В связи с этим перед этнографами республики встали новые, ответственные задачи: наблюдать и фиксировать процессы, происходившие на данном историческом этапе, следить за развитием ростков нового быта в литовской деревне в их национальной специфике.

Социалистические преобразования наиболее полно отражались на формах семейного быта, проявляясь, в частности, в изменении назначения используемых колхозной семьей построек. Поэтому первое Всесоюзное совещание этнографов приняло решение сосредоточить этнографические исследования во всех союзных республиках на двух совместно разрабатываемых темах: семья и семейный быт и колхозное жилище.

В связи с новыми задачами полевые этнографические исследования Института истории Академии наук Литовской ССР в 1950—1951 гг. велись стационарно, в более окрепших передовых колхозах северной части Литвы, на границе с Латвийской ССР. Краткая характеристика собранных материалов дана в статье А. Вишняускайте «Быт и культура колхозников Шяуляйской области Литовской ССР» («Сов. этнография», 1952, № 4).

С 1952 г. сотрудники Института включились в работу Прибалтийской комплексной археолого-этнографической экспедиции, задачей которой было изучение этногенеза и этнической истории народов Прибалтики и их культурных связей со славянскими народами. Полевые исследования, стационарные и маршрутные, велись в различных по своим экономическим показателям колхозах северо-восточной и центральной части Литовской ССР. Очень интересна была экспедиция 1953 г., проводившая стационарное изучение производственного и семейного быта, материальной и духовной культуры колхозников сельскохозяйственной артели «Аушра» Кедайняйского района. Данная экспедиция была первым опытом комплексного обследования колхозного быта, так как, кро-

ме этнографов, этот же колхоз в то время обследовал Институт экономики Академии наук ЛитССР. При стационарном этнографическом исследовании колхозов особое внимание было направлено на изучение современного крестьянского жилища и семейного быта, а также народной пищи и домашней утвари литовцев в XIX—XX вв.

Полевые исследования помогли литовским этнографам изучить процесс формирования социалистических элементов нового крестьянского быта, пути преодоления буржуазной психологии и частнособственнических тенденций в крестьянской семье, становления новых взаимоотношений между членами колхозного двора.

Непосредственное наблюдение повседневного быта колхозной семьи, опрос информаторов, подворное анкетное обследование при помощи посемейных карточек, ознакомление с работой сельских культурно-просветительных учреждений (клуб, библиотека, школа и др.), были применены при изучении как семейного быта, так и изменений в материальной культуре литовского колхозного крестьянства в новых социально-экономических условиях.

В 1955 г. по поручению ЦК Коммунистической партии Литвы и литовского правительства этнографическая экспедиция Института истории проводила работу в районе, предназначенном к затоплению в связи со строительством Каунасской ГЭС, (которая в 42-й годовщине Великого Октября уже дала электроэнергию). Эта экспедиция, как и все последующие, носила маршрутный характер. Были инвентаризированы все наиболее ценные для истории культуры литовцев жилища и хозяйственные постройки обследованных экспедицией деревень, зафиксирована планировка усадеб, архитектура жилищ, собраны данные по традиционной одежде, ткачеству, промыслам и ремеслам, также по семейной и календарной обрядности жителей данной местности. Историко-этнографический музей АН Литовской ССР приобрел немало редких экспонатов старинных земледельческих орудий и т. п. Обзорная статья В. Милюса о работе этой экспедиции опубликована в Трудах Академии наук Литовской ССР (серия А 1957, № 1).

С 1956 г. этнографы Института истории АН Литовской ССР поставили перед собой задачу в ближайшем будущем подготовить к печати коллективную работу обобщающего характера «Очерки литовской этнографии», а также собрать и классифицировать материал для этнографического атласа Литвы. Для обеих работ необходимо предварительно собрать возможно больше фактического этнографического материала со всех сторон быта литовского народа. С 1956 г. в экспедициях ведется систематическое этнографическое обследование территории Литовской ССР. Материалы собираются по следующим темам: промыслы и ремесла, деревни и усадьбы, жилище, ткани и одежда, пища и домашняя утварь, средства сухопутного передвижения, семейная и календарная обрядность. При сборе и фиксации материала обращается внимание как на разные стороны традиционного быта литовского крестьянства в прошлом, так и на современный, социалистический быт колхозной деревни.

Экспедиции 1956—1959 гг. проводились ежегодно по два месяца в юго-восточных и западных районах Литвы у так называемых жемайтов и аукштайтов с тем, чтобы более четко определить своеобразие исторически сформировавшихся этнографических областей западной и восточной Литвы. Ежегодно обследовалось по восемь-девять пунктов в разных районах, отстоящих в среднем на расстоянии 20 км один от другого. К настоящему времени обследована уже треть территории республики. Кроме того, в 1954—1956 гг. по договоренности с Институтом этнографии АН СССР и Академией наук Белорусской ССР обследован ряд местностей с литовским населением в западной Белоруссии, что дало много ценного сравнительного материала.

Полевые исследования помогли не только выяснить некоторые локальные особенности крестьянского быта и культуры, но и более точно установить на территории Литовской ССР исторически сформировавшиеся этнографические районы. Так, по типу жилища в Литве ярко выделяются три этнографических района: западная Литва (Жемайтия), восточная Литва, включая сюда и южную ее часть (Аукштайтия и Дзуккия) и юго-западная (Ужнемуне).

Народная архитектура является сейчас одной из наиболее разработанных тем литовской этнографии и дает больше всего материалов для решения вопросов этнической истории литовцев. К планомерному изучению народной одежды в Институте истории приступили лишь два года назад, хотя материалы по одежде собирали почти во всех экспедициях предыдущих лет. Полевой материал дает возможность с известной полнотой и точностью охарактеризовать женскую одежду конца XIX — начала XX в. крестьян южной и западной части Литвы. Согласно данным экспедиции, традиционная литовская женская одежда однотипна, хотя можно все же различать ее локальные варианты.

В экспедициях последних лет начато изучение сельских ремесел (в основном деревообделочного), причем выясняются следующие вопросы: представители каких слоев крестьян занимались ремеслами прежде, место работы ремесленника, подготовка сырья, орудия, процесс работы, способы реализации продукции, участие ремесленников в колхозном производстве и т. д. Серьезная работа ведется по исследованию народных обычаев и обрядов. При содействии этнографов в 1957—1959 гг. во всех районах республики прошли большие общенародные праздники — Иони́нес (Иванов день), День урожая, Праздник зимы — Ужгавенес (масленица), Праздник весны и др. Эти старинные народные праздники в наше время приобретают новый характер, что содей-

существует быстрейшему исчезновению религиозных пережитков в крестьянской среде.

Полевые материалы по семейной обрядности, сельскохозяйственным обычаям и календарной обрядности свидетельствуют, что на территории Литвы еще в середине XIX в. выделялись два исторически сложившихся этнографических района — жемайтский на западе и аукштайтский — на востоке. Центральная Литва, как и юго-западная ее часть (Ужнемуне), были в то время территорией скрещения жемайтских и аукштайтских элементов в области материальной и духовной культуры, с преобладанием последних; по диалекту население данной области также является аукштайтским. Однако решение вопросов этнической истории литовцев еще остается задачей будущего.

Объем этнографической полевой работы Института истории АН Литовской ССР, проделанной в послевоенное время, могут характеризовать хотя бы следующие цифровые данные: этнографический архив сектора археологии-этнографии, который был организован лишь в 1953 г. (до этого фотонегативы передавались Историко-этнографическому музею), к началу 1960 г. содержал свыше 10 тыс. фотонегативов, 1 тыс. чертежей народного зодчества, около 2 тыс. чертежей и рисунков (одну треть которых составляют цветные) одежды, тканей, мебели, орудий труда, предметов домашнего обихода и др., 7,5 тыс. листов полевых записей. Часть этих материалов опубликована в историко-этнографических изданиях Института. Этими материалами пользуются как сотрудники Института для своих плановых работ, так и преподаватели и студенты вузов.

Полевой материал этнографических экспедиций Института популяризируется в газетах и журналах, по республиканскому радио и по телевидению, где ему посвящаются отдельные выпуски. Сотрудники Института часто выступают с докладами с методике полевых исследований и призывом к массовому собиранию этнографического материала — на республиканских, межрайонных и районных семинарах работников краеведческих музеев и участников краеведческих кружков, в высших учебных заведениях и средних школах республики. Необходимость широкой помощи общественности при сборе этнографических материалов пропагандируется на страницах республиканских журналов и газет.

В марте 1959 г. в Вильнюсе состоялась большая отчетная конференция, посвященная итогам этнографической и археологической полевой работы Института за десять лет. К этой конференции Историко-этнографическим музеем АН ЛитССР была открыта в помещении Краеведческого музея богатая выставка, экспонаты которой по крестьянскому быту феодального, капиталистического и социалистического периодов были собраны сотрудниками Музея и Института за отчетное время.

Историко-этнографический музей АН ЛитССР, который в 1956 г. отметил столетие своего существования, за последнее время значительно пополнил свои коллекции, в основном благодаря ежегодным этнографическим экспедициям музея. Если в 1945 г. в Музее было всего 15 тыс. экспонатов, то к 1 января 1960 г. — уже 124 659 экспонатов, из которых — 35 994 этнографических. В течение одного 1959 года музей приобрел 1190 этнографических экспонатов. В этнографической фототеке Музея хранится 25 тыс. фотонегативов (в 1945 г. их было лишь 800).

По решению правительства Литовской ССР Историко-этнографическому музею АН отведено здание у подножия горы Гедиминаса, которое после приспособления его к этой цели станет хранилищем ценнейших материалов по народному быту.

Кафедра археологии-этнографии Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса с 1952 г. также ежегодно проводит этнографические экспедиции, служащие для студентов-этнографов производственной практикой. Собранные ими фольклорный и этнографический описательный материал, фотоснимки, чертежи и рисунки хранятся в архиве кафедры, а экспонаты передаются Историко-этнографическому музею.

В накоплении этнографических материалов путем полевых исследований приняли участие также Каунасский государственный Художественный музей им. М. К. Чюрлиониса, Шяуляйский этнографический музей «Аушра», а также некоторые краеведческие музеи — Кретинский, Тельшайский, Алитуский и др. Отделы народного искусства имеются в Вильнюсском и Каунасском художественных музеях.

Музейные работники республики, кроме непосредственной музейной работы, занимаются и исследовательской работой, печатая свои статьи в изданиях Института истории АН ЛитССР и др.

Основываясь в первую очередь на данных новейших полевых исследований, литовские этнографы за истекшее время проделали значительную научно-исследовательскую работу. В ней наряду с изучением традиционных явлений материальной культуры и семейного быта довольно большое место отведено изучению социалистических преобразований в культуре и быту литовского колхозного крестьянства. Вопросами этнографического изучения рабочего быта из-за малочисленности научных кадров литовские этнографы еще не занимались, но данная проблема уже намечена, так же как и дальнейшее изучение колхозного быта, на вторую половину текущего десятилетия.

В прошлом пятилетии в центре внимания литовских этнографов стояли две проблемы: культура и быт литовских колхозников и история материальной культуры литов-

ского крестьянства. По первой проблеме исследовались семейный быт и современное жилище, по второй — земледельческие орудия и пища¹.

Этнографическими исследованиями являются по существу и отдельные главы некоторых диссертационных работ по истории архитектуры, написанных преподавателями Каунасского Политехнического института (В. Белинским, И. Баршаускасом, А. Спельским).

Опубликован ряд статей по различным вопросам литовской этнографии во все союзных и республиканских научных изданиях. Вышли из печати два тома серийного сборника статей по литовской археологии и этнографии, издаваемого Институтом истории АН ЛитССР — «Из истории культуры литовского народа», в конце 1959 г. сдан в печать третий том. Этнографические статьи первых двух томов посвящены развитию материальной культуры — народного жилища, пищи, прядения и ткачества, а также истории литовской крестьянской семьи. Регулярно выходят в свет Труды Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса и «Ежегодник Института архитектуры и строительства АН ЛитССР», в которых публикуются и статьи по этнографии.

Искусствоведами республики издается серия книг-альбомов под общим названием «Литовское народное искусство». Вышло из печати шесть томов: «Архитектура» (1957), «Ткани» (1957), «Деревянные изделия» (1-я книга в 1956 г., 2-я — в 1958 г.), «Древнелитовские украшения» (1958), «Керамика» (1959). Вводные статьи и пояснительный текст к иллюстрациям печатаются на литовском и русском языках. В 1955 г. вышла из печати богато иллюстрированная научно-популярная книга М. Глемжайте «Литовская народная одежда» (на литовском языке). Тем же автором издается для практических целей альбом «Рисунки рукоделия».

Семилетним планом Института предусматриваются: окончание систематического маршрутного обследования территории республики, планомерная публикация собранных полевых материалов по отдельным этнографическим областям с привлечением лингвистических, топонимических, исторических и археологических данных, а также подготовка к печати коллективной монографии, содержащей этнографическое описание колхоза, и индивидуальных монографий по истории деревень и усадеб литовцев, по сельским ремеслам в XIX — начале XX в., по традиционной литовской женской одежде, по истории литовской свадебной обрядности и др.

Немногочисленный коллектив этнографов Института истории АН ЛитССР, как и этнографы других научных учреждений республики, полны решимости в текущем семилетии внести свой скромный вклад в дальнейшее развитие советской науки в новом, величественном периоде развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

¹ Этнографами Литвы разработаны по этим темам и защищены следующие кандидатские диссертации: «Земледелие в Литве в эпоху феодализма» (П. Дундулене, 1954 г.); «Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX—XX вв.» (В. Милюс, 1955 г.); «Развитие литовского народного жилища с древнейших времен до конца XIX века» (К. К. Чербуленас, 1958 г.); «Семейный быт литовских колхозников» (А. Вишняускайте, 1955 г.); «Современное литовское крестьянское жилище» (И. Буткявичюс, 1956 г.). Две первые в сокращенном виде опубликованы в «Балтийском этнографическом сборнике» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXII, М., 1956).

М. К. СТЕПЕРМАНИС

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Этнографические сведения о латышах встречаются в хрониках, в записках путешественников, а также в обширных трудах А. Гупеля (1737—1819), И. Броце (1742—1823), О. Гуна (1764—1832). Однако начало развития этнографии как науки в Латвии тесно связано с деятельностью двух русских научных обществ. В 1845 г. в Петербурге было основано Русское географическое общество, Этнографический отдел которого составлял программы по собиранию этнографического материала и рассылал их по разным областям России. Эти программы были получены и в Латвии, откуда начали поступать в Общество различные материалы о быте и культуре латышского народа.

Не менее важную роль в этнографическом изучении латышей сыграло возникшее в 1864 г. в Москве Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии¹. В 1867 г. это Общество организовало в Москве этнографическую выставку, где были представлены экспонаты и из Латвии. Оба Общества приступили к организации экспедиций для систематического сбора этнографического материала в Латвии. Поводом к более глубокому изучению латышской народной культуры послужил вопрос о родстве русского и латышского народов. По поручению Русского географического общества в Латвию в 1869 г. был направлен студент Петербургского университета Юлий Калейс-Кузнецов, а Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии направило туда же студента Московского университета Фрица Бривземниек-Трейланда. Их задача заключалась в организации в Латвии систематического собирания этнографического материала. В том же году в «Записках Русского географического общества» появился «Указатель литературы о народах Прибалтики, составленный Кришьяном Бароном². Таким образом, в 50—60-х годах XIX в. было положено начало научному сотрудничеству русских и латышских этнографов.

Такое сближение и сотрудничество латышей с русскими было весьма нежелательным для прибалтийских немцев; они старались по мере возможности препятствовать знакомству латышей с русской наукой и русскими учеными. Немецкий пастор А. Биленштейн, который целью своей деятельности считал «стойко охранять незабываемые основы немецкого дела в Балтийской земле»³ и приобрел печальную известность своими враждебными выступлениями против издававшейся в Петербурге прогрессивной латышской газеты «Петербургс авизес», всячески пытался помешать Ю. Калейс-Кузнецову и Фр. Бривземниеку в их работе по собиранию этнографического материала в Латвии.

Деятельность А. Биленштейна носила ярко выраженную политическую окраску, проявлявшуюся в борьбе против распространения влияния русской культуры в Латвии и за сохранение немецкой культуры, в свое время навязанной латышам и эстонцам⁴. Труды Биленштейна по археологии и этнографии должны были доказать «культуртрегерскую» работу немцев в Латвии, доказать, что именно немцы построили каменные замки, основали города и принесли немецкую культуру язычникам-латышам, имевшим до прихода немцев только деревянные городища. Следовательно, по мнению Биленштейна, немцы для латышей не были чужестранцами, подобно русским или шведам⁵.

В 1896 г. в Риге состоялся X археологический съезд, во время которого латыши устроили этнографическую выставку. Биленштейн учел важное политическое и науч-

¹ См. Д. Э. Земзаре, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и развитие латышской этнографической науки, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 55—58.

² «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края», «Записки Русского географического общества по отделу этнографии», т. 2, 1869, Приложение, стр. 1—93.

³ А. Bielenstein, Ein glückliches Leben. Selbstbiographie, Riga, 1904, стр. 24.

⁴ А. Bielenstein, Gegen einen Aufsatz Veckenstedts, «Altpreussische Monatschrift», Bd. XXIII, Hft 5/6, 1886, стр. 472.

⁵ А. Bielenstein, Reiseskizzen aus dem Oberlande, «Baltische Monatsschrift», 1882, стр. 573.

ное значение съезда и выставки: для балтийских немцев представилась возможность продемонстрировать русским ученым не только эрудицию «верноподданных России» — прибалтийцев, но и показать низкий культурный уровень латышского народа и безбрежную заботу балтийских немцев о повышении латышской культуры. Биленштейн представил съезду два доклада на немецком языке: «Die lettische Burgberge» и «Die Holzzeit der Letten»⁶. Последний доклад Биленштейн назвал «скромной пробой пера» по истории культуры латышей. Но именно в этой «скромной пробе пера» он, ставя принципиально важный вопрос о периодизации истории латышской культуры, утверждал, будто существовавшая у латышей «эпоха дерева», начавшаяся в бронзовом веке, продолжалась вплоть до второй половины XIX в. Только тогда латыши якобы начинают приобщаться к потоку современной культуры⁷.

«Теорию» об «эпохе дерева» в истории латышской культуры Биленштейн положил в основу своего обширного этнографического труда, посвященного деревянным сооружениям латышей⁸. В этой работе Биленштейн заявлял, что до появления немцев в Латвии латыши в культурном отношении находились на уровне дикарей и что на таком уровне еще в начале XX в. стояли жители Латгалии и областей «дальше на восток»; латышей остальной территории Латвии из этого примитивного состояния спасли якобы прибалтийские немцы.

Под известным влиянием трудов А. Биленштейна развилась латышская буржуазная этнография. В годы господства буржуазии в Латвии из-за недостатка научно подготовленных кадров этнографическая наука была в загоне. Этнографией как смежной отраслью занимались художники, писатели, археологи, языковеды, архитекторы и др. Представители официальной этнографической науки буржуазной Латвии в целом положительно оценивали работы Биленштейна, считались с ним как с признанным авторитетом. Так, латышский языковед П. Шмит, уделявший внимание также вопросам фольклора и этнографии, в рецензии на труд А. Биленштейна «Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten» заявлял, что упреки по адресу Биленштейна в недостаточном уважении к латышской культуре не обоснованы⁹.

Эд. Паэглэ, в годы буржуазной Латвии издававший этнографический журнал «Латвияс саулэ», в целом одобрял теорию «эпохи дерева» Биленштейна¹⁰. Вслед за Шмитом и Паэглэ в известной мере под влиянием А. Биленштейна находилось и младшее поколение латышских этнографов. Это видно хотя бы на примере З. Лигера, который не только в своем труде, вышедшем в годы немецко-фашистской оккупации, но и в работах, изданных в эмиграции, продолжает опираться на труды Биленштейна, особенно на его «Die Holzbauten»¹¹.

Однако некоторые буржуазные латышские этнографы, писатели и публицисты резко критиковали Биленштейна за его нигилистическую оценку латышской культуры. Но, полемизируя с Биленштейном, они впади в другую крайность: пытаясь доказать древность латышской культуры и ее равноценность культуре других европейских народов, они увязли в различных антинаучных теориях. Весьма показателен в этом отношении изданный художником Р. Заринем трехтомный труд «Латвю раксты»¹², который латышские буржуазные этнографы и поныне еще превозносят как значительный вклад в латышскую этнографию¹³. Сборник этот, содержащий рисунки народной одежды, тканей, крестьянских построек, предметов быта и др., составлен бессистемно, и уже в 1928 г. латышской буржуазной печатью отмечалось, что в нем напечатано без разбора все, что попало под руку¹⁴. Помещенные в сборнике монографические статьи не увязаны с опубликованным там иллюстративным материалом. В качестве ведущего «теоретика» в сборнике выступил Матис Силинь (1861—1942) — один из тех бывших народных учителей, которых Биленштейн в свое время охарактеризовал как зачинщиков латышского национального движения¹⁵. В своей статье «Алшванга», помещенной в ука-

⁶ Труды X археологического съезда в Риге 1896 г., т. II, Рига, 1899, стр. 20—34, 35—41.

⁷ Там же, стр. 35—36.

⁸ Dr. A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Ein Beitrag zur Ethnographie, Kulturgeschichte und Archäologie der Völker Russlands im Westgebiet, тт. I—II, St.-Petersburg, 1907—1918.

⁹ P. Smits, A. Bielensteina grāmata «Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten», Rigas Latviešu biedrības zinību komisijas 16. rakstu krājums, Riga, 1912, стр. 3—9.

¹⁰ Ed. Paegle, Latviešu tautas māksla. Iss vēsturisks pārskats (Латышское народное искусство. Краткое историческое введение), Рига, 1935, стр. 21. Следует отметить, что Паэглэ «эпоху дерева» латышской культуры относит только к периоду крепостничества.

¹¹ Z. Liegers, Die Volkskultur der Letten, «Ethnographische Forschungen», т. I, Riga, 1942, стр. 380; его же Ethnographie Letton, Bâle, 1954, стр. 6.

¹² «Latvju raksti» (Латышский орнамент), тт. I—III, Riga, 1924—1931.

¹³ Z. Liegers, Die Volkskunde in Lettland, «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», Bd. 44, Heft 3, Basel, 1944, стр. 183; A. Dzērvīte, Latviešu daiļamatnīšība, «Latviešu lietišķā māksla. Nujorka» (s. d.), стр. 7.

¹⁴ «Latvijas saule», Riga, 1928, стр. 772.

¹⁵ A. Bielenstein, Die lettische nationale Bewegung und die kurländische Geistlichkeit, Leipzig, 1886, стр. 22.

занном сборнике, М. Силинь выдвинул ряд антинаучных теорий. Он, как и редактор сборника Р. Заринь, был сторонником так называемой норманнской теории. Оба они утверждали, что в древней Курсе и в Ерсике на р. Даугаве находились колонии норманнов и что здесь сохранились заметные следы варяжской культуры; этим якобы объясняется более высокий уровень материальной культуры в некоторых областях Латвии (например в Крустпилсской), чем в других ее областях¹⁶. По мнению Силиня, влияние проживавших здесь в VIII—IX вв. норманнов сказалось и на развитии общественного строя латышей, особенно в Курсе¹⁷.

«Норманнская» теория была нужна М. Силиню и Р. Зариню для доказательства связей латышской культуры с Западом уже в VIII—IX вв. Однако в другом месте той же статьи М. Силинь отрицает какое бы то ни было влияние соседних культур на развитие латышской культуры: «Тщетно усердствуют археологи и этнологи, которые ищут в нынешней или древней латышской культуре что-либо скандинавское и германское», — пишет он. По мнению М. Силиня, латышская культура выросла на месте помимо каких-либо внешних влияний. Стремление любой ценой доказать самостоятельность развития культуры латышей привело М. Силиня к очевидному противоречию с им же защищаемой «норманнской» теорией.

Латышские буржуазные этнографы, в поисках «истинно» латышской национальной культуры, замалчивали влияние на нее соседних народов. Вследствие этого создавалось впечатление мнимого превосходства латышей над другими, этнически смешанными народами, в противоположность которым латыши якобы сохранили свою древнюю культуру нетронутой. Необоснованность и антинаучность этой концепции очевидна. Народы не живут изолированно один от другого, у них имеются широкие торговые и культурные связи с соседями. Точно так же и у латышей были длительные связи со славянами, финно-угорскими, германскими и другими народами, оказавшие более или менее глубокое влияние на латышскую культуру. Авторы сборника «Латвию раксты» замалчивают это, считая, что это умалило бы ценность и самобытность латышской национальной культуры. С такой установкой нельзя согласиться, ибо нет народа с какой-то специфически «чистой», этнически не смешанной культурой. Если в буржуазной Латвии такие взгляды преуспевали, то потому, что соответствовали «социальному» заказу латышской буржуазии. Эти взгляды обнаруживают незрелость некоторых латышских буржуазных этнографов того времени. С научной подготовкой этнографов латышская буржуазия не спешила. Курс этнографии в Латвийском университете стали читать только в 1938 г., когда была утверждена сверхштатная доцентура по латышской этнографии. Лектором был приглашен молодой шведский этнограф Даг Тропиг. Читанный им курс и практические занятия не были обязательны для студентов. Латышская буржуазия уделяла гораздо больше внимания археологии, от которой ждала сведений о древних городищах и замках латышских королей и князей. Этнография же в глазах латышской буржуазии не была достойна глубокого внимания, так как этнографический материал свидетельствовал о тяжелой и угнетенной жизни народных масс. Некоторое внимание было уделено лишь одной из проблем этнографии — народной одежде. При этом разыскивались наиболее богато украшенные одеяния, якобы свидетельствующие о превосходстве латышской народной культуры над культурами других народов¹⁸.

С восстановлением в 1940 г. в Латвии Советской власти положение в этнографической науке радикально изменилось. Были восстановлены научные связи с этнографами всего Советского Союза, где эта наука достигла высокого уровня развития. Советские этнографы выдвинули ряд широких этнографических проблем: проблем этногенеза, развития материальной культуры, культурного взаимодействия народов и др. Руководствуясь методологией исторического материализма, советские этнографы рассматривают этнографические явления в тесной связи с социально-экономическими и историческими условиями соответствующего времени. Историзм советской этнографии открывает широкие возможности для изучения генезиса и этнической культуры любого народа¹⁹.

Развитие Советской Латвии на время было прервано немецко-фашистской оккупацией (1941—1944), грозившей латышскому народу полным уничтожением. После героической победы Советской Армии и изгнания оккупантов, в Советской Латвии возобновилась работа по культурному строительству. В 1946 г. была основана Академия наук Латвийской ССР. Учитывая недостаток научно подготовленных кадров в области этнографии, при Институте истории и материальной культуры была организована не-

¹⁶ R. Zariņš, Latava, «Latvju raksti», т. II, стр. 2—3.

¹⁷ M. Siliņš, Alšvanga, «Latvju raksti», т. I, стр. 43.

¹⁸ О латышской народной одежде и орнаменте появилось несколько объемистых трудов, например: A. Dzervītis un Dr. V. Ginters, Latviešu tautas tērpi, Rīgā, 1936; T. Kivicka un A. Karnups, Novadu tērpi. 15 burtnicas, Jēgavā, 1938—1939.

¹⁹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 8—28; его же, Основные задачи и пути развития советской этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 5—14; «Величественная программа строительства коммунизма и задачи этнографов», «Сов. этнография», 1959, № 2, стр. 3—9.

большая группа этнографов под руководством кандидата филологических наук Д. Э. Земзаре. Группа организовала экспедиции по собиранию этнографического материала²⁰, установила научные связи с Институтом этнографии им. Миклухо-Макла Академии наук СССР, имеющим большой опыт в собирании и изучении этнографического материала. В 1950 г. группа была преобразована в Сектор этнографии при Институте фольклора, переименованного в Институт этнографии и фольклора. В процессе дальнейшей реорганизации этот сектор в 1956 г. был присоединен к Институту истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, чем было достигнуто тесное сотрудничество этнографов и историков.

Начиная с 1952 г., по инициативе московских этнографов начала свою работу Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция, в которой принимают участие этнографы, антропологи, археологи, филологи и историки Москвы, Ленинграда, Белоруссии и трех Прибалтийских республик. В задачи экспедиции входит изучение проблем этногенеза и этнической истории восточнобалтийских народов, а также изменений в их жизни и культуре в результате социалистического строительства²¹. Экспедиция сыграла большую роль в воспитании кадров молодых этнографов Прибалтийских республик, в том числе и Советской Латвии. Для подготовки квалифицированных специалистов-этнографов Академия наук Латвийской ССР направила в аспирантуру Института этнографии АН СССР несколько своих научных сотрудников, которые после окончания аспирантуры защитили кандидатские диссертации²². Одновременно несколько кандидатских диссертаций на этнографические темы были разработаны и защищены в Институте истории и материальной культуры АН Латвийской ССР²³, а на ближайшее время предусмотрена защита еще нескольких диссертаций²⁴. Таким образом, при содействии Института этнографии АН СССР вопрос о научных кадрах этнографов Латвии сравнительно быстро и успешно разрешается.

Значительному повышению научной квалификации этнографов Советской Латвии способствуют межреспубликанские совещания и сессии, на которых они, выступая с сообщениями, проверяют правильность своих выводов. Этнографы Латвии принимают также участие в ежегодных совещаниях и отчетных сессиях Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде и в сессиях академий наук Эстонской и Литовской ССР в Таллине, Тарту и Вильнюсе²⁵. Этнографы совместно с археологами и музейными работниками ежегодно проводят отчетные сессии в Риге. Кроме того, Сектор этнографии каждое лето организует выездные сессии в районах, где, помимо сообщений о работе этнографов, организует выставки прикладного искусства соответствующего района²⁶.

²⁰ См. D. Zemzare, Etnografisko ekspedīciju ieguvumi 1947 gadā, «Latvijas PSR ZA Vēstis», 1948, 12, стр. 111—124.

²¹ Материалы и исследования Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции опубликованы в изданиях: «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954; «Балтийский этнографический сборник», та же серия, т. XXXII, М., 1956, а также в «Трудах» экспедиции, тт. I и II, которые вышли в 1959 г.

²² М. К. С л а в а, Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореферат диссертации, М., 1955; А. А. З а в а р и н а, Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века, Автореферат диссертации, М., 1955; И. А. Л е й н а с а р е, Земледельческие орудия латышей в XVIII и первой половине XIX века (В связи с изучением этнической истории народа), Автореферат диссертации, М., 1958; Р. Я. Д е н и с о в а, Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев, Автореферат диссертации, М., 1958.

²³ С. Я. Ц и м е р м а н и с, Быт сельскохозяйственных рабочих Курземе и Земгалы во второй половине XIX века, Автореферат диссертации, Рига, 1958; А. К. К р ы с т ы н я, Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма, Автореферат диссертации, Рига, 1958; Л. С. Е ф р е м о в а, Семья и семейный быт латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX века, Автореферат диссертации, Рига, 1960.

²⁴ Кандидатские диссертации в конце 1960 г. предполагают защитить А. П. Алесюна на тему «Домашнее ткачество в Видземе в период капитализма» и Э. П. Чивкуль — «Положение и быт сельскохозяйственных рабочих в Видземе во второй половине XIX века».

²⁵ В 1959 г. на межреспубликанских сессиях латвийские этнографы выступили с сообщениями: в Москве — А. К. Крастыня — «Некоторые замечания о строительстве жилищ колхозников Латвийской ССР», Л. С. Ефремова — «О некоторых итогах изучения культуры и быта рыбаков видземских рыболовецких артелей»; в Тарту — М. К. Степерманис — «Некоторые итоги этнографических экспедиций АН Латвийской ССР».

Первые два доклада в расширенном и доработанном виде вошли в настоящий номер журнала (см. выше). — *Ред.*

²⁶ Такие выездные сессии состоялись в 1956 г. — в Гулбене, в 1957 — в Лимбажи, в 1958 — в Валке, в 1959 — в Мадоне.

Важнейший источник этнографических знаний — жизнь самого народа. Поэтому этнографы Советской Латвии уделяют большое внимание ежегодным экспедициям. В отличие от собирания этнографического материала в буржуазной Латвии экспедиции сектора этнографии проводятся по заранее разработанному плану, в них, помимо этнографов, принимают участие также музейные работники, языковеды, архитекторы, историки. Некоторое представление о собранном в последнее время в Советской Латвии этнографическом материале дает следующая таблица:

Район	Год	Число участ- ников	Количество собранных единиц						
			Описания	Фотогра- фии	Образцы текстов	чертежи	Рисунки	Карты	Всего
Бауский	1951	9	293	5	87	23	101	—	510
Неретский и Акнистский	1952	8	289	129	76	66	242	7	909
Цесисский и Алуксненский	1953	10	626	138	95	104	338	2	1 303
Гауенский	1954	15	1 437	1002	216	100	928	4	3 686
Вилянский	1955	8	407	54	51	84	240	4	840
Гулбенский	1956	12	660	1 455	157	72	659	1	3 004
Лимбажский	1957	14	1 622	2 226	198	123	625	—	4 794
Валкский	1958	20	1 654	2 366	325	62	1 116	—	5 523
Крустпилсский и Мадон- ский	1959	18	4 010	1 032	203	140	1 615	—	7 000
		114	10 998	8 407	1 408	774	5 864	18	27 569

Следует признать, что научно-исследовательская работа в области этнографии в Советской Латвии еще недостаточно развернута. Тем не менее работа ведется в трех направлениях: 1) по проблеме этногенеза латышского народа; 2) по истории развития материальной и духовной культуры латышского народа; 3) по изучению изменений в культуре и быту латышского народа в результате социалистического строительства.

Первая проблема весьма обширна. Ее необходимо координировать с этнографами соседних республик. Поэтому она разрабатывается в рамках работ Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. По второй проблеме необходимо в первую очередь исследовать отдельные вопросы истории культуры латышей — развитие жилища, одежды, орудий труда, пищи, быта и проч. По этим вопросам опубликованы две монографии²⁷ и несколько статей²⁸.

Литература буржуазных латышских этнографов не очень обширна; кроме того, на ней сильно сказались влияние реакционных, псевдонаучных теорий — измышлений идеологов балтийских немецких баронов. Этнографам Советской Латвии следует серьезно заняться переоценкой и критикой оставленного этнографического литературного наследия. Равным образом необходимо дать отпор антинаучным построениям латышских буржуазных этнографов, живущих за границей. Кое-что в этом отношении сделано в историографических обзорах, помещенных в вышедших монографиях. Но этого еще очень мало.

Успеху исследовательской работы латышских этнографов содействовал бы этнографический атлас Латвии, который показал бы распространение и развитие важнейших элементов материальной и духовной культуры народа. В годы буржуазной Лат-

²⁷ S. Cimermanis, Laukstrādnieku dzīves veids Kurzemē un Zemgalē 19. gadsimta otrajā (Быт сельскохозяйственных рабочих Курземы и Земгале во второй половине XIX века), Rīga, 1959; A. Krastiņa, Zemleku dzīvojamās ēkas Vidzemē kļaušu saimniecības sairšanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā (Крестьянские жилища В Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма), Rīga, 1959.

²⁸ М. К. С л а в а, Крестьянская одежда латышей и орнамент на предметах домашнего убранства (Неретский и Акнистский районы Латвийской ССР), «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», М., 1954, стр. 114—125; И. А. Лейна с а р е, Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX века, «Сов. этнография», 1957, № 6, стр. 19—30; S. Cimermanis, Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokļi un darba apstākļi Zemgalē un Kurzemes rietumu daļā XIX gs. otrā pusē, «Archeologija un etnografija», I, Rīga, 1957, стр. 51—74; A. Krastiņa, Vidzemes zemnieku mājokļi kļaušu saimniecības sairšanas periodā, там же, стр. 75—98; I. A. Leinasare, Zemkopības darba rīki kļaušu saimniecības sairuma posmā, там же, стр. 99—114; K. Jeļņemova, Dažas Latgales latviešu zemnieku ģimenes svinības XIX gs. otrā pusē, там же, стр. 115—127; A. Alsups, Audēju aroda apmācība Vidzemē kapitālisma periodā, «Latvijas PSR ZA Vēstis», 1959, № 4, стр. 11—20.

вии такой атлас не был составлен²⁹. Подготовку этнографических атласов по различным областям Советского Союза начал Институт этнографии АН СССР. В эту работу включился также Сектор этнографии Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР.

Этнографы Советской Латвии приступили к работе и над третьей проблемой, крайне важной и актуальной, об изменениях в культуре и быте латышского народа в результате социалистического строительства. Изучением этой проблемы заняты научные сотрудники Сектора этнографии Л. С. Ефремова, М. К. Слава, А. К. Крастыня.

Заканчивая настоящий краткий обзор, необходимо подчеркнуть, что в минувшие годы в Советской Латвии была проделана большая работа в области культурного строительства, которой особенно содействовала Академия наук Латвийской ССР. Если молодой и немногочисленный пока коллектив этнографов Советской Латвии добился некоторых, хотя и скромных успехов, то это лишь благодаря заботе и поддержке со стороны Коммунистической партии Латвии, а также дружеской помощи научных учреждений Всесоюзной Академии наук³⁰.

Развитие этнографической науки в Советской Латвии идет по верному пути советской этнографической школы в дружеском сотрудничестве с этнографами братских советских республик. Это позволяет надеяться, что этнографы Советской Латвии создадут полноценные научные исследования, тесно связанные с жизнью и запросами латышского народа.

²⁹ Опубликовано лишь несколько отдельных карт по диалектологии, археологии и этнографии (В. Руке, П. Кундзинь, А. Карнуп и др.). В настоящее время эти карты устарели.

³⁰ Следует упомянуть одного из руководителей Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции Л. Н. Терентьеву и ее многолетнюю работу по изучению быта латышского крестьянства, в результате которой в ближайшее время появится ее обширная историко-этнографическая монография «Колхозное крестьянство Латвии».

А. О. ВИЙРЕС

ЭСТОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ (1940—1960)

Победоносное революционное выступление эстонского пролетариата летом 1940 г. ознаменовало начало новой эпохи в истории эстонского народа. Опираясь на помощь и опыт старших братских республик Советского Союза, трудящиеся Эстонской ССР под руководством Коммунистической партии могли теперь приступить к строительству социализма. Несмотря на то, что уже в ближайшие годы эстонскому народу пришлось пройти тяжелые испытания Великой Отечественной войны, в 1940 г. была заложена твердая основа для развития социалистического хозяйства и культуры в Эстонской ССР. На новый, советский путь развития вместе со всеми отраслями наук вступила и эстонская этнография.

В предшествующие десятилетия в Эстонии была создана весьма прочная база для исследовательской работы в области этнографии, прежде всего в виде крупных коллекций предметов материальной культуры эстонского народа. Во второй половине XIX в. с развитием национального движения возрос интерес к историческому прошлому народа, к его культуре и быту. В связи с этим были сделаны и попытки создать этнографические музеи, что на первых порах не увенчалось успехом. И только в 1909 г. в Тарту был основан Эстонский народный музей. Благодаря энергичной деятельности руководителей музея, особенно фольклориста Оскара Калласа и художника Кристьяна Рауда, сбор этнографического материала стал действительно народным делом. Спустя несколько лет Музей уже насчитывал около 20 тысяч этнографических предметов.

В период буржуазной диктатуры Эстонский народный музей был центральным исследовательским учреждением республики в области этнографии. За неимением специально подготовленных национальных кадров в 1922 г. на должность директора музея был приглашен финский этнограф Ильмари Маннинен (1894—1935), который возглавил работу по сбору и научной обработке этнографических материалов и, являясь одновременно доцентом этнографии Тартуского университета, подготовил первые кадры эстонских этнографов. И. Маннинен и сменивший его на посту директора музея Ф. Линкус (1895—1942) разработали систему упорядочения этнографических фондов с многочисленными вспомогательными картотеками, позволяющими исследователю быстро и без особых затруднений получить всестороннее представление о любом музейном предмете.

При сборе этнографических материалов сотрудники музея прежде всего стремились восполнить пробелы в фондах, а также сосредоточить в музее по возможности все коллекции, имевшиеся в распоряжении других учреждений или в частных руках. Особое внимание уделялось паспортизации поступающих в музей вещей и составлению более или менее подробных легенд к ним. Наряду со сбором этнографических предметов важное место в работе музея заняло составление (на основе соответствующих вопросников) описаний по отдельным отраслям материальной культуры. Велась также систематическая работа по обмеру старинных крестьянских построек по кихелькондам (приходам). Эти работы выполнялись в основном силами студентов Тартуского университета и художественных училищ. Особенно удачным мероприятием было создание в 1931 г. республиканской сети корреспондентов — крестьян, ремесленников и сельской интеллигенции, присылавших ответы на вопросники музея. Так как материальные средства музея были зачастую более чем скромны, сеть корреспондентов, работавших безвозмездно и очень охотно, в значительной степени помогала накоплению этнографических материалов в музее. Кроме того, благодаря их работе укреплялась связь музея с народными массами.

Развитие этнографической исследовательской работы в буржуазной Эстонии протекало в духе традиций финской этнографии того времени. На основе типологического метода детально изучались отдельные области материальной культуры, широко использовались картографирование и культурно-географический метод с целью выявления культурных заимствований и черт предполагаемой финно-угорской культурной общности. Конкретный же исторический процесс, не говоря уже о социально-экономических факторах, почти совершенно выпадал из поля зрения исследователя. Таким

образом, исследователи ограничивались в основном анализом вещественного материала, не доводя свою работу до научного синтеза. Из важнейших исследований того времени следует отметить прежде всего обзорный труд И. Маннинена по материальной культуре эстонского народа «Die Sachkultur Estlands», I—II (Тарту 1933), который из-за смерти автора остался незавершенным. В опубликованных частях этого труда дается обзор охоты, рыболовства, земледелия и построек. Выше в свет еще ряд монографий на эстонском языке — о народной одежде¹, о крестьянском жилище², о рыболовстве на Чудском и Псковском озерах³ и о бортичестве. В Ежегоднике Эстонского народного музея⁴ и других периодических изданиях были опубликованы еще ряд научных статей, посвященных разработке частных вопросов.

Такова была база, на которую могла опереться молодая эстонская советская этнография в 1940 г. Музейные фонды были уже очень значительны: на 31 марта 1940 г. фонды Эстонского народного музея насчитывали 43 363 этнографических предметов (в том числе 40 305 с территории Эстонии), 27 696 страниц (15 582 листа) этнографических описаний, 2502 листа этнографических рисунков и чертежей (преимущественно планы и разрезы крестьянских построек), 54 697 страниц ответов корреспондентов на вопросники и 26 454 фотоснимка. Имелись также опубликованные монографические обзоры ряда важнейших областей материальной культуры. Наконец, имелись уже специально обученные кадры научных работников, из которых, правда, в условиях буржуазной Эстонии, только немногие могли работать по специальности. В начале 1940 г. работало всего лишь пять этнографов-профессионалов (в предшествующие годы — и того меньше).

В 1940 г. одним из первых шагов Советской власти была реорганизация научной исследовательской работы в республике и расширение материальных возможностей этой работы. На базе Отдела народоведения Эстонского народного музея было создано центральное республиканское научно-исследовательское учреждение специального профиля — Государственный этнографический музей, со значительно увеличенными штатом и бюджетом. Продолжался интенсивный сбор материалов и концентрация в музее имевшихся в республике этнографических коллекций. Фонды этнографических предметов в музее достигли в 1941 г. 52 468 единиц, увеличившись за один год более чем на 9 тысяч единиц. Это расширение работ — основной показатель вступления эстонской этнографии на новый путь развития. В методологической же перестройке этнографической научно-исследовательской работы удалось сделать лишь первые шаги. Важнейшим достижением в этой области было создание делового контакта с Институтом этнографии Академии наук Союза ССР и музеями Москвы и Ленинграда с целью обмена опытом работы.

Летом 1941 г. все это мирное культурное строительство внезапно было прервано. В тяжелые годы оккупации главной задачей эстонских этнографов была забота о спасении от гибели собранных на протяжении десятилетий культурных ценностей. Несмотря на исключительные трудности, большую и наиболее ценную часть музейных фондов удалось эвакуировать и разместить в разных сельских местностях. Когда летом 1944 г. оккупанты, отступая из Тарту, подожгли здание музея, в нем погибла лишь сравнительно небольшая часть коллекций музея (8,4%), в том числе около 4400 этнографических предметов, которые не удалось эвакуировать.

Сразу после освобождения республики, Советская власть еще до окончания войны уделила серьезное внимание восстановлению этнографического музея — одного из важнейших культурных учреждений Советской Эстонии. Осенью 1944 г. было заново укомплектован штат музея, причем в больших размерах, чем в 1940 г. В сильно пострадавшем от войны городе Тарту было выделено наиболее подходящее для музея здание. Основная работа музея в 1945—1946 гг. состояла в эвакуации и предварительном упорядочении фондов. Ликвидация последствий войны и нанесенного музею ущерба продолжалась до 1952 г., когда был закончен послевоенный контрольный переучет музейных коллекций. Наряду с восстановительными работами сразу же стала развиваться и научно-исследовательская, а также культурно-массовая деятельность музея. Уже к концу 1945 г. была открыта первая временная экспозиция. Была восстановлена и сеть корреспондентов. Когда в 1946 г. была организована Академия наук Эстонской ССР, музей вошел в ее систему. Это обеспечило наилучшие условия для развития и расширения этнографической работы в республике. Начиная с этого времени, возобновился сбор этнографических материалов и усилилась научно-исследовательская работа.

¹ I. Manninen, Eesti rahvariiete ajalugu (История эстонской народной одежды). «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», III, Тарту, 1927; H. Kurrik, Eesti rahvarõivad (Эстонская народная одежда), Тарту, 1938.

² G. Ränk, Saaremaa taluehitised (Крестьянские постройки на о. Сааремаа), I, «Opetatud Eesti Seltsi Kirjad», V, Тарту, 1939.

³ G. Ränk, Peipsi kalastusest (О рыболовстве на оз. Пейпси), «Opetatud Eesti Seltsi Kirjad», II, Тарту, 1934.

⁴ F. Linnus, Eesti vanem mesindus (Эстонское старинное пчеловодство), I, «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», XII—XIII, Тарту, 1939.

⁵ «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», I—XIV, Тарту, 1925—1939.

Общее руководство в разработке основных направлений этнографической работы в республике на протяжении всего послевоенного периода осуществляет академик АН ЭССР проф. Х. Моора.

В первые послевоенные годы ощущался большой недостаток в сотрудниках, имеющих соответствующее специальное образование и получивших советскую научно-профессиональную подготовку. В Тартуском государственном университете было возобновлено преподавание этнографии, и в 1950 г. был первый выпуск молодых этнографов. К сожалению, в университете по сей день еще нет должности штатного преподавателя по этнографии, что до некоторой степени отрицательно сказывается на уровне подготовки студентов-этнографов. Кадры высшей квалификации готовились преимущественно при Институте этнографии АН Союза ССР, а также через аспирантуру при Тартуском университете и Институте истории АН Эстонской ССР. В начале 1950-х годов этнографическую работу в республике несколько затормозили допущенные ранее некоторые ошибки в подборе и расстановке кадров. Тем не менее, к тому времени кадры эстонских этнографов уже настолько выросли в количественном отношении, что можно было приступить к расширению фронта работ. В 1952 г. при Секторе археологии Института истории АН ЭССР была создана группа этнографов (с 1958 г. сектор переименован в Сектор археологии и этнографии). В настоящее время в системе Академии наук Эстонской ССР этнографией занимается 17 научных сотрудников; из них 14 работают в Этнографическом музее и 3 — в Институте истории.

Этнографическая работа в республике ведется и вне Академии наук. Важное место в этом отношении должен занять организующийся в Таллине Эстонский государственный парк-музей, который будет знакомить широкую общественность с зодчеством и бытом эстонского крестьянства преимущественно XIX в. Организация музея началась в 1957 г., и по плану он откроется целиком в 1963 г.

Серьезных успехов достигла краеведческая работа на местах. Для координации этой работы по всей республике при Академии наук была создана в 1958 г. Краеведческая комиссия, возглавляемая членом-корреспондентом АН Союза ССР проф. Х. Круусом. Центральное место в работе комиссии занимает подготовка к изданию обширной научной серии «Районы и города Эстонской ССР», в отдельных выпусках которой будет уделено место и этнографической характеристике каждого района. В Валгаском районе (южная Эстония) по инициативе местных краеведов и под руководством работника Народного дома Альфреда Леппа возник Мыннестеский сельский музей — одно из интереснейших культурных учреждений этого рода в Эстонской ССР. В его этнографической коллекции имеются и некоторые уникальные предметы. В 1957 г. этот музей был превращен в филиал Валгаского межрайонного краеведческого музея и получил таким образом официальное признание. Заслуга местных краеведов — создание в 1959 г. Эльваского межрайонного краеведческого музея. В целом по республике в настоящее время действуют восемь краеведческих музеев, из которых наиболее богаты этнографические коллекции Вильяндиского музея. Ценным достижением было также создание в 1959 г. в западной части острова Сааремаа в дер. Вики музея-усадьбы «Михкли» — филиала Сааремааского краеведческого музея, где сохранен весь комплекс построек с многочисленным хозяйственным инвентарем, который был характерен для крестьянских усадеб второй половины XIX в.

Краеведческая работа заняла видное место также во внешкольной работе учащейся молодежи. В руководстве этнографической работой школьных краеведческих кружков принимают участие сотрудники Этнографического музея и Института истории. В текущем году Этнографический музей и Институт истории разослали во все сельские школы особый вопросник о быте колхозных деревни. Между прочим, участие школ в этнографическом изучении Эстонии практиковалось и раньше, в 1920-х годах, и оказалось весьма эффективным.

Наконец, с краеведческой работой тесно связана деятельность свыше ста корреспондентов Этнографического музея. В 1959 г. Музей получил 5866 листов — ответов на разосланные опросные листы. К концу года музей располагал всего 81 644 листами ответов корреспондентов. Среди корреспондентов имеются представители разных профессий — ремесленники, колхозники, учителя; много среди них женщин. Работа корреспондентов не оплачивается, но наиболее активные из них премируются печатными изданиями музея, в отдельных случаях — и денежными премиями. В 1959 г., по случаю 50-летия музея, в целях поощрения корреспондентской работы было организовано соревнование по сбору этнографических материалов, обогатившее фонды музея 79 этнографическими описаниями на 2684 листах. Соревнование 1960 г. оказалось еще более плодотворным. Решено проводить такие соревнования периодически.

В первые послевоенные годы эстонские этнографы руководствовались в первую очередь необходимостью заполнить пробелы в материале и выработать принципы его научной обработки. Основные методологические установки в отношении содержания и форм этнографической работы в республике были сформулированы в статьях проф. Х. Моора и доц. А. Вассара⁶, опубликованных в 1947 г. в Ежегоднике I (XV) Эстон-

⁶ Н. Моора, Eesti etnograafia nõukogulikult ülesehitamisel (Эстонская этнография становится советской); А. Vassar, Etnograafilise kogumistöö ülesanded Nõukogude Eestis (О задачах работы по сбору этнографического материала в Советской Эстонии).

ского народного музея. В этих статьях ясно отражается проникновение в эстонскую этнографию материалистического понимания исторических процессов. Авторы статей указывают, что при исследовании эстонской народной культуры необходимо исходить из конкретного процесса общественно-экономического развития, строго учитывая при этом социальную дифференциацию. Подчеркивалось также требование самой тесной связи этнографии со смежными научными дисциплинами. Этот тезис позднее, в 1950-е годы, был с успехом претворен в жизнь при проведении широких комплексных исследований. Хотя основное внимание сначала все еще было обращено на изучение докапиталистической народной культуры, но уже выдвигалось требование изучения процессов культурно-исторического развития как в капиталистическом, так и в меньшей мере (главным образом в области возрождения народного искусства) в современном социалистическом обществе. Все эти положения были принципиально новые, отличные от этнографической работы в период буржуазной республики. Практическое применение их в исследовательской работе вначале наталкивалось на некоторые трудности, обусловленные, в первую очередь, отсутствием достаточного опыта, однако с каждым годом эти трудности все более преодолевались.

При сборе и обработке материалов внимание сосредоточивалось прежде всего на тех областях материальной культуры, которые прежде или вовсе не затрагивались, или же освещались тенденциозно и недостаточно, — например различные промыслы не сельскохозяйственного профиля, народные ремесла и торговля. В особенности изучалось отражение в материальной культуре эстонского народа его почти полуторатысячелетних связей с русским народом; предварительные результаты исследований в этой области опубликовала А. Х. Моора в 1950 г.⁷ При пополнении фондов особое внимание уделялось тем явлениям, которые характерны для периода вступления деревни на капиталистический путь развития; например, приобретались простые самодельные машины для обработки льна и пр., полные комплекты орудий труда разных ремесленников, изготовлялись макеты крупных рыболовных снастей. Фототеку по возможности пополняли детальными сериями снимков трудовых процессов, а также старыми фото-снимками народной одежды и др.

Большую роль в развитии этнографической науки сыграло Совещание по этнографии народов Прибалтики, состоявшееся весной 1950 г. в Москве, на котором были намечены мероприятия по координации исследовательской работы в Прибалтийских республиках. Когда в 1952 г. начала работать Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, в ней приняли участие научные сотрудники Этнографического музея и Института истории АН ЭССР. После реорганизации Балтийской экспедиции в Прибалтийскую объединенную комплексную экспедицию АН СССР в 1955 г., последняя стала координационным центром в области этнографической работы над проблемами Прибалтики и еще более укрепилось тесное сотрудничество с Институтом этнографии. В ежегодных маршрутных исследованиях, которые в рамках предусмотренной программы проводил эстонский отряд экспедиции, участвовал ряд этнографов ЭССР. Они изучали крестьянские постройки и поселения, народную одежду, земледельческие орудия, народную пищу, разные элементы материальной культуры в районах эстонско-русского контакта в восточной Эстонии. В программу работ эстонского отряда были включены также темы, до того времени слабо или совершенно не освещенные: морское рыболовство, средства передвижения и др. В 1958—1959 гг. деятельность эстонского отряда экспедиции была распространена и на сопредельные с Эстонской ССР Ленинградскую и Псковскую области, что дало новый важный материал, проливающий свет на эстонско-русские культурные связи.

Центральной проблемой эстонской этнографии по сей день продолжает оставаться этническая история и культурные связи эстонского народа. Вокруг этой проблемы концентрируется преобладающая часть проведенных в республике этнографических работ. Благодаря целеустремленной деятельности проф. Х. Моора и объединенным усилиям ученых — археологов, антропологов, языковедов, фольклористов и этнографов — в разработке этой проблемы достигнуты уже значительные результаты. В 1959 г. коллективу авторов сборника статей «Вопросы этнической истории эстонского народа» (Таллин, 1956) была присуждена 1-я республиканская премия газеты «Советская Эстония». Статья А. Моора в этом сборнике «Об историко-этнографических областях Эстонии» — первая серьезная попытка установить исторически сложившиеся на территории Эстонии культурные области и осветить процесс их возникновения путем сопоставления этнографического материала с данными языковедения, археологии и других смежных научных дисциплин.

Работа по изучению быта современной колхозной деревни в республике была начата в первые годы коллективизации в Эстонии. Материал по быту колхозной деревни с 1950-х годов начал собирать Этнографический музей АН Эст. ССР. Следует отметить, что разработка конкретных тем в историческом плане, вплоть до современности, прочно вошла в практику эстонской советской этнографии, причем большое внимание уделяется процессам эпохи капитализма, которые прежде исследователи обычно обходили.

⁷ А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, 1950, стр. 45—54.

В связи с коренными переменами в современной деревне многие элементы традиционной материальной культуры начинают быстро исчезать. Поэтому в последние годы на первый план выдвигается необходимость в систематическом массовом пополнении фондов Этнографического музея. В соответствии с решением Президиума Академии наук ЭстССР от 1957 г. музей тогда же приступил к форсированному сбору материалов (за последние два года приобретено 4496 предметов) и будет продолжать его на протяжении всего текущего семилетия. В 1958—1959 гг. шел сбор материалов на территории, заселенной до войны шведами (острова Рухну и Вормси и полуостров Ноароотси в Хаапсалукском районе), а также в ряде прежних кихелькондов юго-западной Эстонии, которые в этнографических коллекциях были представлены сравнительно слабо. На 31 декабря 1959 г. этнографические коллекции музея насчитывали 55 538 единиц. Научная обработка поступающего материала — срочная и трудоемкая работа, которой занято большинство научных сотрудников музея.

Рассмотрим кратко результаты работы эстонских этнографов по изучению отдельных областей материальной культуры. Как уже отмечалось, в досоветский период лучшие всего были исследованы рыболовство, земледелие, постройки и народная одежда. Однако обработка соответствующего материала была далеко не всегда удовлетворительной. Поэтому по всем указанным разделам пришлось продолжить работу, тем более, что изучение многих из них входит в программу работ Прибалтийской экспедиции.

Наибольшие успехи достигнуты в изучении эстонской народной одежды. В настоящее время она стала массовым праздничным костюмом, без которого немислимы, например, местные и общереспубликанские певческие праздники. В 1957 г. под редакцией Х. Моора вышла в свет совместная работа Этнографического музея и Института истории, посвященная эстонской народной одежде⁸. Этот труд, который вскоре выйдет и в русском издании, является одновременно научным исследованием, продвинувшим вперед изучение истории развития эстонской народной одежды, а частично и этнической истории эстонского народа и практическим руководством по изготовлению народных костюмов. Ряд статей А. Воолмаа и других посвящен отдельным группам народной одежды и более специальным вопросам⁹.

В изучении эстонских крестьянских построек впервые приступлено к прослеживанию новых типов жилищ, возникших в процессе развития капитализма во второй половине XIX — начале XX в. Особые заслуги в этой области принадлежат Н. В. Шлыгиной¹⁰. Проблема генезиса, раннего развития и распространения традиционной эстонской жилой риги пока остается спорной; для решения ее необходимо собрать и глубоко изучить дополнительный материал. Некоторые новые положения в этом отношении обобщает исследование Т. Хабихт (Пазвере), долгое время занимавшийся изучением крестьянских построек юго-восточной Эстонии¹¹. Г. Троска из собранного ею обширного материала по истории селений северной Эстонии успела пока опубликовать лишь интересное сообщение о бобыльях деревнях, возникших на ранней стадии развития капитализма во второй половине XIX в.¹² Много материала об эстонских постройках

⁸ «Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult» (Эстонская народная одежда XIX — начала XX в.), Таллин, 1957.

⁹ А. А. Воолмаа, Народная одежда смешанного русско-эстонского населения южной части Йыхвиского района, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, М., 1954, стр. 159—164; Л. Б. Треес, Исследование народной одежды эстонцев Вастселинского района Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 175—182; А. Voelmaa, Fr. R. Kreutzwaldi käsikiri Virumaal rahvarõivastest (Руккописи Фр. Р. Крейтцвальда о народной одежде Вирумаа), «Etnograafia Muuseumi Aastaraamat» (Ежегодник Этнографического музея, дальше — ЕЭМ), XVI, Таллин, 1959, стр. 219—246; Н. Ugrus, Hõbehelmed ja eesti soost ehtemeistrid (О серебряных бусах эстонских крестьян и мастеров эстонцах), ЕЭМ, I (XV), Тарту, 1947, стр. 138—156; А. Viies, Eesti vanem leksikograafia ja etnograafia (Значение первых трудов по эстонской лексикографии для истории эстонской народной одежды), «Emakeele Seltsi Aastaraamat» (Ежегодник Общества родного языка), VI, 1958, Таллин, 1959, стр. 184—193.

¹⁰ Н. В. Шлыгина, Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в., «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXXII, М., 1956, стр. 48—94; е е ж е, Жилище эстонских крестьян в период буржуазной республики, «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 69—78.

¹¹ До сих пор опубликованы следующие статьи: Т. М. Пазвере, Жилой дом различных этнических групп населения Вастселинского района Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 165—174; Т. М. Хабихт, Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в., Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (далее ТПЭ), I, М., 1959, стр. 362—386; Т. Хабихт, Taluõuest ja mõnedest kõrvalhoonetest Kagu-Eestis XIX sajandi teisel poolel (О крестьянском дворе и некоторых хозяйственных постройках юго-восточной Эстонии во второй половине XIX века), ЕЭМ, XVI, стр. 88—147.

¹² G. Troska, Mõningaid andmeid saunikute eluasemeist Põhja-Eestis (О бобыльях деревнях в северной Эстонии), «Изв. Академии наук Эстонской ССР» (в дальнейшем ИАН), серия общественных наук, 1958, № 4, стр. 264—273.

собрал архитектор К. Тихазе, опубликовавший пока лишь небольшой описательный обзор эстонского сельского жилища¹³.

Изучение построек в послевоенные годы базировалось в основном на данных маршрутных экспедиций и на ранее собранных в Этнографическом музее материалах. Маршрутные исследования не дают возможности получить всестороннее и исчерпывающее представление о крестьянских постройках; к тому же более старые постройки, связанные с единоличным хозяйством, сейчас в деревне исчезают. Поэтому Этнографический музей начал в 1959 г. систематическую съемку планов и составление описаний крестьянских построек, придерживаясь территориального принципа. Было принято на временную работу 20 внештатных чертежников, от которых поступило 1102 листа рисунков и чертежей, составленных под руководством научных сотрудников. Работа эта будет продолжаться и, несомненно, даст много новых материалов по истории развития эстонских крестьянских построек.

В области изучения земледелия результаты пока более скромны. Продвинулось исследование старинных эстонских сельскохозяйственных орудий, в частности — типов борон¹⁴, изучались приемы ручного сева¹⁵.

В области рыболовства в прежней этнографии лучше всего изучена была рыбная ловля во внутренних водоемах, в то время как крупному коммерческому рыболовству на море уделялось меньше внимания. Систематическим изучением этого промысла занялся А. Лутс, опубликовавший предварительные результаты своих исследований в статье «Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках»¹⁶.

К почти не обследованным ранее областям относятся народные ремесла. В настоящее время опубликована монография автора настоящей статьи об истории эстонского народного деревообделочного ремесла¹⁷. Он занимается также средствами передвижения — в частности, санным транспортом¹⁸, а также верховой ездой¹⁹. Линнус занят изучением кузнечного дела, Э. Льюке — народной пищей²⁰.

В области народного искусства наиболее серьезное внимание уделено узорному ткачеству, мотивы которого особенно популярны в современном прикладном искусстве, причем не только на текстильных изделиях, но и на кожаных и ювелирных изделиях в росписи фарфора, оформлении книг. Выпущены альбомы вышивок²¹ и вязаных изделий²². Этнографический музей начал публикацию серии «Из сокровищницы старины» предназначенной для ознакомления общественности с музейными собраниями.

Эстонские этнографы занимались также монографическим изучением материальной культуры в отдельных областях республики. Особый интерес вызывает территория восточной Эстонии — полоса непосредственного контакта русского и эстонского населения. А. Моора изучает взаимовлияния русской и эстонской культуры в северо-восточной Эстонии²³. Е. Рихтер занимается исследованием самобытной этнической группы сету на юго-восточной границе республики, находившейся в течение длительного времени под русским культурным влиянием²⁴. В. Калитс опубликовала обзор

¹³ К. И. Тихазе, Эстонское сельское жилище XIX — начала XX века, «Архитектурное наследие», 8, М., 1957, стр. 57—78.

¹⁴ L. Kivisaar-Feoktistova, Eesti äkked (Эстонские бороны), ЕЭМ, XVI, стр. 11—61. Общий обзор см. Л. Х. Феоктистова, Старинные эстонские сельскохозяйственные орудия, ТПЭ, I, стр. 408—420.

¹⁵ R. Viidalepp, Eesti külvabinõud ja külvisamm (Принадлежности сева в Эстонии), ЕЭМ, I (XV), стр. 81—117.

¹⁶ «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 26—46.

¹⁷ A. Viies, Eesti rahvapärane puutööndus (Эстонское народное деревообделочное ремесло), Таллин, 1960.

¹⁸ A. Viies, Eesti tööree ajaloo (К истории эстонских саней), ИАН, 1958, № 1, стр. 58—71; еро же, Nimetusest *poikpool* 'reepainard' ja selle tähtsusest ree arenguloos valgustamisel (О термине *poikpool* 'вяз саней' и его значении для изучения истории развития саней), ИАН, 1959, № 2, стр. 165—167; А. О. Вийрес, Саный транспорт у эстонцев, ТПЭ, I, стр. 438—476.

¹⁹ A. Viies, Ratsutamine — vara rahvapärane liiklusviis. (Верховая езда — старинный способ передвижения), ЕЭМ, I (XV), стр. 36—80.

²⁰ E. Lööke, Toidust eesti külas XIX sajandi teisel poolel ja XX sajandi algul (О пище в эстонской деревне во второй половине XIX — начале XX в.), ЕЭМ, XVI, стр. 68—84.

²¹ Х. Линнус, Вышивка в эстонском народном искусстве, I, Северная Эстония и острова, Таллин, 1955, 120 стр. + 31 фото и 11 табл.

²² L. Saks, Mulgi kirikindad ja kirisukad (Узорные варежки, перчатки и чулки из южной Эстонии), Таллин, 1960.

²³ А. Х. Моора, Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 138—151.

²⁴ Е. В. Рихтер, Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г., Труды Ин-та этнографии АН СССР, XXIII, стр. 183—193; ее же, Женская народная одежда сету, ИАН, 1954, № 1, стр. 51—68; ее же, К вопросу об этнической истории сету, ИАН, 1959, № 4, стр. 396—410.

рыбного и тюленьего промысла²⁵ жителей маленького острова Кихну, расположенного в прибрежных водах юго-западной Эстонии. В своеобразном быту немногочисленных жителей острова сохраняется много архаических черт.

В области семейной жизни, народных обычаев, обрядов и верований исследований проводилось относительно немного. Обзор древних верований эстонцев дала А. Моора²⁶. Народными обычаями занимались преимущественно фольклористы. Р. Вийдалепп еще в 1941 г. начал изучать бытовавшие у эстонцев старинные формы коллективного труда и связанные с ними обычаи²⁷, а позднее показал, что бытование сказок в основном также было связано с коллективными работами или другими традиционными сборищами²⁸. Описания практиковавшегося еще в XIX в. пения во время работы и обрядов, которыми сопровождался труд, приводит Х. Тампере в своей антологии эстонских народных песен²⁹. Свадебные древние обычаи, в основе которых лежат традиции коллективной взаимопомощи, рассматривает С. Лятт³⁰.

По историографии эстонской этнографии также были предприняты исследования. Опубликованы обзоры этнографических наблюдений путешественника конца XVIII — XIX в. Хр.-И.-Ю. Шлегеля, а также этнографической работы М. Веске — одного из выдающихся деятелей прогрессивного направления в эстонском национальном движении³¹.

* *
*

Этнографическая собирательская и исследовательская работа в Эстонский ССР все более оживляется и расширяется. Она развивается в тесном контакте и сотрудничестве с этнографами других братских республик, особенно Российской Федерации, Латвийской и Литовской ССР. Как и все отрасли советской науки, этнография в Эстонии стала подлинно народной наукой, опирающейся в своей деятельности непосредственно на широкие круги народа.

Обширное поле деятельности ждет эстонских этнографов в ближайшем будущем. Быстрое преобразование эстонского общества, неизбежно сопровождающееся коренными изменениями в народном быту, выдвигает перед этнографами задачу усиленно-го планового сбора этнографического материала, вещественного и описательного, а также обмеров сельских построек. Это необходимо для обеспечения успешной исследовательской работы. Будет продолжаться и комплексная разработка круга проблем этнической истории и культурных связей эстонского народа, в особенности — славяно-прибалтийских связей. В начале 1960 г. для осуществления этой цели решением Президиума Академии наук ЭССР уже намечены определенные организационные мероприятия. В связи с этим окажется необходимым расширить исследовательскую работу в соседних с Эстонией Ленинградской и Псковской областях. Более широкий размах примут также сбор и обработка данных о жизни и быте колхозной деревни.

Перед эстонскими этнографами встают и многие другие крупные задачи, наиболее срочными из которых являются подготовка историко-этнографического атласа, а также изучение жизни и быта рабочего класса. Осуществление всей этой обширной программы немислимо без роста кадров квалифицированных этнографов, чему сейчас должно быть уделено самое серьезное внимание.

²⁵ V. Kalits, Kihnalaste kalastusest (Рыбный промысел кихновцев), ЕЭМ, XVI, стр. 166—200; В. Я. Калитс, О тюленьем промысле на о. Кихну, ТПЭ, I, стр. 477—486.

²⁶ A. Moora, Eestlaste muistsest usundist (О древних верованиях эстонцев), сб. «Religiooni ja ateismi ajaloo Eestis», Таллин, 1956, стр. 7—41.

²⁷ R. Viidalepp, Kildsann ja muid endisaegseid külanoorde kooshäimisi (О старинных сборищах деревенской молодежи), «Eesti Kell ja Kirjandus», 1941, № 1; его же, Kollektiivtöö traditsioone Muhust ja Läänemaaalt (Традиции коллективного труда на острове Муху и в Лянемаском уезде), «Eesti Keel ja Kirjandus», 1941, №№ 2—4.

²⁸ R. Viidalepp, Rahvajutustaja rahva hulgas (Сказочник среди народа), ЕЭМ, XVI, стр. 275—296.

²⁹ H. Tampere, Eesti rahvalaule viisidega (Эстонские народные песни с мелодиями), I, Таллин, 1956; III, Таллин, 1958. Ср. также Х. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории в свете устного народного творчества, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 293—318.

³⁰ S. Lätt, Kollektiivne abistamine eesti pulmakommetes (Коллективная помощь в эстонских свадебных обрядах), сб. «Paar sammukest eesti kirjanduse ja rahvaluule uurimise teed», Таллин, 1958, стр. 213—249.

³¹ A. Viires, Chr. H. J. Schlegeli «Reisen in mehrere russische Gouvernements» etnograafilise allikana («Путешествия...» Хр.-И.-Ю. Шлегеля как этнографический источник), ЕЭМ, XVI, стр. 249—270; его же, Mihkel Veske etnograafia-alasest tegevusest (О деятельности Михкея Веске в области этнографии), ИАН, 1956, № 4, стр. 297—305.

Э. Я. КОКАРЕ

РАЗВИТИЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Накануне двадцатой годовщины Советской Латвии латышские фольклористы могут подвести некоторые итоги своих достижений на пути творческих поисков и переоценки прежних школ и течений. Эта работа начата лишь после Великой Отечественной войны. Правда, небольшие сборники латышских народных песен и сказок изданы в 30-х годах в Советском Союзе, народные песни печатались и в годы Великой Отечественной войны. Однако о систематической фольклористической работе, основанной на марксистской науке, можно говорить лишь после освобождения Латвии от фашистских захватчиков, начиная с 1945 г. Тогда при Филологическом факультете Латвийского государственного университета на базе бывшего Архива латышского фольклора был организован Институт фольклора (в 1946 г. включенный в систему Академии наук Латвийской ССР). С 1951 г. в этом Институте был создан Сектор этнографии. В 1955 г. Институт был реорганизован в Сектор фольклора и стал частью Института языка и литературы АН ЛатССР. В этом секторе концентрируется вся работа по собиранию и исследованию латышского фольклора.

Развернуть работу сравнительно успешно латышским фольклористам помогли два обстоятельства.

Это, во-первых, вклад фольклористов досоветского времени в дело собирания, издания и исследования латышского фольклора, а также богатейшие архивные фонды, полученные в качестве культурного наследия от Архива латышского фольклора (свыше 2,5 миллионов текстов). Основа фольклорных фондов — это записи 1920-х и 1930-х годов; но в них входят также оригиналы записей, изданных в капитальном сборнике латышских народных песен Кришьяна Барона «Латвю Дайнас» (Latvju Dainas), материалы, собранные во второй половине XIX в. Рижским латышским обществом, и другие записи.

Во-вторых, большое значение в развитии латышской советской фольклористики имело сотрудничество латышских ученых с русскими и другими советскими учеными. Оно выражалось в консультациях русских ведущих фольклористов по разработке проблем латышского фольклора, в совместных конференциях, совещаниях и дискуссиях. Изучение трудов фольклористов братских республик, освоение их опыта помогли латышским фольклористам быстрее выработать правильные методы, выбрать наиболее важные, существенные проблемы.

Исследовательская работа латышских фольклористов ведется в трех направлениях: собирание фольклорных материалов, их исследование и публикация.

Для собирания фольклорных материалов в Латвии организуются комплексные экспедиции и командировки отдельных научных сотрудников. Экспедиции проводятся, начиная с 1947 г., систематически каждое лето, в одном-двух, а иногда и в трех районах республики. В этих экспедициях принимают участие, кроме сотрудников Сектора фольклора, также студенты-филологи, музыковеды и хореографы. Обычное число участников экспедиции — 20—25 человек. В послевоенный период участниками экспедиций, а также корреспондентами Института записано около 200 тыс. текстов, часть из них — на магнитофонную ленту.

В задачи участников экспедиций входит не только запись фольклорных произведений, но и собирание сведений об их бытовании в прошлом и настоящем. Это помогает понять идейное содержание отдельных фольклорных произведений, а также причины, обусловившие сохранение этих произведений на протяжении столетий, преимущественно в области повествовательных жанров. Особенно большое внимание уделяется бытованию фольклора в советских условиях.

Участники экспедиций проводят на месте значительную культурно-просветительную работу, читают лекции по вопросам фольклора и литературы, консультируют участников художественной самодеятельности. В этом отношении особенно большое значение имеют выездные научные сессии, во время которых местное население знакомится с результатами экспедиции, ближе узнает творчество лучших мастеров устного слова в своем районе. В результате такой популяризации фольклора нередко

создаются самодеятельные ансамбли, из которых некоторые приобрели известность во всей республике.

Фольклорные фонды пополняются также и материалами внештатных корреспондентов, главным образом учителей, участников литературных кружков и сотрудников краеведческих музеев, которые присылают материалы, записанные в своих районах. В помощь внештатным корреспондентам Сектор издал «Спутник фольклориста», где приводятся методические указания о специфике записи произведений того или иного жанра¹.

Второй важный участок работы — издание фольклорных материалов. Советские фольклористы критически используют как культурное наследие ряд капитальных изданий по фольклору: «Латвю Дайнас» (Latvju Dainas, 1894—1915) Кр. Барона (в 6 томах, 8 книгах); «Латышские народные предания и сказки» (Latviešu tautas teikas un pasakas, 1891—1903) А. Лерха-Пушкайтиса (в 7 томах); «Латышские народные сказки и предания» (Latviešu pasakas un teikas, 1925—1937) П. Шмита (в 15 томах); «Латышские народные анекдоты» (Latvju tautas anekdotes, 1929—1930) П. Биркертса (в 4 томах). Эти материалы используются в многочисленных современных изданиях и исследованиях.

Из публикаций советского времени прежде всего следует упомянуть сборники сказок, рассчитанные на различные возрастные группы читателей: четырехтомный сборник сказок, составленный Я. Ниедре², а также однотомник, составленный сотрудниками Сектора³. Составители этих сборников воздерживались от литературной обработки текста, стремились выдержать определенные принципы классификации. В сборниках даны краткие сведения об источниках и пр. Таким образом, эти издания в известной степени имеют и научное значение.

Отметим кстати, что сказки являются единственным жанром латышского фольклора, произведения которого изданы в ряде сборников в переводе на русский язык⁴. О наиболее же своеобразном жанре латышского фольклора — народных песнях, а также о малых жанрах читатели могут получить представление в переводе на русский язык только по сборникам прошлого столетия⁵. Несколько сот латышских народных песен, опубликованных в дни Великой Отечественной войны в Москве⁶, дают лишь приблизительное представление об их отдельных тематических группах. Нужно надеяться, что в ближайшие годы этот пробел будет восполнен.

Наиболее значительное издание латышских народных песен представляет собой трехтомный сборник⁷, в котором напечатано 19318 текстов, преимущественно из рукописных фондов Сектора фольклора Института языка и литературы. В основе классификации песен лежит мысль о песне как спутнике прежде всего трудовой и общественной, а затем и семейной жизни.

Подготавливаются к печати также неопубликованные материалы по латышской народной музыке; количество записей доходит до 20 тысяч. В 1958 г. вышел первый том сборника «Трудовые песни»⁸, в котором помещено 757 мелодий.

Оба эти издания — и текстов, и мелодий — охватывают прежде всего песни, созданные в период феодализма. Рабочие песни периода капитализма опубликованы в сборнике «Песни борьбы»⁹. Здесь впервые собраны песни из нелегальных изданий и рукописных архивных фондов; эти песни сопровождали латышский пролетариат в годы трех революций, подпольной борьбы и в тюрьмах. Большая часть песен напечатана вместе с мелодиями; при каждой песне даны сведения об авторах мелодии и текста, о переводчиках текста, о прежних публикациях текста о его бытовании.

¹ «Folkloras vācēja rokas grāmata. Norādījumi folkloras vācējiem un uzrakstītājiem», Rīga, 1958.

² «Latviešu pasakas». Izlase J. Niedres sakārtotumā un apdarinājumā, I—IV, Rīga, 1946—1950.

³ «Latviešu tautas pasakas». A. Alksnītes, O. Ambaiņa, A. Ancelānes, K. Arāja, M. Asares izlase un kārtojums, Rīga, 1956.

⁴ Я. Ни е д р е, Латышские сказки, Рига, 1948; «Золотой ларец. Латышские народные сказки». Пересказал Д. Нагишкин по материалам А. Бауги, Рига, 1955; «Латышские народные сказки». Составители: А. Алксните, О. Амбайнис, А. Анцелане, К. Арайс. М. Асаре, Рига, 1957; «Латышские народные сказки». Составление и предисловие Яна Ниедре, М., 1958.

⁵ Иван Спрогис, Памятники латышского народного творчества, Вильна, 1868; Фр. Бривземниекс, Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, II, М., 1873; его же, Материалы по этнографии латышского племени. Труды Этнографического отдела, VI, М., 1881; Э. Вольтер. Праздники и семейные песни латышей, СПб., 1890.

⁶ «Дайнас. Песни латышского народа». Перевел А. Глоба, М., 1944.

⁷ «Latviešu tautasdziesmas», Izlase, I—III, Rīga, 1955—1957.

⁸ «Latviešu tautas mūzika, I — Darba dziesmas». Izlase, Sastādījis Jēk. Vitolīņš, Rīga, 1958.

⁹ «Cīņas dziesmas», Sastādījuši un komentējuši V. Greble, E. Kokare un Jēk. Vitolīņš, Rīga, 1957.

Этот сборник не только рисует перед читателем в поэтической форме историю революционной борьбы латышского народа, но и представляет богатейший материал для исследования культурных связей латышского и русского пролетариата.

О стремлении колхозников Латвии в своем художественном творчестве откликнуться на актуальные события дает некоторое представление небольшой сборник советского фольклора — песен, пословиц и поговорок¹⁰.

Изданы также отдельные сборники загадок¹¹, пословиц и поговорок¹², в которые включено все лучшее из прежних изданий, а также из рукописных фондов. Они интересны богатым фактическим материалом, своеобразными приемами классификации и положениями, высказанными в вводных статьях.

Подготовлен к изданию обширный сборник латышских народных преданий, составленный А. Анцелане. Этим изданием пока завершается серия сборников основных жанров латышского фольклора. Подготовка капитальных академических изданий (в первую очередь народных песен) предусмотрена планами Сектора фольклора Института языка и литературы.

Наряду с интенсивным собиранием и изданием фольклора в деятельности латышских фольклористов видное место занимает разработка теоретических проблем.

В первые послевоенные годы успешную исследовательскую работу тормозило отсутствие марксистски подготовленных кадров фольклористов. Ядро научных сотрудников Института фольклора составляли специалисты, хорошо владеющие богатейшими фольклорными материалами, но слабо освоившие исследовательские методы советской фольклористики и принципы марксистско-ленинской теории.

Естественно, что в таких условиях в центре внимания фольклористов вставали проблемы методологии и историографии. Существенной потребностью явилась переоценка прежней работы латышских фольклористов; отбрасывалось все реакционное и осваивались как культурное наследие те ценные выводы и заключения, которые были получены в результате долголетнего анализа конкретного материала. В этой связи происходили острые дискуссии, в печати появился ряд статей, в которых подвергались критике теории буржуазной фольклористики. Среди них следует отметить работы Я. Ниедре: его статьи¹³, а также раздел «Об исследовании фольклора» в книге «Латышский фольклор» (Latviešu folklorā, 1948). Р. Пельше в статье «Проблемы латышского народного творчества»¹⁴ характеризует отдельные этапы развития латышской буржуазной фольклористики и указывает на главные задачи советской фольклористики.

Какие же проблемы затрагивались в этих диспутах, против каких теорий и взглядов были направлены наиболее серьезные возражения? Резкой критике подверглись формалистический метод исследования так называемой «финской школы», «культурно-исторический» метод и пр.

Острая дискуссия происходила также вокруг понимания фольклора как коллективного творчества. В ходе дискуссии уточнялось содержание понятия «фольклор», выяснялись, с одной стороны, классовость латышского фольклора, с другой стороны — специфика его художественной природы.

Много споров возникло вокруг так называемой «теории отмирания фольклора» — основной тезис которой заключается в том, что вместе с развитием и распространением в массах письменной литературы фольклорное творчество редуцируется и уменьшается его общественное значение. В сущности, проблема отмирания фольклора связана с пониманием его роли в период, когда в народе бытуют в устной традиции написанные известными поэтами песни, сложившиеся под влиянием этих песен анонимные произведения, а также такие, в которых современное содержание заключено в классическую традиционную форму, отшлифованную на протяжении столетий.

В теоретическом плане вопрос об особенностях бытования фольклора в условиях капитализма и при советском строе еще не решен латышской фольклористикой. На основе практической работы последних лет по подготовке к изданию революционных песен авторы пришли к выводу, что фольклоризация произведений писателя, приобретение ими функций народных песен — закономерное, но своеобразное явление, однако эти произведения не следует называть фольклором. О распространении и активном бытовании в народе песен, сложенных отдельными исполнителями и участниками художественной самодельности, в нашем распоряжении имеется еще слишком мало сведений для того, чтобы на их основе можно было сделать заключение о расцвете или отмирании фольклора в Советской Латвии. Такое заключение невозможно на

¹⁰ «Latviešu padomju folklorā». Izlase. Rīga, 1950.

¹¹ «Latviešu tautas miklas». Izlase. Sastādījis A. Ancelāne, Rīga, 1954.

¹² J. Nīdre un J. Ozols, Latviešu sakāmvārdi un parunas. Izlase. Rīga, 1955; «Latviešu sakāmvārdi un parunas». Izlase. Sastādījis E. Kokare, Rīga, 1957.

¹³ J. Nīdre, Reakcionarās teorijas latviešu folkloristikā, «Karogs», 1947, № 5; его же, Preti latviešu literatūras zinātnes pacēlumam, «Karogs», 1947, № 9; его же, Latviešu folkloristikas attīstība un cīņa ar «sōmu skolas» paliekām, «Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1951, № 8, и др.

¹⁴ «Etnografijas un folkloras institūta Raksti», II, Rīga, 1953.

основе какого-либо одного жанра; для этого необходимы всесторонние исследования особенностей бытования и общественного значения всех жанров в различные периоды, а также выяснение закономерностей их развития.

Уже с первых шагов латышские советские фольклористы большое внимание стали обращать на историю фольклористики. В исследованиях буржуазных фольклористов подробно охарактеризована деятельность первых собирателей латышского фольклора — немецких авторов XVII и XVIII вв. Но возникновение и развитие латышской фольклористики как особой науки не нашли себе места в трудах буржуазных исследователей. Поэтому исследователи в Советской Латвии в первую очередь занялись изучением истории развития латышской фольклористики во второй половине XIX в., когда началась серьезная научная работа по собиранию, изучению и изданию латышского фольклора, сформировались методы, повлиявшие на фольклористов последующих поколений.

Общий ход развития, основные направления и теории, деятельность их представителей охарактеризовал Я. Ниере в отдельных статьях, опубликованных в периодической печати и в книгах «Латышский фольклор» (1948) и «Латышская литература» (I — 1952, II — 1953). К исследованию методов собирания, систематизации, издания и исследования латышских народных песен во второй половине XIX в. обратился А. Озол показав, как в соответствующих общественно-политических условиях латышский фольклор, до этого используемый историками, этнографами, языковедами и литературоведами в качестве вспомогательного материала, становится самостоятельным объектом исследования. Сотрудничеству латышских и русских фольклористов, в результате которого вышли в свет первые крупные сборники латышских народных песен, пословиц, поговорок, загадок и сказок, а сама собирательская работа была направлена по научному руслу, посвящены исследования Б. Инфантьева.

Все эти исследователи проработали серьезную работу, проследив развитие фольклористики на небольшом отрезке времени. Наряду с этим изучался вклад отдельных деятелей латышской культуры в латышскую фольклористику. Сравнительно всесторонне изучено (в ряде исследований П. Биркерт, В. Гребле, Я. Рудзита) отношение Яна Райниса к фольклору как выразителю идей народных масс, его борьба за правильную интерпретацию фольклора и др.

Продолжительное время оставалось недостаточно оцененным значение Кришьяна Барона в развитии латышской фольклористики. Работу над этим вопросом начал К. Арайс, обратившись к истории создания наиболее крупного сборника латышских народных песен «Латвю Дайнас», к анализу системы классификации, принципу типологизации вариантов. В издательстве находится также разработанная К. Арайсом обширная монография-альбом, в которой отражены жизнь и деятельность Кришьяна Барона.

Буржуазные фольклористы уделяли необоснованно большое внимание деятельности немецких пасторов и работников науки и культуры в области собирания и исследования латышского фольклора. Советские исследователи первых послевоенных лет, правильно критикуя узко классовый характер этих авторов, в свою очередь не всегда достаточно оценивали значение собранных и изданных в результате их деятельности материалов. В этой области в настоящее время работает Я. Розенберг.

Очень мало до сих пор сделано, чтобы дать марксистскую оценку деятельности фольклористов буржуазной Латвии, которые оставили большое, но требующее критической оценки наследие — как собранные материалы, так и исследования.

Гораздо больше внимания, чем историографии фольклористики, уделено исследованию самого фольклора. Опубликованы систематические обзоры всех жанров, исследования по отдельным жанрам.

Я. Ниере издал в 1948 г. книгу «Латышский фольклор» (Latviešu folklor), которая на протяжении многих лет была единственным курсом латышского фольклора. По этой книге учились студенты и учителя; ее использовали в качестве методического пособия и молодые исследователи, разрабатывая свои первые труды. Критически оценивая книгу Я. Ниере, в ней можно найти ряд неточностей и недостаточно обоснованных утверждений. И это вполне естественно — такой исчерпывающий труд должен явиться результатом обобщения уже имеющихся монографических исследований по отдельным жанрам, а подобные исследования стали появляться лишь несколько лет спустя после выхода в свет книги Я. Ниере.

Известное методическое значение имела брошюра Э. Андерсон «Латышский фольклор» (Latviešu folklor, 1949), в которой обзор фольклора дан в соответствии с программой средних школ.

В послевоенные годы в Латвии было написано и частично опубликовано большое количество исследований как по различным проблемам в рамках одного или нескольких жанров, так и по отдельным, менее исследованным жанрам. В каждом исследовании рассматриваются, как наиболее важные, проблемы отображения в фольклоре классовой борьбы, проблемы периодизации, в то время как художественная сторона фольклора затронута в меньшей степени. Теперь такой подход кажется односторонним, но он был необходим, так как нужно было обеспечить правильное общее представление о каждом фольклорном жанре.

Больше всего исследований опубликовано по повествовательным жанрам фольклора. И в этой связи в первую очередь нужно упомянуть Я. Ниере, который в книге

«Латышский фольклор», а также в предисловиях к ряду сборников латышских сказок¹⁵ и в периодических изданиях¹⁶ в общих чертах охарактеризовал формирование сказочной фантастики из явлений и фактов реальной жизни, изменение идейного содержания и общественного значения сказок в зависимости от исторического развития народа на протяжении столетий.

Отражению в повествовательном фольклоре борьбы трудового народа с угнетателями посвятила свое исследование «Борьба трудящихся против угнетателей в латышском повествовательном фольклоре» А. Медне-Романе¹⁷, одновременно стремясь определить, какие его жанры характерны для различных исторических периодов, начиная с периода доклассового общества и кончая современностью. В этой статье впервые в латышской фольклористике так детально, на богатом фактическом материале, показана тесная связь сказок с повседневной трудовой жизнью народа.

Проблемы художественной формы и стиля латышских сказок рассматривает О. Амбайнис в статье «Вопросы формирования сюжетов и образов в латышских бытовых сказках»¹⁸. Хотя автор и использует только бытовые сказки, в статье рассмотрены вопросы, имеющие большое значение и для исследования других групп сказок: о роли традиции и о значении сюжета в раскрытии идейного содержания сказки, о приемах формирования образов, их типизации и индивидуализации, о художественном методе сказок.

Отдельные исследования о латышских народных песнях в первые послевоенные годы не печатались. К вопросам этого жанра обратился А. Озол, который в «Проекте проспекта истории латышского фольклора» (1953)¹⁹, наряду с постановкой проблемы периодизации народных песен, дал новаторский анализ отображения патриархальных и феодальных отношений в народных песнях социального цикла, немного затронув также трудовые и мифологические песни, но совершенно оставив вне поля зрения огромный цикл семейно-бытовых песен. Это естественно, так как смена общественных отношений отражается в фольклоре скорее и явственнее, в то время как в цикле бытовых песен, в связи с постоянством традиции в различных обычаях и обрядах, преобладают мотивы древнего происхождения, которые с небольшими изменениями сохраняются на протяжении столетий. В отношении периодизации бытовые песни являются самым неблагоприятным материалом; пока не будут проведены детальные этнографические исследования обычаев и обрядов, каждая попытка определить время происхождения той или иной песни останется более или менее приемлемой гипотезой.

Во введении к I тому «Латышских народных песен»²⁰ А. Озол дает общую характеристику циклов латышских народных песен по их тематике.

Во II и III томах сборника опубликовано несколько статей этнографического характера. В них рассматриваются обычаи и обряды, связанные с уходом за детьми, их воспитанием и обучением, с обручением, свадьбой, похоронами, с календарными праздниками и т. д.

Авторы сборника заняты всесторонним анализом, причем показывают, как народные поэты при помощи средств художественной выразительности добивались большего воздействия песни. Эти проблемы рассматриваются, например, в исследованиях В. Гребле о роли фольклора в жизни детей и их воспитании²¹; автор наглядно показывает, как фольклор сопровождает нового члена семьи уже с первых дней его жизни, отображая мечты родителей о его будущем, служа важным средством морального и эстетического воспитания молодого поколения.

Р. Дризуле, исследуя социальное содержание песен сирот²², раскрывает особенности художественной выразительности мотивов и образов песен этого типа, показывает, как под влиянием исторических условий понятие «сироты» из сферы семейных отношений постепенно распространяется и на сферу социальных отношений, причем отождествляется с латышским трудовым народом, угнетенным чужеземными господами.

¹⁵ «Latviešu pasakas». Izlase J. Niedres sakartojumā un apdarinājumā, I—IV, Rīga, 1946—1950; «Латышские сказки», Рига, 1948.

¹⁶ J. Niedre, Fantazijas elementi vēstītāja folklorā, «Karogs», 1946, № 2.

¹⁷ «Folkloras institūta Raksti», I, Rīga, 1950.

¹⁸ «Valodas un literatūras institūta Raksti», XI, Rīga, 1959.

¹⁹ Art. Ozols, Latviešu tautas dailrades vēstures projekta projekts, Manuskripts Valodas un literatūras institūta Folkloras sektorā.

²⁰ Art. Ozols, Par latviešu tautasdziesmām, «Latviešu tautasdziesmas», I, Rīga, 1955.

²¹ V. Greble, Bērnu folklorā, «Folkloras institūta Raksti», I, Rīga, 1950; его же, Жизнь и труд детей в латышских народных песнях досоветского периода, Автореферат диссертации, Рига, 1955.

²² R. Drīzule, Bāru dziesmas kā sociālā protesta paudējas, «Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1959, № 5; его же, Par motīvu un tēlu īpatnībām latviešu bāru dziesmās, «Valodas un literatūras institūta Raksti», XI, Rīga, 1959.

Я. Розенберг в своих исследованиях о боярах и помещиках в латышских народных песнях²³ особое внимание уделяет юмору и сатире, в которых наиболее ярко сказывается критическое отношение народа к социальному противнику.

Вопросы синтаксиса латышских народных песен исследует А. Озол в своей докторской диссертации, многие разделы которой опубликованы в различных сборниках и периодических изданиях.

Начато также серьезное исследование мелких фольклорных жанров. В статьях о латышских народных загадках²⁴ А. Анцелане особое внимание уделяет общественному значению загадок в различных исторические периоды.

Исследование пословиц и поговорок выдвинуло проблемы другого характера. Все исследователи считают пословицы ярким выражением философских, моральных и эстетических взглядов народа. Первоочередной задачей исследователей пословиц становится выяснение тех особенностей пословиц и поговорок, которые обуславливают их бытование в самых различных ситуациях, в том числе и в условиях советского строя. К исследованию этих проблем обратились Р. Дризуле²⁵ и Э. Кокаре²⁶.

На основе всех этих исследований коллективом Сектора фольклора написан обзор латышского фольклора периода феодализма с анализом тематики и средств художественной выразительности всех основных жанров²⁷.

Одной из наиболее сложных проблем советской фольклористики, вызвавшей много споров, являются судьбы фольклора в советских условиях. Наиболее серьезными попытками дать анализ первых записей латышского советского фольклора являются статьи В. Гребле и А. Анцелане в сборнике «Латышский советский фольклор» (1952).

В. Гребле, проанализировав бытование фольклора в годы Великой Отечественной войны (правда, на основе материала, собранного уже после окончания войны), констатирует, что героическая борьба народа с захватчиками отобразилась почти во всех фольклорных жанрах, особенно в песнях, сказках и анекдотах. А. Анцелане в своей статье рассматривает произведения, сложенные в послевоенные годы: это преимущественно песни и пословицы, тематика которых связана с трудом и бытом колхозников. В распоряжении авторов сравнительно небольшой фактический материал; поэтому выводы иногда недостаточно обоснованы. Для того чтобы раскрыть закономерности развития латышского советского фольклора, необходимо продолжать наблюдения над художественным творчеством масс как составной частью социалистической культуры.

Ряд исследований посвящен анализу взаимосвязей фольклора и литературы. Процессы фольклоризации литературных произведений не подвергались изучению, этой проблемы исследователи коснулись лишь в общем обзоре фольклора периодов капитализма и социализма, а также в сборнике «Песни борьбы». Основное внимание было уделено влиянию фольклора на произведения писателей.

Значение фольклора в развитии прогрессивной, революционной советской литературы исследовал Э. Сокол²⁸.

Значение фольклора в драматургии Яна Райниса изучал Я. Рудзитис²⁹. Тщательно выявив возможные фольклорные источники художественного творчества Райниса, изучив его заметки и высказывания о фольклоре, Я. Рудзитис показывает, как поэт творчески использует материал латышского фольклора, развивает образы древних сказок, приближает их к пониманию современного человека, к общественно-политической

²³ J. Rozenbergs, *Bajāri latviešu klasiskajās tautas dziesmās*, «Valodas un literatūras institūta Raksti», XI, Rīga, 1959; егo же, *Humors un satira latviešu klasiskajās tautas dziesmās par muižu un feodālo kungu*, Turpat; егo же, *Par dažiem latviešu tautasdziesmu bāru interpretācijās jautājumiem*, «Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1958, № 1.

²⁴ A. Ancelāne, *Latviešu tautas miklas*, «Folkloras institūta Raksti», I, Rīga, 1950; егo же, *Ievadam «Latviešu tautas miklas»*, *Izlase*, Rīga, 1954; егo же, *Вопросы изучения латышских народных загадок*, Автореферат диссертации, Рига, 1956.

²⁵ R. Drizule, *Dažas sakāmvārdi un parunu pētīšanas problemas*, «Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1956, № 6.

²⁶ E. Kokare, *Sakāmvārdi un parunu kā ipata tautas dailrades veidojuma spectifika*, «Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1956, № 9; егo же, *Жизненный опыт грудного народа в латышских пословицах досоветского периода*, Автореферат диссертации, Рига, 1956; егo же, *Par latviešu sakāmvārdiem un parunām. Ievads krājumam «Latviešu sakāmvārdi un parunas»*, Rīga, 1957.

²⁷ «Latviešu literatūras vēsture», I, Rīga, 1959.

²⁸ Ev. Sokols, *Folkloras tradīcijas latviešu literatūrā*, «Valodas un literatūras institūta Raksti», IX, Rīga, 1958.

²⁹ J. Rudzītis, *Rainis un folklorā*, «J. Raiņa daiļrade», Rīga, 1954; егo же, *Raiņa «Spēlēju, dancoju» kā pasaku un teiku luga*, «Latv. PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis», 1957, № 7; егo же, *J. Raiņa «Pūt, vējiņi!» kā tautas dziesmu luga*, «Valodas un literatūras institūta Raksti», IX, Rīga, 1958, егo же, *Raiņa pasaku un teiku luga*, «Valodas un literatūras institūta Raksti», XI, Rīga, 1959; егo же, *Латышский фольклор в драматургии Райниса*, Автореферат диссертации, Рига, 1958.

борьбе своего времени. Я. Рудзитис приходит к выводу, что фольклор является одним из источников высокой идейности и художественности драматургии Я. Райниса.

Роль фольклора в развитии художественного творчества писателей Я. Райниса. А. Упита и Э. Бирзниекс-Упита пытался раскрыть также в своих статьях П. Биркерт. Влияние русской литературы на латышский фольклор изучал Б. Инфантьев, проследив пути распространения и бытования сказки Пушкина о рыбаке и рыбке в латышском фольклоре³⁰.

В области исследования латышской народной музыки работает Як. Витолинь. Он в ряде статей характеризует основные жанры и особенности народной латышской музыки в целом и разрабатывает проблемы единства текста и мелодии в латышских народных песнях, их классификации и периодизации, выявляя специфику отдельных циклов трудовых и календарных обрядовых песен³¹. Взаимосвязи латышской и белорусской народной музыки изучает М. Гольдин³², работа которого помогает выявить особенности народных песен Латгале.

С 1959 г. в Секторе фольклора Института языка и литературы начато исследование хореографического фольклора, которым занимается Х. Суна; эта работа имеет богатые перспективы, так как в рукописных фондах сектора хранится около 20 тыс. описаний игр и танцев.

* * *

Небольшая группа латышских советских фольклористов за непродолжительное время проделала довольно значительную работу по собиранию, изданию и исследованию фольклора: собрано солидное количество фольклорных материалов и необходимых для исследования сведений об их бытовании, разработаны научные методы собирания и издания фольклора, выдвинуты важные проблемы, которые следует разработать в ближайшем будущем. Правда, в этой работе были ошибки, многое еще не доведено до конца, многие выводы требуют проверки и переоценки, многие области фольклористики совершенно не разработаны. Все же проделанная работа свидетельствует о том, что советская фольклористика в Латвии за эти годы значительно развилась, и в дальнейшем латышские фольклористы смогут внести ценный вклад в развитие советской науки и культуры.

³⁰ «Folkloras institūta Raksti», I, Rīga, 1950.

³¹ Я. Я. Витолинь. Вопросы изучения латышской народной музыки (По материалам песен Лиепайской этнографической области), Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1956); его же, Par teksta un melodijas vienotību latviešu tautasdziesmās, «Etnografijas un folkloras institūta Raksti», II, Rīga, 1953; его же, Par dažām latviešu tautas muzikas iezīmēm, «Latviešu muzika. Raksti par muziku», Rīga, 1958; его же, Latviešu tautas darba dziesmu melodijas, «Latviešu tautas muzika, I, Darba dziesmas», Izlase, Rīga, 1958; его же, Liepājas novada gadskārtu ieražu dziesmu melodijas, «Valodas un literatūras institūta Raksti», XI, Rīga, 1959.

³² M. Goldins, Latviešu un baltkrievu tautu muzikas sakari, «Latviešu muzika. Raksti par muziku», 1958.

А. ЛУТС

НОВОЕ В БЫТУ ЭСТОНСКИХ РЫБАКОВ И ЗАДАЧИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В годы Советской власти в жизни эстонских рыбаков, как и всего эстонского народа, произошли большие изменения. Прибрежное рыболовецкое население было освобождено от эксплуатации кулаков, предпринимателей-рыбопромышленников и скупщиков рыбы. Рыбаки одновременно с крестьянами-земледельцами объединили свои мелкие единоличные хозяйства в крупные трудовые коллективы — колхозы. Была ликвидирована узость рынка сбыта рыбы и рыбных товаров, ранее в значительной мере препятствовавшая развитию рыболовства и рыбной промышленности. Коренной перелом произошел в развитии рыболовной техники. Через посредство моторно-рыболовецких станций эстонские рыбаки были снабжены большим количеством мощных рыболовных орудий — ставных неводов (какуамов) и боттенгарнов. Уже в 1954 г. 61% всей рыбы вылавливался в колхозах республики ставными неводами. В последующие годы роль этих снастей еще возросла. Рыболовецкие колхозы имеют в своем распоряжении траулеры, что дает возможность в значительной мере увеличить радиус действия рыболовов и более экономно эксплуатировать рыбные запасы.

Новая рыболовная техника и новые формы организации труда обусловили огромное повышение производительности труда рыбаков. Почти в три раза по сравнению с довоенной увеличилась валовая добыча рыбы в республике. В связи с этим намного выросли доходы рыболовецких колхозов и самих рыбаков. В 1957 г. из 84 рыболовецких колхозов республики 27 были миллионерами, а в четырех из них («Октябрь» — гор. Нарва, им. С. М. Кирова — Харьбюский район, «Яхта» — гор. Пярну, «Сырве Калур» — Кингисепский район) годовой доход превышал 3 млн. руб.¹ Среднегодовой заработок рыбака в том же году составлял 10 057 руб. В передовых колхозах доходы рыбаков были еще больше. В 1956 г., например, в рыбоколхозе «Ньюкоуде Партизан» (Пярнуский район, о-в Кихну) годовой доход рыбака в среднем был 18,4 тыс. руб., в «Кодуранде» (Кингисепский район) — 22,6 тыс. руб.

Все эти изменения нашли свое отражение в преобразовании материальных условий жизни эстонских рыбаков и их духовного облика. К сожалению, этот процесс еще не изучен. Имеются попытки установить закономерности в развитии рыболовецких колхозов Эстонской ССР с экономической, юридической и географической точек зрения², но этнографы своего слова пока не сказали.

Автор настоящего сообщения во время полевых этнографических работ в 1955—1958 гг. изучал историю морского рыболовства Эстонии. Помимо данных о развитии рыболовной техники и формах организации труда на рыбном промысле в XIX — начале XX в., были собраны также материалы по современной жизни и быту эстонских рыбаков. Недостаточное количество собранных фактов не позволяет еще сделать обобщающих выводов, но поставить некоторые проблемы и наметить возможные пути дальнейшего их изучения можно уже сейчас.

Определенный интерес вызывает состав рыбацкого населения и изменения в нем в течение последних полутора десятилетий. Основную массу рыбаков прибрежных колхозов по-прежнему составляют коренные жители данной местности, но некоторые изменения в численности и составе рыбаков все же наблюдаются.

¹ По материалам Правления по делам рыболовецких колхозов и моторно-рыболовецкой станции Эстонской ССР.

² А. Кадак, *Kalapüügi küsimusi Eesti NSV kalurikolhoosides* (Вопросы развития рыболовства в рыболовецких колхозах Эстонской ССР), Таллин, 1955; Х. Шнейдер, *Вопросы развития кооперации рыбаков и правового положения рыболовецких колхозов в Эстонской ССР*, Автореферат диссертации, Тарту, 1956; J. Kagu, *Lühike ülevaade Eesti NSV rannaasustusest (kalurikolhoosidest) majandusgeograafiliste rajoonide lõikes* (Краткий обзор заселения прибрежных районов Эстонской ССР (рыболовецких колхозов) в разрезе географических и административных районов), Таллин, 1957 (Рукопись в Географическом об-ве Эстонии); А. Кадак, А. Мерессоо, *Kalatööstuse areng Eesti NSV-s sõjajärgsetel aastatel* (Развитие рыбной промышленности в Эстонской ССР в послевоенные годы), Таллин, 1958 (Рукопись в Ин-те экономики АН Эст. ССР).

Во время второй мировой войны шведское население эстонского побережья почти полностью покинуло эту местность. Опустели селения на полуострове Ноароотси и на побережье севернее его, на островах Вормси, Рухну и др. На их месте поселились новые жители, которые большей частью тоже стали заниматься рыболовством. Это новое население — различного происхождения. В дер. Пыызаспеа (Хаапсалукский район) переселились русские из разных республик Советского Союза. На острове Вормси появились эстонцы, жившие ранее в других советских республиках. На острове Рухну в бывшую шведскую деревню приплыли переселенцы из разных районов республики — из Пярнуского района, с острова Сааремаа и больше всего с Кихну. Переселенцы с Кихну принесли на Рухну свою культурную специфику. На острове, где остались только две шведские семьи, но сохранились все старые постройки и много инвентаря, можно проследить интересные формы переплетения своеобразных культурных традиций населения Кихну с элементами старой местной материальной, а частично и духовной культуры.

В других местах побережья Эстонии массовых переселений не было, но известные сдвиги в составе рыбацкого населения заметны в большинстве этих районов.

Во многих деревнях в 1948—1949 гг. до некоторой степени уменьшилась численность рыболовческого населения. Это связано с более четким разграничением рыболовческого и сельскохозяйственного населения. До коллективизации рыболовством занимались в известной мере также те из прибрежных жителей, для которых сельское хозяйство было основной хозяйственной деятельностью. Во время коллективизации прибрежные жители присоединялись также к сельскохозяйственным колхозам. Но после того, как с первой половины 1950-х годов широко начали применять ставные невода и увеличились доходы рыбаков, появилось много желающих вступить в рыболовческие колхозы.

Это стремление противоположно характерной для буржуазной Эстонии тенденции остановить рыбный промысел и перейти к другим занятиям. Как известно, в буржуазной Эстонии из-за узости рынка и по ряду других причин рыболовство оставалось на низком уровне развития и большинство рыбаков бедствовало.

В послевоенные годы число морских рыбаков пополнилось и за счет рыбаков, живших раньше у внутренних водоемов, в частности у Чудского озера. Переселившиеся с озер на морское побережье рыбаки — в большинстве русские. Много их в рыболовце «Яхта» в Пярну, в колхозе им. адмирала Нахимова (гор. Хаапсалу) и особенно в колхозе «Маяк» в Таллине. Перебирались рыбаки с внутренних водоемов к морю из-за того, что рыбные запасы в озерах ограничены, а рыбаков там много. С повышением производительности труда невозможно было использовать всех рыбаков в этих районах.

Интересные закономерности выявляются в прибрежных колхозах Эстонии в распределении рабочей силы между рыболовством и сельским хозяйством. До коллективизации рыбная ловля в Эстонии в основном являлась придатком к сельскому хозяйству. В настоящее время наблюдается процесс окончательного отделения рыболовства от сельского хозяйства и превращения его в самостоятельную отрасль промышленности. Несмотря на это сохраняется еще заметная связь между рыболовством и сельским хозяйством. В республике сейчас существуют рыболовческие колхозы трех типов: 1) чисто рыболовческие; 2) рыболовческие, но с сельскохозяйственным подсобным хозяйством; 3) колхозы, где земледелие и животноводство являются основными занятиями, а рыболовство имеет только вспомогательное значение. Хотя имеется тенденция ликвидировать или уменьшить подсобное земледельческое хозяйство, пока еще преобладают рыболовческие колхозы второго типа. Их улов составляет больше половины всей добычи рыболовческих колхозов³.

Кроме колхозного подсобного хозяйства, в большинстве случаев сами рыбаки имеют приусадебный участок земли, что тоже увеличивает роль сельского хозяйства в их экономике.

Там, где в прибрежных колхозах существуют одновременно две отрасли хозяйства, в большинстве случаев сохранилось традиционное разделение труда между полами — мужчины занимаются рыболовством, а женщины — сельским хозяйством. Земледельческие бригады в рыболовческих колхозах состоят в основном из женщин.

Интересное явление можно проследить в тех рыболовческих колхозах, где сельскохозяйственное подсобное хозяйство отсутствует или имеет очень малое значение. Там нередко мужчины работают в рыболовческой бригаде, а их жены, сестры и матери являются членами соседней сельскохозяйственной артели («Лахе» в районе города Кохтла-Ярве, «Социализм Маяк» и «Юхиненуд Ранд» Кингисепского района и др.). С другой стороны, мужчины — члены сельскохозяйственных артелей — принимают некоторое участие в рыбной ловле. Например, группа колхозников сельскохозяйственной артели «Большевик» (о-ва Хийумаа) в свободное от сельскохозяйственных работ время ходит на рыбную ловлю, образовав при соседнем рыболовческом колхозе «Сыру Калур» команду одной из лодок.

Такое разделение труда, при котором мужчины занимаются рыболовством, а женщины сельским хозяйством — старая традиция прибрежных жителей Эстонии. Эта традиция особенно сильно проявлялась в тех районах, где почва малопродуктивна для

³ А. К а d a k, Указ. раб., стр. 89.

земледелия, прежде всего на островах. Там нередко бывало, что мужчина даже не умел обращаться с плугом. Достойными мужчин занятиями считались только мореходство, рыболовство, тюлений промысел и отхожий промысел на материке. Хотя в наше время прямое пренебрежение к сельскохозяйственным работам редко встречается, все же мужчины предпочитают рыболовство сельскому хозяйству.

Для этнографа несомненный интерес представляют развитие форм организации труда в рыбном промысле и существующие в нем местные традиции. Большие возможности исследования современной жизни рыбаков открываются перед этнографами также при изучении изменений в их материальном быте и духовной культуре.

С каждым годом меняется облик рыбацких поселений, особенно их производственных центров. В годы буржуазной власти каждый рыбак выходил в море там, где ему хотелось, зачастую каждый у своего двора. Причалы имелись преимущественно в районах интенсивного рыболовства, где ловлю организовывали предприниматели. Сейчас лодки и мотоботы рыбаков сосредоточены у причалов. Каждый колхоз имеет один или несколько причалов, откуда лодки выходят в море. Несколько причалов имеют обычно крупные колхозы, в состав которых входит несколько бригад, находящихся в разных деревнях.

У причала на берегу ремонтируют лодки, рядом стоят вешала для сушки сетей. Подальше расстилают для просушки части ставных неводов или боттенгарнов, стоят большие салачные мережи. В хорошую погоду их там же чинят. Около причала стоят ряды небольших сараев — склады, принадлежащие отдельным звеньям. Обычно это общественные постройки, раньше находившиеся в собственности отдельных рыбаков. Немного дальше построены новые вместительные колхозные сараи для хранения больших снастей.

Колхозы строят у причалов теплые просторные помещения с большими окнами, где рыбакам удобно собираться в дурную погоду в ожидании выезда на ловлю; там же происходят собрания звена или бригады для обсуждения текущих задач. В напряженные периоды лова рыбаки целыми неделями живут в этих строениях. Эти новые дома нельзя и сравнивать со старыми промысловыми хижинами, где прежде приходилось ютиться рыбакам.

Нередко у колхозного причала находится рыбоприемный пункт со своими сооружениями — приемным транспортом, насосом, сараями для соления рыбы, копильным цехом и холодильником, складами, помещением для администрации. Рядом построены жилые здания для работников рыбоприемного пункта, там же — киоск или магазин.

Таким образом, в течение последнего десятилетия по всему морскому побережью возникают и все время расширяются небольшие рыбопромышленные центры, где имеется единый комплекс сооружений, нужных для добывания рыбы и ее обработки. Основные рыболовные районы республики все больше принимают индустриальный облик. С увеличением доходов колхозов и отдельных рыбаков расширяется строительство жилых домов, общественных и административных зданий и т. д.

Коренные изменения происходят также в домашнем быту рыбаков. В связи с ростом зажиточности прибрежное население, которому при господстве буржуазии нередко приходилось бедствовать и жить впроголодь, стало хорошо питаться, одеваться, строить новые дома, приобретать современную мебель, радиоприемники, телевизоры, мотоциклы, автомобили. Сочетание старого домашнего быта с элементами новой, современной материальной культуры, сложение местных традиций в этой области также представляют интерес для этнографов.

С ростом благосостояния рыбаков изменился и их культурный уровень. Рыбаки стали более образованными. Внедрение новой рыболовной техники требует повышения технических знаний. В прибрежных колхозах появляются все больше рыбаков со специальным техническим образованием. Расширяется и кругозор рыбаков, не окончивших специальных курсов или школ. Большую роль играют проводимые лекции и обмен опытом между рыбаками различных районов республики и даже нескольких республик. Нередко при этом инициативу проявляют сами колхозники.

О культурном росте рыбаков свидетельствует тот факт, что они стали больше читать. Большинство рыбацких семей подписывается на одну или несколько газет. Книг покупают еще немного; одной из причин этого является недостаточное снабжение деревенских кооперативных магазинов книгами. Зато многие колхозники пользуются услугами библиотек, которые имеются во всех рыболовческих колхозах.

Интересно проведение различных праздников среди рыбаков, так как именно в этом иногда ярче всего проявляются местные традиции и нравы. Широко отмечается, например, старинный праздник Иванова дня, которым по традиции завершается весенняя путина. Традиционным стало также совместное проведение всем колхозом таких праздников, как Первое мая, Новый Год, годовщина Октябрьской революции. Появляются новые местные празднества. У латышских рыбаков Рижского залива стало традицией ежегодно проводить морской праздник в артели, достигшей наилучших показателей в выполнении полугодового плана. Участвуют в этом празднике также эстонские рыбаки из гор. Пярну и с о-ва Сааремаа. В 1958 г. морской праздник отмечался, например, в колхозе Первого мая в Талсинском районе Латвийской ССР. В торжественной обстановке наградили переходящим красным знаменем колхоз и премиями передовых рыбаков. Потом следовали парад рыболовной флотилии, гонки на

мотоботах, состязания по плаванию и по перетягиванию каната. Праздник закончился фейерверком.

На озере Виртсъярв ежегодно проводится регата рыболовных парусников.

Местами всем колхозом проводятся семейные праздники. Уже складываются новые свадебные обычаи, где элементы традиционных свадебных обрядов сочетаются с чертами нового.

Для обобщающих выводов и выяснения основных закономерностей тех изменений, которые происходят в жизни и быту эстонских рыбаков, надо собрать еще больше материал. Для этой цели необходимо организовать стационарное изучение быта рыбаков в нескольких рыболовных районах. Следует применять при этом массовый анкетный опрос населения — метод, пока еще не практикуемый эстонскими этнографами.

Изучать быт рыбаков оторванно от жизни всего трудового населения, особенно крестьянства, немыслимо. Но изучение современного быта колхозного крестьянства, даже сбор фактического материала, в Эстонии пока еще недостаточно хорошо поставлены. Первые попытки исследовать быт колхозников, осуществленные в 1950 г., оказались не вполне удачными. В дальнейшем до последнего времени внимание эстонских этнографов было почти безраздельно обращено к прошлому. Настало время и в Эстонской ССР серьезно заняться изучением современного быта. Эта задача должна стать центром внимания создаваемого при Институте истории Академии наук Эстонской ССР сектора этнографии.

Р. ДЕНИСОВА

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА КРЕЙЧИ

В восточной Латвии, в двух километрах к юго-востоку от г. Лудзы, в течение 1956—1957 гг. производились раскопки неолитического могильника Крейчи. Вскрыто 23 погребения, которые, по данным Ф. Загорского, датируются II тысячелетием до н. э. Этот памятник представляет большой интерес, будучи первым известным нам неолитическим могильником с территории Латвийской ССР. Добытый в результате раскопок этого могильника археологический и палеоантропологический материал освещает наиболее древний период этнической истории народов Восточной Прибалтики и представляет дополнительные данные для решения проблемы путей заселения этой территории человеком.

К сожалению, пригодный для исследования краниологический материал из этого могильника очень скуден; удалось реставрировать только три более или менее полных черепа и одну черепную крышку. Два черепа (погр. V и XVI) принадлежали женщинам зрелого возраста, третий (погр. XXIII) — мужчине 20—25 лет. Из XII погребения сохранилась только черепная крышка, что затрудняет определение возраста и пола. Однако, исходя из особенностей строения лобной кости, мышечного рельефа и степени зарастания швов, можно думать, что она принадлежала мужчине 30—40 лет.

Мужской череп из погребения XXIII характеризуется крупными размерами горизонтальных диаметров, большой высотой и мезокрацией. Обращает на себя внимание хорошо выраженный мышечный рельеф, сравнительно наклонный лоб и развитое надпереносье. Лицо очень высокое (133 мм), широкое (140 мм), резко ортогнатное и сильно профилированное (назомаллярный угол 138°). Угол носовых костей очень большой (42°), переносье высокое (симметрический указатель 50), спинка носа прямая (см. табл. 1).

Такие признаки, как сильно выступающий нос, высокое переносье, хорошо профилированное лицо, придают черепу ярко выраженный европеоидный облик. Это очень массивный, мезокраний с хорошо выраженными европеоидными особенностями череп. Графическая реконструкция, созданная М. М. Герасимовым, полностью подтверждает этот вывод (см. рис. 1).

Черепная крышка из погребения XII, принадлежавшая, по всей вероятности, мужчине, небольших размеров, по указателю мезокраний. Вследствие фрагментарности находки сказать о ней большее трудно. Однако мезокrania, сильно развитое надпереносье, протяженность надбровных дуг, заметная покатость лба и выраженный мышечный рельеф дают некоторое основание сблизить этот череп с мужским черепом из погребения XXIII. Различия в горизонтальных диаметрах этих черепов, возможно, являются результатом их индивидуальных особенностей.

Женский череп из погребения V характеризуется большими размерами продольного и поперечного диаметров, мезокрацией, очень слабо развитым мышечным рельефом, слабо выступающей глабеллой и слабо наклонным лбом. Лицо средневысокое, очень широкое, зурипрозное и слабо профилированное (назомаллярный угол 141°). Угол носовых костей небольшой (22°), переносье низкое (симметрический указатель 34,4), спинка носа вогнутой формы. Обращает на себя внимание большое межглазничное расстояние (см. табл. 1).

Женский череп из погребения XVI, в отличие от предыдущего, характеризуется меньшим размером продольного диаметра и выраженной брахикрацией. В лицевом отделе этих черепов существенных различий не наблюдается. Следует только отметить, что у черепа из погребения XVI горизонтальная профилировка еще более слабая (назомаллярный угол 147°), чем у черепа из погребения V. Труднее поддаются сравнению признаки носовой области, так как у черепа из погребения XVI не сохранились носовые косточки. Однако в результате произведенной реставрации, в правильности которой нет оснований сомневаться¹, представляется возможность заключить, что носовые косточки у этого черепа также выступают слабо, переносье низкое и слабо профилировано, межглазничное расстояние большое.

¹ Приношу глубокую благодарность Г. В. Лебединской и Т. С. Сурниной, принявшим участие в реставрации черепов. Череп из погребения V реставрирован К. Ю. Марк.

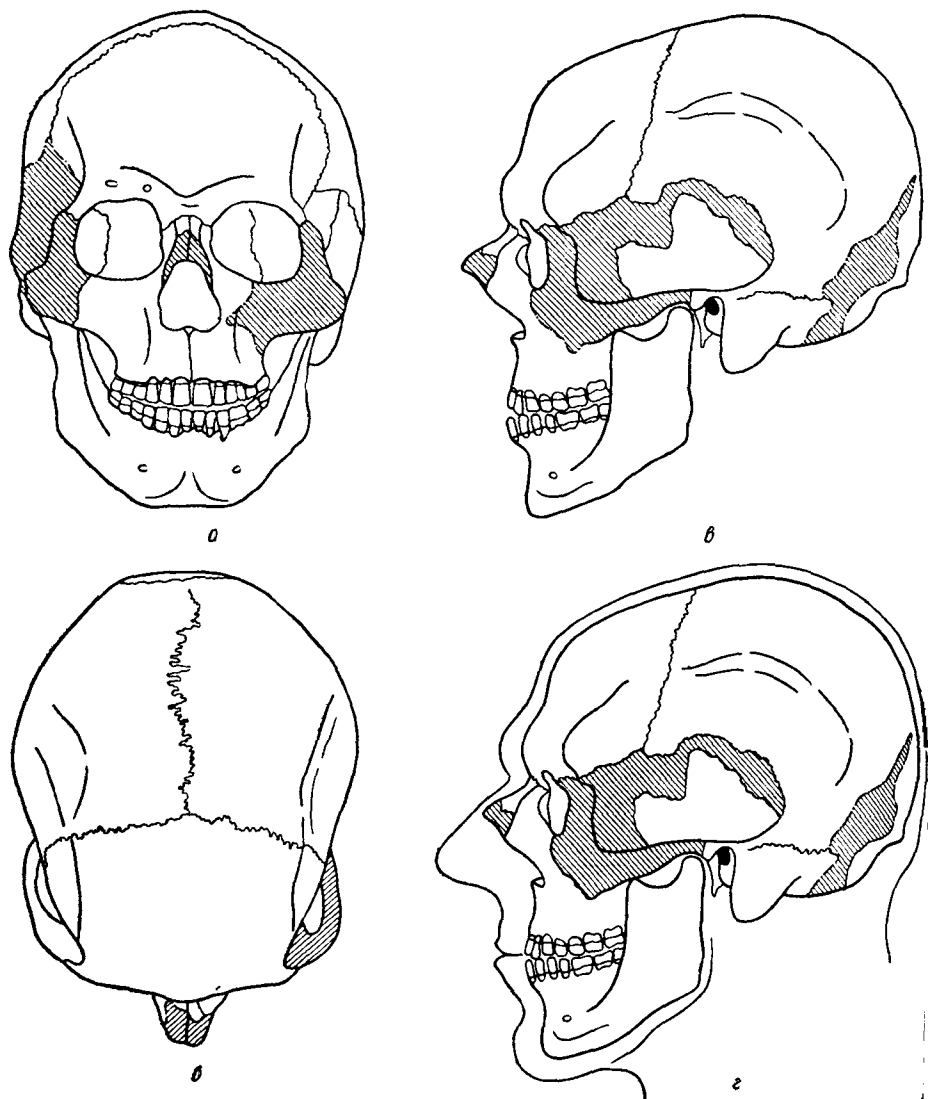

Рис. 1. Мужской череп (погр. XXIII) (г здесь и ниже — графическая реконструкция М. М. Герасимова)

Следовательно, женские черепа из могильника Крейчи по целому комплексу признаков имеют определенное сходство. Оба они характеризуются крупными размерами черепной коробки, слабо развитой глабеллой, слабо наклонным лбом и отсутствием мышечного рельефа. В лицевом отделе их сближают такие признаки, как зурипрозопное, слабо профилированное лицо, небольшой угол носовых костей и низкое переносье. У обоих женских черепов в первую очередь отмечаются общая грациальность, плосколицесть и слабое выступание носа (см. рис. 2 и 3).

При сопоставлении всех черепов без особого труда выявляются два различия комплекса признаков: массивность, мезодолхокрания, сильная профилировка лица и резкое выступание носа у мужского черепа из погребения XXIII и грациальность, брахикрания, слабая профилировка лица и небольшое выступание носа у женских черепов из погребений V и XVI. Эту разницу нельзя объяснить половым диморфизмом, как нам кажется, по двум причинам. Во-первых, между мужским черепом с одной стороны, и женскими, с другой, — наблюдается большое различие по целому комплексу важных расодиагностических признаков. Во-вторых, половой диморфизм вообще не проявляется в горизонтальной профилировке лица, а поэтому разницу в назомаллярном угле в 9° у этих черепов нельзя объяснить их половой принадлежностью. Большие различия по тем признакам, которые были определены на исследованных черепах, нередко свидетельствуют о разнородности серии. Как известно, малые

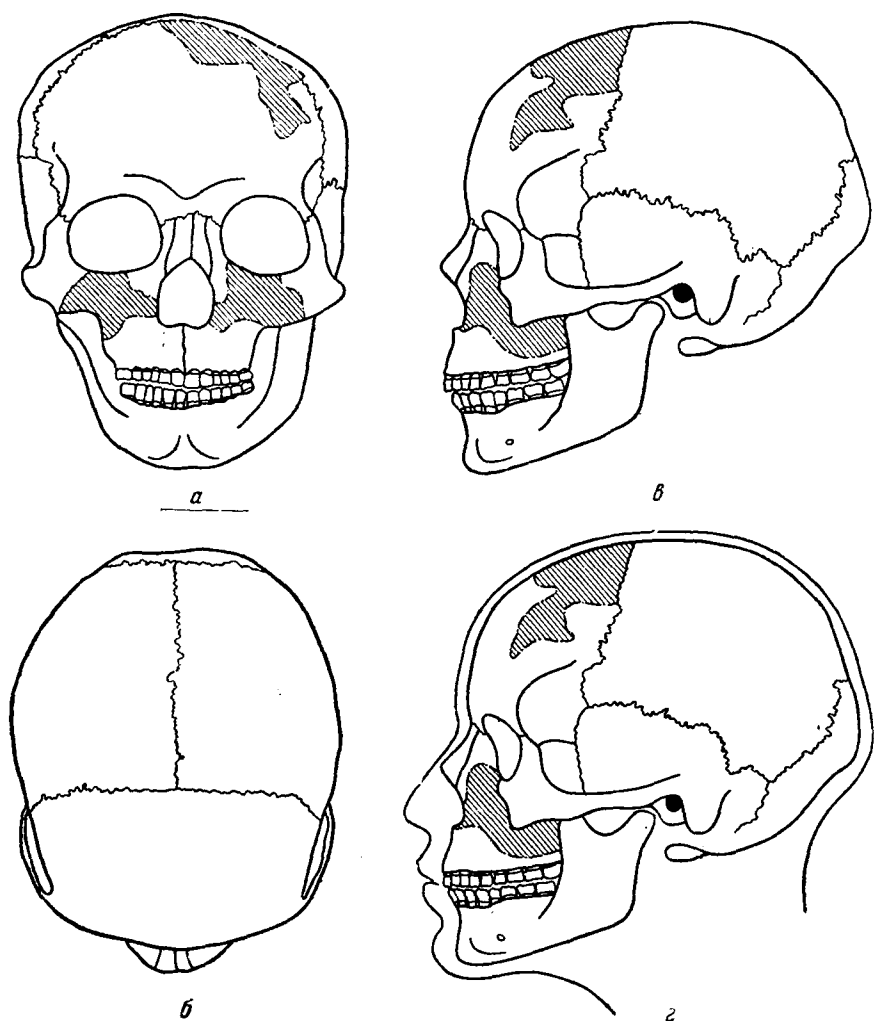

Рис 2. Женский череп (погр. V)

величины назомаллярного угла характерны для европеоидов, а большие для монголоидов. Если в нашей серии мужской череп имеет хорошо выраженные бесспорно европеоидные черты, то этого, очевидно, нельзя сказать о женских черепах. Их плосколицесть и слабое выступание носа скорее свидетельствуют о монголоидных особенностях.

В целях большей объективности в анализе материала были вычислены размеры мужских черепов, соответствующие тем размерам, которые были определены на исследованных женских черепах. Эти вычисления произведены на основании среднего коэффициента полового диморфизма². Как видно из таблицы 1, коррелирование не сгладило тех различий, которые отмечались в нашей серии. Черепа из погребений V и XVI по-прежнему выделяются более высоким черепным указателем, очень широким, средневысоким и слабо профилированным лицом, небольшим углом носа и слабо выступающим переносьем. Все это еще раз свидетельствует о наличии в краниологической серии из могильника Крейчи двух антропологических типов, один из которых — ярко выраженный европеоид, второй имеет некоторые монголоидные признаки.

Аналогию тому типу, который представлен мужским черепом (погребение XXIII), находим среди неолитических черепов культуры боевых топоров в Эстонии³. Представителями того же типа с более южных территорий являются скорченные и окра-

² Неопубликованные данные Г. Ф. Дебеца.

³ К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, М., 1956, стр. 204—207.

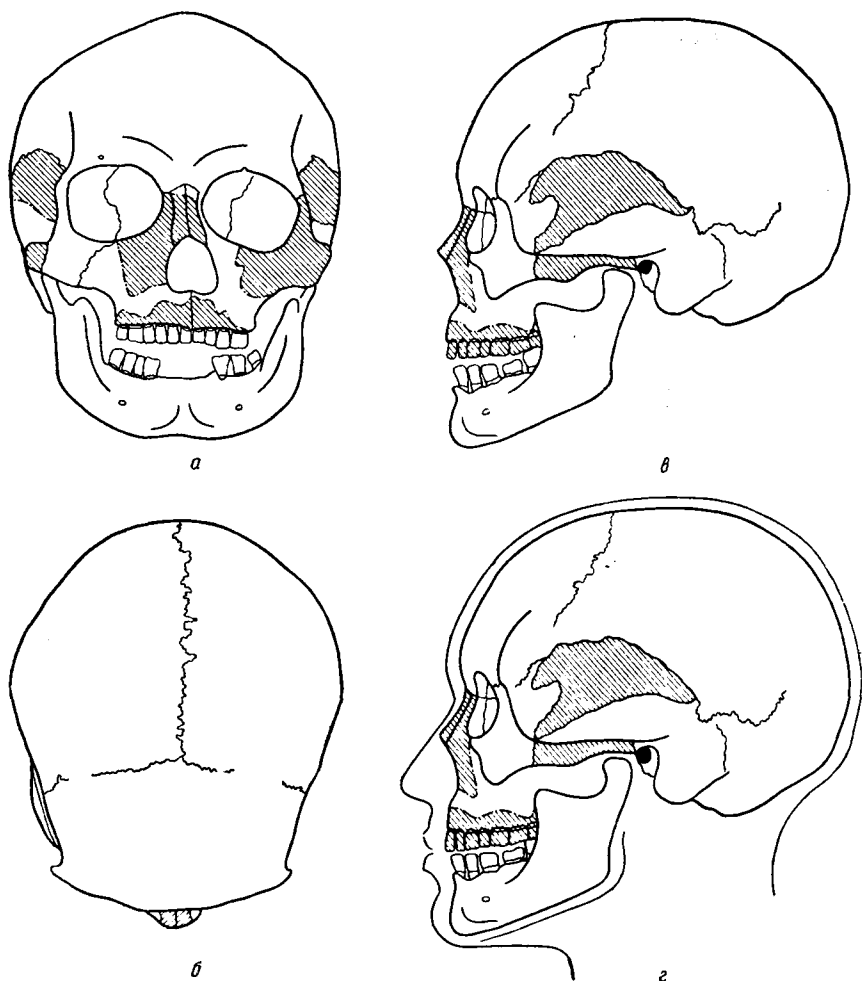

Рис 3. Женский череп (погр. XVI)

шенные костяки Поднепровья⁴, а также, судя по фотографиям, черепа из Кауп Калининградской области⁵.

Брахикранный, грацильный тип со слабо профилированным лицом и слабо выступающим носом, представленный женскими черепами (погр. V и XVI), обнаруживает большое сходство с физическим типом носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с территории Эстонии. В особенности это относится к черепам из Тамула⁶. Значительное сходство женские черепа из могильника Крейчи обнаруживают также с женскими черепами из Каравайхи и Модлон⁷ (см. табл. 2). Необходимо отметить, что в неолитическом могильнике Крейчи представлена главным образом ямочно-гребенчатая керамика. Следовательно, на востоке Латвии, так же как в Эстонии и в лесной полосе Европейской части СССР, брахикранный тип с монголоидными признаками связан с культурой ямочно-гребенчатой керамики.

Европеоидный антропологический тип эпохи неолита на территории Восточной Прибалтики связывается с предками балтов — носителями культуры боевых топоров.

⁴ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 98.

⁵ J. Heydeck, Zwei Steinzeitskelette liegende Hocker in dem Prussia-Museum, «Sitzungsberichte Altertums-geschichte Prussia», Hf. 18, Königsberg, 1893, стр. 46 сл.

⁶ К. Ю. Марк, Указ. раб., стр. 202—203.

⁷ М. С. Акимова, Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XVIII, М., 1953, стр. 58—61.

Таблица 1

Неолитические черепа из могильника Крейчи

№ по Мартину	Признаки	Пол.	♂		♀		Корректированные величины	
		Погреб.	XXIII	XII	V	XVI	V	XVI
1	Продольный диаметр		196	177	182	176	191	184
2	Поперечный »		147	141	142	145	147	150
17	Высотный » (<i>ba — br</i>)		138±2	—	132	125	138	131
5	Длина основания черепа		—	93	109	95	116	101
20	Высотный диаметр (<i>po — br</i>)		118	—	115	111	—	—
9	Наименьшая ширина лба		90	—	104	98	107	101
10	Наибольшая » »		115	—	125	116	130	121
11	Ушная ширина		125	—	112	116	117	121
12	Ширина затылка		—	—	106	116	110	120
45	Скуловой диаметр		140±2	—	138	133	148	143
40	Длина основания лица		—	—	98	92	102	96
48	Верхняя высота лица		75	—	66	65±2	71	70±2
47	Полная » »		133	—	116	112±2	125	121
43	Верхняя ширина лица		105	—	109	108	113	112
46	Средняя » »		—	—	107	—	113	—
55	Высота носа		51	—	51	48	54	51
54	Ширина »		27	—	24	21±1	25	22±1
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>		41±2	—	44	42	46	44
52	Высота орбиты		32	—	31	33	32	34
60	Длина альвеолярной дуги		—	—	49	48±1	52	51±1
61	Ширина » »		65	—	61	—	64	—
62	Длина нёба		—	—	46	39±2	48	41±2
63	Ширина »		42	—	38	34±2	40	36±2
50	Межглазничная ширина (<i>mf — mf</i>)		19	—	23	—	—	—
MS	Высота над (<i>mf — mf</i>)		11,2	—	9,7	—	—	—
43	Бималлярная хорда		98	—	103	101	107	105
	Высота назиона над б/м хордой		18,5	—	18,0	15,0	—	—
	Назомаллярный указатель		18,9	—	17,5	14,8	—	—
	Назомаллярный угол		138,0	—	141	147	141	147
SC	Симотическая хорда		10	—	9	—	9	—
SS	Симотическая высота		5,0	—	3,1	—	3,7	—
SS:SC	Симотический указатель		50,0	—	34,4	—	41,1	—
32	Угол лба (<i>n — m</i>)		79	—	82	82	79	79
	Угол лба (<i>gl — m</i>)		70	—	78	75	74	71
72	Общий угол лица		91	—	83	—	83	—
73	Угол средней части лица		96	—	85	81	85	81
74	Угол альвеолярной части лица		77	—	72	—	72	—
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля		42	—	22	—	26	—
75	Угол носовых костей к горизонтали]		49	—	62	—	—	—
	Надпереносье (1—6)		4	3	2	2	—	—
	Надбровные дуги (протяжение 1—3)		2	2	2	1	—	—
	Клыковая ямка (глубина 0—4)		3	—	—	—	—	—
	Нижний край грушевидного отверстия	Sulc. pr.	—	—	Anth.	Anth.	—	—
	Сосцевидный отросток (1—3)		3	—	2	2	—	—
	Norma verticalis	Ov.	Ov.	Ov.	Ov.	Ov.	—	—
8:1	Черепной указатель		75,0	79,7	78,0	82,9	77,0	81,5
17:0,5	Смешанный высотный указатель		80,7	—	81,5	78,1	81,7	78,4
(1+8)								

Таблица 1 (продолжение)

№ по Мартину	Признаки	Пол.	♂		♀		Корректированные величины	
		Погреб.	XXIII	XII	V	XVI	V	XVI
9 : 8	Лобно-поперечный указатель		63,8	—	73,2	67,6	72,8	67,3
40 : 5	Указатель выступания лица		—	—	90,0	96,8	87,9	95,0
47 : 45	Лицевой указатель		95,0	—	84,1	84,2	84,5	84,6
52 : 51	Орбитный указатель		78,0	—	70,4	78,6	69,6	77,3
54 : 55	Носовой указатель		52,5	—	47,1	43,7	46,3	43,1
65	Мышелковая ширина		128	—	—	112±2	—	119
66	Бигониальная ширина		108±2	—	86	91	92	96
68	Длина нижней челюсти от углов		83	—	82	78	87	83
68(1)	Длина нижней челюсти от мышелков		117	—	106	108	111	113
70	Высота ветви		61	—	51	50	56	55
71a	Наименьшая ширина ветви		36	—	37	32	39	34

проникшими сюда в начале II тысячелетия до н. э. На археологическом материале из могильника Крейчи эта связь прослеживается слабо. Среди находок керамики обнаружен только один фрагмент, который, по-видимому, можно отнести к культуре боевых топоров. Найденные там зубы домашних животных⁸ также позволяют в известной мере связать стоянку Крейчи с земледельческими племенами этой культуры.

Исходя из всей совокупности палеоантропологических и археологических данных, можно полагать, что обитатели неолитической стоянки Крейчи были антропологически и, вероятно, этнически неоднородны. Брахикранный тип с монголоидными особенностями легко увязывается с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики—

Таблица 2

Неолитические черепа из могильника Крейчи и сравнительные данные

№№ по Мартину	Признаки	Латвийская ССР, Крейчи		РСФСР, Вологодская область		Эстонская ССР		Среднее Поднепровье	Латвийская ССР, Крейчи
		V ♀	XVI ♀	Караванха 1951 ♀	Модлон ♀	Тамула I ♀	Арду II ♂	Скорченные и окращенные костяки ♂	XXIII ♂
1	Продольный диаметр	182	176	174	174	177	205	193,0(14)	196
8	Поперечный диаметр	142	145	136	141	134	141	141,0(14)	147
17	Высотный диаметр (ba — br)	132	125	129	—	129	142	140,1(9)	138±2
45	Скуловой диаметр	138	133	128	132	130	140	136,2(11)	140±2
48	Верхняя высота лица	66	65±2	69	61	62	81	70,5(13)	75
SS:SC	Назомаллярный угол	141,0	147,0	143,0	147,0	142,1	136,0	—	138,0
	Симотический указатель	34,4	—	—	—	—	43,3	—	50,0
8 : 1	Черепной указатель	79,7	78,0	78,2	81,0	75,7	68,8	73,0(14)	75,0
48 : 45	Лицевой »	47,9	48,9	53,9	45,2	47,7	57,9	51,2(11)	53,6
54 : 55	Носовой »	47,1	43,7	50,0	45,7	55,6	48,2	49,5(13)	52,5
32	Угол лба n — m к горизонтали	82	82	Сильный	Слабый	—	81	80,5(11)	79
72	Общий угол лица	83	—	85	83	—	84	85,3(11)	91
75(1)	Угол носа	22	—	—	—	—	30	35,5(11)	42
	Надпереносье (1—6)	2	2	1	3	2	5	3,9(15)	4

⁸ Неопубликованные данные Ф. Загорского.

предками финно-угров. Ярко выраженный европеоидный облик мужского черепа, обнаруживающего большое сходство с физическим типом носителей культуры боевых топоров (Арду, Сопе и др.), может свидетельствовать о существовании на стоянке Крейчи и предков балтийских племен. Очевидно, более древними и многочисленными обитателями этой стоянки были носители культуры ямочно-гребенчатой керамики. Позже в соприкосновение с ними пришли носители культуры боевых топоров. В пользу такого предположения говорит и датировка краниологического материала: европеоидный мужской череп относится к более позднему этапу существования стоянки — третьей четверти II тысячелетия до н. э. Имеется полное основание полагать, что здесь происходило смешение этих двух типов. К сожалению, очень небольшая серия, которая имеется в нашем распоряжении, не может в достаточной мере осветить этот вопрос.

Таким образом, палеоантропологический материал из могильника Крейчи, являющегося первым неолитическим памятником этого рода с территории Латвии, подтверждает сложившееся в науке представление об этнических процессах, протекавших в Восточной Прибалтике в эпоху неолита. Антропологические данные, являющиеся одним из оснований этого представления, были известны главным образом на территории Эстонии. Теперь сюда может быть присоединена также территория Латвии.

Н. ТИПАНИНС

ЛАТВИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Латвийский этнографический музей на открытом воздухе — место, где представлено все многообразие материальной культуры латышей. Отличительной чертой этого музея является то, что в нем размещены целые комплексы элементов материальной культуры. Он знакомит посетителя с локальными особенностями быта населения различных районов Латвии. Четыре сектора музея представляют в миниатюре отдельные этнографические районы Латвии: Курземе, Видземе, Земгале и Латгале. В экспонированных на открытом воздухе усадьбах отображено не только характерное для каждой этнографической области размещение жилых и хозяйственных построек, но в определенном порядке расположены специфичные для соответствующего района орудия труда, предметы домашнего обихода и утварь. Кроме усадеб, в музее находятся и другие памятники, характеризующие хозяйственный и бытовой уклад латышского народа в XVII—XIX вв.

Хотя решение о создании Латвийского этнографического музея на открытом воздухе было принято еще в 1924 г., но открытие его состоялось только в 1932 г. Буржуазное правительство Латвии отнеслось к этому начинанию без особого интереса, в результате чего для подготовки музея к открытию понадобилось целых восемь лет. К этому времени на его территории находилось всего шесть экспонатов — построек, приобретенных на средства, собранные общественностью.

Во время буржуазной диктатуры экспозиция музея создавалась весьма тенденциозно. Буржуазному правительству неугодно было отображать в этой экспозиции социально-экономическое положение различных слоев населения, поэтому музеем приобретались преимущественно постройки зажиточных крестьян. Только после восстановления Советской власти быт различных социальных групп латышского крестьянства XVII—XIX вв. и их классовые противоречия получили правдивое отражение в экспозиции музея.

Немецко-фашистскими оккупантами были уничтожены архив и библиотека музея и в значительной части разрушены постройки-экспонаты. В послевоенные годы начались восстановление и расширение экспозиции музея, что позволило наглядно отразить быт различных социальных прослоек латышского крестьянства XVII—XIX вв.

Начиная с 1945 г. в музей стали перевозить постройки, характеризующие быт беднейших крестьян и сельских ремесленников. В последнее время приобретаются постройки, орудия труда, предметы домашнего обихода и утварь латышских рыбаков для показа на территории музея рыбацких поселений Курземского и Видземского побережий Балтийского моря.

Курземский сектор музея насчитывает четырнадцать построек-экспонатов. Большое место в этой экспозиции занимает усадьба курземского кулака второй половины XIX в., состоящая из жилого дома, клети и бани. В центре находится жилой дом из б. Лиепайского уезда, построенный в 1830-х гг. (рис. 1), с кухней «мантелскурстенис» — типичное для Курземе жилище. Левая часть дома разделена на две части: первая — большая «семейная» комната, в которой жили и работали батраки; вторая, меньшая, — комната хозяев. В доме расставлены предметы домашнего обихода: мебель, прялки, посуда.

Интересна клеть, построенная в 1767 г. (рис. 2). Это — образец курземской сельской архитектуры XVIII в. Обычно клетки строили тогда на две половины: в одной из них хранили одежду, самодельные ткани, пряжу, кожи, овчины, а в летнее время здесь спали; другая половина предназначалась для хранения продуктов.

Усадьба курземского крестьянина-бедняка, перевезенная из б. Алсунгского уезда, состоит из курной избы, клети и хлева, построенных в конце XIX в. Курная изба и клеть объединены под одной крышей, что было характерно для усадеб бедняков Курземе.

В Курземском секторе музея размещены также кузница второй половины XIX в., смолокурня, построенная в 1860 г., курная изба рыбака первой половины XVIII в. (рис. 3) и будка для сетей.

Большой интерес представляет экспонированная в музее лютеранская церковь, построенная в 1704 г. на берегу оз. Усма в Кулдигском уезде. Прибалтийские бароны

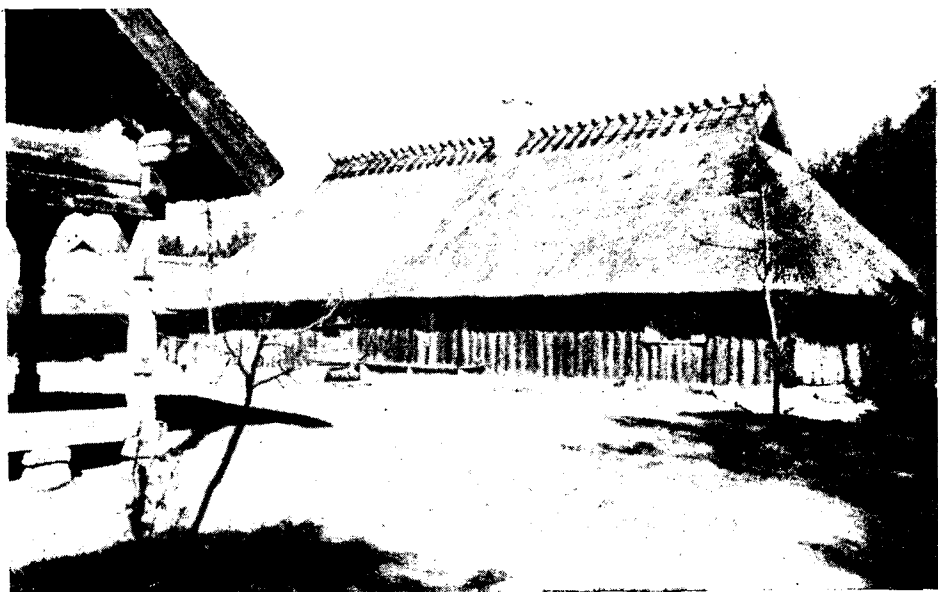

Рис. 1. Курземский сектор. Жилой дом, построенный в начале XIX в. в б. Лиепайском у.

считали церковь, которую целиком держали в своих руках, одним из наиболее мощных орудий порабощения латышей. У входа в экспонированную церковь с левой стороны находятся изобретенные средневековой инквизицией приспособления — «позорный столб» и «позорная колода» для наказания «преступников», провинившихся перед бароном или церковью. Осужденных приводили сюда к началу богослужения и в присутствии прихожан сажали на камни, а ноги замыкали в отверстия позорной колоды. Такие «позорные» столбы и колоды при лютеранских церквях были широко распространены в Латвии вплоть до середины XIX в.

В Видземском секторе размещено шестнадцать построек. Центральную часть сектора занимает усадьба видземского крестьянина-середняка, состоящая из девяти построек-экспонатов: избы, скотного двора, летней кухни, будки для ручных жерновов, двух клеток, бани с жильем бедняка, риги и колодца. Жилой дом середняка построен в 1780-х годах и перевезен в музей из б. Мадонского уезда. Он состоит из избы и сеней; сперва изба была курной, и только в 1856 г. старая печь была заменена новой, с трубой. В избе налево от входных дверей стоит узкая кровать батрака; в противоположном углу — широкая, семейная кровать хозяев. Значительный интерес представляют мебель и предметы домашнего обихода: стол, стулья, кованый железный подсвечник и др.

Интересным объектом является баня с жильем бедняка, построенная в начале XIX в. в б. Валмиерском уезде. Такие комбинированные бани с жилым помещением помещики-бароны сдавали беднейшим крестьянам; за пользование этим жильем бедняк был обязан три дня в неделю ходить в имение на барщину. Во второй половине XIX в., когда в латышской деревне выделился слой богатых крестьян-собственников, бедняк должен был отработывать новому хозяину-кулаку за пользование жилой частью бани те же три дня в неделю.

Наиболее древним и интересным памятником в Видземском секторе является жилая рига-школа, построенная во второй половине XVII в. неподалеку от г. Валмиера. Эта постройка представляла собой обычную ригу из двух половин (одна — для просушки снопов, другая — для их обмола), с небольшой жилой пристройкой под общей крышей. Эта жилая рига бедного валмиерского крестьянина интересна тем, что в ней помещалась одна из первых в Видземе народных школ. В конце XVII в. в Латвии школ не было. Бароны выписывали для своих детей учителей из-за границы. В 1693 г. крестьяне, проживавшие возле Валмиера, решили обучать своих детей грамоте. Осенью этого года, после окончания молотбы в риге, в жилом ее конце поставили длинный стол, скамью, скамеечку для учителя, пригласили в качестве учителя некоего Яниса Веллера и открыли «школу». Жилая рига, уже будучи школой, продолжала выполнять свое прямое назначение: осенью в ней сушили и обмолачивали хлеб. Школьные занятия начинались после окончания всех сельскохозяйственных работ.

Центральное место в Земгальском секторе также занимает усадьба; она состоит из жилого дома, клетки, батрацкого скотного двора, риги и бани. Жилой дом и клеть обнесены частоколом. Остальные постройки расположены поодаль. Комплектование музеем земгальской усадьбы еще не закончено: в ней не хватает хозяйского скотного двора. Это — типичная кулацкая усадьба Земгале второй половины XVIII в.

Рис. 2. Курземский сектор. Клеть, построенная в 1767 г.

Жилой дом, перевезенный из б. Елгавского уезда, построен в 1770-х гг. Кухня с мантилскурстенисом делит дом на две части. Налево от кухни — две кладовые, заставленные всевозможными хозяйственными принадлежностями (ручные жернова, маслобойка, деревянная посуда и пр.). Направо расположены жилые помещения. Первая большая комната отведена для батраков. У самой двери стоит двухъярусная кровать батраков-подростков. В глубине комнаты — большой стол, вокруг него скамейки. За этим столом завтракали, обедали и ужинали батраки. У левой стены — большая кровать семейного батрака. У кровати — колыбель с подвешенной подножкой. Мать, сидя на краю кровати, ногой качала молотку, а руки тем временем выполняли разного рода работы: шитье, вязанье, штопанье и др.

Рис. 3. Курземский сектор. Курная изба рыбака, построенная в 1730-х гг. в рыбацком поселке Нида б. Лиепайского у. (внутренний вид)

Рис. 4. Латгальский сектор. Клеть, построенная в 1830-х гг

За батрацкой комнатой находятся две комнаты хозяев, обставленные с большой для того времени роскошью. Здесь стоят добротные шкафы, столы, буфет, стенные часы в полированном шкафчике. Богатый хозяин имел возможность заказывать городским кустарям мебель, приобретать фабричные ткани и т. д. Планировка и обстановка дома ярко отражают резкую грань, существовавшую между земгальским кулаком и его батраками.

Клеть, перевезенная из б. Бауского уезда, построена в 1755 г. В земгальских кулацких хозяйствах бывало по несколько больших и малых клетей, отдельных для зерна и одежды. Эта так называемая малая клеть находилась в саду вблизи дома и служила для хранения различных продуктов, повседневно расходуемых в хозяйстве.

Двор для батрацкого скота построен в 1780-х гг. в б. Елгавском уезде. Батрацкий скотный двор данного хозяйства имеет подковообразную форму; под общей крышей размещено девять отдельных помещений — три комплекта маленьких хлевов, сарайчиков и клетей, предназначенных для трех семейных батраков. Но батраку не велено было забывать, что все это он имеет по милости хозяина и за малейшееслушание может лишиться своего «состояния» и уйти с пустой котомкой за плечами.

Экспонированная в Латгальском секторе усадьба состоит из жилого дома, скотного двора, клетки и бани. Общий вид усадьбы, расположение построек, ворота, калитка, заборы и резные украшения окон дома, а также внутреннее оборудование жилого помещения весьма схожи с усадьбой зажиточных белорусских и русских крестьян. Такие усадьбы принадлежали богатым латгальским крестьянам. Жилой дом построен в 1860 гг. и перевезен на территорию музея из б. Краславского уезда. Сени делят избу (устабу) на две половины. Налево от сеней — жилое помещение, большую часть которого занимает печь. В глубине комнаты — большой стол, вокруг него — лавки, в «красном углу» висит икона. В другом конце дома — холодное темное помещение-кладовая, в которой размещены ручные жернова, деревянная полка для хранения посуды, сундуки для складывания одежды, тканей, пряжи.

Скотный двор, перевезенный из б. Резекненского уезда, построен в 1830-х гг. Он объединяет под одной крышей конюшню, хлевы, сарай для сена и клеть. Под навесом ставили телеги, плуги и другой инвентарь. Здесь хранится интересный экспонат — телега, сделанная целиком из дерева.

В Латгальском секторе большой интерес представляет курная изба бедняка из б. Резекненского уезда, построенная в 1750 г. Большую часть этого скудного жилья занимает курная печь. Во время топки дым выходил в открытую дверь и прорубленное в стене окошко. Свет проникал в избу через другое оконце. В этой избе жила семья бедняка из девяти человек. Там же экспонирована клеть, построенная в 1830-х гг. (рис. 4).

На территории музея имеется корчма, построенная в 1780-х гг. на большой дороге, ведущей в Ригу. Немецкие бароны, получавшие крупные доходы от производства спирта и пивоварения, покрыли Латвию густой сетью кабаков, в которых спаивали народ. У каждой церкви или мельницы и на перекрестках больших дорог ставили корчмы. Туда заезжали на ночлег крестьяне, направлявшиеся с возами на городские

базары и застигнутые ночью в пути. Крестьянин не замечал того, что, спасаясь от возможного грабителя в лесу, попадал в лапы хитрого и безжалостного эксплуататора, которому оставлял не только последние свои кровью и потом добытые гроши, но нередко и большую часть добра, предназначенного для продажи на городском рынке. Нередко корчма бывала местом сделок между кулаками и нанимавшимися к ним батраками; в Юрьев день, например, туда стекались ищущие работы бедняки, продававшие себя за бесценок целыми семьями.

Большой заслугой Этнографического музея является то, что он знакомит посетителя с развитием материальной культуры во взаимосвязи с конкретными социально-экономическими условиями.

Разборку, перевозку и восстановление построек-экспонатов музей выполняет главным образом своими силами. В штате его имеются заведующий хозяйством, садовник-декоратор, столяр-реставратор. Принимают участие в этой работе и Научно-реставрационные мастерские Комитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров ЛССР. Эти мастерские, существующие с 1951 г., в последнее время развернули свою деятельность довольно широко.

В музее ведется большая работа по консервации древесины деревянных построек и мелких экспонатов. Принимаемые меры распространяются и на ранее установленные в музее постройки, так как прежде консервация построек музеем не производилась. Эта важная работа проводится под руководством инженера-химика.

Ввиду того, что в семилетнем плане предусмотрен широкий размах строительства в сельских местностях Латвии, что, естественно, влечет за собой ликвидацию хуторов с их старинными постройками, центральной задачей в ближайшие годы будет перенесение в музей соответствующих образцов народного зодчества. Необходимо отметить, что в каждом этнографическом районе Латвийской ССР при одном из краеведческих музеев создан отдел народного быта по типу Латвийского этнографического музея, куда также свозятся наиболее характерные деревянные постройки соответствующего района. Такие отделы созданы при краеведческих музеях в городах Вентспилс (Курземе), Екабпилс (Земгале), Цесис (Видземе) и Лудза (Латгале). Число перевезенных туда построек пока еще невелико, но при дальнейшем развитии этого дела роль краеведческих музеев в общей работе по сохранению памятников народного зодчества может быть значительной.

Музей ведет большую культурно-просветительную работу. Число посетителей из года в год непрерывно увеличивается. В 1959 г. в музее побывало 61 550 чел. Основные посетители — учащиеся, служащие, колхозники, гости из союзных республик и зарубежных стран. Для более широкого ознакомления с материальной культурой латышского народа в музее организуются выставки, построенные на имеющихся в его фондах материалах. Очень популярны выставки, знакомящие посетителей с народным прикладным искусством: керамикой, вышиванием, резьбой по дереву и др.

Неоднократно издавались на русском и латышском языках хорошо иллюстрированные путеводители по музею с пояснительным текстом.

Музей ведет также большую научно-исследовательскую работу. Изучаются хранящиеся там коллекции. Ежегодно организуются командировки и экспедиции, во время которых собираются данные по различным темам материальной культуры латышей. Фонды и экспозиция музея нередко используются сотрудниками различных научно-исследовательских учреждений Риги и других городов Советского Союза.

В 1959 г. сотрудники музея работали над следующими индивидуальными темами: 1) Реакционная роль католической церкви в жизни крестьянства Латгале в XIX в.; 2) Насаждения в латышской крестьянской усадьбе в Видземе во второй половине XIX и начале XX в.; 3) Обработка льна в Видземе в XIX в.; 4) Рыбачьие поселения в Курземе.

Ученый совет музея состоит из видных деятелей соответствующих научных учреждений Республики. Совет рассматривает важнейшие принципиальные вопросы работы музея.

В 1959 г. прежнее название «Государственный музей крестьянского быта Латвии XVII—XIX вв.» было заменено новым — «Латвийский этнографический музей», что дает возможность значительно расширить его научную тематику.

Министерством культуры Латвийской ССР предложено организовать в музее постоянную выставку изделий прикладного искусства, пополняя ее лучшими работами, представляемыми на республиканских выставках, с тем чтобы в ближайшие годы на базе собранных материалов создать самостоятельный музей народного прикладного искусства.

О РАБОТЕ ЛАТВИЙСКОГО ОТРЯДА ПРИБАЛГИЙСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. в Латвийской ССР продолжал работу этнографический отряд Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.

Работа отряда в составе семи человек продолжалась полтора месяца (сентябрь — октябрь)¹.

Отряд проводил основную полевую работу на территории Краславского района Латвийской ССР, а рекогносцировочные обследования — на территории БССР, в частности в Полоцком районе. Кроме того, Р. Я. Денисова собирала этнографический и антропологический материал на территории Баусского района Латвийской ССР, а О. П. Бояр работала на территории Великолукской области РСФСР.

Краславский район — смешанный в этническом отношении; здесь живут латыши (латгалцы), русские (потомки бывших старообрядцев) и белорусы.

Сбор материала в 1959 г. проводился, как и в предыдущие годы, в плане всестороннего этнографического изучения народов Советской Прибалтики — их происхождения, этнической истории, культурных взаимоотношений с соседними народами (в Краславском районе, в частности, с русскими и белорусами), а также социалистического колхозного быта.

Маршрут отряда был составлен на месте с учетом полученных в райисполкоме данных о национальном составе района, об экономике колхозов. Изучались колхозы с преобладающим латышским (латгальским), с преобладающим белорусским и преобладающим русским населением. Были обследованы десять колхозов Аулейского, Шкельтовского, Извалтского, Красноармейского, Калниешского, Ионинского, Козиньского и Краславского сельских советов. Дополнительно были проведены работы в Домниковском и Сестренском сельсоветах Полоцкого района БССР с тем, чтобы получить сравнительный материал для анализа культуры белорусов Краславского района, которые некогда представляли единое целое с населением теперешней БССР.

Следует отметить, что населенные пункты колхоза имени Куйбышева Домниковского сельсовета в Полоцком районе не были разрушены во время войны, тогда как деревни и рабочий поселок совхоза Сестренского сельсовета построены после войны на месте пепелищ; это был район очень активного партизанского движения в Белоруссии. Кроме сбора полевого этнографического материала (в первую очередь по этническому составу и расселению отдельных этнических групп), были изучены этнографические коллекции в Полоцком краеведческом музее и в Государственном историческом музее в г. Риге.

Исследования по национальному составу Краславского района показали, что русское население сосредоточено в северной части района, латышское (латгальское) — в западной, белорусское — в восточной и южной частях. Основным источником для изучения этого вопроса были похозяйственные книги сельсоветов. Участниками отряда делались выписки о национальном составе каждой семьи изучаемого колхоза и сводные сведения по другим колхозам сельсовета. При сборе этого материала возникали иногда неясности в определении национальной принадлежности отдельных членов семьи, особенно при смешанных браках. Уточняли это путем опроса членов данной семьи.

Интересные данные для выяснения этнической истории этого района дали материалы по топонимике, показавшие, что в северной его части названия лесов, болот — русские, в северо-западной части — русские и латгальские вперемешку, в восточной и южной части — белорусские, что совпадает с расселением на территории района всех трех этнических групп. Белорусы — исконные жители территории Краславского района. Русские (потомки бывших старообрядцев) переселились сюда в XVII—XVIII вв. По

¹ Начальник отряда Р. Я. Денисова, этнографы — Н. И. Лебедева, Э. А. Каменецкая, Л. А. Ингульская, М. Н. Морозова, О. П. Бояр, художник Н. А. Юсов.

численности преобладает латышское (латгальское) население, второе место принадлежит белорусам, третье — русским.

Смешанные браки русских с латышами и белорусами раньше были редким явлением. Между латышами и белорусами браки заключались несколько чаще. Этому способствовало то обстоятельство, что как латыши (латгалцы) Краславского района, так и белорусы были католиками. В настоящее время браки свободно заключаются между всеми тремя группами населения.

Национальная принадлежность детей в смешанных семьях определяется по-разному.

Материал о составе семей собран по хозяйственным книгам, а также путем опроса населения и записи биографий в отдельных семьях. Обследовано анкетным методом 1740 семей. Выяснилось, что в каждой колхозной семье несколько лиц работает вне колхоза, главным образом в городах, но экономически они часто сохраняют связь со своей семьей.

Главой семьи, как правило, является муж, а после его смерти — жена. Если в дом в прошлом был взят приймак (т. е. муж поселялся в доме жены), то главой такой семьи чаще до настоящего времени считается жена.

В семьях, где только один работающий в колхозе и в домашнем хозяйстве обеспечивает семью (молодая жена или кто-либо из детей), иногда этот член семьи и считается главой ее.

Большое внимание уделялось изучению материальной культуры. Собран значительный материал по сельскохозяйственным орудиям, жилищам, одежде, домашнему прядению и ткачеству, вышивке. Сделано много зарисовок и фотоснимков.

Сельскохозяйственные орудия (соха, борона, цеп, вейлка, лопата, серп, коса, катки) и приемы работы у всех трех групп населения совершенно одинаковы. Различия имеются лишь в терминологии некоторых частей орудий.

Соха — с цельной рассохой, с короткими оглоблями; лемехи — коловые и пластинчатые. Соха изредка употребляется некоторыми колхозниками при перепашке или копке картофеля на приусадебном участке. Бороны: смык из еловых сучьев (дер. Дворище Красноармейского сельсовета), различные бороны с дубовыми зубьями (последние еще имеются в инвентаре колхозов). Цеп однотипен по всей территории — ремень проходит через отверстие в биле и надевается петлей на ручку. Лопата для веяния маленькая, у всех трех групп населения известна под названием «шuffling». Ею веют сидя. И цеп, и лопата — общие с соседней БССР, а также с некоторыми частями Псковской и Великолукской областей РСФСР. Известна молотба хлеба лошадьми при помощи катков.

Собранные материалы подтверждают преобладание традиционного типа жилища, характерного для восточных районов Прибалтики, и показывают изменения, происшедшие во второй половине XIX в. и особенно в 1920-е и 1930-е годы.

До организации колхозов (1949 г.) основной формой поселений был хутор. Некоторые селения вышли на хутора в 1907—1909 гг. по столыпинской реформе. Большая часть деревень была разбита на хутора в период буржуазной республики в Латвии.

Планировка старых деревень была уличная. Примером такой деревни, оставшейся на старом месте, является Сукайлино в Шкельтовском сельсовете.

Наиболее старым типом жилого дома у всех групп населения как на территории Краславского района, так и у белорусов в Полоцком районе БССР была курная изба с сенями. Из рассказов стариков-информаторов выяснилось, что последняя курная изба в Краславском районе исчезла около 70 лет тому назад. К курной избе стали пристраивать второе помещение, в результате чего получился дом с двумя избами и сенями посередине. В одной избе жили постоянно, другая считалась чистой, или праздничной. Вместо печи, топившейся «по-черному», стали делать печь типа русской, с трубой. Печь в старых домах расположена у боковой стены около двери, устьем к продольной стене.

Хлев в старину строили параллельно дому, причем крыши их смыкались (двухрядная планировка двора). Позднее, в конце 1920-х — начале 1930-х годов хлев стали строить на некотором расстоянии от дома, но по-прежнему параллельно ему и соединяли их воротами. Остальные хозяйственные постройки располагали свободно на усадьбе.

В новых домах колхозных поселков наблюдается довольно свободная планировка, а чаще всего устраивают перед домом небольшое крыльцо, из которого входят в сеню или столовую и кухню; по одну сторону от сеней расположена спальня, по другую — чистая комната; эти помещения делятся произвольно перегородками.

Планировка дворов и домов, построенных после Великой Отечественной войны в Полоцком районе, очень разнообразна. Хлева обычно стоят отдельно от жилой постройки и в самых различных положениях по отношению к ней.

Отряд Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции уделил большое внимание изучению коренных преобразований в типах поселений и облике населенных пунктов в связи с активным переселением колхозников с хуторов в благоустроенные колхозные поселки, с новым строительством в колхозах, которое заметно развивается по сравнению с предыдущими годами. Во всех колхозах, в которых были члены отряда, имеются проекты новых колхозных поселков, в соответствии с которыми интенсивно строили в первую очередь хозяйственные, производственные и общественные здания колхоза.

Таким образом, старый тип дома и планировка двора у всех трех этнических групп населения Краславского района (латышей, белорусов, русских) и белорусов Полоцкого района одинаковы. Отличия имеются только во внутреннем убранстве, в терминологии, в пропорциях построек.

При полевом сборе материалов по одежде в одинаковой степени уделялось внимание изучению старого и современного костюма. Старые формы одежды сохранились лишь у русских как одежда «моленная» и погребальная. Комплекс традиционной одежды приходилось восстанавливать по воспоминаниям пожилых людей. Сарафан и рубаха хранились у престарелой женщины в д. Шкельтово Краславского района, а у жительницы д. Сувалково также хранился большой набор домотканной одежды — юбки, рубахи с плечиками с блузкой и головной убор — «обертку» в виде белого покрывала с тканым узором по краям.

В народной одежде, как и в жилище, обнаружено много общих черт у всех трех групп населения: у латышей и белорусов — домотканные полосатые и клетчатые юбки, передники из одного полотнища; русские, латыши (латгальцы) и белорусы в прошлом носили лапти типа, который известен в литературе как «белорусский».

Специфичны для латышей (латгальцев) женская рубаха с нашивками на плечах, мужская туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, мужские штаны с трапециевидной вставкой; для белорусов — мужская и женская рубаха с «вставкой» (прямым поликом), штаны с четырехугольной вставкой; для русских — сарафан разных видов, женская рубаха с прорамками, мужская рубаха-косоворотка и штаны с клиньями, а также «московский» тип лаптя (наряду с «белорусским»). Совместная жизнь способствовала заимствованию латышами и белорусами русской рубахи-косоворотки и русских штанов с клиньями. В 1900-х годах у всех трех национальностей распространяется рубаха с кокеткой — «с блузкой».

Со второй половины XIX в. в обследованные районы интенсивно проникает городская одежда, начинается изготовление одежды городского покроя из домотканной. Появляются расклешенные юбки, мужские брюки, пиджаки и проч.

Материалы экспедиции позволяют восстановить типы народного костюма, бытовавшие ранее на данной территории; по ним можно также проследить особенности процесса перехода населения к одежде городского типа. И сейчас иногда встречается рабочая одежда из домотканной, но она по покрою не отличается от городской.

Итак, в старинной одежде, как и в жилище, обнаружено много общих черт, которые могут служить одним из доказательств постоянного культурного общения латышей, белорусов и русских. В настоящее время в одежде различий нет.

Домашнее прядение и ткачество у русских жителей этого района (у которых оно и раньше не было особенно развито) исчезли; у белорусов и в большей мере у латышей в некоторой степени сохраняются. В орудиях прядения и ткачества и в самих приемах прядения и ткачества у этих групп населения много общего, но есть специфика. В технике ткачества следует отметить широко развитое многоподножное ткачество, в котором латышские женщины достигли большого совершенства. Они изготавливают одеяла с разнообразными узорами и богатой расцветкой. Русские и белорусы многое переняли у них в технике ткачества. Наряду с многоподножным ткачеством отмечается широко развитое браное ткачество, образцы которого сохранились главным образом у русских и белорусов. У белорусов встречается и закладная техника ткачества.

Отрядом изучались комплексно все стороны жизни колхозного крестьянства — производственный быт, домашний быт и семейные отношения, культурное строительство (работа сельских домов культуры, колхозных клубов, библиотек, красных уголков, кружков колхозной художественной самодеятельности).

Для изучения экономического положения были выбраны колхозы лучшие, средние и отсталые. Были использованы колхозные годовые отчеты, велись беседы с колхозным руководством, партийными работниками, агрономами. Выяснены степень механизации, задрры, преобладающие сельскохозяйственные культуры, развитие фундаментального строительства помещений для скота. Собранный материал подтверждает рост и укрепление экономики в большинстве колхозов Краславского района.

В обследованных колхозах района преобладает животноводческое направление, в некоторых колхозах значительен также доход от льноводства.

В 1958 и 1959 гг. были сделаны значительные шаги к поднятию благосостояния населения отстающих колхозов Краславского района, начато строительство механизированных ферм, вводится многополье и большее, по сравнению с первыми годами колхозного строительства, употребление органических и минеральных удобрений.

Полевые материалы свидетельствуют об исторически сложившихся дружественных связях и тесных взаимоотношениях в быту живущих рядом народов — латышей, русских и белорусов и в то же время о самобытности культуры и быта каждого народа. Материалы эти позволяют сделать некоторые выводы об этногенезе и этнической истории населения Краславского района и соседних районов Белоруссии. Желательно, чтобы в 1960 г. Латвийский отряд продолжил полевую работу в восточных районах Латвийской ССР, пограничных с РСФСР и БССР, в первую очередь в Каравском районе, где русское население живет смешанно с латышским. Это, без сомнения, даст ценный материал по этнической истории края, а также по колхозному строительству.

М. Морозова

РАБОТА ЭСТОНСКОГО ОТРЯДА ПРИБАЛТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Работа по изучению современного быта и культуры колхозного крестьянства на территории Эстонской ССР только еще начинается. Летом 1959 г. Эстонский этнографический отряд Прибалтийской экспедиции приступил к выбору объектов для изучения в Рапласком районе республики. Раплаский район, один из наиболее крупных и густо заселенных, расположен в северо-западной части Эстонии. Территория района по своему административному делению входила в Харьюуский уезд; в состав района вошли бывшие приходы Рапла, Юуру, Хагери, частично Кос и Вяндра. Центр района — поселок Рапла — расположен всего в 56 км от столицы республики — Таллина.

Район индустриально-сельскохозяйственный; промышленность — пищевая и бумажная (на территории района находится бумажная фабрика Кохила, которая дает 12% всего производства бумаги по республике). На территории района расположены тридцать колхозов и восемь совхозов, основное хозяйственное направление которых — племенное животноводство (преимущественно крупный рогатый скот).

Район известен в истории Эстонии как место крупного крестьянского восстания 1858 г., так называемой «войны в Махтра» (известной широким кругам и за пределами Эстонии по одноименному роману Эд. Вильде).

Этнографические работы в Рапласком районе были начаты в июле 1959 г., когда Эстонский этнографический отряд в составе Н. Шлыгиной, Н. Грацианской, Г. Троск. Э. Кару и Х. Сирель посетил два колхоза — «Сядэ» («Искра») и «Пылдур» («Земляделец»). Отряду оказал помощь в работе местный краевед, председатель районной комиссии по охране природы и краеведению пенсионер М. Таупере. Осенью (октябрь-ноябрь) того же года работа в этих колхозах была продолжена сотрудницей Института этнографии АН СССР Л. Феоктистовой и М. Таупере.

Ниже мы приводим некоторые данные по колхозу «Сядэ» по тем темам, по которым в основном велась там работа: поселение, жилище, культурная и семейная жизнь и др. Сбор материалов велся методом сплошного подворного обследования. Впервые на территории Эстонии проводился сбор сведений при помощи посемейных анкет. Ряд сведений статистического характера был получен из архива правления колхоза.

Колхоз «Сядэ» по величине и показателям — один из средних колхозов в Рапласком районе. Колхоз имеет 2700 га земли, из них 815 га пахотных. В 1959 г. впервые колхоз получил доход свыше 1 млн. рублей, преимущественно за счет животноводства.

Почти все колхозники имеют и индивидуальное хозяйство (исключение составляют старики, которых обеспечивает касса взаимопомощи колхоза). На приусадебных участках, как правило, разводят небольшой огород, сеют ячмень и сажают картофель, а также закладывают фруктовые сады и ягодники. В личном пользовании колхозники, как правило, имеют корову, держат также овец, свиней и кур. В колхоз «Сядэ» входят четыре деревни. Две из них старые — Обло и Куиметса. Неподалеку от деревни Куиметса расположено поселение (азундус) Куиметса, возникшее после буржуазной аграрной реформы на разделенных мызных землях. Четвертая деревня Лагевайну — бывшая бобыльня. Это одна из тех характерных для Эстонии деревень, которые создавались во второй половине прошлого века помещиками с целью обеспечить свое хозяйство рабочей силой. Под такие поселки отводились обычно худшие помещичьи земли или отрезки от крестьянских земель, и на мелких наделах селились бобыли, преимущественно на условиях отработочной ренты. В Лагевайну наделы были около двух десятин и отбывали за них по три дня в неделю. Кстати, название Лагевайну деревня получила только с течением времени, первоначально она называлась просто Саунакюла, что можно перевести как «бобыльня деревня».

В старых деревнях дворы чаще всего стоят близко друг к другу. В деревне Обло они расположены в один ряд вдоль деревенской улицы, так что у большей части дворов заборы примыкают один к другому. В Куиметса можно выделить центральную, более старую часть деревни, в которой дворы стоят тесной группой по обе стороны проселочной дороги, а часть — расположена поодиночке или группами на значительном расстоянии от центра деревни и друг от друга.

В поселении (азундус) Куиметса планировка рассеянная, так как там с самого начала дворы ставили каждый на своем участке. В бобыльней деревне в настоящее время планировка рассеянная, но это происходит в значительной мере за счет того, что часть дворов со временем исчезла, а раньше они были расположены более тесно.

Общее количество дворов, входящих в колхоз, достигает сотни. Постройки в общем преобладают старые, многие дома были построены еще как жилые риги. Небольшая крестьяне строили жилище вместе с ригой еще и в 20-х годах нашего века, последний дом с ригой был построен в 1937 г. Жилища с ригой поздней постройки ставили уже так, что ригу с самого начала строили и как кухню, печь складывали с дымоходом, колосники устанавливали значительно выше человеческого роста и т. д. Старой же постройки риги позже были перестроены под кухни или использовались как подсобные помещения. Часть домов построена «по-городскому», т. е. отдельно от хозяйственных помещений. В последние годы некоторые колхозники отремонтировали, перестроили свои дома или поставили новые. Одни при этом придерживались типовых проектов (по проектам построено четыре дома), другие предпочли поставить дома (тоже четыре) по собственным планам. В отдельных случаях в новых постройках пла-

чировка остается традиционной: жилище точно воспроизводит планировку каморной части жилой риги. Однако явно сильнее тенденция строить дома по-новому. Характерно, что некоторые колхозники, перестроившие в последние годы старые жилища риги, сохранили в них на старом месте только внешние стены, внутри же сделано несколько спален (для разных поколений), столовая отделена от кухни, построена специальная ванная комната, из старого гумна сделаны мастерская и гараж. Два года назад начали проводить электрификацию колхоза; в основном она была закончена уже в 1959 г. Производственные постройки и центр колхоза радиофицированы. В остальных домах колхозников почти везде без исключения есть радиоприемники. В конце прошлого года в четырех семьях были уже телевизоры. За последние два-три года шесть семей купили автомашины.

Из ста семей, входящих в колхоз, сорок — малолюдные, это или бездетные пары, или одиночки. У остальных есть дети, причем у половины семей — один-два ребенка, а у других — трое-пятеро. В двадцати семьях все члены семьи — и дети и взрослые — живут в деревне постоянно.

Всего на территории колхоза сейчас живет около 300 человек, из них 30 человек работают на мукомольно-лесопильном районном комбинате, расположенном в д. Куиметса. В колхозе работают 60 мужчин и 40 женщин. Средний возраст постоянных работников колхоза довольно высок, что объясняется сильным отливом молодежи на производство в послевоенные годы в связи с бурно развивающейся промышленностью в Эстонии. В колхозе «Сядэ» средний возраст работников животноводческой бригады — 40 лет, а полеводческой — 50 лет.

Все члены колхоза — эстонцы, преимущественно местные уроженцы (в пределах бывшей волости). Из соседних волостей — 50 человек; это главным образом женщины, вышедшие сюда замуж. 20 человек — переселенцы из других районов Эстонии, в том числе группа переселенцев с островов. В досоветский период острова представляли собой наиболее отсталые и бедные районы республики, и население их ходило батрачить на материк. В д. Лагевайну работали батрачки из Сырве (о. Сааремаа), две из них вышли здесь замуж и остались навсегда. После войны сюда переселились несколько семей их родственников, хозяйства которых были уничтожены во время войны; сейчас они прочно осели в Куиметса.

Из ста человек старшего поколения восемьдесят окончили сельскую школу, в которой обучение велось три года. Десять человек из-за материальных трудностей не смогли посещать школу в течение всех трех лет и не закончили ее, а четыре женщины совсем не учились в школе. Только шесть человек закончили волостную министерскую школу, что может быть приравнено к шести годам обучения.

В годы буржуазной республики 42 человека учились в школе и все они закончили шестилетнюю местную школу. Из них 12 человек проходили, кроме того, двухгодичное специальное обучение. Это преимущественно женщины, которые окончили школу практического домоводства в Юуру, где обучались ткачеству, шитью, кулинарии и т. п.

Остальные учились уже при советской власти. Почти вся без исключения молодежь оканчивает семилетку. Очень велика тяга молодежи в город, на производство и на учебу. За послевоенные годы в город ушло около ста человек молодежи. Они работают в промышленности, на транспорте, на строительстве. Десять человек окончили высшие и специальные средние учебные заведения.

В настоящее время в колхозе охвачены обучением все дети школьного возраста. В школе в Куиметса 35 учеников, кроме того, восемь — в средней школе в Юуру, трое — в специальных школах в Таллине. Трое из молодежи Куиметса учатся в высших учебных заведениях.

Надо отметить, что в настоящее время в Эстонии, в связи с механизацией сельского хозяйства и достижениями колхозного хозяйства, наблюдается обратный приток молодежи из города и промышленных центров в деревню. То же самое происходит и в Рапласком районе. В колхоз «Сядэ» пришли люди, получившие специальное образование: председатель колхоза, зоотехник, агроном, электрик и др.

Материалы, собранные нами в Рапласком районе, пока что еще очень неполны. Но в дальнейшем тематика исследований будет соответственно расширена, а также будет увеличено число колхозов, в которых будет проводиться этнографическое обследование. Полевые работы в Рапласком районе возобновятся летом 1960 г.

*Л. Феоктистова (Кивисаар),
Н. Шлыгина*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Под ред. Х. А. Моора. Академия наук Эстонской ССР, Институт истории. Таллин, 1956. 328 стр.

Основные задачи этой ценной книги очень четко определены в первых же строках предисловия к ней. «Сложные вопросы этногенеза,— читаем мы там,— изучаются представителями ряда научных дисциплин: языковедения, археологии, палеоантропологии, этнографии и др. Процессы этнического формирования племен и народов восходят к весьма далекому прошлому, по которому каждая из названных отраслей науки в отдельности располагает лишь очень скудными и отрывочными данными. Поэтому неоднократно высказывалась мысль, что изучение вопросов этногенеза может дать полноценные результаты лишь при условии, если ими будут заниматься соответствующие отрасли науки не обособленно, а совместно» (стр. 3). В соответствии с этим единственным правильным подходом к изучению проблем происхождения народов и их дальнейшей этнической истории в рецензируемом сборнике помещены статьи эстонских языковедов, археологов, антропологов, этнографов и фольклористов, объединенные общностью тематики и взаимно согласованные еще в процессе их подготовки, которая проводилась под руководством редактора книги — проф. Х. А. Моора, одного из крупнейших ученых Советской Прибалтики, ныне действительного члена Академии наук Эстонской ССР.

Языковедам в сборнике принадлежат статьи П. А. Аристэ «Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития» (стр. 5—27) и А. Х. Каска «К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов» (стр. 28—48). Работы археологов наиболее многочисленны: к ним относятся статьи Х. А. Моора «Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии» (стр. 49—141), Л. Ю. Янитса «К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР» (стр. 142—171), М. Х. Шмидельхельм «О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.» (стр. 172—186), М. К. Вассара «К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии» (стр. 187—218). Из остальных трех статей одна написана антропологом (К. Ю. Марк — «Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии», стр. 219—242), одна — этнографом (А. Х. Моора — «Об историко-этнографических областях Эстонии», стр. 243—292) и одна — фольклористом (Х. Т. Тампере — «Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества», стр. 293—318). Все статьи написаны по-русски: в конце книги помещено их резюме на немецком языке (стр. 319—328). Сборник богато иллюстрирован — в нем 100 рисунков, среди которых особенно интересны многочисленные археологические, палеоантропологические, этнографические и диалектологические карты, фотоснимки и рисунки археологических памятников, найденных в них вещей, современных предметов материальной культуры эстонцев.

Нет никакой необходимости подробно излагать содержание каждой из перечисленных работ. В передовой статье настоящего номера журнала, а также в помещенных здесь же статьях Х. А. и А. Х. Моора и Н. Н. Чебоксарова как фактические материалы, так и главные результаты этих работ широко используются для обоснования выводов о существовании с древнейших времен (по крайней мере с периода неолита) особой восточнобалтийской историко-этнографической области с тремя подобластями (районами), о тесном взаимодействии в ее пределах прибалтийско-финских (эстоно-ливских) народов с балтийскими (летто-литовскими), о глубоких хозяйственно-культурных связях тех и других с соседними этническими группами, в особенности с восточными славянами (позднее — русскими и белорусами), а также со славянами западными (поляка-

ми), германцами (в частности, скандинавами) и финнами¹. Кроме того, ниже помещена рецензия Н. Н. Гуриной на книгу Л. Ю. Янитса «Поселения эпохи неолита и раннего металла в приусте реки Эмайгги», вышедшую уже после рецензируемого сборника и содержащую в более полном и развернутом виде те же основные выводы, что и статья того же автора, помещенная в рецензируемом сборнике.

Но, не излагая содержания каждой статьи сборника, необходимо сказать о некоторых общих чертах, присущих им всем. Самая важная из этих черт — комплексность в подходе к проблемам этногенеза, совместная творческая разработка их учеными различных специальностей. Речь идет в данном случае не просто о работе ученых на одной темой, но о взаимном «перекрестном» использовании материалов своих коллег, представляющих другие отрасли знания. Поэтому-то в языковедческих статьях Аристэ и Каска мы находим много ссылок на археологические работы, а в статьях Моора, Янитса, Шмидехельм, Вассара встречаем сопоставления данных археологии с лингвистическими, палеоантропологическими и фольклорно-этнографическими данными. Аналогичное использование данных других дисциплин характерно также для антропологических и этнографических статей, помещенных в сборнике. Такой комплексный сравнительный анализ материалов разных наук позволил эстонским ученым прийти к очень важному выводу, имеющему общенациональное значение, — к выводу о совпадении в основных чертах территории распространения локальных вариантов древних культур, антропологических типов, диалектов и историко-этнографических областей. Несмотря на качественные различия указанных вариантов, все они складываются только у реальных человеческих коллективов, занимающих определенные территории, и в той или иной форме отражают географическое размещение таких коллективов — древних племен и их групп — или более поздних народностей и наций. В Эстонии, например, уже по данным археологии выделяются два основных историко-культурных района — северо-западный и юго-восточный; они прослеживаются также по данным языкознания и палеоантропологии, а для более поздних времен — и по данным этнографии и фольклористики.

Комплексность в изучении вопросов этнической истории у эстонских ученых не ограничивается согласованной работой исследователей разных специальностей; комплексность эта очень ярко проявляется и в рассмотрении всех явлений в их развитии, связи и взаимодействии. Этногенетические процессы в Эстонии рассматриваются, исходя из этих установок, не изолированно, но в связи с аналогичными процессами в других частях Прибалтики и даже всей Восточной Европы. П. А. Аристэ пишет в своей статье о формировании всех прибалтийско-финских языков и об их взаимодействии с языками балтийскими (летто-литовскими), славянскими и германскими. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитс дают, по существу, археолого-исторический очерк этнического развития населения всей Восточной Прибалтики, т. е. Эстонии, Латвии и Литвы, вместе с соседними районами РСФСР. К. Ю. Марк рассматривает историю антропологического состава не только эстонцев, но и их соседей — балтийских и славянских народов. А. Х. Моора и Х. Т. Тампере постоянно сопоставляют эстонские этнографические и фольклорные материалы с аналогичными данными по соседним русским и латышским группам. И оказывается, что языковеды, археологи, антропологи и этнографы говорят примерно об одних и тех же связях эстонского народа на различных этапах его этнического развития, об одних и тех же этнических компонентах, вошедших в его состав.

В результате согласованных исследований ученых различных специальностей, охвативших Эстонию вместе со всеми примыкающими к ней районами, постепенно вырисовывается — пока еще, правда, в общих чертах — сложная этническая история эстонцев. Отдаленные их предки — древние прибалтийско-финские племена охотников и рыболовов, проникшие в Прибалтику с востока еще на заре неолита (в IV тысячелетии до н. э.), ассимилировали здесь, по-видимому, более раннее мезолитическое население, говорившее, возможно, на каких-то не дошедших до нас «палеоевропейских» языках. В начале II тысячелетия до н. э. территории Эстонии достигли продвигавшиеся с юга земледельческо-скотоводческие балтийские племена, передавшие прибалто-финнам многое из своей культуры, но постепенно растворившиеся среди них на севере Восточной Прибалтики. В I тысячелетии до н. э. прибалтийско-финские племена, уже делившиеся на северозападные, южноэстонские и ливские, находились в интенсивном хозяйственно-культурном взаимодействии с летто-литовцами и западными славянами на юге, поволжскими финнами на востоке, прибалто-финнами Финляндии на севере и скандинавами на западе. С середины I тысячелетия н. э. северные и южные эстонские племена вступили в тесное взаимодействие с восточными славянами (кривичами и ильменскими словенами), часть которых осела на юго-востоке Эстонии и впоследствии непосредственно вошла в состав эстонской народности, сложившейся в начале II тысячелетия н. э.

Таковы, по данным эстонских ученых, основные этапы этнической истории эстонского народа. Трудно найти в СССР другой народ, у которого они были бы выявлены с такой ясностью. Заслуга исследователей Эстонской ССР выступает здесь очень отчетли-

¹ См. выше: «Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики», стр. 3—20; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, стр. 21—51; Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики, стр. 94—115.

во; их опыт должен быть обязательно учтен учеными других советских республик, работающими над проблемами этнической истории. Вместе с тем можно высказать и несколько критических замечаний и пожеланий в адрес самих эстонских коллег. Самое главное из этих замечаний относится к слабому освещению этнической истории эстонцев в XIII—XVII вв., когда археология уже молчит, а этнография еще почти ничего не говорит. Здесь особенно необходимы анализ письменных памятников, привлечение к работе историков «в узком смысле слова», т. е. специалистов, работающих над памятниками этого рода. А историки в Эстонии (как, впрочем, почти всюду) в разработке проблем этнической истории участвуют пока очень мало. Использование исторических письменных источников дало бы возможность эстонским ученым в большей мере, чем это сделано сейчас, связать этническую историю своего народа с его социально-экономической историей. Статья Х. А. и А. Х. Моора, публикуемая в настоящем номере журнала, показывает, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Они должны быть доведены до современности: этническая история любого народа не заканчивается в середине века, но продолжается и в наши дни. Национальная консолидация — это и есть этническое развитие, происходящее в наше время; изучение его — одна из самых актуальных задач советских историков и в первую очередь этнографов. Надо надеяться, что в решении и этой задачи эстонские ученые окажутся в первых рядах.

Н. Чебоксаров

Л. Ю. Янитс. *Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР)*. Таллин, 1959, 380 стр. + 68 рис. + XXXV таблиц.

Рецензируемая книга — первый обобщающий труд по неолиту Эстонской ССР. До последнего времени изучению памятников, характеризующих древнюю историю Эстонии (в отличие от памятников более позднего периода), не было уделено достаточного внимания. Довольно суммарные и неотчетливые представления об этом длительном и важном периоде древней истории страны сложились лишь на основе случайных находок. Целеустремленные исследования в этом плане отсутствовали, что, естественно, не позволяло высказывать сколько-нибудь полные и обоснованные суждения. Впервые за решение этой важной проблемы взялись археологи Советской Эстонии.

Таким образом, сам факт появления данной книги — несомненно, важное событие в истории развития археологической науки не только Эстонии, но и, в большей мере, всего Советского Союза. Очень существенно при этом, что автор книги является вместе с тем и автором произведенных за последние годы раскопок неолитических поселений, которые и послужили основным материалом для обобщающих положений и выводов.

Читателю, познакомившемуся с содержанием указанной книги, становится ясно, что оно значительно шире весьма скромного ее названия, поскольку автор при использовании археологических источников и в своих выводах далеко выходит за пределы очерченной им территории — приустья р. Эмайыги. Он пользуется всеми известными к настоящему времени неолитическими памятниками Эстонии, давая их характеристику в главных чертах. Более того, также в сжатом виде им приведены и основные сведения о неолитических памятниках смежной территории — Латвии и Литвы.

Книга состоит из девяти глав.

Глава I (вступление) характеризует состояние изученности памятников эпохи неолита и раннего металла в досоветской Эстонии и попытки осмысления этих материалов отдельными археологами. Автор вскрывает политическую направленность сделанных ими выводов, обусловленных социальной принадлежностью этих археологов, вышедших из немецкого дворянства, как тенденциозное стремление показать отсталость местной культуры и приписать все достижения благотворному влиянию Запада.

Глава II посвящена описанию природной среды приустья р. Эмайыги. Автор показывает, что исследованные им памятники, использованные в качестве основных в этой работе, — Акали и Кулламяги — расположены на невысоких «болотных холмах», возвышающихся не более 0,5 м над большим пространством заторфованного болота. Время возникновения поселений относится к суббореальному периоду, о чем свидетельствует анализ пылицы и состав фауны.

Глава III характеризует поселение Акали, открытое в 1937 г. и исследованное в последующие годы (1949—1952 гг.), причем в общей сложности была вскрыта площадь, равная 515 м². В процессе раскопок выявлена стратиграфия памятника, которая положена автором в основу классификации археологического материала.

Глава IV посвящена описанию поселения Кулламяги, открытого в 1939 г. и исследованного в 1949, 1951 и 1952 гг., площадь которого равна 224 м². Отличие его от поселения Акали выражается в стратиграфии (культурный слой представляет песок вместо торфа), в меньшем количестве и однородности находок. Устанавливается, что Кулламяги было заселено людьми несколько позже, чем Акали.

В главе V дается краткий обзор поселений III — II тысячелетий до н. э., известных в настоящее время в Эстонии и на смежных территориях — в Латвии и Литве.

Глава VI содержит описание вещественного материала и сопоставление его с материалом других стоянок Эстонии и Латвии, причем в основу классификации положен стратиграфо-топографический принцип. Особое внимание уделяется керамике, которая делится автором на пять последовательно хронологических групп: 1) керамика нарвского типа; 2) ямочно-гребенчатая, с пятью подгруппами; 3) текстильная, с тремя подгруппами; 4) шнуровая и 5) керамика эпохи раннего металла, с двумя подгруппами. Для прочего вещественного материала — каменных, костяных орудий и янтарных украшений, встречаемых на поселениях Акали и Кулламяги, также устанавливается хронологическая последовательность на основании глубины залегания этих предметов в различных горизонтах культурного слоя.

В главе VII («Хронология») суммированы выводы, вытекающие из анализа материала, описанного в предшествующих главах. В существовании поселений Акали и Кулламяги устанавливаются отдельные этапы.

Первый — наиболее древний этап существования представлен керамикой нарвского типа. Приведенная ниже таблица показывает, что этот этап датируется первой половиной III тысячелетия до н. э. В начале второго этапа появляется ямочно-гребенчатая керамика, в развитии которой выделяются три стадии. В целом этот период датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Третий этап совпадает с третьей стадией ямочно-гребенчатой керамики. Форма орудий во многом сохраняет прежний облик. Данный период датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. В четвертом этапе ямочно-гребенчатая керамика заменяется текстильной и шнуровой. Автор считает вполне вероятным появление в этот период древних бронзовых предметов. Этот этап поселений совпадает со второй половиной II тысячелетия до н. э. Пятый и последний этап, характеризующийся господством керамики эпохи раннего металла (с отпечатками ткани и легкой штриховкой), датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.

В главе VIII автор делает попытку восстановить характер хозяйства и формы общественных отношений древних обитателей приустья реки Эмайыги. Исходя из топографии поселений, остатков фауны и анализа орудий, автор делает заключение, что основой хозяйства были рыболовство и охота.

Материал более поздних этапов поселения не дает вещественных доказательств наличия новых форм хозяйства. Однако, привлекая материал других памятников Эстонии, автор заключает, что предпосылки для занятия первобытным животноводством и земледелием на поселениях Акали и Кулламяги сложились уже на четвертом этапе их существования.

Жители обоих поселений составляли одну родовую группу, которая не была, однако, изолированной. На основании материала устанавливается наличие связей с племенами Валдайской возвышенности, Карелии, Приладожья, Финляндии и более южными территориями. Автор высказывает предположение, что общественно-экономические отношения этого времени развивались в направлении от матриархального к патриархальному родовому строю.

В главе IX и последней делается попытка установить этническую принадлежность древнего населения, оставившего после себя археологические памятники. Наибольшую сложность в этом отношении представляет мезолитический памятник Кунда. Сопоставление его с памятниками Польши, Литвы, Финляндии и Урала приводит к заключению, что население древнего поселения Кунда сложилось из этнически разнородных элементов, слившихся в культурном отношении. Население последующего этапа — владельцы керамики нарвского типа — вероятнее всего пришло из Прикамья. Различие между данной керамикой и последующей — ямочно-гребенчатой — приводит автора к заключению, что племена с ямочно-гребенчатой керамикой проникли на территорию Эстонии извне — либо из Приладожья, либо с территории, примыкающей к Эстонии с юга.

Начиная с этого времени, Эстония и Латвия остаются непрерывно заселенными, причем археологические памятники показывают непрерывное развитие культуры вплоть до укрепленных поселений I тысячелетия до н. э. Некоторое своеобразие керамики территориально различных, но хронологически близких памятников указывает в известной мере на наличие племенных групп.

Племена, употреблявшие шнуровую керамику, — пришельцы с юга — были, по-видимому, раннебалтийскими (литовско-латышскими). В течение длительного времени они существовали рядом с племенами ямочно-гребенчатой керамики, сохраняя, по-видимому, мирные отношения, в которых немалую роль должен был играть обмен. Позднее различия в форме хозяйства были нивелированы. Во II тысячелетии в Восточную Прибалтику проникли новые племена, для которых были характерны бомбовидные сосуды. По всей вероятности, они пришли с восточной территории Верхнего Поволжья.

Историческое развитие племен западной и северной Эстонии шло в общих чертах параллельно и в связи с развитием племен юго-западной Финляндии; по-видимому, между ними существовала и этническая близость. В заключительной части главы автор делает вывод, что предки прибалтийских финнов и балтийских племен обитали в Восточной Прибалтике (а также в Финляндии) уже в эпоху неолита.

Таково в общих чертах краткое содержание рецензируемой книги. Даже из столь сжатого перечня вопросов видно, что автор поставил и в основном разрешил важную

задачу обобщить весь материал по неолиту и раннему металлу Эстонии. Вместе с тем он постарался не только тщательно описать и систематизировать памятники, но и заставить их рассказать о живых людях, некогда обитавших на данной территории. В описании и анализе материала, несомненно, чувствуется серьезный исследователь, исходящий в своих выводах из фактов. Автор поступил правильно, назвав последующую за неолитом стадию развития общества «эпохой раннего металла» (термин, казавшийся до недавнего времени одиозным), так как он точнее, чем другие, отражает существо происходившего процесса на территории, удаленной от центров добычи медных руд, — лесной полосе Европейской части СССР.

Вместе с тем считаю необходимым отметить и некоторые выводы автора, вызывающие возражения или требующие более развернутых доказательств. К числу их относятся следующие.

1. Не подвергая сомнению правильность принципа хронологического членения археологического материала на основе глубины залегания его в культурном слое, все же хотелось бы для поселений Акали и Кулламяги иметь несколько более веские доказательства. Следует пожалеть, что поселения, стратиграфия которых положена в основу хронологической периодизации всего археологического материала, раскопаны лишь в столь незначительной степени (Акали 3%, Кулламяги 2% всей площади), тем более, что раскопки произведены не сплошной площадью — обычный для нас методический прием, — а шурфами и траншеями, не связанными друг с другом (Акали — 23 шурфа, Кулламяги — 21 шурф). Учитывая структуру культурного слоя (Кулламяги — песок, Акали — болотная почва) и сравнительно незначительную мощность его (от 60 до 80 см в Акали и от 15 до 60 см в Кулламяги), нельзя не предположить, что находки могли легко перемещиваться, в особенности если принять во внимание, что на поселениях люди ходили, копали ямы для костров или хозяйственных сооружений, вследствие чего более поздние вещи могли в ряде случаев оказаться внизу, и наоборот. Показательными в этом отношении являются когтевидные долота, один из самых оригинальных видов инвентаря. Исходя из глубины залегания и сочетания их с другими предметами, автор рецензируемой работы считает, что они появляются с самой ранней керамикой — нарвской и с ямочно-гребенчатой, потом исчезают, чтобы появиться снова со шнуровой и текстильной керамикой. Из наблюдения над данной категорией орудий, встречающихся в других поселениях, этого не вытекает.

2. Наиболее ранний этап заселения Эстонии (мезолитический) автор называет культурой Кунда-Суомусъярви, основываясь на хронологической и относительной территориальной близости памятников (Кунда — Эстония, Суомусъярви — Финляндия). Однако он не делает даже попытки подтвердить свой вывод фактами. А вместе с тем это весьма важное заключение требует серьезных обоснований, поскольку вещественный материал стоянки Кунда и стоянок Суомусъярви столь несходны между собой.

3. В заключительной части работы автор выдвигает интересные положения о происхождении керамики нарвского типа с Камы, а керамики типа Сперрингс — с Урала. Оба эти вопроса, несомненно, очень сложные и вместе с тем очень существенные, так как речь идет о возникновении наиболее ранней керамики лесной полосы Европейской части СССР. Особенно большой интерес за последнее время вызывает у археологов занимающихся неолитом не только северным, но и южным, появление керамики типа Сперрингс. Автор выводит нарвскую керамику из Камы, но не говорит при этом, с каким материалом камских стоянок мы можем сопоставить столь оригинальную керамику, как нарвская. По всей вероятности, это произошло потому, что в действительности такие стоянки на Каме пока неизвестны.

Придерживаясь точки зрения происхождения керамики типа Сперрингс с Урала, автор также не аргументирует свое мнение. Я отмечаю это здесь не с целью опровергнуть данную точку зрения (которую сама высказывала в порядке гипотезы много лет назад), а лишь для того, чтобы подчеркнуть, что весьма сложный вопрос о происхождении керамики Сперрингс и в настоящее время требует еще тщательных изысканий, поскольку против данного утверждения существует немало возражений.

Это необходимо учитывать, так как в нашей литературе нередки факты, когда методом высказанное и недостаточно фундированное решение сложного вопроса принимается другими исследователями как результат глубокого анализа и затем данная точка зрения на значительное время укореняется в науке.

4. Большое достоинство работы — обилие таблиц, карт, иллюстраций, но хотелось бы пожелать на будущее более высокого качества изображения кремневых орудий — освобождения их от ненужных деталей, затрудняющих восприятие.

Совершенно очевидно, что рассмотренная нами работа в целом чрезвычайно важна и интересна. Это первый марксистский обобщающий труд по наиболее древнему периоду истории Прибалтики, показавший, что эта территория не только была издавна обитаема людьми, но и что племена, жившие здесь, развиваясь поступательно, прогрессивно, создали самобытную культуру, по своему уровню не ниже культур соседних племен.

Особо следует отметить отчетливо выраженное в работе стремление объективно выделить факты, свидетельствующие о большой общности культуры этих племен и племен восточной территории.

Н. Н. Гурин

Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Под редакцией С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Под общей редакцией Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова, т. I, М., 1959, 588 стр.

Рецензируемый том открывает серию публикаций Прибалтийской Объединенной комплексной экспедиции, посвященных этнической истории народов Советской Прибалтики и смежных территорий РСФСР и Белорусской ССР. Это свидетельствует о том, что Прибалтийская экспедиция, организованная совместными усилиями Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая и Института археологии Академии наук СССР, а также институтов истории академий наук Прибалтийских республик и Белорусской ССР, вышла из организационной стадии.

Первый том Трудов, общим объемом 36 печатных листов, включает 24 статьи по археологии и этнографии и одну статью по антропологии. Публикация большого количества новых материалов и разработка ряда частных, конкретных вопросов в этом томе позволит в дальнейшем поднять более общие проблемы по этнической истории народов Советской Прибалтики и соседних территорий.

В статьях по археологии рассматривается обширный круг памятников на территории современных Прибалтийских республик и смежных областей БССР и РСФСР. Однако статьи не одинаковы по широте поднятых в них вопросов. Часть из них — публикация материалов, полученных при раскопках одного или нескольких памятников (например, статьи Р. Яблонските-Римантене, Л. Ю. Янитса, М. Х. Шмидехельм, А. Я. Стубавса, Э. П. Бривкалне). В некоторых из этих статей публикация материала сопровождается более подробным анализом его и в связи с этим рассматриваются более общие вопросы хронологии, а также хозяйственных, общественных или этнических отношений (статьи Л. Ю. Янитса, М. Х. Шмидехельм и А. Я. Стубавса). В других статьях дается обзор памятников на определенной территории (статьи Н. Н. Гуриной, С. А. Таракановой, Э. Д. Шноре и др.).

Археологическим памятникам эпохи мезолита посвящена статья Р. Яблонските-Римантене «Стоянки каменного века в Эйгуляй» (стр. 11—31), в которой публикуются результаты исследования трех мезолитических стоянок, находящихся неподалеку от г. Каунаса. Отметим, что мезолит в Литве был известен до настоящего времени в основном по случайным находкам. В описываемых стоянках обнаружены остатки кострищ и собрано значительное количество кремневых изделий и отходов, свидетельствующих о развитой обработке кремня. Вряд ли можно спорить с автором о том, что кремневый инвентарь из Эйгуляй сходен с памятниками свидерского типа. Вполне допустимой кажется и датировка стоянок VIII—VI тысячелетиями до н. э., основанная на геологических данных.

Особо следует отметить, что в одной из стоянок в Эйгуляй (стоянка В) обнаружен также позднеолитический (II тысячелетие до н. э.) культурный слой с шнуровой керамикой. Стоянки с шнуровой керамикой в Литве, как и в остальной Прибалтике, пока еще слабо изучены, поэтому стоянка в Эйгуляй представляет, безусловно, большой интерес. Надо отметить отдельные небольшие неточности, допущенные в статье. Так, на стр. 18 сказано, что одна из мезолитических стоянок занимала площадь более 1 га. Это никак не согласуется с планом стоянки на рис. 4 (стр. 16). Вряд ли можно допустить существование таких обширных стоянок в мезолитическую эпоху. Желательно было бы снабдить рис. 2 (стр. 12) списком условных знаков, а план на рис. 1 (стр. 11) горизонталями, без которых трудно понять условия расположения стоянок.

Археологические памятники эпохи неолита рассмотрены в статьях Л. Ю. Янитса и Н. Н. Гуриной. Статья Л. Ю. Янитса «Неолитическое поселение озера Валма» (стр. 32—75) посвящена стоянке на северо-западном берегу озера Выртсъярв в центральной Эстонии. Это первая неолитическая стоянка на территории Эстонии, раскопанная полностью. Раскопки показали, что стоянка была заселена повторно. Нижняя, наиболее мощная часть культурного слоя, датированная концом III тысячелетия до н. э., содержала типичную ямочно-гребенчатую керамику. Наличие же в верхней части культурного слоя шнуровой керамики свидетельствует о том, что в первой половине II тысячелетия до н. э. на этом месте обитало население культуры боевых топоров. На краю поселения было обнаружено два погребения, относящихся ко времени типичной ямочно-гребенчатой керамики. Автор, привлекая данные из других неолитических поселений Эстонии и соседних территорий, дает глубокий анализ найденного в стоянке вещевого материала.

Заключительная часть статьи посвящена некоторым общим проблемам, в частности взаимоотношениям племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и племен боевых топоров, а также хронологии. Эти проблемы разработаны автором более подробно в его опубликованной недавно монографии¹.

¹ Л. Ю. Янитс, *Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (ЭССР), Таллин, 1959.* Рецензию Н. Н. Гуриной на эту книгу см. выше.

Ценность статьи Л. Ю. Янитса повышают многочисленные и хорошо выполненные иллюстрации. Приходится только сожалеть, что на плане раскопок поселения (рис. 3, между стр. 38 и 39) не показано расположение находок.

В статье Н. Н. Гуриной «Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции» (стр. 76—110) подведены итоги разведочным работам на территории современных Псковской, Калининской и Новгородской областей, где, помимо неолитических памятников, обнаружен ряд селищ эпохи раннего средневековья. К статье приложен список обследованных памятников.

Много неолитических стоянок обнаружено в восточной части изученной территории, в частности в валдайском Приозерье (по берегам озер Охват, Пено, Селигер и др.). Стоянки расположены густо, а по занимаемой площади очень невелики (не более 200—300 м²). Очевидно, автору следовало бы учесть возможность того, что они не были одновременными. Для описываемых стоянок характерно, помимо многочисленных кремневых изделий, обилие полуфабрикатов и отходов кремня, что типично вообще для стоянок так называемой валдайской неолитической культуры, которую Н. Н. Гурина выделила в другой работе как особую неолитическую культуру².

В западной части данной территории неолитических памятников обнаружено очень мало. Но вряд ли можно полностью согласиться с выводом, сделанным на основе разведочных поисков в течение одного года или двух лет, о слабой заселенности в неолитическую эпоху территории современной Псковской области. В доказательство своего положения автор приводит неудобство для заселения берегов рек и озер, а также отсутствие там годных для изготовления орудий кремня и сланца. По своим природным условиям от Псковской области мало чем отличается, например, Эстония (там также нет ни кремня, ни сланца). Между тем неолитических памятников в Эстонии обнаружено немало. Поэтому не исключена возможность, что и в западной части Псковской области, где неолитические памятники обнаруживаются труднее, чем в валдайском Приозерье, по крайней мере некоторое число их выявится в будущем. Возможно также, что стоянки, расположенные на берегу Псковского озера, были размыты.

Недоумение вызывает карта на рис. 3 (стр. 88). Остается непонятным, что подразумевает автор под восточными прибалтийскими племенами, территорию которых он ограничивает северной Эстонией. Обращает на себя внимание неточность на стр. 81, где сказано, что Я. В. Станкевич и Э. Р. Рыгдылон обнаружили на побережье озера Охват шесть стоянок. На карте, опубликованной Я. В. Станкевич, на побережье указанного озера на деле обозначено более 20 стоянок³.

Из работ, посвященных в основном более поздним периодам, назовем в первую очередь статьи Ф. Д. Гуревич и Л. В. Алексеева, дающие обзор археологических памятников в северо-западной Белоруссии.

В статье Ф. Д. Гуревич «Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье» (стр. 233—253) приведены многочисленные данные об археологических памятниках в пределах современной Гродненской области, ранее очень слабо изученной. К статье приложен список обследованных памятников и соответствующая карта (рис. 1 на стр. 236).

Автор останавливается на некоторых памятниках (городища, селища, подъемный материал) со штрихованной керамикой, датируемых первыми веками нашей эры или более ранним временем, затем на памятниках с лепной гладкостенной керамикой (главным образом селища) середины и второй половины I тысячелетия н. э. Ко второй половине I тысячелетия относит автор также часть курганов, среди которых немало длинных и удлиненных, что, по мнению Ф. Д. Гуревич, меняет наше представление о границах распространения этой категории памятников. Начало II тысячелетия н. э., кроме городищ, представлено поселениями с гончарной керамикой и многочисленными курганами.

Памятники, обследованные Ф. Д. Гуревич в Понеманье, имеют очень большое значение для выяснения взаимоотношений балтийских и славянских племен. В статье, к сожалению, проявляется некоторая односторонность: автор, кроме славянских материалов, мало учитывает соответствующие памятники в соседней Литве и на территории обитания древнепрусских племен.

В статье Л. В. Алексеева «Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины» (стр. 273—315), содержащей материалы к археологической карте Витебской области БССР, дан обзор памятников от I тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э. на этой территории. Автором составлен список, включающий 568 памятников, из которых 485 — наиболее достоверных — нанесены на приложенную к статье карту.

Наибольший интерес представляют данные о ранних городищах, датируемых рубежом и началом нашей эры, где представлены разные типы керамики: сетчатая (на севере), штрихованная (в основном на юге), гладкостенная (главным образом в средней части области). Автор делает вывод, что северная часть Витебщины была

² Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 3; в данную статью включены также материалы археологической разведки, проведенной здесь Н. Н. Гуриной в 1957 г.

³ См. Я. В. Станкевич, Древние укрепленные поселения и городища в верхнем течении Западной Двины, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», т. I, Таллин, 1955, рис. 28 на стр. 98.

заселена финно-угорскими, южная — летто-литовскими племенами. Что касается средней части Витебской области, то здесь, по мнению автора, обитали племена, этническая интерпретация которых еще невозможна.

Городища второй половины I тысячелетия н. э. с гладкостенной (отличной от более ранней) керамикой автор считает славянскими. За ними по времени следуют уже селища и городища раннего средневековья с гончарной керамикой, в их числе и крупные феодальные городища (Полоцк, Витебск и др.).

На основании времени появления на Витебщине длинных курганов автор полагает, что славяне проникли сюда около середины I тысячелетия н. э. Нет сомнения в том, что городища и курганы Витебской области требуют дальнейшего, более обстоятельного изучения. Они, как и соответствующие памятники в Понеманье, очень важный источник для выяснения этнических отношений между славянскими и балтийскими племенами.

Составленная Л. В. Алексеевым карта (рис. 1, между стр. 274 и 275), к сожалению, недостаточно наглядна. Излишней пестроты условных знаков можно было бы избежать, дав вместо одной карты несколько, по отдельным периодам. На карте не отражена, кроме того, связь памятников с природными условиями.

В статье С. А. Таракановой «Себежские городища и курганы» (стр. 111—127) публикуются итоги обследования и раскопок в 1955 г. городищ и курганов в водополье р. Великой и Западной Двины в пределах современного Себежского района Псковской области. Изучение этой территории представляет большое значение для этнической истории народов Прибалтики; поэтому можно с удовлетворением отметить, что исследования были продолжены и в последующие годы.

Городища Себежского района, датируемые С. А. Таракановой второй половиной I тысячелетия до н. э., характеризуются по преимуществу гладкостенной лепной керамикой с ямочным орнаментом, выполненным щепкой, направленной под углом в верхней части сосуда. Кроме того, найдены и черепки штрихованной и сетчатой керамики. На основании наличия гладкостенной керамики автор, вопреки мнению Ф. Д. Гуревич, которая приписывает их балтийским племенам, приходит к выводу, что себежские городища принадлежали населению, родственному племенам южновосточной культуры. Нам, однако, кажется, что нет основания отрицать наличие в I тысячелетии до н. э. балтийского (местами перемешанного с угро-финнами) населения не только в пределах теперешней Псковской области, но и южнее.

Могильные памятники представлены в Себежском районе многочисленными курганами — длинными, удлиненными и круглыми. Однако датировать их трудно из-за отсутствия в них могильного инвентаря. По мнению автора статьи, круглые курганы появляются не позднее первой половины I тысячелетия н. э., когда здесь уже известны длинные курганы. Таким образом, С. А. Тараканова датирует и те и другие курганы более ранним временем, чем другие исследователи.

Вывод автора о том, что себежские курганы — славянские, требует тщательной проверки. Было бы полезно сравнить курганы с соответствующими памятниками Витебщины, восточной Литвы и юго-восточной Латвии. Нужно надеяться, что дальнейшие раскопки себежских курганов дадут возможность уточнить их датировку.

Не совсем ясен план Себежского городища (рис. 1 на стр. 112), на котором сливаются горизонтали разной высоты.

В статье А. З. Таутавичуса «Восточнолитовские курганы» (стр. 128—153) подведены итоги изучения этих памятников до 1956 г. Очень ценен приложенный к статье список исследованных до 1955 г. могильных памятников в Восточной Литве, снабженный ссылками на место хранения экспедиционных материалов, на музейные коллекции и литературу. В статье помещена карта распространения восточнолитовских курганов (рис. 13 на стр. 143).

Автор дает характеристику обоих видов восточнолитовских курганов: более ранних (IV—V вв. н. э.) — с трупоположением и более поздних — с трупосожжением (с середины I тысячелетия н. э. до XIII в.). Интересен вывод о проникновении обряда трупосожжения в восточную Литву из южного Занеманья, от ятвяжских племен. Однако ввиду того, что курганы с трупосожжением примерно в то же время появляются на всей обширной территории к востоку и северо-востоку от Литвы, автору следовало бы рассмотреть этот вопрос в более широком масштабе. Учет тесных связей с более восточной территорией помог бы лучше понять своеобразие восточной Литвы по сравнению с центральной и западной ее частями.

Заслуживает внимания попытка установить связь между курганами и ранними городищами со штрихованной керамикой. В этом отношении представляет интерес раскоп городища Мигонис, жители которого, как удалось выяснить, в IV—V вв. хоронили своих покойников в курганах, расположенных в 300—400 м от городища.

Латвийский археолог Э. Д. Шноре в статье «Городища древних латгалов» (стр. 222—232) дает краткий обзор названных памятников в восточной Латвии. Статья написана главным образом на основе материалов, полученных автором статьи при проведении раскопок городища Асоте в 1949—1955 гг. Кроме Асоте, автором учтены и данные раскопок, произведенных на городищах Латвии в довоенный период. Так как по материалам Асоте Э. Д. Шноре уже подготовила монографическое исследование, публикуемое в ближайшее время в «Материалах и исследованиях по археологии Латвийской ССР», а результаты изучения латгальских городищ в довоенный период

большей частью уже опубликованы, то мы на статье Э. Д. Шноре подробнее останавливаемся.

Большой интерес вызывает статья А. Я. Стубавса «Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг.» (стр. 186—221). Этот памятник расположен близ города Огре, примерно в 30 км к юго-востоку от Риги. Раскопки на Кентескалнсе — как на городище, так и на расположенном рядом с ним селище — проводились и в последующие годы; но их результаты, к сожалению, не включены в данную статью.

Раскопками на городище, датируемом в основном VI—IX вв., установлено три слоя, соответствующих трем периодам его застройки. Удалось более или менее выяснить также систему укрепления городища. У валов обнаружены остатки своеобразных жилых построек, служивших укреплениями, а в самом валу — деревянный каркас, служивший основанием для защитных сооружений.

Автором, к сожалению, описание культурного слоя дано не систематично. Поэтому стратиграфия валов и представление об обнаруженных остатках построек недостаточно ясны читателю. Трудно также понять, чем отличаются отдельные периоды застройки городища друг от друга. Схематические профили на рис. 2 (стр. 189) не дают об этом должного представления.

В селище Кентескалнс заслуживают особого внимания многочисленные следы жилых построек — наземных срубов — с остатками печей-каменок и очагов. По количеству жилищ автор пытается установить, что на селище проживало одновременно около 300 человек. На селище были вскрыты некоторые следы более древнего культурного слоя, относящегося к I тысячелетию до н. э.

Раскопки на Кентескалнсе дали значительные материалы для характеристики развития земледелия, скотоводства и ремесла того времени. Сделанные автором выводы — в частности по вопросу об отделении ремесла от земледелия — имеют значение для истории не только Латвии, но и соседних республик. Убедительно показана имущественная дифференциация обитателей городища и селища. Автор правильно считает, что городище было укрепленным местом обитания знати, выделившейся из среды остальных членов территориальной общины.

Вывод автора об этнической принадлежности населения Кентескалнса, о его смешанном характере, полученный им на основании тщательного сопоставления представленных в материале латышских, а также некоторых земгалских и ливо-эстонских элементов, является вполне правдоподобным.

В статье Э. П. Бривкалне «Городище Тервете и его историческое значение» (стр. 254—272) рассматривается комплекс памятников — городище с форбургом и окружающее их обширное поселение в центре обитания древних земгалов, примерно в 60 км к юго-западу от Риги. В статье изложены результаты археологических исследований в Тервете с 1951 по 1955 г. К тому времени были проведены лишь разведочные раскопки на форбурге и в селище, а на самом городище в 1954 г. был заложен раскоп в 665 м², охватывающий более половины площади городища (около 1000 м²). Однако до 1955 г. здесь была исследована лишь верхняя часть культурного слоя (периоды V—VI и XII—XIII вв.). Между тем раскопки в Тервете продолжались до последнего времени. Таким образом, статья основана на материалах, полученных на самом начальном этапе археологических исследований в Тервете, а поэтому не дает должного представления о конечном результате исследования этих памятников, чрезвычайно важных для всей Прибалтики.

М. Х. Шмидехельм в статье «Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии» (стр. 154—185) дает описание и анализ материалов, полученных при раскопках этого памятника в 1951—1955 гг. Рыуге — первое городище в Эстонии, площадь которого полностью вскрыта. С 1955 по 1959 г. автором статьи проводились раскопки на расположенном рядом с городищем селище, но их результаты в данную статью включены лишь частично.

На основе обильного вещевого материала автор датирует городище V—XI вв., а также характеризует хозяйство, общественные отношения и этнические связи его населения. Городище Рыуге, расположенное на юго-восточной окраине территории расселения эстонских племен, дало материал, обнаруживающий черты сходства с псковскими городищами. Кроме того, почти все оружие и все бронзовые украшения, найденные в Рыуге, — латгальского типа.

К числу работ, связанных с археологией, относится и статья А. П. Расиныша «Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР» (стр. 316—349). На основе ботанического анализа найденных при раскопках семян автор рассматривает вопрос о возделывании культурных растений на территории Латвии в I тысячелетии н. э. Тщательно изучены им и семена сорняков, причем, по его мнению, состав сорняков, содержащихся в полученном из раскопок семенном материале, указывает лишь на существование пашенной системы земледелия, но не подтверждает определенно применения трехполья в Латвии в XI—XIII вв. В статье даны ценные указания о методике сбора семян культурных и сорных растений при археологических раскопках.

Следует отметить, что сходные выводы опубликованы автором в статье «Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII века н. э.»⁴, в которой привлечены и некоторые новые материалы.

⁴ См. «Растительность Латвийской ССР», II, Рига, 1959.

Этнографическая часть тома включает двенадцать статей. Не случайно, что пять из них посвящены крестьянскому жилищу. Проблема изучения традиционного народного жилища занимает одно из центральных мест в работах Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. В результате интенсивной собирательской работы появилась возможность сделать известные обобщения по развитию разных типов жилища на территории Прибалтики. Именно этому и посвящена статья Л. Н. Терентьевой «Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики» (стр. 340—361).

Наследие, полученное советскими исследователями от буржуазных этнографов по изучению жилища, неравнозначно по республикам. Лучше всего было изучено народное жилище в Эстонии, значительно меньше — в Латвии и наиболее слабо — в Литве. На схематической карте (рис. 1 на стр. 341) это показано сплошной штриховкой, покрывающей Эстонию, и множеством белых пятен на территории Латвийской и Литовской ССР — районов, которые не были охвачены собирательской работой вообще. На карте видно и наступление на эти белые пятна, которое повели этнографические отряды Прибалтийской экспедиции и другие научные учреждения Прибалтийских республик. Успехи этого наступления за годы работы экспедиции отражены на карте штриховкой, почти сплошь покрывающей восточную половину территории Латвийской ССР и ее западные районы, а также значительные площади в Литовской ССР.

Накопленные материалы позволили определить районы распространения на территории всех Прибалтийских республик различных типов жилища, которые условно названы восточным, западным и северным. Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этих типов и их распространности по районам, так как основные принципы классификации жилищ были уже ранее частично сообщены в печати⁵.

Участниками экспедиции впервые выявлены смешанные типы жилища. Так, на территории Латвии и Литвы, на стыке восточного и западного типов жилищ, в сенях некоторых изб сложен камин с открытым очагом. На северо-западе Латвии в отдельных жилищах рига сочетается с сенями, в которых воздвигнут ровик для открытого очага, а по другую их сторону пристроена истаба. Вдоль восточной границы Эстонии зафиксированы жилища, состоящие из жилой риги, холодных сеней и избы.

Наглядное представление о типах жилищ по всей Прибалтике дает приложенная к статье схематическая карта их распространения. Карта иллюстрирует выдвинутое советскими исследователями положение о том, что границы распространения каждого из этих типов «не совпадают ни с современными, ни с позднефеодальными этническими границами. Они отражают, по-видимому, более раннее размещение племенных групп населения Прибалтики, существовавшие до образования литовской, латышской и эстонской народностей» (стр. 358).

В статье приведены и другие, второстепенные признаки конструкций жилища и его внутренней планировки, что позволяет расширить границы распространения того или иного типа. Так, жилище восточного типа, сходное по своей внутренней планировке с жилищем, господствующим в западных областях РСФСР, в Белоруссии и на Украине, возникло в Прибалтике, по-видимому, под влиянием ранних форм восточнославянского жилища. Активное культурное взаимодействие между восточными племенами Прибалтики и восточными славянами проявляется и в некоторых особенностях жилища населения соседних западных областей РСФСР (подвесной котел над шестком русской печи).

Основные положения, содержащиеся в статье Л. Н. Терентьевой, находят подтверждение в конкретном материале статей по жилищу отдельных районов Прибалтийских республик.

Так, в статье А. Крастыни «Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в.» (стр. 387—395) довольно подробно описаны два типа жилищ, распространенных в северной Латвии — истаба и жилая рига. Жилая рига на территории Латвии распространена исключительно в Видземе, а следовательно, предполагает автор, возникновение этого типа жилища здесь произошло, возможно, под влиянием живущих рядом эстонцев и отдельных эсто-ливских групп.

Приходится сожалеть, что недостаток данных не позволил автору установить количественное соотношение истаб и риг в Видземе, а также выяснить, какие причины вызвали существование этих двух различных типов жилищ: этнические традиции или тяжелое экономическое положение крестьян? Следует напомнить, что сторонники теории, по которой рига сложилась лишь в условиях жестокого феодального гнета, в последнее время становятся все меньше.

Материалы статьи И. Бутквичюса «Основные типы традиционного литовского крестьянского жилища» (стр. 396—407) вошли позднее в диссертацию автора.

Статья Т. Хабихт «Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в.» (стр. 362—385) содержит материал по деревням, типам усадеб и жилищу населения наиболее слабо изученной области Эстонии. Материальная культура населения юго-восточной Эстонии, которую этнографы выделяют в особую историко-этнографическую

⁵ См. «Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики» (плeнарные заседания), М., 1955.

подобласть, во многом отличается от северной и западной Эстонии. Так, жилища стоят в однорядной связи с гумном, не будучи встроены в гумно, и окружены всех сторон постройками, как на севере. Нередко рига и гумно имеют одинаковую ширину и ширину, т. е. сходны с жилыми ригами Видземе. Установление границы распространения специфических черт в постройках юго-восточной Эстонии поможет определить этногенез населения этой подобласти и выяснить процессы, протекавшие там, где эстонское население издавна испытывало влияние восточных и южных соседей.

В статье описаны техника строительства риги, внутреннее убранство и использование жилых риги и боковых комор в прошлом. Интересны бытовые детали использования жилища по сезонам, описание утвари и мебели. Все это создает живое представление о быте эстонского крестьянина.

В характеристике жилища разных групп населения юго-восточной Эстонии автор следовало бы привести данные и о жилых ригах сету.

Л. А. Молчанова в статье «К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища» (стр. 544—560) делает попытку восстановить жилище феодальной эпохи, прослеживает изменения, происходившие в жилище во второй половине XIX в. В статье определены устойчивые элементы жилища белорусского крестьянина. Материал статьи весьма полезен для этнографов, работающих по истории жилища восточных районов Прибалтики.

Две статьи сборника посвящены сельскохозяйственным орудиям. Статья Л. Х. Феоктистовой «Старинные эстонские земледельческие орудия» (стр. 408—420) представляет собой обзор орудий, характерных для переходного периода от феодализма к капитализму. Автор разбирает основные типы эстонских пахотных орудий, орудия труда, связанные с севом, уборкой урожая и дальнейшей его обработкой. Автор выделяет три основных территориальных комплекса, которые совпадают с территорией распространения основных эстонских диалектов. Следовательно, типы орудий в общем совпадают с основными этническими территориями Эстонии.

Следует отметить, что особенности эстонских пахотных орудий несколько более детально проанализированы А. Х. Моора в ее статье «Об историко-этнографических областях Эстонии»⁶. Л. Х. Феоктистовой надлежало хотя бы сноской указать читателю на эту статью.

В статье И. Лейнаса «Земледельческие орудия в крестьянских хозяйствах Латвии в XIX в.» (стр. 421—437) дан их подробный обзор. Материалы Л. Х. Феоктистовой и И. Лейнаса вместе с обзором сельскохозяйственных орудий Литвы, выполненным ранее П. Дундулене, дадут возможность сделать некоторые обобщения по истории сельскохозяйственных орудий в Прибалтике.

Обстоятельная статья А. О. Вийреса «Санный транспорт у эстонцев» (стр. 438—476) представляет собой широкий обзор развития древнего вида полезного транспорта в Эстонии. Кроме этнографических данных, автором изучены старинные словари и проработана обширная специальная литература. Блестящее знание терминологии, привлечение аналогий из других финских языков способствуют убедительности вывода автора, что «по распространению типов саней Эстония разделяется в основном на те же самые области, которые намечаются и на основании данных археологии, фольклористики, лингвистики и этнографии» (стр. 476). Следует отметить ценность статьи в методологическом отношении. Автор образцово сводит данные археологии, этнографии, лексикографии и др.

Небольшая статья В. Я. Калитс «О тюленьем промысле на острове Кихну» (стр. 477—486) написана на основе полевых материалов автора. Тема «Материальная культура острова Кихну» включена в план работ Прибалтийской объединенной экспедиции. Статья содержит описание зимнего и осеннего сезонов добычи тюленей, способов ловли гарпуном, крючком и сетями (осенью), взаимоотношений между членами охотничьей артели, дележа добычи, старых обычаев охотников. Тюлений промысел был издавна в широких масштабах распространен в Швеции. В статье, по нашему мнению, следовало бы подробнее проследить этнические связи между населением Кихну и шведами по данным древнего тюленьего промысла. Вообще, не совсем понятно, почему эта публикация включена в настоящий том с его четко выраженной направленностью на разрешение проблем этногенеза и этнической истории. Автор статьи и не пытается ставить такие вопросы в отношении населения острова Кихну.

Изучению одежды народов Прибалтики посвящены две статьи этнографов Латвии. М. К. Слава в статье «Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в.» (стр. 487—509) выделяет пять основных локальных комплексов латышской женской одежды, а в их пределах — 19 локальных вариантов или подтипов. К статье приложена карта распространения комплексов женской народной одежды, бытовавшей в Латвии в начале XIX в. Следует отметить хорошее выполнение цветных иллюстраций костюмов и деталей их. Анализ материалов одежды приводит автора к некоторым выводам, касающимся этнической истории латышского народа и характера культурных связей с соседями.

⁶ Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 233—292.

Весьма интересна статья А. Э. Зарини «Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет» (стр. 510—520). Фрагменты одежды и бронзовые украшения, сохранившиеся в латгалских грунтовых погребениях VIII—XIII вв., значительно расширяют возможность восстановления женского и мужского латгалского костюма далекой эпохи раннего феодализма. Чрезвычайно ценны в этой статье описания техники тканья древних вилайне, реконструкция схем тканья и украшений головных венков. Однако анализ материалов этих раскопок еще не доведен до конца. Так, очень важно было бы проследить преемственность в поздних вишивках вилайне древней техники украшения металлическими колечками и спиральками. Это явилось бы, до известной степени, ключом к определению различных швов вышивок не только в поздних костюмах латгалов, но и одежды их соседей (эстонцев). К сожалению, автор не делает этих попыток и в новой своей работе⁷.

Ни один исследователь, изучающий материальную культуру населения восточных районов Прибалтийских республик, не может обойтись без сравнения ее с материальной культурой северных белорусов. Нельзя также изучать этническую историю отдельных групп населения Эстонии, Латвии и Литвы без учета этногенетических процессов, протекавших на северо-западе Белоруссии. В этом отношении статья М. Я. Гринблата «К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов» (стр. 523—543) представляет значительный интерес не только в части фактического материала, но и методологически. Кроме полевых материалов, автором привлечены данные по археологии, лингвистике и топонимике крайних северо-западных районов БССР. Им учтена также принадлежность населения к католической или православной церкви. Анализ всех этих данных приводит автора к выводу, что северо-западная часть нынешней Белоруссии была заселена некогда древними литовцами — частью аукштайтами, частью ятвягами. Колонизационное движение славян в область литовских поселений привело к славянизации литовского населения. Процесс этот был длительным: начавшись в VI—IX вв., он закончился лишь в конце XIX — начале XX в.

В статье М. В. Витова «Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики»⁸ (стр. 561—578) приведены материалы 1952—1954 гг. антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Материалы впервые собраны в большом количестве (45 территориальных групп) по единой методике на территории всех трех Прибалтийских республик, а также в смежных с ними районах западных областей РСФСР и БССР.

Автор статьи выделяет на территории Восточной Прибалтики шесть локальных комплексов антропологических признаков и хорошо определяет их место в расовой систематике Северной Европы. Для некоторых антропологических типов он предлагает новые, более удачные термины. Очень интересна составленная автором схема развития основных антропологических комплексов Восточной Прибалтики. К статье приложено несколько карт изменчивости антропологических признаков. К сожалению, в подписях к картам допущены неточности (рис. 2а, 3б и 5).

Большое количество материалов и полная сравнимость их позволяют по-новому осветить и частично разрешить многие вопросы этнической истории народов Восточной Прибалтики.

Следует напомнить, что полная сводка тех же данных дана в коллективной работе М. В. Витова, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология восточной Прибалтики»⁹. В результате всех этих работ можно считать, что антропологически Прибалтийские республики теперь представляют одну из наиболее хорошо исследованных областей Советского Союза.

При ознакомлении со статьями в первом томе Трудов создается, к сожалению, впечатление, что они до некоторой степени устарели и не отражают достижений в изучении этнической истории народов Прибалтики на современном этапе. В них не учтены ни публикации, изданные за последние годы, ни результаты новейших раскопок. За время затянувшегося печатания тома успели выйти многие публикации: «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, (Рига, 1957); Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура (Сов. археология, 1958, № 3); Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Таллин, 1959) и др.

Тем большее недоумение вызывает у читателя замечание от редакции (на стр. 578), что в настоящем томе сознательно не учтены новые материалы и публикации, поскольку они будут источником новой работы. Если издание первого тома Трудов по каким-то причинам затянулось, то это следовало бы сказать в предисловии, а в конце каждой статьи отметить время ее поступления в редакцию.

Иллюстрации рецензируемого тома в общем удачны. Не совсем удовлетворительны некоторые фотографии: например, на рис. 2 на стр. 132 (в статье А. Таутавичюса), рис. 2 на стр. 364 (в статье Т. М. Хабихт), таблицы II, III, VIII на стр. 90, 91, 96 (в статье Н. Н. Гуриной) и таблицы I, II на стр. 124, 126 (в статье С. А. Тарака-

⁷ Глава «Одежда и украшения» в сборнике «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, Рига, 1957, стр. 31—39.

⁸ Часть рецензии, касающаяся статьи М. В. Витова, написана К. Ю. Марк.

⁹ Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. II, М., 1959.

новой) и др. Ценность таблиц и рисунков снижена тем, что в подписях к ним не указаны соответствующие музейные номера публикуемого материала. А ведь совершенно очевидно, что без указания музейных номеров для исследователей будет затруднительно идентифицировать предметы среди тысяч других музейных номеров.

Читателю остается также непонятным, на каком основании иллюстрации разделены на рисунки и таблицы. Так, имеются рисунки, занимающие целую страницу (рис. 3 на стр. 15), в то же время на стр. 247 и 248 помещено по две таблицы. Досадны некоторые неточности в ссылках, опечатки, а также тот факт, что местами сохранено устаревшее административное деление (в статье Н. Н. Гуриной).

Тем не менее настоящий том Трудов в целом является большим достижением в изучении древнейшей истории и материальной культуры народов Прибалтики и соседних территорий. Кроме ценного и разнообразного материала по археологии, этнографии и антропологии, он включает положительный опыт совместных исследований представителей разных дисциплин, сотрудничающих в Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Дальнейшее развитие комплексных работ с участием археологов, этнографов, антропологов, а также языковедов и представителей других смежных дисциплин — единственный путь к осуществлению основной задачи Прибалтийской экспедиции — глубокому и всестороннему изучению этнической истории народов Прибалтики и соседних с ней территорий.

Е. В. Рихтер, Э. Ю. Тыныссон

«*Eesti NSV TA Etnograafia Muuseumi Aastaraamat*» (Ежегодник Этнографического музея); XVI, Таллин, 1959, 313 стр.

В 1959 г. Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР возобновил издание своего «Ежегодника» — вышел в свет выпуск XVI «*Etnograafia muuseumi aastaraamat*», подготовленный к пятидесятилетию Этнографического музея в Тарту (бывший Народный музей)¹. Сборник вышел на эстонском языке с резюме на русском и немецком языках. (Статьи, поступившие в редакцию ежегодника на русском языке, и публикуются на русском, с резюме на эстонском языке).

«Ежегодник Этнографического музея» предназначен для публикации материалов и исследований по этнографии эстонцев в первую очередь, а также по этнографии соседних и родственных им народов.

В рецензируемом сборнике опубликовано 11 статей и предисловие от редакции о пятидесятилетнем юбилее музея; общий объем их — 20 печатных листов. В сборнике помещено около 125 иллюстраций.

Значительная часть статей посвящена материальной культуре населения Эстонии и хозяйственным занятиям его; остальные — фольклору, лингвистике, историографии.

Статья «Эстонские бороны» (автор Л. Феокистова-Кивисаар) интересна уже потому, что хотя этнографы в общем немало занимались сельскохозяйственными орудиями эстонцев, но внимание их было обращено в основном на пахотные орудия. Автор описывает наиболее ранние из известных типов бороны — вершалины и суковатки, коленчатую борону, ведущую, по мнению автора, свое происхождение из Скандинавии и постепенно (начиная с XIV в.) распространяющуюся по всей Эстонии, кроме юго-востока. Колончатая борона употреблялась на каменистых почвах. Из более поздних типов бороны рамная борона проникает в Эстонию во второй половине XIX в., сначала деревянная, затем — с железными зубьями и, наконец, цельнометаллическая. Автор рассматривает также такие поздние типы бороны, которые раньше вообще не фиксировались в этнографической литературе, — специальную «картофельную борону», «лапчатую борону» и затем пружинную. Рассматривая бытование различных типов бороны в историческом плане, автор подчеркивает, что появление и исчезновение их в значительной степени зависело от экономического положения крестьян; так, в остальных экономически районах северо-западной Эстонии деревянные бороны бытовали и в XX в., в то время как в южных районах еще в последней четверти прошлого века перешли к железной бороне. Автор удачно выявил различные локальные варианты бороны, собрал их терминологию, привел богатый сравнительный материал. Ценно и то, что автор не ограничивается описанием орудий, но характеризует районы их распространения, условия и способы их применения. Статья хорошо иллюстрирована и сопровождается оригинальными картами. Правда, статья перегружена описаниями, но автора трудно упрекать за это, поскольку значительная часть материала впервые появляется в этнографической литературе.

На статье Э. Льюке «О пище в эстонской деревне во второй половине XIX — начале XX века» хочется остановиться подробнее потому, что столь существенный вопрос, как народная пища, крайне мало освещен в этнографической литературе вообще, а в эстонской — в частности. В статьях по Эстонии, написанных буржуаз-

¹ Ранее ежегодник выходил под названием «Ежегодник Эстонского народного музея» (*Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat*).

ными авторами, рассматривались только отдельные виды продуктов питания и блюда — колбасы, толокно², да и таких статей немного. Вопросы питания, отражавшие расслоение крестьянства (питание батраков и др.), в них тщательно обходились.

В начале статьи Э. Льюке сообщает, что до середины XIX в. основной пищей эстонских крестьян был хлеб, который они вследствие недостатка зерна пекли с мякиной; масло, мясо, рыба были вообще редки на столе. После отмены крепостного права и с выкупом земли положение крестьян несколько улучшается по сравнению с прошлым: исчезает пушной (с мякиной) хлеб, увеличивается потребление продуктов животноводства. Очень существенную роль начинает играть картофель, который не только полностью вытесняет из употребления репу, но и значительно сокращает потребление хлеба. Крестьяне начинают переходить от традиционного двухразового питания к трехразовому, а в периоды особенно тяжелых работ (сенокос, жатва и т. п.) часто едят по четыре и пять раз. В южных, экономически более развитых районах, где было больше выкупивших землю крестьян, эти дополнительные трапезы получают даже определенные названия. Отмечается, что если раньше основным считался ужин, то с конца XIX в. начинают больше значения придавать обеду и варить к нему что-нибудь горячее. Автор устанавливает некоторые локальные различия в приготовлении пищи, а также касается ряда старинных обрядов и суеверий, связанных с едой. Пропусть определить качество и количество потребляемой крестьянами пищи, автор приводит некоторые статистические материалы, но они явно недостаточны и невыразительны.

Несмотря на то, что питание крестьян во второй половине прошлого века начинает улучшаться, многие продукты (мясо, рыба в первую очередь) употребляются еще в очень ограниченном количестве, остаются «нормированными» и выдаются за столом только порционно.

Автор справедливо подчеркивает при этом, что в бедняцких хозяйствах по-прежнему не хватало хлеба, а у части середняков питание даже ухудшилось: мясо, масло и другие ценные продукты, которые раньше расходовались дома, теперь стали продаваться на рынок, ибо большинство середняков приобрело землю в долг и испытывало поэтому постоянную нужду в деньгах для очередного взноса и выплаты процентов. Практически свое питание смогли улучшить только крестьяне, принадлежавшие к зажиточной верхушке деревни. В кулацких домах появились покупные продукты, на стол стали подавать блюда, которые раньше готовили только у помещиков. Начали организовывать кулинарные курсы. Характерно, что на них учились не только дочери богатых дворохозяев, но и служанки из богатых хуторов, занятые приготовлением пищи.

Пища батраков в это время, наоборот, значительно ухудшается, и кулаки начинают кормить своих рабочих отдельно, тогда как в крепостнический период все ели за одним столом. К этому времени относится возникновение ряда батрацких сатирических песен о скупости хозяек, народных шуток на этот счет и т. п.

Даже краткое изложение статьи показывает, что материалы о пище помогают осветить самые различные стороны крестьянской жизни.

Две статьи посвящены постройкам. Первая из них — Т. Хабихт «О крестьянском дворе и некоторых хозяйственных постройках юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в.». Выбор темы вполне закономерен, так как основное внимание до сих пор обращалось на жилые постройки.

Автор характеризует типичную для рассматриваемой территории планировку дворов, сообщает ряд подробностей о породах деревьев, которые сажали во дворе, и типах изгородей, применявшихся в данном районе. Интересны данные о некоторых обычаях, например о соседской помощи при сборе соломы для кровли хозяйственных построек и т. п. Значительное место автор уделяет одной из основных надворных построек Эстонии — летней кухне, которая встречается в виде конического шалаша или срубной постройки. Летняя кухня в юго-восточной Эстонии часто имела пристройку, в которой ставили стол и скамьи и ели в теплое время года. В тех дворах, где держали семейных батраков, для них вешали отдельный котел в кухне или отводили им старую коническую кухню, а хозяева ставили себе срубную. В качестве летнего жилища использовали и клетки.

В статье подробно описаны различные типы бань, техника их постройки, пользование ими. Подчеркнуто, что баня считалась святым, чистым местом; в ней не только мылись, но там же обычно крестьянки и рожали, а знахарки и костоправы занимались лечением. На юге Эстонии бани, кроме того, часто использовали (как помещение с печью) для жилья. В них селились безземельные крестьяне, которые летом работали на хозяина двора, а зимой, как правило, занимались каким-либо ремеслом. К сожалению, автор обошел вопрос происхождения и распространения бань на территории Эстонии — проблему весьма интересную и недостаточно исследованную.

Автором хорошо использованы различные материалы: не только полевые, но и архивов Этнографического музея, Института языка и литературы АН ЭССР и Литературного музея им. Крейцвальда. Приведенная с большой полнотой терминология дана на местных диалектах.

² Н. Kurrik, Kama, «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat» V, Tartu, 1929; eё же. Vorstid, «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», VIII, Tartu, 1934.

Нельзя признать удачным название статьи, которое шире ее содержания, так как постройки русских, сету и латышей этого района не описаны; лучше было бы говорить о постройках эстонцев юго-восточных районов республики. Вряд ли также был прав автор, ограничив себя описанием только тех надворных построек, которые выполняли некоторые функции жилища. Это обеднило исследование планировки двора. Можно было бы пожелать автору привлечь более богатые и выразительные сравнительные материалы.

Небольшая статья Г. Троска и Н. Шлыгиной «Заметки о поселениях и постройках прибрежных шведов» вводит в обращение новый полевой материал, собранный ими на северо-западе Эстонии. К сожалению, статья носит чисто описательный характер.

Статьи о рыбной ловле, помещенные в «Ежегоднике», представляют тем больший интерес, что морское рыболовство в Эстонии до сих пор мало изучено³. В статье В. Калитс «Рыбный промысел кихнуцев» рассматриваются различные формы морского рыболовства на о. Кихну. Наиболее интересен из них способ ловли неводом, который требовал большой затраты сил и поэтому способствовал сохранению коллективных форм труда. Для неводного лова существовали прочные коллективы, которые имели свои названия,— по фамилиям основных членов, каким-либо прозвищам и т. д. Из числа членов этого коллектива избирали шкипера; по семьям раздавали задания по плетению сетей.

Автор описывает подледный неводной лов, а также лов сетями, мережами, переметами, жерлицами, применявшиеся в прошлом, но ныне запрещенные способы — лучение и глушение рыбы через лед.

Автор не ограничивается описанием снастей и установлением времени их появления и исчезновения, но сообщает также и сведения о роли рыболовства в различные исторические этапы в жизни кихнуцев. В. Калитс убедительно доказывает, что рыболовство практически сошло на нет при буржуазном строе и возродилось в годы Советской власти, принеся материальное благосостояние населению этого маленького островка, когда-то самому отсталому и бедному во всей Эстонии.

Статья А. Лутса «О примитивных ручных способах рыбной ловли на морском побережье Эстонии» посвящена частному вопросу — ловле рыбы вручную; как правило, это лов не в открытой воде, а подледный, глушением. Автор отмечает, что подобные примитивные хищнические способы лова сохранялись только там, где рыболовством занимались случайно, а не в районах развитого рыболовства.

Интересна статья П. Аристэ «О древнем названии янтара у прибалтийско-финских народов»; автор констатирует, что использование янтара в качестве материала для украшений и поделок началось с неолита. Однако общности названий для янтара в финно-угорских языках нет: в части языков оно заимствовано, а в эстонском и финском употребляются для янтара искусственно образованные неологизмы. На основе старого литературного языка и диалектальных данных П. Аристэ устанавливает, что наиболее древним названием для янтара в эстонском языке было слово *helm*, или *helmi*, так же как у ливов (*el̃m*, *el̃maz*). В современном эстонском языке этот термин употребляется преимущественно для бус из стекла, янтара, камня.

В историографической части сборника помещено сообщение А. Воолмаа о рукописи известного эстонского просветителя Ф. Р. Крейцвальда, содержащей описание народной одежды Алатагузе и более широко — всего Вирумаа. Рукопись хранится в Эстонском этнографическом музее АН ЭССР. В сообщении Воолмаа приведены несколько таблиц оригинальных рисунков Крейцвальда и его сопроводительный текст к ним, а также сравнительные материалы из других коллекций музея. Крейцвальд впервые сообщает, между прочим, что «рыхуд» — металлические набедренные украшения — были характерной деталью женской одежды для материковой Эстонии в XIX в.

А. Вийрес характеризует путевые заметки конца XVIII — начала XIX в. Х.-И.-Ю. Шлегеля как этнографический источник. Заметки Шлегеля, как справедливо пишет А. Вийрес, представляют собой «источник первостепенной важности» для эстонской этнографии и, заметим от себя, для этнографии всего северо-западного края. Большой интерес представляет приложенная к статье карта, устанавливающая пункты, посещенные путешественником.

Особо стоит в сборнике статья Р. Вийдалеппа «Сказочник среди народа» — удачная в целом попытка дать живую картину того, как создавались, исполнялись и передавались народные сказки.

Полезна небольшая информация Ю. Линнуса о некоторых фондах Этнографического музея и путях формирования его архивов. Работа музея по организации сети корреспондентов мало известна широким кругам нашей научной общественности, и статья Линнуса, надо надеяться, привлечет должное внимание к этому методу сбора этнографических материалов.

Выпуск XVI «Ежегодника Этнографического музея» свидетельствует о значительном размахе работы музея и росте его кадров. Несомненным достоинством сборника надо признать публикацию статей, во многом расширяющих и дополняющих наши

³ Один из авторов, участвующих в этом сборнике, — А. Лутс писал на эту тему ранее (См. А. Лутс, Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках, «Сов. этнография», 1959, № 3).

сведения по этнографии Эстонии. Некоторые статьи вводят в научный оборот новые полевые и архивные материалы Этнографического музея и Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда и научного архива Института языка и литературы Академии наук ЭССР. К числу научных достоинств «Ежегодника» надо отнести богатый аппарат, а также весьма полную терминологию, данную с соблюдением особенностей диалектов. Необходимо отметить, что в «Ежегоднике» выдержано одно из важнейших условий полноценной публикации этнографических работ: большое место отведено иллюстративному материалу — картам, рисункам, фотоснимкам.

Однако редакции «Ежегодника Этнографического музея» и ученому совету музея следует учесть некоторые недостатки этого юбилейного выпуска. Прежде всего, это явный перевес статей по материальной культуре; в нем нет статей, посвященных духовной жизни, обычаям и обрядам, семейному быту эстонского крестьянства, бедно представлено народное творчество. Пора обратить также пристальное внимание на всестороннее изучение жизни эстонского колхозного крестьянства и рабочего класса Эстонии.

Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина

Е. М. Пещерева, *Гончарное производство Средней Азии*. Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XLII, М.—Л., 1959, 395 стр.

Рецензируемая книга, подводящая итоги многолетним полевым исследованиям автора, написана на большом фактическом материале, собранном непосредственно самой Е. М. Пещеревой в Таджикистане и Узбекистане, гончарство которых она изучала, периодически в течение ряда лет посещая обе эти республики.

Положив в основу исследования полученные на месте конкретные этнографические данные, Е. М. Пещерева дает в своей монографии глубокую всестороннюю характеристику современного среднеазиатского гончарства и намечает основные пути, по которым оно развивалось, начиная от довольно простых и примитивных его форм, когда изготовление глиняной посуды, входя в круг женских занятий, находилось еще на стадии домашнего производства, до сравнительно высоко развитых, когда гончарство, перешедшее со временем к мужчинам, использовавшим при формовке сосудов ножной гончарный станок, стало одним из видов городского ремесленного производства. Работа Е. М. Пещеревой особенно ценна еще и потому, что в приводимой в ней характеристике среднеазиатского гончарства последнее представлено и с технической и с общественной стороны. Несомненно, что такое двустороннее освещение, являясь большой заслугой автора, выгодно отличает этот труд от других подобных работ.

Рецензируемая монография содержит, помимо введения и заключения, две части, соответственно тем двум стадиям развития гончарства, которые намечает Е. М. Пещерева. Первая часть книги — «Женское гончарное производство» — состоит из шести глав, где излагаются сведения по домашнему гончарству, основанному на примитивной ручной технике, в том его виде, как его наблюдала Е. М. Пещерева в некоторых районах горного Таджикистана, к югу от Зеравшанского и Алтайского хребтов. В первой главе указываются места распространения женского гончарного производства в пределах Средней Азии и те условия, в которых оно существует. Е. М. Пещерева отмечает, что женское гончарство до самого последнего времени существовало в таких районах горного Таджикистана, как долина р. Ягноб, некоторые долины южного склона Гисарского хребта, отдельные местности в верхнем и среднем течении р. Кафирниган и по ее притокам. Оно было зафиксировано также вдоль р. Вахш, в долинах рек Кызыл-Су и Ях-Су и по их притокам, в ряде таджикских селений между Вахшем и Кафирниганом, в долине Сурхоба в Каратегине, в нижнем течении р. Хингоу в Тавиль-Даре и Чиль-Даре, в районе Калаи-Хумба на Пяндже, в Нульванде, Вахане, Ишкашиме, в долине р. Хуф и Шугане (группа селений Дармарахт). Повсюду здесь, как сообщает Е. М. Пещерева, производство посуды носило сезонный характер и велось в условиях домашнего хозяйства.

Во второй главе подробно описана техника изготовления лепной посуды: приготовление глиняного теста, формовка изделий и последующая их обработка, орнаментация, обжиг. Перечислены и описаны применявшиеся при выработке посуды инструменты. Материалы ряда отдельных мест долин Хуфа и Ягноба, Файзабадского района (группа селений Гумбулак) и левобережья р. Вахш, селения Питауди в долине Ях-Су, района Чиль-Дары в нижней части бассейна р. Хингоу и селения Сари Шухон в Каратегине, в которых гончарство стояло на разных уровнях развития, отражают отдельные этапы развития женского гончарства.

Последний раздел второй главы отведен проблеме возникновения ручного круга. Проанализировав приемы лепки сосудов, применяемые таджикскими женщинами, Е. М. Пещерева приходит к справедливому выводу, что развитие гончарной техники на ранних стадиях может идти, хотя и близкими, но все же своими отдельными путями. Несмотря на то, что повсюду, где еще сохранилось женское гончарство, посуду делают единым ручным способом, сама лепка осуществляется двумя различными приемами — спиральным и кольцевым, причем более распространен первый из них. Про-

слеживая развитие технических приспособлений, какими пользовались таджикские женщины, изготовляя лепные сосуды. Е. М. Пещерева приходит к выводу, что ручной круг в Средней Азии должен был в свое время существовать; по ее мнению, он знаменует одну из последующих ступеней развития тех технических приспособлений, какие стали употреблять, когда была осознана полезность применения вращения при формовке гончарных изделий, и которые видела сама Е. М. Пещерева у таджикских женщин. По предположению автора, развитие этих приспособлений могло идти в нескольких направлениях и привести к распространению в Средней Азии ручного круга разных видов. Чтобы показать, каковы могли быть его разновидности, Е. М. Пещерева привлекает этнографические материалы Кавказа и Восточной Европы. Между тем, если принять во внимание, что распространенный ныне в Средней Азии ножной гончарный круг имеет свою особую конструкцию, отличающуюся от конструкции ножного станка, применяемого в других местах земного шара, то, пожалуй, естественнее будет предположить, что среднеазиатский ручной круг, подобно среднеазиатскому ножному станку, также имел свою особую конструкцию, а не походил на кавказский и восточно-европейский, как на то указывает автор.

Третья глава касается состава, назначения и форм сосудов. Говоря о формах бытующих в Таджикистане лепных сосудов, Е. М. Пещерева приводит для некоторых из них археологические параллели, показывая, что они появились еще в очень отдаленное от нас время.

Четвертая глава посвящена орнаментации лепной посуды. В качестве наиболее распространенных способов украшения изделий автор называет налеп и разрисовку разведенной в воде железистой глиной. К более редким, но все же встречаемым, относится процарапанный узор. Описывая орнаменты, Е. М. Пещерева стремится раскрыть их содержание. Останавливаясь на вопросе о значении отдельных узоров, какое им придают мастерицы, Е. М. Пещерева отмечает, что одни из этих узоров уже утратили прежнее значение и ныне воспринимаются чисто эстетически, другие же связаны с магическими представлениями. Говоря об орнаментах, украшающих современные лепные сосуды Средней Азии, Е. М. Пещерева особо отмечает антропоморфные и зооморфные изображения и изображения змей.

В пятой главе указаны знаки, иногда встречающиеся на среднеазиатской посуде ручного изготовления. Е. М. Пещерева не без основания выделяет два рода знаков — владельцев сосудов и мастеров, изготовлявших эти изделия.

Большое познавательное значение имеет шестая глава, посвященная вопросам организации женского гончарства, находящегося на стадии домашнего производства, и связанным с ним верованиям.

Вторая часть книги, посвященная гончарству, достигшему уже стадии ремесла, озаглавлена «Городское гончарное производство». Состоит она из четырех глав. В первой дается описание техники гончарства ряда среднеазиатских городов (Каратаг, Пянджикент, Самарканд, Шахрисабз, Ташкент, Гыждуван, Риштан). Эти материалы, приведенные раздельно для каждого города, характеризуют отдельные этапы в развитии керамического производства Средней Азии.

Во второй главе показаны формы ремесленных сосудов и устанавливается их хозяйственное назначение. Третья глава касается истории некоторых форм гончарных изделий. В этой главе Е. М. Пещерева особенно широко пользуется данными археологии. Ряд современных форм она прослеживает в древней согдийской керамике. Таковы, в частности, по ее мнению, кувшины для переноски и хранения воды, прототипы которых она усматривает среди самаркандских изделий первой половины I в. до н. э. и среди материалов долины р. Чу, относящихся к XI—XII вв. н. э. Таковы же и сосуды в виде птиц, аналогию которым имеются в согдийских материалах VI—XII вв. Эти сосуды Е. М. Пещерева по ряду признаков относит к происходящим от металлических, а именно — от бронзовых водолеев, широко применявшихся на среднеазиатской территории в VI—XII вв.

По мнению Е. М. Пещеревой, сосуды с плоским боком — фляги, ныне уже не изготавливаемые, в свое время начали вырабатывать под влиянием кочевников, которые и были их основными потребителями. Однако это утверждение автора не находит себе подтверждения в археологии. Наиболее ранние сосуды этого вида, найденные на Кой-Крылган-кале и относящиеся к IV в. до н. э., имеют явно ритуальное значение и бесспорно использовались оседлыми обитателями крепости. Правда, фляги археологи находят и на памятниках, оставленных кочевниками, но там они более поздние по времени и несколько иных форм. О том, что такими сосудами пользовалось и оседлое население, свидетельствует большое количество фляг, найденных в развалинах караван-сараяв, которыми в эпоху средневековья были оборудованы торговые пути, и на караванных тропах. Такие сосуды везли с собой обычно купцы, передвигавшиеся по этим тропам со своими торговыми караванами, а купцы, конечно, не были кочевниками. Приводимые в книге сведения о находках сосудов вида фляг следовало бы дополнить указанием на флягу конца XIV — начала XV в., богато орнаментированную рельефным узором с изображением плавающих рыбок, которая была найдена при раскопках караван-сарая Талайхан-ата на Узбое¹.

¹ См. О. А. Вишнева. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ата, Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 457, рис. 12.

Говоря о сосудах для вина, Е. М. Пещерева касается и вопроса о времени распространения чая в Средней Азии. Отправляясь от этнографических данных, она считает, что началом более или менее массового его употребления следует считать середину XIX в. Однако приводимые самой же Е. М. Пещеревой сообщения Мейендорфа, Бериса и др. говорят о широком распространении чая в Средней Азии уже в начале XIX в. Они же позволяют допустить, что чай там употребляли в не меньшем количестве и в XVIII в., а вероятно и раньше. Что же касается свидетельства Дженкинсона, на которое ссылается автор, говоря о том, что в XVI в. чай не употребляли, то ведь Дженкинсон был в Бухаре тогда, когда ее торговые связи с Китаем были нарушены, и, следовательно, в поступлении туда чая был какой-то перерыв.

В противоположность исследователям, считающим круглодонность сосудов признаком их кочевнического происхождения, Е. М. Пещерева доказывает — и, видимо, она в этом права, — что сосуды с округлым дном стали производить, когда от открытого костра перешли к особым очажным сооружениям. В подтверждение этого ее мнения можно указать, что у ранних кочевников Средней Азии сосуды, как правило, плоскодонные. С другой стороны, в средневековье, когда в ходу были ульевидные очаги с открытым верхом, котлы ремесленного происхождения имели округлое дно, как об этом свидетельствуют находки на оседлых поселениях.

Однако едва ли можно согласиться с мнением автора, что деревянные блюда появляются в Средней Азии раньше, чем там был изобретен гончарный станок. Пытаясь доказать это, Е. М. Пещерева ссылается на деревянную чашу из Кенкольского могильника, который А. Н. Бернштамом датирован I веком до н. э. — II веком н. э. Но, как известно, гончарный круг в Средней Азии появился много раньше этого времени. В Хорезме, например, станковая посуда встречается уже в довольно большом количестве в середине I тысячелетия до н. э.

В четвертой главе второй части своей работы автор вскрывает характерные черты организации гончаров-ремесленников.

Книга завершается обширным заключением, содержащим общетеоретические выводы и обобщения. Особо следует отметить высказывания автора по поводу происхождения среднеазиатских цеховых организаций. Исходя из того, что городское ремесленное гончарное производство в Средней Азии выросло и развилось из домашнего гончарства, Е. М. Пещерева приходит к заключению, что и цеховые организации среднеазиатских гончаров-ремесленников уходят своими корнями в те женские организации, которые существовали в то время, когда гончарство находилось на стадии домашнего производства.

Труд Е. М. Пещеревой заслуживает высокой оценки. Содержащиеся в нем сведения по гончарству Средней Азии важны не только для этнографов, но в равной степени и для археологов и историков. Выход в свет этой книги несомненно принесет большую пользу исторической науке в целом.

Н. Вактурская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Fél Edit. Hofer Tamás, Csilléry Klára. *Hungarian peasant art*. Corvina, Budapest, 1958, 82 стр. + 241 илл.

Большая работа венгерских этнографов Н. Э. Фел, Т. Хофер и К. Чиллери знаменит широкий круг зарубежных читателей (книга вышла на английском, немецком и французском языках) с венгерским народным искусством. Работа состоит из двух частей: вводного текста, характеризующего отдельные отрасли венгерского народного искусства, историю их развития, области распространения, и иллюстративного материала, занимающего большую часть книги. Исследование основано на использовании работ старых авторов и новейших публикаций венгерских этнографов и относится главным образом к XIX — началу XX в.

Рецензируемая работа носит прежде всего этнографический, а не искусствоведческий характер, что несомненно увеличивает ее ценность для этнографов, занимающихся сходным кругом вопросов. Многие стили и формы народного искусства уже давно вышли из употребления и могут изучаться только на музейных материалах или исторических источниках. Большая часть европейской литературы поэтому исследует народное творчество главным образом с точки зрения эстетики, истории искусства. Венгерские этнографы имели все возможности не только изучать народное искусство в музеях, но проследить бытование лучших художественных предметов среди сельского населения. Они стремятся познакомить читателя не с отдельными уникальными художественными вещами, а с типичными для венгерского народа предметами домашней

утвари, инструментария, одежды и пр. Для крестьянина, как отмечают авторы, нет разницы между предметами «художественными» и «нехудожественными»; даже самая обычная утварь имеет не только практическое значение, но и может удовлетворять стремление к красоте; строгие формы и простой орнамент этой повседневной утвари нередко делают ее образцом художественного творчества (стр. 9).

Первая глава книги — «Народное искусство в жизни крестьян» рассказывает читателям о роли многих предметов народного искусства в жизни сельских жителей. В ней говорится о народной одежде венгров, ее областных различиях и некоторых изменениях в ней в связи с возрастом, социальным положением и пр. Платье пожилых людей, например, более простое по покрою и темнее по цвету; малейшие изменения в жизни женщины находят свое отражение в одежде и особенно в украшениях. В этой же главе авторы пишут о том, как меняется внешний вид дома и его интерьер в соответствии с изменениями в жизни населяющих его людей. Авторы показывают, когда и кем употребляются более простые и более нарядные предметы утвари и оружия труда. Так, специально для девушек изготавливают резные грабли, прятки и пр. Такую прятку обычно дарит девушке ее возлюбленный; иногда эти предметы так богато декорированы, что ими нельзя пользоваться для практических целей. Особый раздел авторы отводят описанию характерной одежды венгерских пастухов и их обильно покрытых резьбой орудий труда, из которых особенно типичен пастушеский посох.

Очень сходна по своему содержанию с предыдущей и вторая глава — «Праздничная роль декорированных предметов», в которой речь идет о предметах народного искусства, играющих активную роль в некоторых сельских обрядах: «обручальный платок», специальные сундуки для приданого, посуда, в которой приносят пищу родившей женщине, и т. д. Венгерские этнографы приводят также данные о том, сколько в каждой семье, в зависимости от ее социального положения и традиций, бытующих в селениях, имеется различной праздничной домашней утвари, тканых изделий. Некоторые ценные художественно выполненные вещи бывают в употреблении очень редко: так, рождественская скатерть — один раз в год, свадебная рубашка жениха только в день свадьбы; в нее же обряжают человека после смерти.

Одна из наиболее интересных и удачных в книге, с нашей точки зрения, глава третья — «Мастера и стили народного искусства». В ней содержатся сведения о развитии некоторых ремесел и их организации, приводятся данные о том, как доходили товары ремесленников до крестьян (через ярмарки, личные заказы и т. д.). Авторы сообщают также о некоторых народных мастерах, искусство которых было широко известно местному населению. Но даже и тогда, когда имя мастера оставалось неизвестным, любую художественную вещь, несмотря на сходные с другими формы, орнамент, отмечают ярко выраженные индивидуальные черты ее создателя. В г. Мезекёвешде, например, по словам авторов, женщина, взглянув на вышивку, сделанную там, может назвать имя вышивальщицы и даже время изготовления вещи. Подробно прослеживаются в этой главе пути развития новых мотивов орнамента и технических приемов изготовления некоторых предметов, их дальнейшее распространение среди венгерского народа, формирование новых стилей в народном прикладном искусстве Венгрии, выделяются основные центры разных отраслей народного искусства. Жаль только, что ничего не сказано о технике изготовления различных предметов, о применяемых ремесленниками орудиях труда, ознакомление с которыми было бы очень интересно для этнографа.

В следующей главе — «Исторический очерк развития венгерского народного искусства», помимо его истории, показано его взаимодействие с искусством других европейских народов. По нашему мнению, именно с этой главы следовало авторам начинать свою работу, тогда она имела бы большую композиционную стройность, можно было бы избежать повторения одних и тех же исторических сведений, встречающихся в некоторых главах. Ведь и сами авторы, начиная эту главу, совершенно справедливо замечают: «Для того чтобы иметь возможность понимать настоящее, мы должны хорошо познаться с прошлым» (стр. 38). Глава начинается с краткой характеристики народного искусства древних мадьяр, известного по археологическим раскопкам и оставившего свои следы в орнаменте и формах посуды, орудий, домашней утвари более позднего времени. В следующих разделах говорится о развитии народного искусства в средние века и в новое время. Нам кажется, что, рисуя развитие венгерского народного искусства, авторы несколько увлекаются влиянием западноевропейской культуры, особенно различных стилей (ренессанс, готика, барокко и т. д.), и отводят незаслуженно мало места развитию народного искусства в период формирования венгерского народа, складывания его специфической культуры. Ведь в этногенезе венгров приняло участие много различных племен и этнических групп, и это не могло не отразиться на развитии народного искусства. Мало сказано авторами и о связях народного искусства венгров и соседних с Венгрией народов.

Исторический очерк доведен до XIX в. Обилием различных культурных влияний, особенно западных, объясняют авторы большое разнообразие стилей в прикладном искусстве венгров в XIX в. По их мнению, «... чем старше какие-либо мотивы в венгерском народном искусстве, тем шире их географическое распространение» (стр. 46).

Наконец, в последующих трех главах описываются разные виды народного искусства по трем основным районам страны: «Народное искусство Великой равнины»,

«Народное искусство горной части Венгрии», «Народное искусство Задунайской области». В первой из этих глав дается представление о народном искусстве одной из наиболее типичных венгерских областей, где сосредоточено большинство сельского населения. Авторы рассказывают об архитектуре сельских жилищ, наиболее интересных интерьерах домов, об особенно развитом здесь изготовлении кожаных изделий: виды и формы этих изделий, их ornamentация и сам метод обработки кожи очень древние и, по-видимому, были восприняты от мадьяр во многих западных странах. Дальше даются сведения о развитии гончарства; подробно описываются народные костюмы местных жителей. По такому же плану дано описание народного искусства и по двум другим районам Венгрии.

Остальную часть книги занимают прекрасно выполненные фотографии (32 цветных и 109 черно-белых), воспроизводящие наиболее ценные образцы народного искусства венгров. Изображенные на них предметы взяты преимущественно из музейных фондов (Будапештского и Дебреценского этнографических музеев, Будапештского исторического музея, Музея прикладного искусства в Будапеште) и некоторых частных коллекций. Следует упомянуть и о хорошо, четко составленных пояснительных текстах к каждому фотоснимку, кратко знакомящих читателя с внешним видом и ornamentом данного предмета, местом его изготовления и бытования, а также с тем, как и для какой цели он употребляется.

Книга написана живо и увлекательно, дает представление не только о народном искусстве, но и о некоторых сторонах жизни венгерского народа в прошлом; она является ценным пособием для специалистов, ее с удовольствием прочитают и все интересующиеся жизнью и творчеством венгерского народа.

И. Н. Гроздова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Народы Америки, II. Под редакцией А. В. Ефимова и С. А. Токарева. М., 1959, 670 стр. (Серия «Народы мира», под общей редакцией С. П. Толстова).

С каждым годом в нашей стране растет интерес к Латинской Америке, ее истории, современному положению и культуре. Поэтому каждая новая книга по латиноамериканской тематике привлекает самое пристальное внимание советских читателей. Это в полной мере относится и к опубликованному в прошлом году, вслед за первым, второму полутому капитального труда «Народы Америки», посвященному народам Латинской Америки. Эта книга, подготовленная сектором Америки Института этнографии Академии наук СССР, представляет собою фундаментальный труд, в котором на основе огромного фактического материала показано развитие коренного индейского населения Латинской Америки до ее открытия и завоевания европейцами, освещены особенности испанской и португальской колонизации, прослежен процесс формирования латиноамериканских наций, дана характеристика этнического состава, быта и культуры современного населения стран Латинской Америки. Наряду с чисто этнографическим материалом в книге содержатся также разнообразные сведения по истории, экономике, политическому положению этих стран.

Авторами использованы все доступные источники и обширная литература, а также некоторые неопубликованные рукописи. Можно указать лишь на незначительные пробелы в приводимом ими библиографическом списке, где отсутствуют, в частности, работы Г. Д. Диссельхофа, В. Крикеберга, Ф. Каца, М. Коваррубаса, Ч. Уэгли и М. Гарриса, И. Ганзелки и М. Зикмунда¹.

Следует отметить, что рецензируемый труд является, по существу, первой попыткой систематического изложения и обобщения с марксистских позиций вопросов, по которым имеется достаточно большая буржуазная литература, но до сего времени отсутствовали какие-либо обобщающие исследования марксистского характера².

Квалифицированный авторский коллектив под руководством А. В. Ефимова и С. А. Токарева в целом хорошо справился со стоявшей перед ним трудной задачей.

¹ H. D. Disselhoff, *Ceschichte der altamerikanischen Kulturen*, München, 1953; W. Krickeberg, *Altmexikanische Kulturen*, Berlin, 1956; F. Katz, *Die sozialökonomischen Verhältnisse bei den Azteken in 15. und 16. Jahrhundert*, Berlin, 1956; M. Covarrubias, *Indian art of Mexico and Central America*, New York, 1957; C. Wagley and M. Harris, *Minorities in the New World*, New York, 1958; J. Hanzeika, *M. Zikmund, Tam za řekou je Argentina*, Praha, 1956; и х же, *Za lovcí lebek*, Praha, 1958.

² Опубликованный в 1955 г. Институту этнографии АН СССР этнографический сборник «Индейцы Америки» содержал лишь краткие сведения о коренном населении некоторых латиноамериканских стран.

разработки сложного комплекса проблем, связанных с развитием и современным положением народов 20 латиноамериканских государств и колоний США, Англии, Франции, Голландии в Латинской Америке. Советская научная литература пополнилась написанным на высоком научно-теоретическом уровне ценным трудом, который является значительным вкладом в наше молодое американоведение и полезным пособием для широкого круга читателей, интересующихся проблемами Латинской Америки. Хочется поздравить авторов и редакторов с успешным завершением этой большой работы, в которую вложено много знаний, труда и сил. Следует отметить, что Институт этнографии является пока единственным в нашей стране научно-исследовательским учреждением, где изучаются история и современное положение американских индейцев. Советские этнографы опередили своих коллег — историков и экономистов также и в том смысле, что первыми подготовили обобщающую работу о народах Америки. Приветствуя успех их полезного начинания, нельзя не пожелать, чтобы оно послужило стимулом к активизации исследований в области американистики и в других отраслях науки.

Рецензируемая книга делится на три части: 1) «Колонизация стран Латинской Америки», 2) «Народы Мексики и Центральной Америки», 3) «Народы Южной Америки». Каждая из двух последних частей состоит, в свою очередь, из двух разделов: «Коренное население» (где описывается развитие древних индейских культур до европейского завоевания) и «Новые этнические образования». Такая структура создает для читателя некоторые неудобства, так как, знакомясь с материалом о завоевании и колонизации Америки испанцами и португальцами, он встречает упоминания о древних индейских цивилизациях, относительно которых узнает лишь в последующих разделах.

В главе I освещены захват испанскими завоевателями стран американского континента и превращение их в колонии Испании, дана характеристика испанской колониальной системы, показаны основные особенности развития Испанской Америки в течение колониального периода, этнический состав и положение населения, борьба народов за независимость в первой четверти XIX в. Глава дает общее представление об испанской колонизации Америки и специфике развития американских колоний Испании на протяжении трех столетий. Отмечая различия в темпах и результатах этой колонизации и европейской колонизации американского континента к северу от Мексики³, автор объясняет их различия в уровне развития коренного населения и в социально-экономических отношениях, установившихся колонизаторами. К этому следовало бы добавить, что различным был и общественный строй метрополий (Испания и Англия), а также самый характер осуществлявшейся ими колонизации. Значительный интерес представляет вопрос о численности индейского населения Америки до и после испанского завоевания. Автор приводит в этой связи некоторые данные Лас Касаса и Гумбольдта, однако, по существу, так и не дает определенного ответа на поставленный им вопрос. Численность различных расовых и этнических групп населения в начале XIX в. дается на основании сведений Гумбольдта, подтверждаемых расчетами современного американского историка Риппи, сделанными им в работе «Историческое развитие Испанской Америки» (1932). Жаль, что автор не использовал при освещении этого вопроса специальные исследования, в которых анализируются данные различных источников о численности населения всей Латинской Америки или отдельных ее стран⁴.

В конце главы дан краткий обзор основных событий войны за независимость испанских колоний, датируемой 1810—1824 гг., хотя сам же автор указывает, что гарнизон Кальё — последнего оплота испанского владычества на американском континенте — капитулировал лишь в 1826 г. Вызывает возражения характеристика освободительного движения в Южной Америке как исключительного креольского. Не следует забывать, что народные массы участвовали в борьбе за независимость (конечно, в разной степени) не только в Мексике, но и в других испанских колониях.

Очень хорошее впечатление производит глава II, в которой освещен процесс португальской колонизации. Авторы, умело используя конкретный материал, смогли показать специфические особенности колонизации Бразилии, судьбы ее коренного населения, обрисовали развитие бразильской экономики, занятия и быт населения (в частности, очень яркими штрихами характеризуются бразильские скотоводы — вакейро) в колониальный период. Но следует дополнить оценку освободительного движения XVIII в. в Бразилии как «сепаратистского». Ведь участники этого движения боролись не только за отделение от Португалии. Большинство из них стремилось к осуществлению ряда прогрессивных преобразований в политической, экономической и социальной области. Сами авторы, характеризуя инконфидентов как «патриотов-сепаратистов» (стр. 50), на следующей же странице отмечают, что основными пунктами их программы были провозглашение республики и отмена рабства (стр. 51).

³ Автор допускает здесь неточность, употребляя термин «Северная Америка», хотя последняя, как известно, включала и Мексику, входившую в сферу испанской колонизации.

⁴ См., например: A. Rosenblat, *La población indígena y el mestizaje en América*, Buenos Aires, 1954; S. Cook and L. B. Simpson, *The population of Central Mexico in the sixteenth century*, Berkeley and Los Angeles, 1948.

Интересно написана глава III, в которой рассказывается о населении Мексики и Центральной Америки до испанского завоевания. Особое внимание авторы уделяют характеристике древней цивилизации майя. В этом разделе, написанном на высоком научном уровне, читатель найдет богатый материал о хозяйстве и материальной культуре, общественном строе майя, а также ряд других сведений. Приведя краткие данные об ольмекской, сапотекской и тольтекской культурах, авторы переходят к довольно подробному освещению ацтекского общества. Они характеризуют хозяйство, ремесло, поселения, одежду, социальный строй ацтеков. Р. В. Кинжалов, Ю. В. Кнорозов, И. Ф. Хорошаева решительно выступают против попыток модернизации общественного строя ацтеков, в котором испанские историки XVI—XVIII вв. (а вслед за ними и ряд буржуазных авторов) склонны были видеть привычные им атрибуты европейского феодального общества. Вместе с тем они отвергают точку зрения Моргана и Банделье о наличии родового строя у ацтеков. Опираясь на научный анализ всех данных, имеющихся в распоряжении исследователя, авторы правильно указывают на сочетание ацтекских родовых институтов с элементами классового общества, отмечают наличие у ацтеков как общинной, так и частной собственности, подчеркивают усиление в ацтекском обществе социальной дифференциации, разложение родового строя и складывание государства. Однако они не упоминают об интересном исследовании социально-экономических отношений у ацтеков Ф. Каца, который вносит много нового в изучение этого вопроса⁵.

Глава заканчивается краткой характеристикой подвластных ацтекам хуастеков, тотонаков, миштеков, сапотек, а также независимых племен Мексики.

Глава IV дает весьма полное представление об условиях и особенностях формирования этнического состава Мексики, содержит развернутую характеристику современного населения этой страны. Авторы увязывают процесс формирования этнического состава и мексиканской нации со всем ходом исторического развития страны, рассматривают его на фоне социально-экономических и политических изменений в колониальный период, в XIX и первой половине XX в. Говоря о жестокой эксплуатации и массовом истреблении коренного населения Мексики колонизаторами, они указывают, что его численность, составлявшая в 1570 г. 3,3 млн. чел., сократилась к середине XVII в. до 1,3 млн. Последняя цифра была бы еще нагляднее, если учесть, что, согласно подсчетам американских ученых Ш. Кука и Л. Б. Симпсона, численность населения Центральной Мексики к началу испанского завоевания (1519 г.) составляла около 11 млн. человек, к середине 60-х годов XVI в. уменьшилась до 4,4 млн., а к концу XVI в. — до 2,5 млн.⁶ Начавшийся со второй половины XVII в. постепенный прирост индейского населения авторы правильно связывают с некоторыми изменениями условий его существования и форм эксплуатации. Однако приводимая ими цифра численности мексиканских индейцев в 1810 г. (3,7 млн.), на наш взгляд, преувеличена. Она основана на оценке Ф. Наварро-и-Норьега. Между тем большинство современных мексиканских историков считает наиболее достоверными данные, приводимые А. Гумбольдтом и Л. Аламаном, согласно которым число индейцев в Мексике не превышало в то время 2,5 млн. чел.⁷ Но при отсутствии демографической статистики данные о численности населения остаются приблизительно.

Важнейшим этапом истории Мексики была борьба за национальную независимость (1810—1821 гг.), которая в этой стране носила более революционный характер, чем в других испанских колониях. Однако ликвидация колониального гнета не сопровождалась коренным изменением положения трудящихся масс и прежде всего индейского крестьянства. На протяжении всего XIX века продолжался начавшийся еще в колониальный период процесс экспроприации крестьянских земель. Этому во многом способствовали изданные во второй половине 1850-х годов законы, направленные против церковного землевладения, и в первую очередь так называемый закон Лердо (1856 г.), запрещавший владение землей всем «корпорациям». Поскольку в число последних включались и крестьянские общины, то одним из результатов «закона Лердо», подтвержденного соответствующей статьей конституции 1857 г., явилось усиление массовой экспроприации общинных земель. Утверждение авторов о том, что согласно «закону Лердо» запрещение корпорациям владеть землей якобы не распространялось на крестьянские общины (стр. 113), не соответствует действительности.

Хорошо показан сложный процесс формирования мексиканской нации и его специфические особенности в Южной, Центральной и Северной Мексике. «XIX век был решающим в формировании мексиканской нации. Развитие капитализма в стране, национально-освободительное движение против колониального гнета Испании, создание независимого национального государства, борьба против агрессивных происков США и других империалистических государств — вот основные факторы, резко ускорившие процесс формирования мексиканской нации», — пишут авторы (стр. 115). Однако не совсем удачной представляется формулировка о том, что период от провозглашения не-

⁵ F. Katz, Указ. раб. Рецензию Р. Кинжалова на эту работу см. «Сов. этнография», 1958, № 2.

⁶ S. Cook and L. B. Simpson, Указ. раб., стр. 38, 43, 46. Данные этих исследователей, по мнению ряда специалистов, являются наиболее достоверными. См., например, F. Katz, Указ. раб., стр. 32.

⁷ См., например, L. Chavez Orozco, Historia de Mexico (época colonial), т. II, Mexico, 1953, стр. 240.

зависимости до революции 1910—1917 гг. «можно считать временем окончательного оформления мексиканской нации» (стр. 116). На наш взгляд, точнее было бы сказать, что к концу этого периода мексиканская нация в основном сложилась, но процесс ее дальнейшего развития продолжался. В главе приводятся многочисленные данные о наличии в современной Мексике ряда индейских народов, составляющих значительную часть населения. Эти национальные меньшинства нельзя рассматривать как противостоящие уже окончательно сформировавшейся мексиканской нации и изолированные от нее. Ведь сложный процесс ассимиляции, в ходе которого формировалась мексиканская нация, еще не совсем закончен, и, несмотря на все попытки правящих кругов Мексики добиться полного поглощения индейских народов, последние, как правильно отмечают авторы, оказывают значительное влияние на культуру, быт и другие стороны мексиканской жизни. Кстати, в других главах, где речь идет о странах с гораздо меньшим, чем в Мексике, удельным весом индейского элемента, не содержится столь категорических утверждений о полной завершенности процесса формирования нации, а в отношении Венесуэлы даже сказано, что он еще не завершен и в настоящее время (хотя там единственной этнической группой, не втянутой пока в этот процесс и изолированной от остального населения, являются индейцы, составляющие всего 3% населения).

С большим интересом читается раздел «Национальные меньшинства Мексики», содержащий характеристику современного положения ацтеков, майя, отоми, сапотеков, миштеков, тарахумара, яки, тарасков и других индейских племен. Авторы приводят ценный материал о сельском хозяйстве, кустарно-ремесленных производствах, поселениях и постройках, одежде, фольклоре Мексики. Однако, описывая культуру и быт мексиканцев, они сосредоточивают свое внимание преимущественно на индейцах и крестьянстве в целом. Культура же и быт городского населения получили более слабое отражение. Слишком сжато, к сожалению, освещены мексиканская литература и особенно — изобразительное искусство. Данная в главе характеристика промышленности Мексики не соответствует ее современному состоянию. Во время второй мировой войны и после нее в промышленном развитии страны произошли значительные сдвиги, не нашедшие фактически отражения в рассматриваемой главе.

Глава V содержит характеристику населения шести небольших стран Центральной Америки. Наиболее удачен здесь раздел «Гватемала». Дав краткий географический и исторический очерк, И. Ф. Хорошаева переходит к анализу состава населения, значительную часть которого, наряду с индейцами, составляют так называемые ладино. Если первоначально этим термином обозначались лица смешанного испано-индейского происхождения, то теперь в него вкладывается скорее определенный социальный и бытовой смысл. «Ладино — человек, который живет главным образом в городе, говорит по-испански, одевается по-европейски и свысока смотрит на индейцев, говорящих на своих наречиях. Конечно, и среди ладино есть люди зажиточные и есть беднота, работающая батраками у первых. Среди индейцев тоже есть более зажиточные. Если такой зажиточный индеец переселяется в город, начинает одеваться по-европейски, переходит на испанский язык, то его постепенно начинают рассматривать как ладино» (стр. 150). Автор дает наглядную характеристику основных занятий, быта и культуры населения Гватемалы.

Из раздела «Панама» читатель получит отчетливое представление о сложном этническом составе немногочисленного (около 1 млн. чел.) населения этой республики, где, наряду с индейцами, неграми и белыми, имеется много метисов и мулатов, составляющих до двух третей населения.

Особое место среди стран Центральной Америки занимает Коста-Рика, где преобладает население европейского происхождения. Этот факт следовало бы, однако, не только отметить, но и объяснить, что, к сожалению, не сделано автором.

В главе VI наибольшее внимание уделено Кубе. Анализируя состав ее населения, автор четко охарактеризовал различные этнические группы и их связь с социальной структурой. Ярко описаны быт и развлечения кубинцев, особенно — традиционные кубинские карнавалы (лас компарсас). В кратком историческом очерке недостаточно сказано о национально-освободительном движении 1895—1898 гг. и провозглашении независимости Кубы (хотя в списке литературы фигурирует статья А. Зориной, специально посвященная этому вопросу).

Вслед за разделами «Гаити» и «Доминиканская республика» очень кратко изложены основные сведения о колониальных владениях США, Англии (сравнительно подробно освещена Ямайка), Франции и Голландии в Вест-Индии.

Наиболее значительная по объему часть работы посвящена народам Южной Америки. Она открывается большой и весьма содержательной главой о древних народах области Анд. В главе приведен разнообразный и обильный фактический материал о народах средней части области Анд доинкского периода, об образовании государства инков, их материальной культуре, искусстве, религии и т. д. Анализируя общественный строй инков, автор использует не только обширную зарубежную литературу, но и неопубликованные рукописи известных советских исследователей В. К. Никольского и А. М. Золотарева. Убедительно опровергая данную французским ученым Бодэном и его последователями оценку инкского общества как «социалистического», Б. И. Шаревская присоединяется к мнению В. К. Никольского и А. М. Золотарева и характеризует это общество как «раннерабовладельческое, с сохранением значительных пережитков родоплеменного строя, но оформившееся в деспотическое государство» (стр. 289). Осве-

щая проблему инкской письменности, автор опирается в основном на интересные исследования боливийского ученого Д. Э. Ибарра Грассо и некоторых других зарубежных авторов, доказывающих существование письменности у инков.

Гораздо более краткое и белое освещение получила цивилизация древних чибча-мунска (глава VIII). Наиболее полное стражение здесь нашли материальная культура, общественный строй и религия.

В последующих главах дана характеристика положения коренного населения других областей Южной Америки до европейского завоевания. Из племен южноамериканских тропических лесов и саванн (глава IX) наиболее полное представление создается об индейцах бассейна Амазонки и Ориноко: их хозяйство, поселения и жилища, общественном строе. Глава X посвящена индейцам области Чако, а глава XI — индейцам районов пампы и Патагонии (Южная Аргентина). В главе XII хорошо показаны социальная организация и религиозные представления арауканов. Характеризуя индейцев Огненной Земли (глава XII), автор уделяет главное внимание таким их занятиям, как охота и рыболовство.

В главах XIV—XXII рассматриваются новые этнические образования, сложившиеся в странах Южной Америки в результате длительного процесса смешения различных компонентов. Прежде всего выделяются страны с преобладающим среди населения индейским элементом. Это — страны Андского нагорья, о которых говорится в главе XV. Анализируя этнический состав населения Перу, автор приходит к выводу, что «кабсолютное большинство населения страны — индейцы и метисы» (стр. 413). Индейцы как в деревне, так и в городе жестоко эксплуатируются и фактически подвергаются дискриминации. Характеризуя перуанцев европейского и смешанного происхождения, Ю. А. Зубрицкий описывает одежду, быт и другие стороны жизни сельского и городского населения. Специальный раздел посвящен лесным племенам Перу. При характеристике населения Эквадора приводятся интересные данные о происхождении особой этнической группы монтунво, предками которой были негры. К сожалению, автор лишь мимоходом упоминает об индейцах хиваро. А между тем на основании наблюдений известных чехословацких путешественников И. Ганзелки и М. Зикмунда, побывавших у хиваро, об этом племени можно было бы сказать гораздо больше.

Сообщая краткие сведения об истории Боливии, автор, между прочим, заявляет, что в Перу, Эквадоре и Верхнем Перу (как называлась в колониальный период Боливия) «движение за независимость в подавляющей части было чисто креольским... Основная масса населения — индейцы, как правило, оставалась в стороне от движения» (стр. 425). Это утверждение противоречит фактам. В годы войны за независимость в Перу развернулось массовое индейское движение. В 1814—1815 гг. здесь происходило мощное восстание во главе с Пумакагуа, начавшееся в Куско и распространившееся на обширную территорию. В Верхнем Перу на протяжении ряда лет действовали многочисленные партизанские отряды, состоявшие преимущественно из индейцев, которые непрерывно нападали на испанские гарнизоны. В зоне действия одного из таких отрядов, руководимого Камарго, в 1815—1816 гг. существовала так называемая Республика Синти. В горных районах Ла-Паса, Кочабамбы и Оруро в течение целого десятилетия (1812—1821 гг.) действовал другой отряд, который в 1817 г. насчитывал более тысячи человек, в том числе свыше 800 индейцев. Не соответствует действительности и утверждение о том, что после провозглашения независимости индейцы Андских стран «продолжали платить особую подать, как и в колониальный период» (стр. 453). Ведь ликвидация испанского господства сопровождалась и прекращением уплаты подушной подати (tributo), взимавшейся при колониальном режиме королевскими властями.

Особое внимание уделено в главе индейцам кечуа и аймара, которые живут в ряде южноамериканских стран. Так, кечуа расселены на территории пяти государств: Перу, Боливии, Эквадора, Аргентины и Чили. Автор подробно описывает их сельское хозяйство, ремесла, одежду и украшения, духовную культуру, общественный строй. Большой интерес представляет характеристика кечуанской сельской общины. Б.И. Шаревская рассматривает ее структуру, организацию управления, формы общинного землепользования, показывает процесс расслоения общины, методы эксплуатации общинников, различные виды кабальной аренды и т. д. «Община кечуа — архаический пережиток, форма патриархального уклада, сохранившаяся в Андских странах до настоящего времени вследствие отсталости экономики и общественного строя этих стран», указывает автор (стр. 440).

Живо и интересно описаны празднества аймара, чему способствует использование для этого раздела материалов рукописи боливийского исследователя Г. Вискаarra Фабре «Заметки о песнях и танцах аймара».

Анализируя процесс слияния отдельных индейских племен области Анд, указывая на отмирание ряда местных языков и диалектов и все более широкое распространение языка и культуры кечуа и аймара, автор приходит к выводу, что «уже в начале XX в. кечуа представляли собой преобладающую индейскую народность области Анд» (стр. 429). К этому же времени «сложился единый народ аймара» (стр. 446).

В разделе «Национально-революционные движения» рассказано о ряде восстаний и других революционных выступлений индейцев кечуа и аймара, в частности, приведен интересный материал о мало освещенном в литературе восстании под руководством Атуспарии в Перу (1885 г.).

Большую часть населения современного Парагвая (глава XX) составляют потомки индейцев гуарани, язык и культура которых наложили неизгладимый отпечаток на развитие парагвайской нации.

В колонизации Парагвая и порабощении его коренного населения особую роль сыграла католическая церковь. Еще в конце XVI в. здесь возникли иезуитские редукции, в которых индейцы подвергались самой жестокой эксплуатации. Созданная иезуитами колония, часто именуемая буржуазными историками «христианской республикой», фактически представляла собою, по мнению авторов, «теократическое рабовладельческое государство» (стр. 574). Однако приводимые ими конкретные данные не подтверждают вывод о рабовладельческом характере иезуитских редукций. Они свидетельствуют скорее о феодально-крепостническом строе иезуитского государства в Парагвае. За полтора столетия с лишним лет существования этого государства «иезуиты разрушили самобытную культуру индейцев и привели племена гуарани на край гибели. Тяжелый труд, строгий регламент всей жизни, казарменный режим, жестокие наказания за его нарушения, искоренение старых обычаев и традиционных обрядов, обязательство посещать церковь и выполнять христианские обряды, наконец, постоянное недоедание — все это действовало угнетающе на физическое и моральное состояние индейцев и привело к их вымиранию» (стр. 575).

Характеризуя диктатуру Франсии⁸ (1814—1840), авторы справедливо критикуют неправильную оценку его в некоторых исторических работах как вождя революционной демократии. Следовало бы, однако, больше подчеркнуть прогрессивность политики Франсии и указать, что она объективно способствовала развитию в стране капиталистических отношений. «К середине XIX в. Парагвай превратился в одно из наиболее экономически развитых государств Южной Америки» (стр. 577). Однако поражение в войне с Бразилией, Аргентиной и Уругваем (1864—1870 гг.) имело пагубные последствия для дальнейшего развития Парагвая. В результате войны, от голода и болезней погибло около 75% населения. Страна лишилась экономической самостоятельности, а также части территории. «Парагвай снова превратился в одну из самых отсталых стран Латинской Америки, каковой продолжает оставаться и поныне» (стр. 577).

Анализируя этнический состав населения Парагвая, авторы подчеркивают преобладание индейских элементов: «Современные парагвайцы — это в основном гуарани, среди которых растворились прежние завоеватели и их потомки» (стр. 581). Хотя официальный государственный язык — испанский, большинство населения говорит на языке гуарани, который является родным для 80% парагвайцев и даже введен как обязательный в начальных школах. Глава содержит интересные сведения об одежде, жилищах, ремеслах, украшениях, пище, религиозных верованиях и обрядах гуарани.

В ряде стран Южной Америки преобладает население, образовавшееся в результате смешения европейцев, индейцев и негров. В Колумбии (глава XIV) примерно две трети населения составляют испано-индейские метисы, мулаты и самбо. Наряду с ними имеется довольно значительная группа так называемых креолов (около 25%). Удельный вес негров и индейцев (главным образом племена чибча и карибов) сравнительно невелик.

Из тех же этнических групп состоит и население Венесуэлы (глава XVI), где несколько больше процент метисов и меньше — населения европейского и негритянского происхождения. Говоря об образовании венесуэльской нации, Э. В. Зиберт указывает, что «основное ядро венесуэльского народа сложилось уже в начале колониального периода, т. е. в XVI—XVII вв., но процесс этого формирования не закончился и в наши дни» (стр. 467). Это положение вызывает возражения и противоречит данным, приводимым самим автором. Ведь по его же словам, даже в середине XVII в. население Венесуэлы состояло на 75% из индейцев, а метисов, составляющих в настоящее время основную массу населения, было вместе с мулатами лишь 8,5%. Тем более нельзя говорить о складывании основного ядра современного населения Венесуэлы в XVI в. Что же касается утверждения о том, что этот процесс еще не совсем завершен, то само по себе оно, может быть, и не лишено оснований, но вряд ли соответствует постановке аналогичного вопроса в отношении Мексики (см. выше).

Хорошо написан раздел о земледелии и положении сельскохозяйственного населения Венесуэлы. К сожалению, в главе не показаны во всем их своеобразии венесуэльские льняно, сыгравшие большую роль в истории страны, особенно в период войны за независимость.

Анализируя процесс формирования современного населения Чили (глава XIX), автор прослеживает его особенности по отдельным районам страны: Центральному, Северному и Южному Чили. Говоря о сельском населении, Э. В. Зиберт уделяет особое внимание положению основной массы крестьян и мелких арендаторов — инкилино. Указывая, что юридически положение современных инкилино несколько отличается от положения пеонов других стран Латинской Америки, автор подчеркивает, что «фактически здесь налицо то же самое долговое рабство» (стр. 562). В главе дается описание одежды, жилищ, утвари, занятий чилийских индейцев, занимающих обособленное положение среди остального сельского населения. Наиболее многочисленную часть их составляют арауканы, основная масса которых живет в резервациях. Описывая быт крестьянства и горожан, автор отмечает резкие контрасты богатства и нищеты в столице — Сант-Яго и других городах Чили.

⁸ Его полное имя не Хосе Родригес Гаспар; а Хосе Гаспар Родригес де Франсиа.

Одной из лучших в книге является глава XVII — «Население Бразилии». Она написана очень живо, красочным, образным языком, насыщена богатым фактическим материалом. Весьма интересен большой раздел «Негры Бразилии», в котором рассказывается о появлении негров в стране, их борьбе за освобождение (в частности о негритянской Республике Палмарес), об их обрядах, обычаях, празднествах, верованиях, религиозном культе, языке и т. д. Все это дает возможность в полной мере оценить огромный вклад негров в бразильскую культуру и их роль в формировании бразильской нации. Читатель найдет в главе также характеристику кабокло, жагунсо и других групп метисного населения.

Подчеркивая историческое значение отмены рабства и установления республики для роста капиталистических отношений в Бразилии, авторы показывают влияние экономических факторов на консолидацию бразильской нации, формировавшейся из трех главных компонентов: португальцев, негров и индейцев. Указывая, что окончательно оформлению бразильской нации способствовало развитие капитализма в конце XIX в., они приходят к выводу о том, что «на бразильской земле сейчас существует вполне сложившаяся нация с общим языком, традиционной национальной культурой» (стр. 494).

С большим знанием дела даны экономико-географический обзор и характеристика занятий населения по пяти основным районам страны: Север, Северо-Восток, Юго-Восток, Юг, Запад. Перед читателем проходят колоритные фигуры сборщиков каучука — серингейро, скотоводов Северо-Востока — вакейро, рыбаков — жангадейро, пастухов Юга — гаушо и др.

С. Брандао и Э. С. Чернов уделяют также большое внимание показу условий жизни трудящихся. Они описывают не только красоты бразильской столицы, но и ее жалкие трущобы — фавелы. «Если средняя продолжительность жизни обитателей Рио-де-Жанейро не превышает 23 лет, то о средней продолжительности жизни обитателей фавел статистики бояться даже говорить», отмечают авторы (стр. 517). Они характеризуют санитарно-гигиенические условия жизни населения, состояние медицинской помощи, организации здравоохранения и т. д. Значительная часть главы посвящена бразильской культуре. Здесь читатель найдет интересные данные об особенностях языка, бразилизмах, диалектологических областях страны, а также описание народной музыки, песен, танцев, карнавалов и других празднеств.

В главе XVIII дается характеристика народов второй по размерам территории и численности населения страны Южной Америки — Аргентины, являющейся одной из наиболее развитых в экономическом отношении латиноамериканских республик. Особое внимание автор уделяет роли иммиграции в формировании современного населения этой страны. Однако он отмечает, что представление об Аргентине как о наиболее «белой» стране Латинской Америки преувеличено. «Оно может быть отнесено лишь к той части страны, в которую за последние столетие шел поток иммигрантов из Европы, т. е. к району пампы, Патагонии и некоторым другим» (стр. 542). В районах же первоначальной колонизации до 50—75% составляет метисное население, этнически мало отличающееся от аналогичных групп населения соседних государств.

Характерной особенностью Аргентины является преобладание городского населения над сельским. 75% жителей живет в городах с населением более 10 тыс. чел. Автор описывает внешний вид городов и селений, различные типы жилищ, одежду, быт и культуру городского и сельского населения (в частности аргентинских гаучо).

Наряду с Аргентиной к числу южноамериканских стран с преобладанием населения европейского происхождения принадлежит и самая маленькая из них — Уругвай (глава XXI). Говоря о формировании современного населения Уругвая, автор рассказывает об истреблении его коренных жителей — индейцев чарруа, о судьбе уругвайских гаучо, о европейской иммиграции. В настоящее время индейское и метисное население этой страны не превышает 10%. Глава содержит краткие сведения о политическом строе, колонизации, городах и поселениях Уругвая. Однако в ней отсутствуют, к сожалению, какие-либо данные об одежде, жилищах, быте, занятиях, обычаях населения, об уругвайских танцах, песнях, музыке и других элементах материальной и духовной культуры. В этом отношении глава выглядит гораздо более слабой, чем остальные, и производит по сравнению с ними значительно менее выгодное впечатление.

В последней главе дается краткая характеристика процесса заселения, этнического состава, современного положения и политического строя владений европейских государств в Южной Америке (Британская, Голландская и Французская Гвиана, Фолклендские острова).

«Наиболее характерное явление для этнической истории стран Америки — это формирование новых наций смешанного расового и этнического происхождения, — указывается в заключении (стр. 612) ⁹. При этом С. А. Токарев справедливо отмечает, что

⁹ Симптоматичны в этом отношении высказываемые в Латинской Америке возражения против употребления данного термина. Так, издаваемый в Мехико журнал «America Indígena» отмечал недавно в редакционной статье, что «обозначение America Indioibérica более логично и точно, чем — Латинская Америка» (т. XIX, № 2, апрель 1959 г.).

в странах смешанного национального состава (особенно таких, как Мексика, Гватемала, Перу) этнические группы являются в известных случаях одновременно и классовыми. «В сущности,— пишет он,— названия отдельных прослоек населения Америки, особенно Латинской, вначале относившиеся к расовому или этническому происхождению, получили впоследствии по преимуществу классовый смысл» (стр. 613). Трудно, однако, согласиться с тем, что, еще начиная с колониальной эпохи, этнические категории — креолы, метисы, индейцы — «стали постепенно обозначениями трех основных социальных классов в колониях: землевладельцев и крупных торговцев, среднего слоя мелкой буржуазии, мелких земельных собственников и поработенной или закрепощенной крестьянской массы» (стр. 613).

На наш взгляд, дело обстоит несколько сложнее. Действительно, к концу колониального периода большинство помещиков, купцов, владельцев рудников и мануфактур в колониях составляли креолы. Однако довольно значительную часть крупных землевладельцев, горнопромышленников и купцов составляли уроженцы метрополии (в руках которых находилась, в частности, вся внешняя торговля). Вместе с тем, многие креолы занимали средние и низшие должности в административном аппарате, армии, церковной иерархии, среди них были мелкие землевладельцы и предприниматели, ремесленники, лица свободных профессий и т. д. В Мексике, например, в начале XIX в. лишь сравнительно небольшая часть более чем миллионного креольского населения принадлежала к помещичье-буржуазной верхушке. Что же касается метисов, то это были не только мелкие землевладельцы и городские мелкобуржуазные слои, но и управляющие поместьями, низшее духовенство, а также батраки-пеоны, рабочие рудников и мануфактур, городская беднота и др. После установления независимости и в ходе дальнейшего развития переплетение этнических и социальных факторов стало еще более сложным.

Ценными приложениями к работе являются обширная библиография, глоссарий с объяснением некоторых этнографических терминов и американизмов, а также тщательно составленный указатель. Книга снабжена картами и многочисленными иллюстрациями, которые очень оживляют текст. Ее прекрасному оформлению способствуют также со вкусом подобранные заставки и концовки к каждой главе.

Вызывает недоумение тот факт, что этот нужный труд издан явно недостаточным тиражом, который, конечно, не обеспечивает полного удовлетворения имеющегося спроса на эту книгу. Поэтому следовало бы в ближайшее время подумать о ее переиздании.

При подготовке второго издания авторы и редколлегия могли бы не только учесть критические замечания по существу, но и устранить отдельные фактические неточности и мелкие дефекты, встречающиеся в книге. Так, Бальбоа не мог выступить в поход через Панамериканский перешеек из Панамы (стр. 10), поскольку последняя расположена на побережье Тихого океана, которого Бальбоа достиг лишь в результате этого похода. Непосредственным преемником ацтекского правителя Монтесумы был не племянник последнего Куаутемок (стр. 12), а его брат Куитлауак. Трудовая повинность называлась в Мексике не матекиль (стр. 20), а куатекиль (cuatequil). Вице-королевство Новая Испания было образовано не в 1585 (стр. 21), а в 1535 г. Испанцев — уроженцев метрополии называли гачупинами (стр. 29) главным образом в Мексике и Центральной Америке, а в южной части континента были больше распространены прозвища чапетоны или гоцы. Народный фронт, инициатором которого явилась Коммунистическая партия (см. стр. 117), в Мексике фактически не был создан в том виде, как он мыслился. На стр. 127 почти рядом встречаются разные обозначения одной и той же сельскохозяйственной культуры: кукуруза и маис. Венесуэла называлась в колониальный период не генерал-губернаторством (стр. 465), а генерал-капитанством. Войну за независимость Венесуэлы никак нельзя датировать 1811—1824 гг. (стр. 466), ибо восстание против колониального гнета вспыхнуло здесь в 1810 г., а разгром испанских войск был завершен в 1821 г. Энкомьенда — это не земельный надел (стр. 539), а представлявшееся испанским колонистам право эксплуатации прикрепленных к ним индейцев (на стр. 17—19 вопрос об энкомьенде освещен подробно и правильно).

Некоторые названия фигурируют в списке литературы то в испанском или английском издании, то в русском переводе (например, труды Берналя Диаса, В. Прескотта).

Указанные мелкие недочеты, касающиеся, как правило, деталей — второстепенных с точки зрения основного содержания книги, отнюдь не меняют общей весьма положительной оценки изданного Институтом этнографии полезного труда о народах Латинской Америки, который встречен с большим интересом нашей научной общественностью и широким кругом читателей.

М. С. Альперович

СОДЕРЖАНИЕ

Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики	3
--	---

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Х. А. и А. Х. Моора (Таллин). К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики	21
А. К. Крастыня (Рига). О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР	52
Л. Ефремова (Рига). Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе	65

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Ю. В. Маретин (Ленинград). Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабун	75
--	----

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

Н. Н. Чебоксаров (Москва). О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики	94
М. Г. Левин (Москва), Д. А. Сергеев (Ленинград). К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (Первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры)	116

Народы мира

Информационные материалы

А. Б. Давидсон (Москва). Дискриминация африканцев в Южно-Африканском Союзе	123
--	-----

Сообщения

А. И. Вишняускайте (Вильнюс). Этнографические исследования в Литве в 1940—1960 годах	134
М. К. Степерманис (Рига). Развитие этнографической науки в Советской Латвии	139
А. О. Вийрес (Таллин). Эстонская советская этнография (1940—1960)	145
Э. Я. Кокаре (Рига). Развитие фольклористики в Советской Латвии	152
А. Лутс (Таллин). Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения	159
Р. Денисова (Москва). Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи	163
Н. Типайнис (Рига). Латвийский этнографический музей	170

Хроника

М. Морозова (Москва). О работе Латвийского отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1959 году	175
Л. Феоктистова (Кивисаар), Н. Шлыгина (Москва). Работа Эстонского отряда Прибалтийской экспедиции	178

Критика и библиография

Народы СССР

Н. Чебоксаров (Москва). Вопросы этнической истории эстонского народа	180
Н. Н. Гурина (Ленинград). Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги (Эстонская ССР)	182
Е. В. Рихтер, Э. Ю. Тыниссон (Таллин). Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии	185
Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина (Москва). «Etnograafia muuseumi aastaraamat» (Ежегодник Этнографического музея)	192
Н. Вактурская (Москва). Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии	195

Народы зарубежной Европы

И. Н. Гроздова (Москва). Fél Edit, Hofer Tamás, Csilléry Klára. Hungarian peasant art	197
---	-----

Народы Америки

М. С. Альперович (Москва). Народы Америки, II	199
---	-----

SOMMAIRE

Vingt ans des Républiques Socialistes Soviétiques Baltes	3
--	---

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie l'U.R.S.S.

H. A. et A. H. Moora (Tallin). Sur la question des régions historico-culturelles de la Baltique	21
A. K. Krastynia (Riga). De la construction des habitations des kolkhosiens en R. S. S. de Lettonie	52
L. Efrémova (Riga). Quelques résultats des études ethnographiques des kolkhosienspêcheurs de Vidzémé	65

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

Y. V. Marétine (Léningrad). Disparition des survivances et vestiges du matriarcat dans les relations conjugales chez les Minangkabaou	75
---	----

Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique

N. N. Tcheboksarov (Moscou). Des liens économiques et culturels des peuples Baltes	94
M. G. Lévine (Moscou), D. A. Serguéiev (Léningrad). Du temps de la pénétration du fer dans l'Arctique (La première trouvaille d'un instrument en fer dans un vestige de la culture arctique des bords de la Mer de Behring)	116

Peuples du Monde

Matériaux d'information

A. B. Davidson (Moscou). Discrimination des Africains à l'Union Sud-Africaine	123
---	-----

Informations

A. I. Vichniaouskaïte (Vilnius). Recherches ethnographiques en Lithuanie en 1940—1960	134
M. K. Stepermanis (Riga). Le développement de la science ethnographique en Lettonie Soviétique	139
A. O. Virés (Tallin). L'ethnographie en Estonie Soviétique (1940—1960)	145
E. J. Kokaré (Riga). Développement de la science folkloristique en Lettonie Soviétique	152
A. Louts (Tallin). Du nouveau dans le mode vie des pêcheurs esthoniens et les problèmes qu'il pose à l'étude	159
R. Dénissova (Moscou). Le matériel paléanthropologique dans le tombeau néolithique de Kreitchi	163
N. Tipainis (Riga). Le Musée ethnographique de Lettonie	170

Chronique

M. Morosova (Moscou). Du travail accompli en 1959 par le groupe letton de l'Expédition Balte complexe réunie	175
L. Féoktistova (Quivissaar), N. Chlyguina (Moscou). Du travail accompli par le groupe esthonien de l'Expédition Balte	178

Critique et Bibliographie

Peuples de l'U. R. S. S.

N. Tcheboksarov (Moscou). Voprosy etnitcheskoy istorii estonskogo naroda (Problèmes de l'histoire ethnique du peuple esthonien)	180
N. N. Gourina (Léningrad). L. Y. Yaanits. Possélénia epokhi néolita i rannego metalla v prioustié r. Emaïguy (Les habitations de l'époque du néolithé et du métal premier dans l'ambouchure de l'Emaïguy)	182
E. V. Richter, E. Y. Tynisson (Tallin). Voprosi etnitcheskoy istorii narodov Pribaltiki po dannym archeologuii, etnografii i antropologuii (Problèmes de l'histoire ethnique des peuples Baltes d'après les données archéologiques, ethnographiques et anthropologiques)	185
L. N. Terentieva, N. V. Chlyguina (Moscou). «Etnograafia muuseumi aastaraamat» (L'annuaire du Musée ethnographique)	192
N. Vaktourskaïa (Moscou). E. M. Pechtchéreva. Gontcharnoye proïzvodstvo Sredney Asii (La céramique en Asie Centrale)	195

Peuples de l'Europe étrangère

I. N. Grozdova (Moscou). Fél Edit, Hofer Tamás, Csilléry Klára. Hungarian peasant art	197
---	-----

Peuples de l'Amérique

M. S. Alyérovitch (Moscou). Narody Ameriki, II (Peuples de l'Amérique, II)	199
--	-----

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	23 сн.	неравество	неравенство
14	20 св.	б. Шяуляйской области	Шяуляйской области
130	10 сн.	²⁸ Генеральный президент	²⁹ Генеральный президент
»	4 сн.	противоречит	противоречат
136	24 сн.	раойна	района
152	13 св.	был созданы	был создан
166	8 сн.	Палеоанторопология	Палеоантропология
168	23 св.	монголоидными	монголоидными
177	4 сн.	Карсавском	Краславском
208	17 св.	l'Arctiques	l'Arctique
»	1 сн.	Alyérovitch	Alpérovitch